

АННАКИМОВА

РОМАН ЛУНИЕ

Я - лунный свет.
А ты - день.
И погибель.
Встретимся
всё же с тобой...

Анна Кимова

Романолуние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69506434

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман Чернышев – топ-менеджер в крупной нефтяной корпорации, недавно занял пост директора спецотдела по межстрановому взаимодействию. На носу подписание крупнейшего в его карьере контракта – сделки между Россией, Италией и Францией, и вот... его ассистентка со знанием итальянского и французского языков ломает руку. Декабрь, близится закрытие года, и директор спецотдела уже потерял надежду на то, что сможет найти сопоставимую замену, как вдруг на временной основе на эту должность соглашается выйти молодая девушка, оказавшаяся представительницей отнюдь не ассистентских кругов. Но только на месяц и только при одном условии... Дата написания: 16 февраля 2023г.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОМАНОЛУНИЕ	9
1.	10
2.	19
3.	34
4.	41
5.	49
6.	55
7.	59
8.	72
9.	91
10.	101
11.	109
12.	123
13. Даша	132
14.	142
15.	147
16.	155
17.	164
18.	172
19.	183
20.	195
21.	200
22.	209

23.	216
24.	224
25.	243
26. Даша	276
27.	322
28.	334
29.	342
30.	361
31.	367
32.	384
33.	393
34. Первый день без Даши	404
35. Вторые два дня без Даши	410
36. Третьи три дня без Даши	420
37. Четвертые четыре дня без Даши	437
38. Пяты пять дней без Даши	443
39. Даша	454
40. Столкновение с Дашей	492
41. Полнолуние Даши	501
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДАРЬЕСТОЯНИЕ	520
1. Первое «я» на суше Земли	521
2. Школа	529
3. Спортшкола	535
4. Гром	539
5. Гном	544
6. Боль	547

7. Друзья	550
8. Явление безбожной скотины	553
9. Дурные предчувствия	557
10. Разрыв	560
11. Рим	562
12. Москва	566
13. Цифра тринадцать – не зря чертова дюжина	570
14. Удушающие объятия Парижа	573
15. Москва «долгожданная»	579
16. Долгожданная Лена	582
17. Долгожданное предложение	585
18. Совсем не долгожданный Андрей	588
19. Хостел, мать её, недолгожданный	591
0. ВОДОРАЗДЕЛ – нулевая отсечка жизни	595
1. День первый. Понедельник, пятое декабря	596
2. День второй. Вторник, шестое декабря	604
3. День третий. Среда, седьмое января	608
4. День четвертый. Четверг, восьмое января	610
5. День пятый. Пятница, девятое декабря	616
6. День восьмой. Понедельник, двенадцатое декабря	620
7. День девятый. Вторник, тринадцатое декабря	626
8. День десятый. Среда, четырнадцатое декабря	628
9. День одиннадцатый. Четверг, пятнадцатое декабря	630
10. День двенадцатый. Пятница, шестнадцатое	634

декабря	
11. День пятнадцатый. Понедельник, девятнадцатое декабря	650
12. День шестнадцатый. Вторник, двадцатое декабря	655
13. День семнадцатый. Среда, двадцать первое декабря	658
14. День восемнадцатый. Четверг, двадцать второе декабря	660
15. День девятнадцатый. Пятница, двадцать третье декабря	662
16. День двадцатый. Суббота, двадцать четвертое декабря	671
17. День двадцать первый. Воскресенье, двадцать пятое декабря	673
18. День двадцать второй. Понедельник, двадцать шестое декабря	678
19. День двадцать третий. Вторник, двадцать седьмое декабря	684
20. День двадцать четвертый. Среда, двадцать восьмое декабря	689
21. День двадцать пятый. Среда, двадцать девятое декабря	695
22. День двадцать шестой. Четверг, тридцатое декабря	702
0. ВОДОРАЗДЕЛ – Еще один откат до нуля	717

1. Первое января. День рождения. Первый день без Романа 718
2. Второе января. День дивана. Второй день без Романа 721
3. Третье января. День воспоминаний. Третий день без Романа 724
4. Четвертое января. День вакханалии. Четвертый день без Романа 729
5. Пятое января. День матери. Пятый день без Романа 734
6. Шестое января. День покаяния. Шестой день без Романа 739
7. Шестое-седьмое января. Ночь полнолуния 742
8. Седьмое января. День Рождества. Седьмой день без Романа. Второй день покаяния 744
9. Восьмое января. Эра нуля 746
10. Девятое января, понедельник. Первый день новой жизни 749
11. Десятое января, вторник. Второй день новой жизни 751
12. Одиннадцатое января, среда. Третий день новой жизни 753
13. Двенадцатое января, четверг. Четвертый день, но новой ли жизни? 756
14. Тринадцатое января, пятница. Пятый день нифига не новой жизни 758

15. Четырнадцатое января, суббота. Шестой день без Романа. Стоп! Четырнадцатый!	761
16. Пятнадцатое января, воскресенье. Пятнадцатый день без Романа	763
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. А ГДЕ ОН, КОНЕЦ?	765
0. Откат к точке схождения	766
1. Сценарий номер один. Пессимистический	778
2. Сценарий номер два. Оптимистический	785
3. Сценарий номер три. Промежуточный. От лица автора	789
4. Предполагаемая концовка	797

Анна Кимова
Романолуние

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
РОМАНОЛУНИЕ

*Я – лунный свет, а ты – день.
И гибель.*

Встретимся всё же с тобой...
А. Кимова

1.

Роман стоял у окна и вглядывался в предрассветное марево. Оно плыло над третьим кольцом трепещущими огнями многоэтажек, напоминая о том, что в город пришли настоящие морозы. Он любил стужу, которая напоминала ему о родной земле. Здесь, в Москве, все последние годы настоящий мороз был редкостью. Но снова гудела голова. Это так редко случалось с ним при резкой минусовой температуре, что застало врасплох. Он вызвал секретаря.

– Да, Роман Сергеевич!

Директор обернулся на незнакомый голос. В дверях стояла секретарша. Да уж... С этой головой точно надо что-то решать, если из нее вылетело даже, что сегодня первый рабочий день новой ассистентки. Такого с ним никогда раньше не случалось...

Ее не было за рабочим столом, когда Роман пришел, и он совсем забыл о ней. Как невовремя всё это, в декабре, накануне закрытия года. Не самое удачное время для смены помощницы. Он смерил стоявшую в дверях девушку внимательным взглядом.

– Напомните, как зовут.

– Дарья.

– Насколько вас Виктория успела ввести в курс дела?

– Только в общих чертах. Но не думаю, что будут затруд-

нения.

Роман посмотрел более пристально. В глазах появилось любопытство.

– Как мне объяснили, моя помощь потребуется только пока вам не найдут постоянного ассистента. Вышла наподхват, до конца года.

– Я пробежался по резюме, так понимаю, что вы в корпоративе не работали. Справитесь?

– Работала. Но это было давно и не со мной, так что упоминать не стала.

Он про себя улыбнулся, но лицо оставалось серьезным.

– Напомните, сколько лет?

– Двадцать пять.

Его правая бровь слегка дернулась:

– Давно и не с вами?!

Она постоянно смотрела в глаза. Это было непривычно.

Выдержав паузу, Дарья произнесла:

– Я и сама не в восторге от ситуации. Как вы, наверное, поняли из резюме, это для меня не работа мечты. Но буду откровенна. Мне нужны деньги. И пока у меня нет других вариантов.

Наступило молчание. Роман еще раз пробежался по ней взглядом.

– Откуда вас Виктория знает?

– Не знает. Она на кафедре своего ВУЗа обратилась. Там мой контактный номер дали.

Снова молчание.

– И кто вы по специальности?

Теперь еле уловимо дернулась ее бровь. Она сказала:

– Так вы же пробежались по резюме! Там всё написано.

Сквозь официальную маску в ее лице проскользнуло что-то... Дерзкое?!? Всё это мало-помалу начинало занимать Романа, но он напустил на себя грозный вид, и его голос похолодел.

– На мои вопросы здесь принято отвечать.

– Похвалите мою предусмотрительность. Я на них ответила. Заранее. В резюме.

Роман обалдел от такой... Наглости? Или смелости? Он слегка прищурил глаза.

– А ты дерзкая! Не боишься, что я тебя, не успев принять, уволю?

Она снова натянула официальную маску:

– Дерзкая? Без причины – нет. – Просто не люблю, когда работодатель не может вспомнить как меня зовут, хотя у самого на столе именем наружу лежит мое резюме. Думаю, что теперь запомните.

Ой да нифига ж себе! А ведь она на самом деле его не боится! Это чувствовалось на каком-то подспудном уровне. Все вокруг боятся, а она нет. Сразу видно, новенькая... Но Роман запутался, какое чувство в нем сейчас начинало побеждать, раздражение или... интерес? Он подошел и встал напротив.

– И ты серьезно думаешь, что я возьму в помощницы на-халку, которая столько себе позволяет при первом же разгово-ре? – он пригвоздился к ней взглядом.

Дарья слегка пожала плечами.

– Не берите! Еще позавчера у меня не было работы. Если завтра у меня ее снова не будет – я переживу. А вот переживете ли вы неделю, месяц, или сколько там это у вас зай-мет, пока найдется ассистентка со знанием романской груп-пы, готовая выйти на работу сию же секунду, я не знаю. Да и мне, в общем, без разницы.

Роман сильнее сощурился. Девушка с таким бесстраши-ем смотрела ему в глаза, что он даже опешил. Но всё же его раздражение постепенно усиливалось, и директор сдерживал нарастающее желание выгнать ее за порог. В тот момент, ко-гда он уже был готов это сделать, Дарья сказала:

– Роман Сергеевич, давайте всё проясним. Так уж вышло, что мы сейчас нуждаемся друг в друге. Я работать готова. Но при одном условии.

– Мне секретарша еще условия будет ставить???

Человек, стоявший теперь всего в метре от нее, безупреч-но владел собой, но Дарья уловила в его глазах искру негодо-вания. Она же смотрела спокойно, лишь что-то неуловимое промелькнуло во взгляде.

– Что ж, в таком случае давайте попрощаемся. Всего доб-рого!

Дарья развернулась и вышла в приемную. Роман не пред-

полагал, что она удивит его сильнее, чем он уже был сегодня удивлен, но это произошло. Он даже рот приоткрыл от неожиданности. В происходящее невозможно было поверить. С ним даже близкие не позволяли себе такого поведения, а тут какая-то девчонка, на которую он и внимания-то бы не обратил, если бы на шее не висел совместный проект с французами и итальянцами, да и его недоразвитой секретарше не вздумалось сломать правую руку так не вовремя. Не надо шастать по обледелым тротуарам на шпильках, когда работаешь на ответственной работе, а если шастаешь, так не надо падать. Роман сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, пытаясь сосредоточиться. Вдруг он осознал, что в висках больше не стучит. Отчего-то головная боль отступила, мысли прояснились, но директор не успел это обдумать, не было времени. И так. Если девчонка сейчас уйдет, то он останется без секретарши. Замены на данный момент нет. Даже если отбросить вопрос романской языковой, то всё равно пока кадровики пришлют новенькую, пройдет день, а то и два. А уж если со знанием языков, так вообще «амба». Девчонка строптивая, так что посылать к ней заместителя, договариваться, – дохлый номер, она сама его пошлет. Да и вообще, если копнуть откровеннее, то Дарья Романа Сергеевича заинтересовала. Их разговор состоялся без свидетелей, так что его демоническая репутация не пострадает. А гонор, что же, его, как болезнь, он пролечит. Но это будет потом. И так будет даже эффектнее. И эффективнее.

Он вышел в приемную. Девушка уже собрала сумку и направлялась к шкафу с верхней одеждой. Роман подошел, взял за запястье, чем вынудил ее развернуться к нему лицом.

– Дарья, вернемся в кабинет.

Он продолжал держать ее за руку. Некоторое время она смотрела изучающе, потом спросила:

– Вы меня за руку туда провожать будете?

Роман перемещал свой взгляд от одной ее радужки к другой, но не мог уловить их цвета, ведь в приемной горело не всё освещение. На этот раз он не удержался от усмешки, но руку убрал. Губы Дарьи на мгновение разомкнулись, но глаза всё еще смотрели в одну точку – в его глаза. Она обогнула Романа справа, бросила сумку на секретарский стол и направилась к кабинету.

Директор занял свое место и указал на кресло напротив себя.

– Присаживайтесь!

– С вашего позволения, нет. Насажусь еще.

Он снова едва улыбнулся. Похоже, эта девица не сомневается в том, что он ее не уволит. Нет, персонаж занимательный, тут было уже без сомнений.

– Так что за условие?

– Корректность в общении. И у нас с вами не будет никаких проблем.

– Хм... И в чём же, на ваш взгляд, я был с вами некор-

ректен?

– Вы?!? – удивилась она, – откуда такие беспочвенные подозрения? – Она явно над ним издевалась. Роман не понимал, на чём ему следовало сконцентрироваться, на выражении глаз или губ. Сейчас его интересовало и то, и другое. Но и в этот раз насмешка лишь на миг мелькнула на поверхности ее лица, и тут же была скрыта под официальной маской. – Вы, Роман Сергеевич, должно быть, слишком хорошо воспитаны, чтобы я могла вас в таком заподозрить.

Он снова улыбнулся, прищурился. На этот раз его глаза отшлифовали каждый сантиметр тела напротив. Роман намеренно не спешил с этим, пусть видит. Девочка захотела привлечь к себе его внимание, что ж, пусть теперь наслаждается, ей это удалось. Только стоило ли?

Она выглядела совсем молоденькой, он бы и двадцати пяти ей не дал. Восемнадцать? Вполне. Ну или двадцать, да и то только с учетом количества гонора. Рост скорее высокий, чем средний, фигура скорее худощавая, чем нормальная, но и тощей ее было никак не назвать. Это впечатление складывалось из-за роста. Волосы скорее темные, чем светлые, равно как и кожа, в общем ее трудно было причислить к определённому типу. Но лицо! Привлекательное до чрезвычайности. Большие глаза – смелые, распахнутые, осмысленные; аккуратный нос и губы, такие живые и выразительные, что на них невольно останавливался взгляд. Одета в черное обтягивающее платье с редкими полупрозрачными вставка-

ми, под которыми ничего толком не разглядеть. Строго, но вполне изыскано. И черные замшевые сапоги на танкетке, предусмотрительно, чтобы на льду не подскользнуться и не сломать себе чего. Ровно по колено, до линии юбки, так, что ноги оказывались закрытыми полностью. В общем, футляр. Но и он не скрывал дерзости. И тонкие длинные серьги вдоль тонкой и длинной шеи, заканчивающиеся где-то ниже ключиц. Никогда таких не видел, но у нее вышло очень живописно. Тем не менее если бы не манера общения, вряд ли Дарья так быстро смогла бы привлечь к себе его внимание. Роман редко всерьез интересовался секретаршами.

Он окончил исследовательскую миссию, моргнул и медленно проговорил:

– Мне нужно знать что-то еще, чтобы у нас с вами не было проблем? Будут еще условия?

– Что вы, Роман Сергеевич, я сюда пришла работать, а не условия ставить. Тихо. Мирно. И по возможности не высываясь. Если только меня никто провоцировать не будет, у вас ведь, в корпорате, это случается. А я не из ассистентской среды, сами понимаете. Так что если что – за мной не заржавеет. Предупредить хотела. Чтобы сюрпризом не стало. Если что.

На этот раз Роман долго смотрел в ее глаза, после чего заключил, слегка улыбнувшись:

– Да уж, не из ассистентской. – Он поиграл пальцами правой руки. – Приступайте к обязанностям, Дарья.

Она пошла к выходу, но возле двери обернулась и спросила:

– Вы вызывали. В начале рабочего дня. Что-то было нужно?

Помедлив, Роман ответил:

– Было. – Директор снова едва улыбнулся. – Идите работать, Дарья.

Она замерла, моргнула и вышла.

2.

Как только Роман вошел в приемную, его внимание привлек офисный стул, стоявший справа от секретарского стола. Его выкатили, и теперь он загораживал ему вход в кабинет. Роман осмотрелся и тут же наткнулся взглядом на... зад. Аккуратный такой и вполне себе очень даже выпуклый. И ноги, берущие свои истоки прямиком от этой выпуклости. В районе колен заканчивалась черная юбка, и ноги эти из-под нее прекрасно просматривались. Длинные такие, изящные ноги. С вполне себе рельефными икрами и тонюсенькими лодыжками. Юбку очень живописно посередине рассекала золотая молния, поднимающаяся от подола, пролегающая через ту самую выпуклость и уходящая куда-то туда, в даль, в скрытую от глаз плюс бесконечность. Даже мысль мелькнула, подойти и помочь. Может, девушке просто стало дурно, и если молнию расстегнуть, то сразу полегчает? Тогда и под столом дело быстрее заладится... Венчали же картину черные лодочки без каблучков, которые почему-то стояли рядом. Да, несмотря на старания Дарьи, Элеонора Андреевна и в этот раз не останется удовлетворена. Без каблучков в этой компании никто из особей женского пола не ходит.

Зад живописно двигался, а точнее сказать дребезжал. Ноги, согнутые в коленях, тоже нервно дергались.

– Ну-у!! Давай же!! Ну давай, мурло собачье!

Роман чуть не подавился смехом. Раздалось его тихое покашливание.

– Дарья Игоревна?

Даша замерла и нецензурно выругалась про себя. И надо же было ему явиться на работу так рано! Она и так встала на сорок минут раньше, чтобы прийти первой и обустроиться на новом месте как следует. И откуда у людей берется такое рвение к работе?

– Доброе утро, Роман Сергеевич, – раздался абсолютно уравновешенный голос из-под стола.

– Смотрю, вы с самого утра в трудах... Просто спины не разгибаете!

– Ну дава-а-ай уже-е-е!!

Роман рассмеялся:

– Куда давать? Я с удовольствием дам, только конкретней сориентируйте!

Но было похоже, что его присутствие ничуть Дарью не смущало. Возня продолжалась, и теперь из-под стола уже просто рычали. Наконец, раздалось победоносное:

– Так тебе!!

Даша немного отползла назад, сильнее прогнулась и вынырнула из-под стола. Она покраснелась. Роман прислонился к стене и скрестил ноги. Он смотрел на нее и не скрывал улыбки.

– С кем воевали?

Не удостоив его взглядом, Дарья подула на лицо, откинула

назад несколько растрепавшихся прядей волос, ухватилась за край стола и стала втискивать ноги в узкие лакированные туфли с сильно заостренными носами.

– С воображаемыми тараканами.

Роман рассмеялся.

– Нет, правда, – сказал он, продолжая смеяться, – расскажите, что вы там делали, а то я вряд ли смогу работать.

– Можно подумать, что если расскажу, то сможете теперь, – тихо произнесла она в сторону.

Роман покачал головой. Он продолжал смотреть. Даша указала на коврик, лежащий под столом, который директор заметил только сейчас.

– Создаю себе условия, совместимые с работой в вашей цитадели зла.

Роман недоверчиво покосился в том направлении.

– Что это? – спросил он озадаченно.

Но Дарья, что практиковала уже не впервые, на вопрос не ответила. Она посмотрела на него и сказала:

– Роман Сергеевич, вот вроде серьезная у вас контора, вроде всё дорого-богато... А что, розетками и переносками нормальными обзавестись не судьба? Я себе все остатки ногтей о ваши розетки переломала, пока туда шнур от своего коврика вкорячивала.

– Тебе холодно, что ли?

– А вам нет? За окном минус тридцать, а сказать, что тут к морозам подготовились и температуру прибавили при всём

желании язык не поворачивается. Экономите?

Роман пробежался взглядом по ее лицу.

– Так заходи ко мне почаще, будем греться.

Даша уже подметила, что их с Романом диалоги всегда перемежаются длинными паузами и долгими переглядами. Это начинало раздражать, надо было что-то менять. Она заполнила очередную намечавшуюся паузу:

– Тогда конференции с Италистой и Лердоні на сегодня отменяю, верно поняла? Будем греться?

Роман Сергеевич смотрел из-под полуприкрытых век. Смотрел и всё улыбался. Правда, улыбка эта чем-то отдавала оскалом. Он развернулся, зашел в кабинет и оттуда прокричал:

– Кофе мне принеси...

И тихо добавил:

– Зазноба.

Даша ухмыльнулась и подошла к кофе-блоку, попробовала разобраться. Она никогда не любила кофе и не имела никаких дел с кофемашинами, но в общих чертах представляла, как это должно работать. Пошарив по полкам, отыскала капсулы. Все были одного вида. Это облегчало задачу. Даша подошла к компьютеру, развернула кресло спинкой к столу и встала одним коленом на сиденье. Она ввела в поисковик марку кофемашины, тут же вывалились видеоролики. Включила один из них, снизила громкость.

– Что-то тишь вокруг стоит, непрослы́шная! Это ты мне

так кофе варишь, смотрю? – Роман высунул голову из дверей кабинета.

Даша перевела взгляд на него:

– Дайте мне еще пару минут, и, если я не сломаю это чудо-устройство, – она кивнула в сторону кофемашины, – то будет вам счастье. Возможно.

– Да-а, – протянул Роман, – толку от тебя как...

– И всё же я постараюсь вас не разочаровать. – Даша ехидно улыбнулась одними уголками губ.

Она оттолкнулась от кресла и подошла к кофе-блоку. Загрузила капсулу, нажала на кнопку. Ничего не произошло. Сзади беззвучно подошел Роман. Даша почувствовала присутствие у себя за спиной, обернулась и сделала шаг в сторону. Она спросила:

– Что не так?

– Всё! Такая вы, девушка, холодная, что от вашей температуры даже техника отказывает. – Даша внимательно следила за его руками и запоминала последовательность действий. Наконец, он нажал на кнопку. Раздалось шипение. – А вот я довожу ее до состояния кипения. И это всё – мое обаяние!

– Ай да Роман Сергеич!

– И не говори!

Вдруг он резко напустил в тон мороза.

– Это уже не «ай да», это байда какая-то. Надеюсь, что с новым секретарем мне придется делать самому только кофе.

Роман взял чашку, отхлебнул, недовольно повёл бровью и

направился к кабинету.

– Драфты вопросников по Италисте и Лердони мне на стол. У тебя час.

Он захлопнул за собой двери кабинета.

Подойдя к столу, Роман помедлил, прежде чем занять кресло. Он подошел к окну. Тот же вид, что и вчера. До расвета было еще около часа. Ощущение той же атмосферы заставило его вспомнить о вчерашней головной боли. Роман нахмурился. Странно, но почему-то мигрень прошла самопроизвольно, без таблеток. А особенно странно, что боль отступила на фоне раздражения. Обычно было наоборот. Роман вспомнил вчерашний день. До обеда он сидел за бумагами, было только пару звонков из региональных филиалов, но больше рутина, без происшествий. Еще был неприятный разговор с Софьей. Жена продолжала играть на чувствах ребенка, это последняя карта, которая у нее оставалась. Но Романа это не трогало. Ада была уже достаточно взрослая, чтобы пережить развод родителей, тем более то, что из себя в последнее время представляла их жизнь, трудно было назвать образцом семейного благополучия. Роман был убежден, что уж лучше развестись, чем постоянно держать ребенка в напряжении. Из двух зол всегда следует выбирать меньшее. К его удивлению, разговор с женой настроения не испортил, и к полудню жизнь окончательно наладилась. А уж случай в переговорной так совсем Романа развеселил.

В течение дня его новая секретарша сидела за работой,

не поднимая головы. Ситуация, действительно, была не из простых. Со следующей недели должна была начаться активная переговорная фаза, и к этому моменту Дарье нужно было глубоко погрузиться: разобраться с контактными листом, лишь в коротком списке которого значилось более пятисот человек – людей, с кем Роману приходилось общаться постоянно, а ведь был еще и длинный список; вникнуть в темник еженедельных видеоконференций, поднять словарь, ведь вряд ли ей ранее приходилось использовать нефтегазовую терминологию. Понять, как устроен его, Романа Чернышева, рабочий день, начать формировать график встреч и командировок, а заодно и взять на себя их организацию. Конечно, Вика всё время была на трубе и в случае чего даже подъехала бы, но его эксперимент еще в бытность директором департамента по работе с ключевыми клиентами, который он поставил с прошлой секретаршей несколько месяцев назад, прошел настолько удачно, что Роман хотел провернуть его снова – занять все ипостаси в лице единственной ассистентки, а не распылять работу между несколькими сотрудниками.

Незадолго до того, как стало окончательно ясно, что, сначала Лердони, а потом и Италиста войдут в состав акционеров по его основному проекту, на одном из деловых ужинов была поднята тема переводчиков. Сейчас, во времена тотального сокращения издержек, этот вопрос встал особенно остро. Штатные переводчики, конечно, дело хорошее, и

обойтись без них никак нельзя, но всё же постоянно дергать разных спецов под каждую конкретную конференцию, а порой даже и для личных переговоров, было архи неудобно. И тогда умные люди подсказали Роману Сергеевичу вариант: привлечь личного ассистента с углубленным знанием языков. Лариса работала на него уже более пяти лет и справлялась очень хорошо, к тому же, что вообще большая редкость, отличалась беззаветной преданностью и всегда была под рукой, поэтому Роману совсем не хотелось что-то менять. Та самая рука не поднималась. Но несколько последних из с ней интимных эпизодов настолько прошуршали директору по кишкам, что он всё же всерьез задумался о замене. Лариса старела, ей хотелось большего, а этого-то он никогда и не мог ей дать. Она всё понимала, но стали сдавать нервы. Роман Сергеевич осознал, что им было самое время прекращать. Пока не зашло далеко. Однако, найти ассистентку, сочетающую в себе достоинства Ларисы, такие как умение досконально чувствовать все его потребности, обладание колоссальной работоспособностью и превосходными коммуникативными навыками, да еще и знающую при этом несколько языков, оказалось совсем не так просто. Подбором занимались несколько месяцев. Первые кандидатуры были отклонены Романом после нескольких дней совместной работы, и он уже стал терять надежду, пока четвертым номером к нему не прислали Викторию. Конечно, до Ларисы как до ассистента ей было как до луны, но в целом она справлялась.

Зато, стоило Роману Сергеевичу оценить все те бонусы, которые он получал ежедневно, освободившись от потребности подтягивать даже к самым коротким беседам штатных переводчиков, он понял, что теперь лишаться такой благодати было никак нельзя. Наконец, прекратились постоянные хождения к нему в кабинет и обратно, что всегда так раздражало. Даже голова стала побаливать существенно меньше. И реже. В общем, он только начал собирать урожаи от своих терпения и выдержки, как случилось непоправимое. Смотря на Вику, Роман постоянно думал о том, что когда-нибудь та непременно навернется со своих каблучищ, вот это и произошло. Ну как можно быть настолько беспечной, чтобы надевать такую обувь, когда за окном каток? Переменчивость московской погоды с колебаниями от снегопада вечером до пятнадцатиградусного мороза утром, и так по нескольку раз в неделю, уже должна была всех приучить к тому, что на улицу стоит выходить в человеческой обуви. Разве недостаточно других дней среди года, чтобы выразить себя? Но последняя секретарша так сильно лезла из кожи вон, чтобы ему понравиться, что переплюнула даже принятый в СевМоре по умолчанию дресс-код. Таких высоченных каблучков Роман Сергеевич еще не видел. Да, фактурная была девка, тут не попишешь против, но фактуры в его жизни пруд пруди, а секретарш со знанием романской языковой группы и днем с огнем не сыщешь. Кстати, это была единственная причина, по которой он не занес эту Победу в список своих побед. Ре-

флекссы рефлексами, но, когда речь идет о бизнесе, их можно задвинуть на второй план.

И вот вчера появилась новая секретарша. Да уж, секретаршей ее назвать язык как-то теперь не поворачивался. Роман полностью осознавал, что Дарья не имела ничего общего с административным персоналом. Она оказалась на этом месте случайно, но судьбы своей в полной мере не приняла. Ведь ассистентская работа – это в определенном смысле судьба. Быть тенью руководителя, терпеть его нрав, подчиняться и не выступать. И чаще всего не иметь возможности для карьерного роста, в отличие от сотрудника отдела, который может устроиться и на самую низкую должность, но постепенно дорасти до гендира. Помощник же руководителя – это потолок. Но в этой девушке, видимо, склонности к смирению не наблюдалось. Оттого она и поставила себя так в первый же день, сразу сделала шаг из ряда бессловесной массы, а дальше – пан или пропал. Уж лучше пропадать, а если и так, то с песней. Это вызывало уважение.

Ближе к обеду Роман впервые вышел из кабинета и застал Дарью за очень странным занятием: она расклеила на зеркале, висящем на стене над кофе-блоком, листы с коротким списком его контактов, и принялась беззаветно обводить разноцветными маркерами строчки, объединять их в блоки по одной ей ясному принципу.

Роман не понял. Но он решил, что этого недостаточно, и надо было, чтобы Дарья тоже поняла, что он не понял. Он

привлек ее внимание, прокашлявшись. Девушка обернулась. Опять губы слегка приоткрыты, да что ж такое, как ему до вечера дожить... Посмотрела, так до конца и не выныривая из мира своих мыслей, однако обескураженное выражение его лица заметила, цель достигнута. Но она снова отвернулась и продолжила претворять в жизнь свое странное занятие. Роман постоял так еще какое-то время, тем не менее всё же спросил:

– Что вы делаете?

Молчание. Он подошел и встал за ее спиной, взгляделся в исчерканные фломастерами листки, но так ничего и не понял. Тогда Роман наклонился к ее уху и выдохнул куда-то в трепещущую сережку:

– Что вы делаете, я вас спрашиваю?

Ее шея пришла в движение – она сглотнула. Симпатичная шейка, прямо приглашает ухватить за нее и к стеночке прижать... Никакого парфюма. Только запах кожи. Теплый, обволакивающий. Роман отстранился. Только тогда Дарья повернулась к нему лицом, сделала шаг назад и ответила:

– Шорт-лист прорабатываю. Не хилый у вас такой шорт! Спасибо, на память никогда не жаловалась. И радует еще, что я здесь ненадолго, надеюсь с лонгом знакомиться не придется.

Ненадолго она здесь... Каждый день теперь напоминать будет, что это только его видение...

– Зачем вы зеркало испортили? Я, может, люблю в него

каждый день смотреться, напоминая себе о том, какой я красавчик. А теперь на ваши квадратики с ромбиками смотреть придется.

– Не переживайте, Роман Сергеевич, вы – красавчик. Это и без зеркала всем ясно.

Он расплылся в улыбке.

– Ты тоже заметила?

– Ой, а мы с вами уже на «ты» перешли?

Роман молчал и продолжал улыбаться.

– За зеркало не переживайте. Я решила, что уж лучше его клеим измажу, уборщица всё равно завтра отмоет. А то пришлось бы стеночки дырявить в вашей шикарной приемной. Или столешницу массива дерева пятнышками заляпывать. Вы бы такого уж точно не пережили. Лучше денёк без зеркала обойдётесь. Потёрпите.

Захотелось скрипнуть зубами. Но Роман удержался. Он потерпит. Пока.

– Обедать пойдете?

Она резко посерьезнела.

– Нет, Роман Сергеевич, мне эту неделю не до обедов пока будет. Чтобы был шанс успеть во всём разобраться. Честно говоря, пока мне кажется, что я себя немного переоценила.

Он принял ее тон:

– Хорошо, разбирайтесь. Но закажите себе что-то из буфета. Без еды трудоспособность снижается.

– Спасибо, но времени нет. А вам приятного аппетита.

Он снова немного помолчал. Даже серьезный тон не помогал до конца отвлечься.

– Про встречу в три часа знаете?

– Знаю. Мне Виктория накидала план на эту неделю. Так понимаю, что я никаких изменений в ваш рабочий график до следующей недели вносить не должна, даже если будет что-то появляться?

Роман кивнул:

– Тогда готовьте встречу в переговорной. График на рецепции уточните.

– Ну, до этого я как-нибудь сама бы додумалась. Но спасибо. За заботу.

Ух, дерзостница! Физически промолчать не может! За заботу она его благодарит... Нашла за что. Он вышел.

А потом была встреча в переговорной. На Дарье лежала только подготовка, но и короткого ее появления до прихода визитеров оказалось достаточно, чтобы спровоцировать небольшую заварушку. Девушка как будто одним своим видом накаляла атмосферу. И это было так: она вела себя иначе, чем было принято в их кругу и поэтому тут же привлекала к себе внимание. Первой сломалась финдир. Элеонора Андреевна заметила:

– Роман Сергеич, почему у всех ваших последних ассистенток постоянные проблемы с обувью? То в босоножках, то в ботфортах, из крайности в крайность. Хорошо хоть не в унтах!

Роман глянул на Дарью, которая в абсолютной тишине продолжала раскладывать распечатки с программой встречи.

– Элла, тебе заняться больше нечем, кроме как ноги моих ассистенток разглядывать?

Но она не унималась:

– Девушка, здесь приличный корп, тут переобуваться принято! Не надо нас перед партнерами позорить!

Дарьяхватило ненадолго. Тихо и монотонно она сказала:

– Судя по спискам, партнеры из Находки. Думаю, они не удивятся даже унтам.

Элеонора Андреевна аж поперхнулась кофе:

– Что?!? Ром, откуда ты их берешь таких? Сначала Вика эта твоя как на ходулях семенила и ресницами нарощенными хлопала, – женщина препротивно выпятила глаза и несколько раз хлопнула ресницами, – Так та хоть не хамила! А эта? И потом, что это такое? – Она указала рукой на обувь Дарьи. – Отсылка к севморпути?

Роман засмеялся. Дарья кинула на него быстрый недобрый взгляд, и он понял, что что-то назревает. Девушка остановилась, развернулась лицом к Элеоноре и сказала:

– Болящая я! Мерзну пá-стайнна. Прямо на ходу температуру теряю! Еще загнусь тут у вас случайно. Похороны за чей счет будут, финотдела? Может, дешевле обойдется потерпеть?

Даже такая подготовленная женщина, как Элеонора Ан-

древна немного... повисла. Вместе со своей нижней губой. И пока она не пришла в себя, Дарья обратилась к Роману:

– Роман Сергеевич, я отползаю к себе в конуру, чтобы вас перед партнерами не позорить. Вы же тут без меня справитесь, если что?

И была такова.

Роман улыбнулся. Прикольная она, его новая секретарша, даже жалко портить. Временная секретарша. Что же, хоть один месяц поразвлекается. Только вот она и с ним не особо церемонится, распоясалась совсем. Ну ничего, он ее как-нибудь запоясает. Роман посмотрит, как Дарья вопросник осилит, а потом и конференции. После такого объема новой информации времени на дерзость у нее остаться не должно.

3.

Даша подошла к зеркалу, от которого еще вчера отодрала подготовленные листы шорт-списка, так что сегодня на поверхности уже не было ни пятнышка. Зимой под шапкой невозможно сохранить прическу, поэтому она решила, что всегда будет причесываться утром на рабочем месте. Даша планировала сделать это и сегодня, но не успела – Роман Сергеевич явился на работу до того, как она всё закончила. Но приходить еще раньше в ее планы не входило: и так провела за документами полночи, так что на сон остались сущие его обрывки и, похоже, в ближайшие дни в ее жизни вряд ли что изменится. Так что, если начальству вздумается снова поработать сверхурочно, пусть подтягивается еще раньше, это ее не смущает. В конце концов, прическа должна появиться на ее голове не позже девяти утра, а в семь тридцать быть там не обязана.

Даша опрокинула голову вниз, собрала волосы в высокий пучок, зафиксировала резинкой и обмотала сверху волосами. Эта прическа всегда ей шла, подчеркивая красивую форму головы и длинную шею.

Похоже, ее новый начальник полагает, что она уже сегодня, во второй свой рабочий день, сумеет подготовить и провести видеоконференции. Да, высокая степень доверия, что ни говори! Или насмешки. Только вот они не в сказочке про

Василису Премудрую, для которой, между прочим, тоже не было так очевидно легко соткать ковер-самолет всего за одну ночь. По крайней мере, в сказке давалось понять, что девушке приходилось попотеть, да и заканчивала она всегда где-то в районе самого дедлайна. Но Роман Сергеевич оказался предсказуемым. Только вот к такому повороту Даша постаралась подготовиться еще... вчера. Неужели он полагает, что она, и впрямь, в душевных терзаниях кинется готовить вопросы для переговоров между компаниями, представляющимися ей не иначе как «бал неведомых зверушек»? Эх, наивный...

По истечении обозначенного руководством времени Даша встала, взяла со стола распечатку, постучала в дверь кабинета и, получив разрешение, вошла. Роман провожал ее взглядом от двери до стола, пока не уткнулся им в лежащий теперь перед самым его носом список предполагаемых вопросов. Он посмотрел на Дашу и недоверчиво сдвинул брови. Взял в руки, пролистал, затем еще раз, внимательнее. Теперь снова на нее смотрит. Она решила заканчивать с этим быстрее:

– Роман Сергеевич, я прошу вас на сегодня отпустить меня к вашим переводчикам.

Его лицо немного вытянулось. Для самых непонятливых Даше пришлось пояснить:

– Я с такой лингвой никогда не работала, мне потребуется несколько дней, чтобы вникнуть. Вчера вечером, как только

вопросник пролистала, сразу понятно стало, что у меня процентов тридцать пробелов. Конференцию сегодня провести не смогу.

– Вчера вечером?

– Да. Как только Виктория с вопросником закончила и прислала.

– А чем вы последний час тогда занимались, Дарья Свет Игоревна?

– Ваш шорт-лист контактов перелопачивала. Плохо составлен.

– Плохо составлен?

– Нет, ну для сотрудника, который у вас хотя бы месяц здесь чалится, он, может, и нормально составлен. Но я тут больше месяца задерживаться не планирую, так что выходит, он мне без надобности. Только всех запомню – как уже сворачиваться придется.

Опять напомнила про месяц. Что же за человек такой, Дарья Свет Игоревна?

– И вы этот час фамилии перегруппировывали? Вместо подготовки к конференции?

Она кивнула. Роман смурнел на глазах.

– Может, прежде чем так расстраиваться, с результатом ознакомитесь? На случай, если после меня мои писульки ещё кому пригодятся?

Даша сунула ему под нос еще одну распечатку, которую до сих пор держала в руках. Она пояснила:

– У меня прога осталась, со времён института, так что я новый список минут за десять сваяла. Они у вас пофамильно в алфавитном порядке, а на обороте разбивка по компаниям и должностям, как здесь. – Даша указала на первую страницу. Это был старый список. – А вот мой. Принцип такой: на первой строке тот, с кем по итогам трех месяцев вы провели больше всего встреч или телефонных переговоров, дальше в порядке убывания. А на обороте то же самое, только не по количеству встреч, а по времени, в минутах. А на третьей странице – пересечения. Так мне будет гораздо легче всех запомнить. Более-менее систематически вы контактируете от силы с пятью десятками. А это уже не пятьсот, тут уж я как-нибудь разберусь.

Роман снова поднял на нее глаза.

– И это у вас заняло десять минут?

– Ну, не в сухом остатке, конечно. Вчера надо было системе выработать, материал подобрать. Но сегодня, когда все данные уже были, да. Говорю же – прога.

– А что вы остальные пятьдесят минут делали?

– Ничего. Отдыхала. Шарфик себе выбирала. Под новое платье. Зарплата же скоро!

Роман уже не знал, улыбаться или гневаться.

– Даша, вы надо мной издеваетесь?

Но она опять резко посерьезнела. Дарья постоянно это делала, меняла интонации. То с налетом издевки, то с шутивными нотками, то с неприкрытой иронией. И потом вдруг –

раз! И всё, закрыли тему, снова голый официоз. Этими перепадами она защищала себя от того, чтобы когда-нибудь кому-то наскучить.

– Роман Сергеевич, вчера я работала без перерыва на обед. Сегодня это повторится. Вчера ночью я просидела за вашими документами. И сегодня ночью тоже просижу. В ближайшие дни мне нужно будет перемолоть столько материала, сколько я с института не перемальвала. Думаю, я сама могу решить, чем занять свое утро на работе. Другого времени на шарфик у меня в ближайшее время не будет.

Роман молча смотрел на нее. Постепенно на его лице стала появляться улыбка. Момент стал настолько затягиваться, что Даше пришлось что-то предпринять. Она сказала:

– Сегодня почти весь ваш рабочий день займут конференции. Прошу вас подтянуть других переводчиков. По звонкам: я сделала переадресацию, буду принимать. Если что-то важное, вам как сообщать? Звонить, или лучше в чат?

– Пиши в телегу. И о важном, и о не важном. Пока обо всех звонках пиши, потом разберемся, насколько хорошо ты сечешь. Если сочтешь что-то важным – звони.

Дарья кивнула. Она продолжила:

– Но одного дня мне не хватит. Постараюсь справиться за два. Завтра у вас однодневная командировка. Я так понимаю, она уже организована?

Теперь кивнул Роман.

– Значит, у меня будет еще один день. Ну а насчет после-

завтра – покажет время. Обещать не могу. Скажу только завтра.

Он снова кивнул.

– А в секретариат на сегодня возьмите кого-то другого, если без этого никак.

– Нет надобности. Я теперь в своем секретариате хочу лицезреть только тебя. После того, как ты мне такой список сварганила.

– Хорошо, я рада. Но у меня еще один вопрос.

Она рада! Недолго тебе радоваться-то осталось, Дарья Свет Игоревна... Роман поднял бровь.

– Точнее просьба.

– Внимательно слушаю.

– Вы не могли бы мне выделить кого-то конкретного из переводчиков? Чтобы я людей не отрывала зря от их работы. Помощь понадобится ненадолго, мне нужно только чтобы документы показали, дальше сама разберусь. Я в компании никого не знаю, и не хочу ни к кому лезть без вашего благословения.

Ох, какая! Про благословение вдруг вспомнила!

– Думал, что вы настолько самостоятельная девушка, что справитесь и без посторонней помощи. Ну, раз без меня никак, то пойду вам на встречу.

Роман вдруг сменил тон так же резко, как это делала она. Он сказал серьезно:

– Спускайтесь в отдел. Третий этаж на главном лифте, на-

право, до конца коридора. Вас там встретят.

И погрузился в компьютер. Но Даша продолжала стоять. Роман не реагировал, наверное, целую минуту, по крайней мере, ей показалось, что не меньше. Наконец, будто случайно заметил, что она еще не ушла и спросил так же серьезно:

– Что-то еще?

Теперь улыбалась Дарья.

– Да, Роман Сергеевич. Список не вернёте? Он мне понадобится.

– А я думал, вы мне его с концами... подарили, в общем.

– Могу подарить, для вас мне ничего не жалко. Только отксерю сначала.

– Так-таки ничего?! Вы поосторожнее, а то поймаю на слове. Дождетесь как-нибудь.

Он протянул ей список.

4.

Сорвалась, рыбка. А ведь он уже подсекал!

Роман не хотел затягивать с ответкой и собирался преподать ей урок уже сегодня. Девчонка заносчивая, так что по всем признакам должна была страдать от некоторых пороков с этой заносчивостью связанных. Например таких, как упрямство, гордость или даже надменность, что в конечном счете непременно приводило бы и к определенной степени тупости, ведь гордость в сочетании с упрямством не позволяет мозгам работать на высшей точке КПД – отсекаются отделы, отвечающие за гибкость ума и предусмотрительность. И Роман сразу определился с планом действий. Излишняя уверенность в себе не даст Дарье адекватно оценить свои возможности, а чрезмерная гордость не позволит обратиться за помощью, что приведет к тому, что во второй же рабочий день ассистентка завалит конференции. Тогда Роману придется ее наказать, хотя самым сильным наказанием для секретарши станет сам факт того, что она не справилась. Но он не станет ее жалеть, наоборот, сделает всё для того, чтобы провал ударил по ней как можно более болезненно. В конце концов, у него тут не благотворительный фонд, здесь, как утром выразилась Дарья Свет Игоревна, серьезная контора. И это соответствовало действительности. Роман не мог себе позволить держать некомпетентных сотрудников, тем более

теперь, когда начинался самый ответственный этап.

Он слишком долго шел к этой должности и слишком многим пожертвовал, чтобы достигнуть своего теперешнего положения. Фактически из-за своей занятости Роман отказался от нормальной жизни, посвятил себя работе. И он не собирался терять то, чего добился такими усилиями. Конкуренция в сфере его профессиональной деятельности всегда была велика, и только высокая степень концентрации на деле и тотальная осведомленность давали возможность закрепиться в топе. Но попасть наверх не так сложно, как там зафиксироваться, и Роман должен был держать марку, по возможности не допуская ошибок. Их здесь не прощали.

Роман Сергеевич Чернышев ныне являлся директором спецотдела по межстрановому взаимодействию, отпочковавшегося от СевМорНефти несколько месяцев назад после подписания контракта о вхождении французского нефтедобывающего концерна Лердони, а позже и одного из ключевых итальянских транспортировщиков нефтепродуктов Италлиста в состав акционеров главного проекта в карьере Романа. Отдел был небольшой, самый малочисленный в компании, он фактически не изменил своих форм с тех пор, как в него был трансформирован департамент по работе с ключевыми клиентами, и располагался в отдельном крыле здания. Посещаемость международника, как его уже нарекли между собой сотрудники компании большинством голосов, была невелика, что не преуменьшало его важности для СевМор-

Нефти. Сейчас многие нити компании были завязаны именно на спецотделе. От работы ассистента директора международного направления напрямую ничего не зависело и, даже если бы Дарья умудрилась накосячить капитально, вряд ли бы от этого что-то рухнуло, ведь Роман держал в своих руках буквально всё, а его авторитет в компании был непререкаем. И всё же он не был намерен допускать подобного развития событий, ведь косвенно это отразилось бы и на его репутации. Романа в СевМоре боялись. Да-да, именно так, это было самое подходящее слово.

Несмотря на то, что он был достаточно молод, хорош собой и обладал сумасшедшей энергетикой, что обычно делает подобных персон предметом мечтаний среди женщин и объектом уважения среди мужчин, в случае с ним всё было несколько иначе. Роман Чернышев вызывал в людях трепет на грани с паникой. Частично это было связано со сложившимся о нем общественным мнением, которое, в свою очередь, взялось не из ниоткуда. Роман был смел на грани разумного, всегда держал слово, но действовал непредсказуемо и никогда не щадил ни врагов, ни друзей. Он обладал незаурядными переговорными способностями, связанными с высокой степенью информированности, но со стороны часто казалось, будто бы директор спецотдела умело избегает неожиданностей оттого, что наделен даром предвидения. В действительности же Роман Сергеевич Чернышев не относился к прорицателям, а просто в нем была сильно развита

интуиция.

Масла в огонь общественного мнения подливала его репутация бессердечного оболстителя, прочно закрепившаяся за ним еще с юности. Ничего не изменилось и двенадцать лет назад, после его женитьбы на главных мурманских деньгах, Софье Беловой, дочери того самого Белова. Наоборот, репутация эта поднялась на уровень выше и заиграла новыми красками. В обществе долго перетирали тему, что если Роман Чернышев не боится открыто гулять даже от официальной жены, по совместительству любимой дочери Ивана Белова, то этого человека стоит обходить стороной. Все знали, что ее отец отличается особой жестокостью, но, по-видимому, на Романа Сергеевича это не распространялось.

Буквально через полгода после умопомрачительной свадебной церемонии в обществе стали ходить слухи о постоянных интрижках Романа, а через год эта тема перетекла в разряд дежурных светских сплетен. Даже появление ребенка не повлияло на имидж одного из самых перспективных менеджеров нефтегазового сектора России. А Белов продолжал хранить молчание. До тех пор, пока однажды несколько лет спустя не засветился с Романом на совместном корпоративе, на котором притом странным образом не присутствовала их дочь в скобках жена. Тогда столичный бомонд, а в то время Роман уже перебрался в Москву, на тему Чернышева вообще как-то скис. Его персона перестала обсуждаться даже шепотом. На всякий случай, ведь лучше перебдеть.

Когда шесть лет назад Романа пригласили в СевМор-Нефть, за ним уже прочно закрепилась репутация дьявольски опасного типа, и большинство сотрудников компании относилось к нему с осторожностью. На тот момент руководитель направления, отвечавший за перевалку нефти, он не стал предпринимать никаких усилий для того, чтобы развеять этот миф. Романа такое положение дел очень даже устраивало.

За шесть лет в СевМоре произошло его стремительное продвижение до директора департамента. И вот, наконец, полгода назад он получил столь долгожданный пост, целый отдел, точнее отсек, государство в государстве. Теперь его перестанут дергать, он сможет работать обособленно, и в его жизни наконец-то появится больше тишины и меньше головной боли. К нему и раньше без серьезных оснований старались не соваться, а сейчас, когда он засел в обособке, в своей личной крепости, так подавно лезть не станут, и Роман этим наслаждался. Он никогда не любил людей, в своей массе они его раздражали. А раздражение провоцировало головную боль.

Роман Чернышев старался блюсти репутацию как мало что в своей жизни и исключений не делал ни для кого. Поэтому насчет Дарьи он всё решил сразу. Еще вчера директор спецотдела сделал несколько звонков и распорядился подтянуть к сегодняшним конференциям двух проверенных переводчиков: со знанием французского для первой, итальянско-

го – для второй. Второй зам, Семен Арсентьев, правая рука по вопросам организации переговорного процесса, возвращался из командировки к двенадцати, так что вся рутина ложилась на него. Также Роман Сергеевич попросил своего человека в аналитическом отделе подготовить тексты вероятных вопросов и ремарок, которые могли всплыть в процессе. Поднял стенограммы последней конференции, сверился, выделил важное, набросал вопросы. Он никогда не доверял секретарю подготовку скелета будущей встречи, ведь только сам мог знать, какие подводные камни могут всплыть в процессе. Ни у одного ассистента для такой работы просто не хватило бы ни квалификации, ни специальных знаний. Но Дарья не могла об этом догадываться, ведь она пока до конца не представляла, в чем заключались ее обязанности. Роман же в наказание за ее поведение не спешил просвещать секретаршу в этом вопросе. Обучение любой другой сотрудницы было бы организовано еще в первые десять минут присутствия той на работе, составлен его план, приставлены соответствующие люди. Но у Романа были два дня в запасе, завтрашняя командировка уже подготовлена, так что он решил без какого бы то ни было вреда для себя поставить Дашу на место. Зато сколько приятных минут он надеялся испытать!

Поскольку о том, что вопросы для переговоров всегда готовил сам директор Дарья не знала, он был уверен в том, что мысль о вопроснике новому секретарю и в голову не придет. Ей просто неоткуда было там взяться. Роман рассчитывал,

что, получив такое задание, ассистентка либо бросится готовить вопросы, что было заранее обречено на провал, либо, смущенная непониманием того, что ей делать, придет к нему с оправданиями. А там уж он бы действовал по ситуации, сориентировался бы как-нибудь. Отправил бы ее конференцию подготавливать или оборудование тэстить. И то, и другое, он уверен, пришлось бы ей по вкусу! Поэтому Роман был очень удивлен, когда девушка сообщила, что заказала вопросник Виктории. Пролистав список, директор сразу понял, что тот был составлен на основе стенограммы последних видеоконференций недельной давности, но также дополнен несколькими вопросами, вытекающими из сути проблем, обсуждаемых на прошлой неделе. Роман понимал, что вопросы эти были составлены наобум, но его удивило, что при этом в своей массе они вполне соответствовали тому, как их нужно было составить. Очевидно, что авторство не принадлежало Виктории, у той для такого просто не хватило бы мозгов. Значит, их составила сама Дарья, больше было просто некому. И дополнила ими вопросник, оставшийся со старых конференций. Ночью, видимо, сидела, она же упомянула в разговоре. Этот момент удивил уже очень сильно. Девушка оказалась хваткой. И это притом, что не ориентировалась в теме, а просто положила на логику, общие знания и... склонность к рисковому мышлению. В паре вопросов эта особенность просматривалась отчетливо. Обычно Роман сам руководствовался таким принципом при подготовке к

переговорам, но это было редко свойственно другим людям.

А дальше Дарья вообще убила наповал. Она всучила ему лист его контактов, систематизированный настолько круто, что он сам, похоже, узнал оттуда кое-что новое о своих взаимоотношениях с этими контактами. А потом взяла, и добила контрольным в голову: отказавшись от проведения конференции... попросила помощи! Вот уж заподозрить Дарью Свет Игоревну в склонности к подобному пороку Роман Сергеевич никак не мог. Ее поведение в течение всего вчерашнего дня совсем о том не свидетельствовало.

– Для вас мне ничего не жалко, – вспомнил Роман ее подначку. И как стояла напротив целую минуту. А он всё ждал, что сломается и напомнит о себе. Не сломалась, bestия... Зато он не помнит, как сам не сломался. Едва ведь не засмеялся, еле удержал бесстрастный вид на лице и в теле.

И еще он заметил, что Дарья со вчерашнего дня не переодевалась. Либо у нее было не так много одежды, что могло говорить о недостатке денег, либо она не ночевала дома, что говорило... О чем? Стало интересно. Надо было это выяснить. И другого шанса у него долго не будет. Пока все его замы в отъезде – почти нет хождений туда-обратно к нему в кабинет. Да и Дарья сегодня целый день у переводчиков. Так надолго она свои вещи без присмотра оставит еще не скоро. Решение созрело мгновенно, как и все его решения.

5.

Не найдя ее в приемной, Роман закрыл двери изнутри и подошел к шкафу. Он ведь так ни разу и не видел ее верхней одежды. Дарья приходила раньше, уходила позже. Он отодвинул створку шкафа-купе. На вешалке висела шуба. Вытащил из шкафа, покрутил ее в руках. Фирма ему неизвестная, но мех выглядит дорого. Глубокий, темно-шоколадный, приглушенно-бриллиантовый. Не слишком длинный, не слишком короткий. Да, без сомнений, вполне приличная норка. Повесил на место.

Внизу стояли сапоги. Те же, что и вчера. Роман подцепил один за край и поднял. Не брендовые. Натуральная замша, внутри овчина. Странно, у бегунка отломлена собачка. И как она их застегивает? Поднял второй сапог. Здесь бегунок на месте.

На полке лежал берет из лисы. Роман взял его в руки, осмотрел. Цвет меха необычный, от черной краевой линии к рыжему, поднимающемуся от лица, с бело-палевой дымкой. У девушки был очень хороший вкус. Или у того, кто ей это подарил. Резинка совсем износилась и превратилась в пластик, но мех был превосходный. Он взглянул на подкладку. Фирма неизвестная. Роман прислонился лицом и вдохнул аромат. Еле уловимый запах духов и каких-то как будто специй. Видимо, парфюм с такими нотами. Никаких посто-

ронных запахов, вроде нечистоты или старости.

Шарфа не было. Роману тут же вспомнилось:

– Шарфик себе выбирала. Под новое платье. Зарплата же скоро!

Тэкс-с. Шарфик, платье, зарплата. Зарплата. Зарплата. Роман любил разгадывать загадки. Эта девушка очень быстро становилась его любимой шарадой.

Он подошел к ее столу, открыл боковой шкаф. А вот и наша сумка! Роман вытащил ее на свет божий. Вроде вчерашняя. Но уверен он не был. В тот момент Дарья еще не интересовала его настолько, чтобы он стал приглядываться к ее сумке. Объемная прямоугольная черной кожи с золотой фурнитурой. Названия фирмы нет. Кожа похожа на натуральную. Но не бренд, это точно. Роман распахнул и эту тайну и обшарил внутренности своим внимательным взглядом. Первое, что бросилось в глаза – серебристый кожаный блокнот. Вытащил, раскрыл. Да что ж за пóчерк, прямо как у стенографистки, ничего не разобрать! Хотя, если приглядеться... Кое-что начинало складываться в слова.

Вдруг Роман осознал, что в приемной было недостаточно светло. Он взял сумку и направился в кабинет. Здесь было лучше видно.

Итак, блокнот... Он был совсем новый и содержал только несколько исписанных страниц. На каждой из них – столбики с пометками в виде тезисов, очень похожие на список дел. Роман пригляделся еще раз. Ему удалось прочитать лишь

небольшую часть из написанного, чаще всего это были пометки на английском, которые она делала в основном печатными буквами, отчего их было легче разобрать. Из первого достаточно длинного столбца ему удалось понять лишь первую надпись и несколько, что были под ней:

BASE OF PACE 120 FM 16.12

Танцы на стеклах ?

Девочка в печали ?

CRUEL INTENTIONS

Ниже следовал еще один столбец, в котором надписи были зачеркнуты. Здесь Роману удалось разобрать больше:

SIMкарта

Д.р. Лены

Отдать купальник на реставрацию

Перечислить \$

Но одна надпись оставалась незачеркнутой:

Кладбище 25.12

На следующей странице содержалось какое-то стихотворение на английском, видимо текст песни. Роман не стал на этом концентрироваться. Еще дальше было написано:

Зайти на кафедру

Коробка конфет Ларе

Далее значился номер телефона и имя: *Виктория*. Далее стояла пометка: *03.12*

И, наконец, в самом низу страницы через большой интервал была надпись:

Обследование 8.12

Это была последняя исписанная страница. Роман достал мобильный телефон и сделал фотографии всех страниц. Убрал блокнот в сумку. Вытащил небольшой плоский кошелек-конверт. В нем было несколько связок ключей. Он усмехнулся: что ж, если понадобятся слепки, то их он сделает позже. Эта мысль окончательно его рассмешила. Директор спецотдела компании СевМорНефть постепенно превращался в детектива с явно развивающейся склонностью ко взлому с проникновением... На ключах никаких брелков, зацепиться не за что. Всего три связки. Убрал на место. Вытащил небольшую прямоугольную косметичку. Расстегнул молнию. Деньги, восемь с половиной тысяч рублей, подводка для глаз (которой, кстати, на этих глазах второй день не было), две пластиковые карты на имя Дарьи Черновой, металлическая ручка без опознавательных знаков и несколько чеков – за бензин АИ-девяноста два, за продукты в магазине «Пятерочка» и за платье в «Детском мире». Роман сфотографировал и чеки.

Далее лежали билет на метро, ключ от Тойоты и маленький складной нож. Роман хмыкнул.

Также в сумке нашлось кожаное портмоне с правами и документами на машину. Чернова Дарья Игоревна, первого января девяноста седьмого года рождения. И повезло девчонке родиться первого января! Достался же кому-то такой подарочек на Новый год! Мелькнула мысль: и кому он, интерес-

но, достался? Или пока никому? Может, хозяин еще в пути? И что за задорные мысли его одолели сегодня с утра?

Машина была зарегистрирована на Чернова Игоря Алексеевича. Чернова. Белова. Чернышева. Как-то всё это было созвучно и по смыслу подбиралось. Он – Чернышев. Его жена когда-то носила фамилию Белова. Сразу ведь было ясно, что не сойдутся. Белову в Чернышеву никогда не перекрасить. А эта – Чернова. Даже фамилию сильно менять не придется... Опять-двадцать пять... Что с ним сегодня??? Таких странных мыслей в голове у Романа не было уже лет десять к ряду. Но он не был в этом виноват, такая подборка фамилий самопроизвольно наталкивала на подобные размышления.

Но он отвлекся. Итак. Одиннадцатая Тойота Королла две тысячи пятнадцатого года выпуска. Один и восемь литра, сто сорок лошадей. Для девочки вполне быстрая. Машине почти восемь лет. Роман снова сделал фото. Наконец, он добрался до паспорта. Фотография свежая. Теряла? Выходила замуж? Нет, фамилия отца, значит, вряд ли. Зарегистрирована в Москве. Живет на Динамо. Снова щелчок фотокамеры.

В боковом кармане лежал аккуратно замотанный полиэтиленовый пакет. В нем была упаковка отельного образца с зубной щёткой и мини пастой, маленькая расческа для волос без ручки и малюсенький дезодорант. Ага, значит, второй вариант: она не ночевала дома. Тогда откуда электрический коврик припёрла? Специально купила? Когда успела, если Роман вчера с работы ушел в половине девятого, а она еще

была на месте, а сегодня так вообще в семь тридцать утра умудрилась его опередить... И туфель вчера не было. Или были? Просто без коврика мерзла и поэтому не переобувалась?

Последним предметом, привлёкшим его внимание стала флешка. Она лежала в самом маленьком кармане сумки. Роман подключил устройство к своему компьютеру. На нём содержался только один файл. Установочный. Понятно, та самая прога. Он скопировал его к себе на компьютер и отсоединил флешку.

Роман закончил.

Когда сумка ее обладательницы вернулась на свое законное место, он повернул дверной замок и почти столкнулся с Семеном. Голова ментально переключилась. Аналитикой по Дарье Свет Игоревне он займется позже, когда появится время. А сейчас дела.

– Проходи, Семен. Тебе работенки подвалило.

Тот вопросительно взглянул.

– Со вчерашнего дня новая ассистентка. Входит в курс, конференции тебе готовить придется.

Семен кивнул.

6.

Командировка прошла ровно, задерживаться не пришлось, поэтому уже в четверг Роман был в офисе. Правда, пришлось немного припоздниться, в кой-то веки свалил сон, еле оторвался от подушки.

В приемной было пусто и темно. Он немного удивился. Прошел в кабинет, скинул на диван дубленку, приблизился к столу. И только тогда обратил внимание на записку на столе:

Роман Сергеевич, сегодня я в архиве и у аналитиков. До конца дня надеюсь закончить. Переадресация работает, но важных звонков не было (если только Франческо). Конспект событий на обороте.

Роман перевернул лист и обалдел. Он прочитал:

07.12:

9.15. Наиль Исмаилов, нефтеналивной терминал «Арктический путь», насчет согласования объема поставок на январь → FW Денису Прокопенко СМН (главспец отдела по работе с поставщиками), так как замдир на конференции.

9.20. Он же, насчет вашего присутствия на открытии спорткомплекса – 16.12 в 12.00. – детали у вас в телеге. Предупредила, что не сможете, сослалась на занятость в связи со встречей директора мурманского филиала, но программу попросила всё же отправить, чтобы на всякий случай у вас была.

9.35. Александр Сибирцев, адвокат, насчет уточнения исковых требований (каких именно уточнять не стала, в мои обязанности это ведь не входит?) → перезвонит сегодня в 13.00, на случай если после командировки в офисе вы появитесь поздно.

9.37. Ваша жена, по тому же вопросу → FW Сибирцеву.

10.45 Анатолий Маслаченко, СМН Мурманск, директор филиала, насчет визита в Москву 15.12 → перезвонит сегодня в 13.30. Список вопросов у вас в теге.

11.30. Звонок из приемной гендиратора СМН. Просьба зайти, как вернетесь. → В тегу писать не стала, решила сообщить по приезду.

12.05. Звонок из приемной гендиратора УренгойНефти, насчет перерасчета поставок (судя по намекам, так поняла, что с вас должок) → писала в тегу, но напоминаю. С вас звонок.

12.20. Ирина Аникеева?!, представилась неразборчиво, должность не назвала. Финдиректор по Италисте? (в списке контактов не нашла, так решила из контекста), насчет организации встречи в Риме → писала в тегу. Перезвонит сегодня в 15.00

12.40. Сильви́ Пуатье, ведущий юрист Лердони, офис Курбевуа́, насчет внесения изменений в контракт → документы на вашей почте, а также FW Аркадию Бурулеву СМН (главспецу договорного отдела). Но она в ожидании ответа. Пока сориентировала ее на конец недели.

13.55. Алишер Алиев??? Должность не назвал. Контакт не нашла. Послушал мой «красивый голос» и тем удовлетворился → писала об этом в телегу.

14.25. Снова ваша жена. Тот же вопрос. Тот же ответ.

14.30. Снова Сибирцев. Был мною недоволен. Объяснила, что такая у него работа, так что придется потерпеть.

15.15. Анри Лекок, глава департамента разведки Лердони Париж, когда узнал, что вы в командировке, вопрос озвучивать не стал. Объяснила, что по должности ему, скорее всего не к вам → FW Андрею Горенко СМН (Директор департамента разработки месторождений. Это самое близкое к разведке, что было в списке ваших контактов. К разведчикам посылать не стала, никого из них не было в вашем шорт-листе). Предварительно созвонилась, их разговор с Горенко был согласован.

15.40. Франческо Д'Ампеццо, замдир Марко Росси, гендир Итальясты, по поводу встречи в Риме. Что конкретно хотел узнать, так из него и не вытянула. Не разобралась что с ним делать, звонила вам лично.

15.55. Элеонора Завьялова, финдир СМН. Насчет годового баланса по спецотделу. У вас с ней ужин сегодня в 19.00. После нашей стычки не смогла вас отмазать, дама была настроена решительно. Можете меня уволить. В телегу сообщать не стала, чтобы раньше времени не расстраивать.

16.20. Ирина Аникеева?? Как она с такой дикцией еще при должности? Опять по Риму. Ну очень хотела вас сию

секунду. В общем, всё без изменений, перезвонит сегодня в 15.00

17.05. Звонила Виктория. Контрольный рентген тоже плохой, осколочный перелом сустава. По прогнозам не меньше двух месяцев.

Резюме:

1. Зайти к гендиру
2. С вас звонок гендиру УренгойНефти (должок)
3. Контроль – Денис Прокопенко (объем поставок)
4. Контроль – Аркадий Бурулев (по поводу Пуатье), посмотреть контракт на почте

13.00 будет звонить Сибирцев (раздел имущества, увольнение секретарши)

13.30 будет звонить Маслаченко (визит в Москву мурманского филиала)

15.00 будет звонить Аникеева?? (откройте уже тайну, как ее зовут и кто это вообще?)

Уточнить с Горенко по поводу Лекока, если сочтете

19.00 ужин с Элеонорой (не сочтите меня мстительной, я, правда, не хотела)

Роман не заметил, как сполз в кресло. Теперь он откинулся на спинку. Кабинет залился его раскатистым хохотом.

7.

После совещания с Семеном у Романа впервые за день появилось свободное время. Было уже пять тридцать. Приемная всё еще пустовала. В командировке директор спецотдела как-то подзабыл о своей новой ассистентке. Так с ним случилось всегда: бизнес стоял у него на первом месте, и за делами Роман забывал обо всём. Кроме дела. Но, найдя днем у себя на столе результат вчерашней работы Дарьи Свет Игоревны, он стал чувствовать, как та снова начинала плотно заползать к нему в голову. В течение дня они переписывались в телефе, звонила же Дарья всего два раза. Даже звук ее голоса теперь поднимал в Романе теплую волну. Но этого было недостаточно. Он хотел ее видеть.

Разделавшись с делами и оставшись в одиночестве, директор сразу подумал о ней. Он достал телефон и открыл фотоальбом. Пролистывая сделанные позавчера фотографии ее вещей, он задержался на первом фото ее блокнота. Его внимание привлекла надпись:

BASE OF PACE 120 FM 16.12

И дальше:

Танцы на стеклах

Девочка в печали

CRUEL INTENTIONS

Было похоже на название песен, а уж в сочетании с над-

писью 120 FM, так вообще наводило на мысль о радио. Вот только частота какая-то странная. Он ввел в поисковую строку: BASE OF PACE. И сразу всё понял. Это было название клуба бейсджамперов. Но, видимо, ребята занимались не только прыжками с парашютом, но и с веревкой. На их сайте в разделе «Объекты для прыжков с веревкой в Москве» числилась вышка 120 FM. Она располагалась в Ногинском районе Подмосковья и называлась так потому, что была высотой в сто двадцать метров. Очевидно, что 16.12 – это была дата. Пятница. Следующий день после приезда директора мурманского филиала.

Следующие за главной надписью заметки ни о чем Роману не сказали. Он мог только гадать, чего не привык делать, поэтому, решил поискать дальше. Далее был блок зачеркнутых надписей:

SIM-карта

Д.р. Лены

Отдать купальник на реставрацию

Перечислить \$

Значит, день рождения уже прошел. И она подарила деньги? А причем тогда купальник? И что за купальник это должен быть, чтобы отдавать его на реставрацию? Зимой, в минус тридцать. Или он и был подарком? Тогда становилось еще непонятнее.

Кладбище 25.12.

Последняя незачеркнутая надпись, последняя зацепка.

Это воскресенье. На следующей неделе после вышки. Ее законный выходной. И почему такая конкретная дата? Что-то с ней связано? Или просто свободный день? Ну и, конечно, главный вопрос оставался открытым: зачем ей на кладбище? Экстрим, как вышка, или кто-то умер? И сим-карта. Новая? Для каких целей? Или старую заменить? Тогда какую симку она использует при общении с ним? Ведь телефон-то работает. Особенно этот вопрос стал интересовать Романа в сочетании с кладбищем и вышкой.

Далее следовало:

Зайти на кафедру

Коробка конфет Ларе

Номер телефона и имя: *Виктория 03.12*

Роман сверил, это был номер его ассистентки. Третьего декабря, в субботу, Дарья в первый раз встречалась в офисе с Викторией, та вводила ее в курс дел. На следующий день после того, как сломала руку. Но имя Лара... Не его ли многолетняя секретарша тире любовница Лариса? Скорее всего совпадение, но надо запомнить.

И последняя разборчивая надпись:

Обследование 8.12

Из всего выходило, что Дарья не была исключением, и вела свой блокнот также, как и большинство людей на планете: по мере поступления дел. И устройство на работу, как ему и полагалось, числилось последним. Ну или почти. В самом конце значилось какое-то обследование, и оно выпада-

ло на... сегодняшней день??? И как Роман не обратил на это внимания раньше?! Хотя, что можно было сделать? У него всё равно не оставалось времени на то, чтобы что-то предпринять. Сегодня был четверг. Рабочий день. Который официально длится с девяти до шести, а неофициально с семи до девяти. Когда обследоваться, если у нее и обеденного перерыва-то нет?! Пропустила? Хм... Роману становилось всё интереснее. Он отметил в своем календаре две даты: шестнадцатое (пятница) и двадцать пятое (воскресенье) декабря и подписал: ДСИ. Дарья Свет Игоревна.

Он постарался вспомнить всё, что выяснил о девушке и привести эти знания хотя бы в какое-то подобие системы. Итак.

Молодая. Ее возраст подтвердился. И, что особенно пришлось ему по вкусу, не слишком молодая. Через месяц ей исполнится двадцать шесть. Между ними была разница чуть больше, чем в десять лет. Почему-то это его обрадовало.

Красивая. Ну, тут без особых аргументов, они и не требовались. Просто красивая и всё. Хотя, один Роман всё же нашел: она не пользовалась косметикой, но при этом выглядела очень... качественно. Дарья, наплевав на давление окружающего мира, не пыталась себя улучшить, добиваясь тем самым обратного эффекта. Вспоминая, как он обшаривал ее вещи, Роман снова улыбнулся. В косметичке не было ни намека на то, для чего она была предназначена. Там было всё – от денег до складного ножа, но только не косметика. Один

карандаш для глаз, но и тот остался без работы.

Смелая. Видимо, занимается экстримом или как минимум тянется к миру острых ощущений. Это была настолько яркая черта характера Дарьи, что Роман был вынужден признать ее влияние даже на него самого.

Похоже, что со вкусом порядок. По крайней мере, по тем вещам, что он видел, складывалось такое впечатление. Ведь вкус – это врожденная особенность. Да, ее можно и нужно развивать, но без исходного материала развиваться будет нечему.

Ей плевать на то, что о ней думают. Этот вывод вытекал из двух его наблюдений. Первое: Дарья носила качественные вещи, но ни на одной он не нашел отсылки к известным брендам. Второе: с людьми она вела себя уверенно и даже дерзко. Это был ее посыл человечеству: принимайте меня такой, какая я есть, или идите к черту.

Небогатая. Отломленный бегунок на молнии от сапог, сносившаяся резинка берета, недорогая машина семилетней давности, записанная на отца, признание в первый день, что ей требуются деньги, а потом и эти излияния про шарфик и зарплату. И билет на метро. На пару с ключами от машины.

В непонятных отношениях с семьей. После первого же рабочего дня, который трудно было назвать легкой прогулкой, ночевала вне дома, не имея даже возможности переодеться, а, значит, и нормально отдохнуть. Что произошло? Есть связь с выходом на новую работу? Или это совпадение?

Москвичка. Родилась в Москве, зарегистрирована на Динамо... Роман увеличил фотографии чеков на экране мобильного, рассмотрел адреса. Магазин «Пятерочка» – недалеко от Ленинградки. Значит, живет там, где прописана. И что она там купила? Овсяная крупа, молоко, куриное филе, яблоки, кефир и хлеб. Да, не густо. А вот «Детский мир» был тот самый, что открылся после реставрации. Хотя Роман с тех пор в нем так и не побывал, это работа жены и его ассистентов. Но он знал, что там всё дорого и решил приглядеться к сумме чека: шесть с половиной тысяч за платье. Значит, какие-то деньжонки всё же водятся? Когда речь идет не о ремонте собственных сапог, а о подарке для Лены... Очевидно, что он предназначался той самой Лене, у которой был день рождения. Вряд ли это совпадение. И, раз «Детский мир», значит, Лена – это ребенок.

Далее... Заправка на Сущёвке. Полный бак девяноста второго. И что дальше? Только он втянулся, как материалы для исследования закончились. Роман поиграл пальцами правой руки. В глазах мелькнула мысль.

Через десять минут общения с чат-ботами и изучения соцсетей, собрав всю полученную информацию о Дарье Черновой, Роман подумал о том, что у него ее было... не густо. Он рассчитывал на большее. Девушка в интернете почти не присутствовала. Ее не было ни в Инстаграме, ни ВКонтакте, ни в Фейсбуке. В сеть о ней была слита только общая информация, которая обычно там есть обо всех: номер мобильно-

го, адрес проживания, налоговый и пенсионный номера. Но он хоть зацепку нашел: мобильный номер, по которому они общались, был чист как слеза младенца. А вот тот, что слит в сеть, похоже, являлся ее постоянным номером. Значит, всё же сменила симку? Специально перед выходом на работу? Или совпадение? Что-то Роман уже стал привыкать к тому, насколько часто это слово приходило ему на ум в связи с Дарьей. И директору спецотдела это не нравилось.

Тем не менее реальный номер ее телефона тоже многого не прояснил. Пластиком почти не расплачивалась, составить более-менее внятную картину того, как она живет и что любит по немногочисленным платежам, было трудно. Главное, что они не складывались в систему, скорее это были разрозненные от месяца к месяцу данные. Никаких ежемесячных выплат, никаких повторяющихся покупок.

Объявлений о продаже вещей не давала, так что и здесь Роман прошел мимо: узнать что-то новое о ее жизни и привычках не удалось. В интернете – никаких упоминаний о профессии или работе. В одноклассниках Дарьи тоже не было, поэтому выяснить хоть что-то о ее школе, институте и круге общения тоже не получилось. Но это Романа лишь раззадорило. Даша и подозревать не могла, насколько она сейчас была в опасности.

И вот, дверь в приемной издала звук. Роман бросил взгляд на часы. Ровно шесть. Это была она.

– Дарья, зайдите ко мне.

Сегодня девушка была бледна. И на ней снова было то же платье, только сережек не надела. Четвертый день подряд один и тот же наряд, если только она вчера не переодевалась, но ведь тогда и сегодня была бы в другой одежде. Дарья бросила на него один взгляд, а потом уткнулась им в пол.

– Добрый вечер, Роман Сергеевич. – Даже голос ее звучал иначе.

И он сразу всё понял. Вряд ли на работе за этот день могло случиться что-то, способное так сильно повлиять конкретно на данного индивида. Дарья не пропустила обследование. И результат ее расстроил. Вот в чём было дело. Роман пристально изучал ее, пока она не подняла на него глаз. Смотрит уверенно, как всегда. И директор принял решение. Он снова проиграл в битве с собственной непредсказуемостью. Роман встал и двинулся по направлению к ней.

– Скажите-ка мне, Дарья, вы о себе всю жизнь такого высокого мнения, или это результат эволюции?

Смотрит. Каменное лицо. Ни намек на эмоцию. Монотонная речь, с налетом раздражения, чего раньше Роман не припоминал:

– Из утробы такая вылезла. А у вас какие-то конкретно претензии?

– Не так чтобы... Скорее для общего развития интересуюсь. – Он перебежал взглядом между радужками. Свет падал как раз на ее лицо и Роману, наконец, удалось уловить, что они были стального цвета, с искрящимися кристаллами воз-

ле врачков. – Вас кто просил самодеятельностью заниматься?

– Можно поконкретнее?

– Я вам по-человечески объяснил. Обо всех звонках сообщать в телегу, никаких решений самостоятельно не принимать, а возникнут сомнения – звонить. В каком месте вы не расслышали?

– На слух не жалуясь. Так вы конкретизируете, или я пойду?

Она снова смотрела в сторону. Такое было впервые, чтобы он задавал ей вопрос, а она при этом не смотрела в глаза. Роман подошел совсем близко.

– Сейчас конкретизирую.

Он сделал паузу, а затем вдруг схватил ее одной рукой за шею, а другой резко толкнул в плечо. Через секунду Дарья оказалась прижатой к стене. Роман навис над ней, не убирая руки с шеи, но всё же и не сжимая ее слишком сильно.

– Мне вчера только ленивый не перезвонил и не спросил, что за девица у меня в приемной на проводе повисла. Ты решила свое остроумие попрактиковать на моих делах?

Дарья сглотнула. Она стояла, свесив руки вдоль тела, и не двигалась. Ее пересохшие губы были приоткрыты, но глаза, как всегда, смотрели в глаза. На секунду в них промелькнуло что-то, похожее на замешательство, но спустя миг они опять смотрели уверенно. Даша прикрыла веки, постояла так, еще раз сглотнула, а когда снова уперлась в него своим взглядом, там появилось что-то зловещее. Она молчала. Ее дыхание

становилось все более порывистым.

– Чего ты добиваешься? – послышалось тихо возле самого уха. Роман уперся носом в ее висок.

Даша молчала.

– Хочешь, чтобы я тебя прямо здесь трахнул? Так я с удовольствием! И даже с тобой не посоветуюсь.

Без ответа. Тогда он взглянул ей в лицо.

Даша смотрела с такой холодной яростью, что от этого становилось жарко, и Роман едва не переборщил, сжимая ее горло, такое сильное влечение он почувствовал в этот момент. Вторая рука заскользила вниз. Он остановил ее на подвздошной кости и вжал девушку в стену. После – приблизился к губам, но не поцеловал. После – еле уловимо скользнул своими губами по ее щеке, добираясь до уха. Затем – слегка прикусил мочку, а потом, отстранившись, снова устави́лся на Дашу. Рот ее теперь был сильно раскрыт, нижняя губа слегка оттопырена. Роман кожей чувствовал где-то в районе шеи, как по нему скользит теплый шлейф от ее дыхания, медленного и глубокого. О, нет, Даша не изнемогала от нервной дрожи и не билась в резких конвульсиях. Она дышала всё реже и всё глубже, но при этом всё более порывисто, обдавая Романа каждым своим горячим выдохом. Наконец, он отчетливо видел, что она горит, как и он сам. Это читалось в лице Даши, на котором проступало нечто звериное. Но она продолжала стоять без движения.

– Что молчишь? Язык проглотила? – Рука медленно

скользнула вниз, проникая ей под юбку. – Всё остроумие на телефонные разговоры израсходовала?

Теперь он принялся стаскивать с нее колготки. Даша продолжала стоять с раскрытым ртом. Она не пыталась остановить Романа. Он разжал руку, которой держал ее за горло, и та тоже скользнула вниз, замерев на груди. Лишь в этот момент девушка слегка дернулась, но тут же снова замерла. Тогда он не выдержал и прорычал ей на ухо:

– Что молчишь, я тебя спрашиваю? – закончив с грудью, он резко схватил ее за волосы, пытаясь высвободить их из-под резинки. Вторая его рука уже почти добралась до пункта назначения у нее под юбкой.

Вдруг Даша медленно произнесла немного осипшим голосом:

– Волосы не трогайте, Роман Сергеевич. А то причесываться долго.

Роман усмехнулся, прижался лицом к ее волосам и процедил тихо:

– Нашла, о чем печалиться... – он вытащил свою руку из-под ее юбки и теперь пытался распустить волосы обеими руками. Наконец, это ему удалось. Каштановое облако прошелестело к плечам. – У тебя проблемы посерьезнее.

Он потянулся к своим брюкам, а затем схватил ее за ту самую выпуклость. Даша сказала:

– Может, не у меня, а всё же у вас?

Роман ухмыльнулся:

– И это все твои аргументы? Боюсь, их недостаточно...

Он уже приготовился закончить начатое, когда Даша тихо произнесла:

– Бойтесь. Это правильно. У меня гонорея.

Роман остолбенел. А ведь он уже стоял на пороге новых открытий, оставалась лишь секунда-другая. Моргнул, затем еще раз. Даша добила:

– Сомневаетесь? Тогда проверьте.

Роман Чернышев завис со свинцом наперевес. Он тут же вспомнил об обследовании. Осознание пришло не сразу. Зато, когда это случилось, эффект был сногсшибательный. Как будто весь тот свинец теперь обрушился ему на голову.

– Бл...ь... – выругался он.

– И мне приятно познакомиться.

Демоны в ее глазах немного повеселели, но от этого не перестали быть менее зловещими. Тихо и медленно она сказала:

– А теперь уберите руку с моего бампера, он всё равно уже остывает.

Но Роман не мог пошевелиться. Он продолжал стоять и смотреть ей в глаза...

Всё же и это должно было пройти. Всё когда-то проходит. Он слегка отступил и разжал пальцы, которыми держал ее за бедро. Даша так и не подняла рук. Она сместилась влево и медленно вышла из кабинета.

Тут же со стороны раздалось тихое покашливание. Роман

повернулся на звук и увидел в дверях кабинета фигуру своего первого зама. Летучий смотрел на него... удивленно. Директор спецотдела поправил брюки и сделал знак головой, чтобы тот проходил.

– Двери закрой, – скомандовал Роман.

8.

Когда Виталий покинул кабинет, Роман вышел в приемную. Даши не было. В центре ее стола лежал конспект сегодняшних звонков. Список был составлен заметно суше, это просто бросалось в глаза. С девушкой явно что-то происходило, она не была похожа на себя.

Роман задумался. А ведь все факты собирались в единую картину: ее смелость, склонность к экстриму, сильный характер. Она вполне могла вести беспорядочную половую жизнь и подцепить заразу. К тому же Дарья не знала, что он обшарил ее вещи и видел запись о сегодняшнем обследовании. Но всё же что-то не давало Роману принять эту версию за основную. Может, ему не хотелось верить в ее правдивость? Нет, просто что-то не сходилось. Директор вспомнил ее взгляд. По спине снова пробежали мурашки.

Позже вечером он налил себе выпить. Нужно было еще раз всё обдумать. Роман не хотел видеть жену, и поэтому не поехал домой, а навестил свою квартиру на Фрунзенской набережной. Сегодня ему надо было побыть в одиночестве.

Он и сам не заметил, как азарт последних дней захлестнул его настолько, что ему стало более нестерпимо ждать. Он не хотел больше тратить ни минуты своей жизни на поиск информации о Даше. Ему нужно было узнать всё. Прямо сей-

час. Узнать, чтобы понять. Что он не ошибся.

Роман был готов к чему угодно, только не к тому, как всё повернулось. Он ожидал, что Дарья начнет сопротивляться, или что, наоборот, сама на него набросится. Что станет с ним играть – погладит по щеке или полезет в брюки. С таким же наглым и самоуверенным видом, с каким всё время с ним разговаривала. Но более всего он ожидал, что его поведение станет для Даши в ее сегодняшнем состоянии неожиданно-стью и вызовет непонимание, обиду, возможно, даже слезы. Девушка явно была отчего-то не в себе, да что уж там, она была расстроена. И Роман хотел вывести ее на сильные эмоции, встрясти до последней пылинки искренности, узнать всё, что ему было нужно и сделать это как можно быстрее. А ведь самый эффективный способ – это стресс. Вероятности того, что это будет одноразовый секс он не допускал сразу. Даша сумела влезть к нему в голову, а в таких случаях секс только подливает масла в огонь, а не приносит разрядки. Если только он вдруг не ведет к сильному разочарованию, но в случае с Дашей Роман не предполагал такого исхода. Поэтому он собирался покопаться в девушке поглубже, чем просто трахнуть. Но сейчас ему было всё равно, что при этом Даша подумала бы о нем. Нет таких действий, которые потом нельзя нейтрализовать другими действиями, тем более если речь шла о Романе Чернышеве, мужчине с огромным опытом и диапазоном возможностей.

Но эта немая оторопь, которая овладела ею, охладила его

пыл. Бездвижные руки, не пытавшиеся принимать в происходящем какого бы то ни было участия, его просто обескураживали. Сначала Роман даже потерялся. Неужели он всё же ошибся? Неужто вся ее дерзость – это напускное, а внутри скрывается холодность и безразличие? Ведь допустить, что Даша не дает отпор потому, что просто сдалась на милость победителя, Роман не мог. Это точно было не про нее.

Но когда девушка открыла глаза, и он увидел ее взгляд, всё сразу встало на свои места. Будто Даша лишь брала паузу на обдумывание, а стоило осмыслить, как решение было принято. Нет. Она не сдалась ему на милость. И никогда не сдастся. Угловатые льдинки возле самых зрачков заострились тонкими стальными иглами. Роман кожей почувствовал, что еще немного, и, взорвавшись, этот лед разлетится на осколки, прошивая его тело насквозь. Но она не сопротивлялась. Весь огонь, заключенный в теле напротив, выходил наружу только через взгляд, и Даша не предпринимала никаких попыток прекратить то, что происходило, или хотя бы стать одним из действующих лиц в сцене, которая разворачивалась. А еще она молчала, и молчание это настолько бесило Романа, что от этого его влечение становилось просто неуправляемым. Да, он сразу решил, что доведет свое дело до конца уже сегодня, но всё же теперь сомневался в том, стоило ли. Не может же он заниматься сексом за двоих? Нет, он к такому не привык. Его жертва должна непременно участвовать в процессе, причем не важно в какой роли –

защиты или нападения. Даже активное несогласие – это действие, которое, кстати, часто заводит не меньше активного согласия. Тем более, что в большинстве своем для женщины это всегда лишь очередная роль, и многие играют ее намеренно, зная, что она приносит хорошие дивиденды. У Романа не было привычки ни с того, ни с сего набрасываться на незнакомых женщин. Если он и имел какие-то притязания, значит, был спровоцирован, а если кто-то кого-то провоцирует, значит, и сам хочет. Это неоспоримая истина. Если радио посылает сигнал в космос, значит, оно включено в розетку. Женщина, обесточенная от сексуальной сети, никаких сигналов в пространство не генерирует.

Поэтому Роман был убежден в том, что какую бы грубую сцену он не учинил, это кардинальным образом не изменит настроек их с Дашей отношений: она сама с первой минуты общения их задала, и теперь всё развивалось по проложенной ею же самой траектории. В какой-то момент Роман тоже должен был включиться в процесс, Даша не могла этого не понимать. Она не была наивна, в этом директор спецотдела не сомневался. За свою бурную жизнь он и на наивность не смотрелся, так что знал ее в лицо. Просто Роман Чернышев был сделан не из того теста, из которого обычно готовится выпечка. Он не собирался месяцами ходить за своей секретаршей, строя из себя джентльмена или романтика, чтобы потом, насытившись этим по горло, однажды взять свое. В такие игры он играл только на заре туманной юности, и они

всегда заканчивались тем самым разочарованием: либо объект оказывался не столь заслуженным, либо субъект перегорал. Поэтому Роман давно привык брать то, что он хочет именно тогда, когда у него возникало желание, ведь этот момент столь неустойчив и скоротечен, что его еще нужно поймать. А на такие глупости у него как раз никогда не бывало времени.

Но едва директор спецотдела прикоснулся к Даше, как что-то пошло не по плану. Да, Роман не ошибся, девушка генерировала те самые сигналы, но при этом он чувствовал, что эту сцену нужно было сворачивать. Он и сам себе толком не мог объяснить почему, но просто шкурой ощущал, что сейчас ему так действовать было не надо. Взгляд Дарьи пробирав до желудка, Роман не припоминал, чтобы с ним когда-то раньше такое происходило. Но ее по-животному раскрытый рот, нарушенное дыхание и пересохшие губы так живо свидетельствовали об остром желании, что Роман не нашел в себе сил, чтобы остановиться. Он даже забыл о том, где находится, расцепил пальцы, и лишь со стороны наблюдал за тем, как его стало быстро относить от берега, но он больше уже ничего не мог с собой поделать.

Когда девушка всё остановила, возможно, единственным способом, который мог бы сработать при таких обстоятельствах, Роман испытал что-то, похожее на шок. Сегодня он собирался применить шоковую терапию к Даше, что ж, не пожелай ближнему своему того, что этот ближний может тут

же, не отходя от раздачи, проделать с тобой самим. Таких сильных эмоций он не помнил, когда испытывал даже на переговорах. В голове пронесся контрастный шквал, от горячего к холодному и обратно. Но всё же на самых задворках его сознания, что-то шевельнулось: Роман испытал подобие облегчения. А немного позже, когда эмоции отступили и ему удалось всё обдумать, он обрадовался, что Даша нашла выход и из такой ситуации. Он даже подивился ее смекалке! Девочка сработала за них обоих, пока его мозги паслись на лужайке под сенью известного органа.

Роман мало во что верил в жизни, но в гонорею он больше точно не верил. Нет, Дарья бы с самого начала вела себя по-другому, если бы была больна венерическим заболеванием. Скорее всего, она не подпустила бы его к своему телу, не стала бы так явно дерзить и провоцировать на действие. Нет, Даша была готова к сексу, никакие препятствия ее не удерживали, сейчас Роман был в этом убежден. Но она не хотела, чтобы это произошло. Получалось, что хотела и не хотела одновременно. И умудрилась-таки не допустить исхода, который фактически был предрешен.

При любых других раскладах Роман взял бы ее прямо там, в кабинете. Если бы стала отбиваться – только сильнее бы раззадорила, что привело бы к единственно возможному итогу. Если бы вырвалась и попробовала убежать, он бы поймал и закрылся с ней в кабинете. Роман, кстати, так и хотел: прерваться на время, закрыть дверь приемной на случай

непредвиденных визитов или осложнений, а затем продолжить. В этот день он в такое время уже никого не ждал, но всё же незапланированно явился Виталий. От таких неожиданностей нельзя застраховаться, а заниматься сексом на глазах у подчиненных не входило в список пристрастий Романа Чернышева. Пусть это и не особо его трогало, но всё же он никогда не выставлял напоказ своих побед.

Но Роман настолько сильно вовлекся в процесс, что даже забыл об открытой двери. К тому же у него не возникло ни одной возможности, чтобы прерваться. Или просто голова от желания кружилась слишком сильно, чтобы он мог думать хоть о чем-то еще. Кстати, она опять разболелась, даже коньяк не помогал притупить это мерзкое гудение.

А дальше Роман планировал увести Дарью к себе. Вне зависимости от исхода и ее настроения. Он понимал, что девочка строптивая, и с ней, возможно, пришлось бы повозиться, но всё же не сомневался в успехе. Какой именно метод сработал бы – это не важно, но методов в его распоряжении было достаточно.

И вот теперь он сидел здесь один и постепенно напивался. Да уж, чудесное завершение вечера! Но и это было не самое неприятное. Роман не знал, что ему принесет завтрашний день: выйдет ли она на работу после случившегося? Он ставил на то, что выйдет. Но уверенности не было. От таких мыслей голова разболелась еще сильнее. Надо было что-то предпринять. Роман достал телефон, еще раз пробежался по

фотографиям ее вещей, минуту обдумал возникшую идею, а затем набрал номер телефона.

– Привет. Ты можешь сейчас приехать ко мне? Я пришлю водителя. У меня к тебе важный разговор.

В трубке некоторое время молчали, а потом раздался женский голос:

– Это не может подождать до завтра?

– Нет. Ты мне сегодня нужна.

Снова пауза.

– Хорошо. Я приеду.

– Через полчаса жди водителя.

Роман не сомневался в том, что такая постановка вопроса не оставит ей выбора. Она всё еще надеется и решит, что нужна ему. Это было неверное толкование его слов, ведь он вкладывал в них совсем другой смысл, однако прекрасно понимал, как именно бывшая секретарша их расценит. Но Роману было необходимо выяснить прямо сегодня, сможет ли она быть ему полезной. Завтра может быть уже поздно. Если и это не сработает, он попробует предпринять что-то еще. Но всё же директор спецотдела не сильно верил в совпадения. Они, конечно, случаются время от времени, но с Дашей их набиралось слишком много. Нужно было проверить.

Он встретил Ларису тепло. Настолько, насколько на эту теплоту был способен. В ее глазах промелькнуло что-то от затравленного зверька. Нет, она держалась спокойно, стара-

лась не выдать своего волнения, напустив на себя немного излишней при данных обстоятельствах решительности. Но зверек все же нет-нет да и вылезал наружу, показывал суксившуюся мордочку, а потом заползал обратно в глубину ее черепной коробки. Роман почувствовал досаду. По всем канонам ему следовало испытывать к Ларисе жалость, но у него не выходило. Она не вызывала уважения. Тем не менее сейчас он нуждался в информации, поэтому постарался не выдать своего раздражения.

– Лариса, я сразу к делу. Будешь что-нибудь пить?

Она мотнула головой. Не будет.

– Моя ассистентка сломала руку.

В глазах Ларисы мелькнуло выражение непонимания, но Роману показалось, что в нем содержались и ноты надежды. Она сейчас размышляет, зачем он ей позвонил. И предположила, что он предложит вернуться и, возможно, даже будет убеждать ее это сделать. Как же она ошибается! Что ж, придется ее разочаровать.

– Мне прислали новую девушку. Подменную. На месяц. Из твоего института. У тебя же мать – заведующая кафедрой?

Лариса, кажется, начинала осознавать, к чему он клонил. По выражению угасающей надежды на ее лице Роман понял, что угодил прямо в яблочко.

– Мы оттуда всех кандидаток перебрали и, я так понимаю, твоя мать решила спросить у тебя. Это ты ее посоветовала,

так?

– Я. А что, что-то случилось?

– Нет. Но девушка хорошо себя показала за эти дни. Особенно на фоне других. Я в первое время думал, что таких, как ты больше у меня не будет. Ты, конечно, от Бога личный помощник, Лариса. После твоего ухода хлебнул, что уж там. Жаль, у тебя только английский. Но эта девушка может со временем влиться. К тому же кандидаток лучше всё равно нет. Я хочу ее оставить. Поэтому мне нужна информация о ней. Ты же понимаешь, что я не могу держать возле себя непроверенного человека.

– И поэтому ты заставил меня приехать к тебе? В четверг? В пол-одиннадцатого ночи?

– Позже будет поздно. Со следующей недели начинается ад. К тому времени мне надо будет хотя бы в общих чертах понимать, какую информацию ей можно доверить. Прости, я знаю, что причинил тебе неудобство, но по-другому никак.

Она размышляла. Роман понял, что от обиды Лариса может закрыться в собственном коконе, и тогда он ничего из нее сегодня не вытянет. Конечно, завтра можно будет попробовать узнать что-то через ее мать, но та тоже может быть не в курсе. И он решил действовать в несвойственной для себя манере. Роман подошел к Ларисе ближе, пододвинул рюмку и плеснул ей немного коньяка. Посмотрел в глаза ласково, по крайней мере, постарался такой взгляд симитировать. Ему становилось противно от самого себя, он никогда раньше не

наступал на горло собственной песне, но сегодня всё было впервые. У него не осталось выбора.

– Лар, помоги, пожалуйста. Я так намучился после твоего ухода, а сейчас еще год закрывать надо. Без нормальной помощницы мне будет трудно.

Она сидела на высоком барном стуле, опустив глаза. Роману показалось, что она сейчас заплачет. Он подошел близко.

– Знаю, что я тебя сегодня побеспокоить заставил...

Лариса порывисто вздохнула.

– Побеспокоить! – она нервно усмехнулась и закатила голову, чтобы не дать пролиться слезам. Удерживать их больше не получалось. – Да уж, Рома, ты заставил меня побеспокоить...

Роману происходящее было противно. На несколько секунд он закрыл глаза, но потом всё же уговорил себя ее поцеловать. Лариса дернулась, замерла, нервно обхватила его за шею, потом зарылась пальцами в волосы.

В голове его пронеслась сцена в кабинете. Роман был немного пьян, но явно недостаточно для того, чтобы алкоголь смог смазать поднимавшееся со дна чувство омерзения. Он не мог понять, к кому это испытывал, к женщине, которую сейчас целовал или к самому себе. Это было так странно и не похоже на него. Ведь Лариса всегда нравилась Роману, но сегодня она раздражала его даже сильнее, чем при последних встречах. Она снова обняла его за шею и уперлась

лицом в грудь.

– Рома, я... Я так ужасно соскучилась по тебе. Ничего не могу с собой поделать. Не могу просто взять и стереть тебя из жизни. Не получается. Пять лет так просто не перечеркнуть.

Роман поднял взгляд к потолку и наморщил лоб. Наверное, ему всё это снится... Пока Лариса продолжала исповедоваться, он зажмурился и постарался выровнять дыхание. И, как назло, перед глазами тут же снова нарисовалась сцена в кабинете. Он даже отключился на несколько секунд. Она. Ее взгляд. Губы. И дыхание на коже. Горячее, с ног сбивающее. Он тихо простонал.

Резким движением Роман поднял любовницу на руки и отнес в спальню. Он был возбужден. Бросил ее на кровать, навалился сверху, стал стаскивать с себя штаны. Лариса пыталась его целовать, она, похоже, тоже была на взводе, но Роману не этого было нужно. Он взял ее рукой за подбородок, отвернул от себя и прохрипел:

– Не надо. Не делай ничего. Просто полежи спокойно.

Лариса замерла. Секунда, две, три, четыре, пять, шесть, семь. Она подняла руки и закрыла ими лицо. Роман будто увидел себя со стороны. Порыв закончился также стремительно, как и начался. Он перекатился и лег на спину.

Женщина тихо плакала. А ему хотелось завывать. Он сел на край кровати и сказал:

– Прости. Я не хотел тебя обидеть. Прости.

Директор поднялся и ушел в кухню...

Когда за его спиной послышался голос бывшей секретарши (или любовницы), впрочем, какая теперь разница... просто бывшей, Роман уже прилично принял на грудь.

– Ты в нее влюбился?

Он обернулся, и посмотрел на Ларису из-под сдвинутых бровей.

– В эту девочку. Да, Рома?

Роман продолжал смотреть с тем же выражением. Лариса стояла в кухонном проходе.

– Впрочем, это не так уж и удивительно. В нее многие влюбляются. Только я и подумать не могла, что она и до тебя доберётся. Ты же скала.

Роман молчал. Лариса грустно рассмеялась.

– И я понимаю, что ты не виноват в том, что тебе безразличны мои чувства. Ты просто такой. Я ведь всегда это знала. Знала, на что шла. И в этом ты тоже не виноват. Никогда не держал. Сама такой путь выбрала, сама и виновата. Но я так больше не могу. Поэтому давай так: я расскажу тебе всё, что ты хочешь. В обмен на то, что ты дашь мне слово никогда мне больше не звонить.

– Прости меня.

Она заплакала. Роман подошел и положил руку ей на плечо. Лариса отшатнулась.

– Нет. Не трогай меня. Пожалуйста.

Он отступил на шаг.

– Прости. И спасибо тебе. Даю слово.

Роман подлил коньяка в ее рюмку. Лариса залпом осушила ее и села на прежнее место.

– Только можно сначала один вопрос?

Она кивнула.

– С чего ты взяла, что я в нее влюбился?

Лара усмехнулась:

– Рома, я больше пяти лет тебя знаю.

Наступила пауза. Она пояснила:

– Ты же и сам мог узнать всё, что тебе нужно. Стоило только задание дать, и уже к концу недели на твоём столе лежал бы полный отчет. Но ты не хочешь светить свой интерес. Одно только это уже говорит о многом. И тебе нужно мнение со стороны. Того, кто ее знает. И я понимаю, почему. Потому что знаю ее. Не настолько, как тебе бы того хотелось, но всё же.

Они снова помолчали.

– И еще... Ты не был таким. Как сегодня. Никогда не был. Ты не вызываешь к себе женщину, которую не хочешь, не пытаешься произвести на нее впечатление и уж точно не спишь с ней ради того, чтобы что-то о ком-то узнать. Представляешь, а я ведь даже в какой-то момент тебе поверила. Именно потому, что это на тебя совсем не похоже. Решила, ты, и правда, что-то ко мне чувствуешь. Но всё это было ради нее. Ведь так, Рома?

Он кивнул.

– И после этого ты спрашиваешь, с чего я решила, что ты

влюбился? Да ты в нее по уши, Рома! Примерно так же, как я в тебя...

Роман развернулся, подошел к окну и прислонился лбом к стеклу. Лара сказала:

– Даша дочь моей лучшей подруги.

Он вернулся к столу и сел напротив. Лариса стала рассказывать:

– Женя рано ее родила. Лет в девятнадцать. Она чемпионкой была. По прыжкам на батуте. Но травма из спорта уйти заставила. Игорь всю дорогу за ней ходил. Перспективный был, зарабатывал хорошо, она и выскочила замуж без любви. Красивая она, Женька, видная девка всегда была, мужиков вилось – тьма. Да вот только Игорь оказался самым настойчивым. Всех разогнал. И зря. Брак у них несчастливый вышел. Думаю, он и сам не рад. Налей мне еще коньяка.

Роман поднял бутылку и налил побольше.

– Мы с Женькой с детства были неразлейвода. За одной партой сидели. Разные такие, а сдружились. Я – серьезная, правильная, а она – как стрекоза: яркая, веселая, легкомысленная. Всегда с улыбкой по жизни и на любые трудности – ноль внимания. В общем, Даша появилась почти сразу, без особых размышлений, как всегда и всё у Жени. Но ребенком она несильно занималась, у нее в рекламе стали хорошо дела складываться, и девочка бесхозная росла. Игорь тогда еще был главным добытчиком в семье и много работал. Дашу отдали в ту же спортшколу. Как чуть подросла, так там

в основном и пропадала. Я в то время уже учебу закончила и сразу в работу сильно погрузилась. Поэтому мы с Женей стали мало общаться. Так что о Даше я тебе многого рассказать не смогу. Но кое-что знаю. Подлей еще.

Роман подлил. Лара выпила залпом и поморщилась.

– Даша с характером росла. У родителей не клеилось совсем, и она так протестовала. В спорт уходила с головой. Ее тренер ей больше как мать была, чем Женька. Та мне как-то жаловалась. Девочка она была высокая, худая, несуразная, в общем, совсем не для акробатики. Там больше все сбитые, плотные. Но Даша характером брала. Безбашенностью, что ли. И силой воли. Думали, чемпионкой станет, как мать. Но вышло иначе. Плановое обследование показало, что у нее ранний артрит и еще какая-то костная болезнь. Не помню точно, там название какое-то... дис... что-то там. В общем, Рома, хочу тебя расстроить. Она – больная девочка. Там сложное заболевание. Но вроде бы рано выяснили, вовремя лечить начали, так что прогноз был оптимистический. А как сейчас – не знаю. Стоило к тебе на работу устроиться, со всем миром связь потеряла.

– А как получилось, что ты ее ко мне прислала?

– Так и получилось. Я же на тебя уже полгода не работаю. Хотя какие-то проблески жизни появляться стали. Мы с Женькой до сих пор поблизости друг от друга живем, она, как деньги накопила, квартиру рядом купила в новом доме. В магазине случайно встретились, разговорились. На обед

ее пригласила. Там она мне о своей жизни и рассказала. С Игорем они развелись почти сразу, как только Женька стала нормально зарабатывать. Хотела и Дашу к себе забрать, но не тут-то было! Та ей как дай, да и выдай, что Женя не мать, а предательница, никогда ее не любила и всё в этом духе, и что она останется с отцом. Игорь квартиру Женьке оставил, а сам с Дашей переехал в соседний район, поближе к спортшколе.

Рассказала еще, что живут они скромно. Игорь после переезда стал работать на дому, чтобы больше времени проводить с ребенком. А потом и болезнь эта. На лечение денег стало много уходить. Но от Женьки они ничего не принимали. А та снова замуж выскочила, так что не особо по этому поводу переживала. Как всегда, в своем амплу! Но похвасталась, что Дашка у нее улетная девчонка выросла, сама в институт какой-то топовый поступила, полиглотом стала, а потом и вообще во Францию уехала, потому что работу там нашла. Но спустя несколько лет обратно вернулась. Не захотела из страны надолго уезжать, всегда была патриоткой, а уж когда спецоперация началась, вообще сомнений не осталось. Так и обмолвилась, что ребенок у нее теперь без работы, в двадцать пять лет живет с отцом и вообще сильно не шикует, и это при знании четырех языков. Какая, сказала, несправедливая жизнь. Ну я у нее телефон Даши и попросила. Сказала, что матери на кафедру передам, вдруг кто-то работу ей предложит.

Лариса закончила. Они долго смотрели друг на друга.

– Ладно, Рома, я пойду. Моя миссия выполнена, не буду больше отнимать у тебя время.

Роман взял ее за руку:

– Лара, останься, посиди. Давай уже напьемся вместе. Я не хочу, чтобы ты так уехала. Хочу, чтобы... мы нормально... расстались.

Они оба были пьяны. Лариса сказала:

– Да, Чернышев, сильно же тебя пробрало... раз ты таким сентиментальным стал...

Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся пьяно.

– Всё-то ты понимаешь, Ларочка!

Они рассмеялись. Всё же алкоголь объединяет. Иногда.

– Спасибо тебе, Ларочка, ты такая хорошая! – он уронил голову на стол, и прижался щекой к ее ладони. – И как я без тебя буду?

– Я так поняла, что мне есть кому тебя передать.

Он поднял голову и вздохнул. Лара добавила:

– Только не надо с ней так, как ты привык, Рома. Если по-другому не можешь, просто оставь ее. Я тебя как близкого человека прошу. Ей и так нелегко пришлось. Не ломай ей жизнь.

Роман посерьезнел:

– Не могу оставить, Лара. Теперь уже не получится.

– А ты смочи! – Она сделала паузу. – Ты же бульдозер, Чернышев! Переедешь и даже не почувствуешь, – Лара снова

помолчала. – Она не из наших. Мне не хотелось бы, чтобы вы всем цехом ее в вашу мясорубку закинули. Жалко.

– А вот это я тебе обещаю. Всем цехом не будем. Я к ней никого другого на пушечный выстрел не подпущу.

9.

Даша курила. На лестничную клетку вышел отец.

– Данька, ну ты же обещала!

Она вздохнула.

– Иду, пап. Заходи обратно, тут холодно. Сейчас иду.

Ушел. Не удалось ей незаметно проскользнуть. Теперь беспокоиться будет. Сама виновата. Она никогда не курила на лестнице, да что там, она вообще не курила. Очень редко, только в исключительных случаях. Но сегодня на улице слишком морозно, лень было одеваться и туда тащиться. Она затушила окурок в чей-то пластиковый стаканчик – импровизированную подъездную пепельницу. Поднялась и юркнула в квартиру. Зашла в отцовскую комнату. Он сидел на диване. Монитор компьютера еще не погас. Значит, поговорить хочет, раз к работе не вернулся. Села рядом.

– Ты же обещала!

– Пап, я не курю.

– А что это на лестнице сейчас было?

– Исключение из правил. Просто был трудный день.

Он обнял.

– Даня, не падай духом. Изменения небольшие. Всё будет хорошо. Ты должна быть стойкой. Тебе не привыкать.

Отец решил, что она из-за этого сейчас курила. Наивный... Но Даша не будет его разубеждать. Так пусть и дума-

ет.

– Знаю, что небольшие. Но всё же тенденция к ухудшению. Впервые за пять лет. Радует не очень.

– Ты же всё знаешь и готова к этому. Изменения будут, такая болезнь. Главное, что нет сильного развития.

– Знаю. Только вот не могу перестать думать о том, что мне еще только двадцать пять. Страшно становится, как представлю, что к сорока годам могу начать на части крошиться.

– Ну что ты?! К каким сорока? Не преувеличивай. Твоя болезнь почти ни у кого так быстро не развивается.

– Почти... Какое ласковое слово!

Отец вздохнул.

– Да нет, пап, не парься. Это шутка была. Просто вышло немного грустно.

– Тогда что тебя так беспокоит?

– То, что крошиться ни к какому возрасту не хотелось бы. Ни к сорока, ни к шестидесяти. Что может быть хуже, чем стать для кого-то бременем...

Отец погладил по голове.

– Это нормально. Ты же не можешь быть бесстрашной во всём!

– И еще страшно, когда вспоминаю о том, что такая больная я никогда никому не буду нужна.

Отец отстранился и посмотрел в глаза.

– Да-аш? Ты чего это? А?

Она в глаза не смотрела.

– У тебя после Андрея таких загонов больше вроде не было.

– Да так, просто в голову пришло, как результаты увидела.

Отец взял за руку.

– Посмотри на меня, Данюш!

Она подняла глаза.

– Ты не настолько больна, чтобы тебе такие мысли в голову лезли, поняла? Все люди чем-нибудь болеют. А ты еще их всех переживешь!

Она улыбнулась. Но грустно.

– Что с тобой? Ты влюбилась, что ли?

Даша улыбнулась шире. И уже не так грустно.

– Почему сразу влюбилась?

Отец немного прищурился.

– Данька, я тебя как облупленную знаю. Ты не загоняешься. Нет у тебя такой привычки. Но исключение было. Только раз. С Андреем.

– Ладно, пап, я пойду. Мне завтра снова на работу, если что.

– Ты не ответила. Он тебя, что ли, нашел?

Даша поморщилась.

– Расслабься, пап. Всё под контролем.

Отец покачал головой.

– Он тебя нашел!!! И как я сразу не догадался? Не просто же так ты сегодня домой вернулась! Больше нет смысла

скрываться? Даша... Неужели ты всё еще по нему сохнешь? Это ненормально! Он же тебе столько вреда причинил, как ты можешь? Где твой характер?

Даше не захотелось даже отшучиваться:

– Пап, ты с сосны упал?

Отец нахмурился.

– Прости, я не хотела грубить. Просто тебя сейчас вот вообще не в ту степь понесло.

Он смотрел с недоверием.

– Он меня не нашел. А приехала я только потому, что не могу больше ходить в одном и том же платье. Чувствую себя грязной. Кто же знал, что эта работа так неожиданно появится именно в день его приезда? Я даже собраться толком тогда не успела. Сегодня вещи возьму и снова уеду. Только на квартиру к себе, достало уже по хостелам шариться.

– Так там же еще ничего не готово!?

– Не готово. Но всё равно лучше, чем в хостелах. Мне одного дивана достаточно, а постель возьму.

Она посмотрела внимательно.

– И да. Даже если он меня и найдет, что маловероятно, это ничего не изменит. Нет у меня к нему никаких чувств. Безразличие одно.

– Ты поэтому от него прячешься? От безразличия?

– Я не прячусь, я не высовываюсь. Это разные вещи. Проверяла уже на себе один раз, каким он может быть навязчивым. И сейчас у меня нет ни сил, ни желания проверять это

снова.

Отец всё еще не был уверен в ее искренности.

– И я по нему никогда не сохла.

– А что это, по-твоему, было?

– Я просто сохла. Не по нему конкретно.

– В смысле?

– В прямом. Первая любовь. Свято место пусто не бывает.

Просто мне встретился он. На его месте мог быть кто угодно, но всё равно всё сложилось бы так же. Я должна была это испытать. И пережить.

Отец задумался.

– Я с такой точки зрения на ситуацию никогда не пробовал смотреть.

– А что тут смотреть? Я маленькая совсем была. И всё совпало. Болезнь, уход из спорта, а тут еще и он. Вот я нюни и распустила.

Даша помолчала.

– Андрей всегда был скотиной. Каким родился, таким и в гроб стремится. Он никогда не заслуживал моей любви. Я очень быстро это поняла и тосковала совсем не по нему. Я по любви тосковала. Которая мне, такой, в жизни больше ни с кем не светит.

– Да-а-ша!!! Ты опять за свое?!

– Ладно, пап. Я это уже пережила. Так что прекращай. Не трать свои нервы на ерунду.

– Хорошо, не буду. Как скажешь. – Было видно, что отец

начинал не на шутку злиться. – Только на один вопрос мне ответь.

Даша внимательно посмотрела.

– Ты себя в зеркало давно в последний раз видела?

Ей невольно вспомнился Роман:

– Зачем вы зеркало испортили? Я, может, люблю в него каждый день смотреться, напоминая себе о том, какой я красавчик...

Она безотчетно улыбнулась.

– Каждый день смотрюсь. У меня в приемной на новой работе висит огромное.

– И как тебе отражение?

– Нормально. Привычное.

– Ага. Хорошо. Тогда еще вопрос: сколько мужчин за тобой волочилось, ну, давай для примера, хотя бы за последний календарный год? И ты мне будешь рассказывать, что тебе, такой, любви не видать?

Даша стала серьезной.

– Папа. Я, правда, не нуждаюсь в утешении. Всё это пережито, и я свою судьбу приняла. Но если у нас с тобой серьезный разговор, то я тебе отвечу. Все эти мужчины – просто мишура. Шуршит, блестит и круто выглядит, но совершенно не приспособлена для нормальной жизни. Я всегда хотела другого. Ты же знаешь. Как ты. Я в тебя пошла, слава богу, а не в Евгению Анатольевну. Так вот эти мужчины – они как будто из ее жизни, а не из моей. Мне даже кажется

иногда, что в этом всё́м есть что-то фатально-мистическое: будто мне за какие-то грехи предначертано жить ее жизнью, хотя я к ней совершенно не приспособлена. И приспособливаться не хочу. Я с детства хотела другого, на вас насмотрелась. Не нужно мне море мужиков вокруг, я одного хочу. Но моего, чтобы до самых потрохов. Чтобы любил меня искренне за то, что я из себя представляю, а не за то, что представляется обо мне всем другим. Они видят лишь киноленту, которую я для них прокручиваю.

– Зачем тогда ты это делаешь?

– Чтобы никто не узнал, какой фильм на самом деле крутится в моей голове.

– Так прекращай! Как тебе встретить человека, если ты всех вокруг водишь за нос? Может, ты их так только отпугиваешь?

– Не больно-то они и отпугиваются... Им такого кино никто не показывает, оттого столько их и вьется вокруг. Будем откровенны, к нереальным красавицам я не отношусь. Значит, их, видимо, моя кинопрограмма привлекает.

– Тогда прекрати это делать! Ты же сама себе противоречишь!

– Это, папа, только на первый взгляд. Я – женщина, чьи желания не совпадают с возможностями. И никогда не совпадут, посмотри на последние анализы. Я хочу дом, семью, детей. Для этого нужен мужчина, который хочет того же. И, когда я его встречу и не смогу этого дать, мы разойдемся.

Конец истории. А другие мужчины меня не интересуют. Так я что, по-твоему, при таких раскладах себя неправильно веду? Нет, папа, правильно! А то, что на меня при этом ведутся только мужчины, не настроенные серьезно – это сопутствующий фактор. Побочное действие.

– Ты не права. Кроме внешности и здоровья, которые мы здесь обсуждаем, в тебе огромное количество других достоинств. Данька, ты же умница, каких поискать! Неужели ты считаешь, что не найдется человека, способного всё это оценить?

– Не находится. Если бы кто-то захотел, то увидел бы. Я ни от кого не прячусь, не сижу в башне, не закапываю себя в могилу. Живу обычной жизнью и табличек о своей болезни на теле не развешиваю. Просто всегда говорю прямо, что думаю. Это всех так и обескураживает... Что-то с этим миром не так. Люди в нем настолько отвыкли от того, чтобы слышать о себе правду, что, когда им ее говоришь – производишь неизгладимое впечатление... Нет, папа, вероятность того, что кто-то из них станет рыться в грязи, чтобы извлечь оттуда алмаз – практически равна нулю. А если он кому и попадется случайно, история всё равно ничем не кончится. Его еще гранить надо. Средства вбухивать, на лечение, ой, оговорочка вышла, то есть на огранку. Пока до бриллианта дело дойдет – электричество кончится. Или возиться устанут. Но и это фантазии. Большинство людей интересуется только внешкой. А внутренка... Что ж, у меня она всё равно

с дефектом, так что так даже лучше.

– Даня, я тебя не узнаю! Что с тобой сегодня? Неужели из-за результатов так расстроилась? Так тебе не привыкать...

Она молчала.

– Ты же всю жизнь всё в себе держишь! Из тебя ни слова не вытянешь! А сегодня разоткровенничалась. Вóт оказывается насколько сильно тебя это грызёт... Я предполагал, конечно. Но знать наверняка – это совсем другое дело.

Даша посмотрела.

– Не переживай, пап. Правда! Я давно это приняла. А насчет откровенности... Просто в последнее время всё навалилось. Сначала враждебный Париж, в котором я последний год еле протянула. Думала, не выдержу, сорвусь, всё брошу. С трудом дотерпела. Одна мысль только удерживала от сиюсекундного порыва – очень не хотелось вернуться в двадцать пять лет в Москву на шею к отцу. Ты уже привык жить один, я очень не хотела тебя обременять. Потом здесь с работой сколько времени не складывалось. А последняя неделя у меня вообще – катарсис. Наверное, захотелось выговориться.

– Данька, я очень рад. Ты мне за сегодняшний день больше наговорила, чем за всю предыдущую жизнь. Ты, это, уставай почаще... И посильнее. А потом заходи. Разрешаю даже покурить на лестнице. Но только если одну.

Отец подмигнул ей. Даша расплылась в улыбке, закусила губу и с силой сжала его в объятьях.

– Не помню, говорила я тебе когда-нибудь? Ты самый лю-

бимый мужчина в моей жизни! И даже, наверное, единственный. Тот самый, которого я и описывала. Представляешь, как мне с тобой повезло?

10.

В квартире было прохладно. Ну ничего, через пару дней трескучие морозы должны закончиться, будет стоять около минус десяти. Тогда, наконец, можно будет сменить единственные подходящие для таких морозов сапоги и перестать уже возиться со сломанным бегунком. Даше приходилось носить с собой на работу складной нож, чтобы с его помощью застегивать молнию на одном из них. Она вспомнила вечер сегодняшнего дня.

Выходя из его кабинета, Даша наткнулась на какого-то человека, который как раз намеревался туда войти. Осматривая ее, мужчина немного сдвинул брови. Она понимала, какая примерно картина предстала перед его глазами. И какой у нее был видок. Резинка от колготок стягивала бедра сантиметров на двадцать выше колен, не давая Даше нормально шевелить ногами. Хотя, и без того они еле шевелились. Было ли задрано платье? Возможно, она в тот момент еще не успела об этом подумать. Человек отвис и прошел в кабинет. Даша слышала только, как Роман распорядился, чтобы тот закрыл двери. И тут она вдруг резко включилась. Подошла к зеркалу. Волосы почти не растрепаны, можно было даже подумать, что так и задумывалось. Лицо в порядке. Только губы совсем пересохли. А вот дальше... Юбка несильно, но всё же прикрывала резинку приспущенных колготок, но пла-

тье было собрано на бедрах, так что не оставалось никаких сомнений в том, что именно произошло в кабинете.

Даша собралась за минуту, покидала всё в сумку, выключила компьютер. Взяла в руки шубу, берет, сапоги и быстро вышла. У нее не было времени на то, чтобы возиться со сломанным бегунком, поэтому она решила одеться в туалете. Но делать это в своем отделе она не хотела. От греха подальше спустилась на этаж ниже, нашла искомую комнату, влетела в кабинку. Прижалась спиной к двери и закрыла глаза. Вскоре в уборную кто-то вошел. Послышались движения в одной из кабин. Спуск воды. Включенный смеситель. Затем в туалете появился кто-то еще.

– А-а, привет! Что-то тебя сегодня не было видно. Галеришь?

– Халерю. Элла совсем озверела. Второй день спасу нет.

– Конец года. С каждым днем только хуже будет.

– Да уж, скорей бы январь.

– До него еще дожить надо.

– Точняк... А ты новую секретутку князя тьмы видела?

– Нет.

– И я нет. А посмотреть интересно.

– Чё так?

– Элла от нее в полном восторге. Четвертые сутки с языка не снимает. Та ей в первый же день что-то брякнула, так Элла всё холодное оружие из закровов подастовала. Целыми днями сидит и точит.

Они хохотнули.

– Да что ты!? Дела... Надо к ней присмотреться.

– А вчера она с ней на проводе сцепилась, ты бы слышала!

Я даже в кабинет заглянула, хотела Эллино выражение в памяти запечатлеть. Так вот такое нечасто увидишь. Не знаю, как ночью уснула.

– Что за повод?

– Ужин с князем тьмы. Элла его разве что зубами не выгрызала, прикинь! Та ее в график шефа включать отказывалась, ссылаясь на его занятость.

– И чем кончилось?

– Моим стрессом.

Снова хохотнули.

– Нет, правда?

– Выгрызла. Ты что Элли не знаешь?

– Ясно. Значит, она здесь больше не работает... Жаль, я бы тоже не отказалась на нее посмотреть.

– Не угадала! Сегодня, когда демон вернулся из преисподней, он позвонил Элле и отменил ужин. Сказал, что секретутка молодец и правильно оценила ситуацию с графиком его рабочих встреч. Тут уж я в кабинет заглядывать не стала. Если бы меня Элла запалила, то тут же бы испепелила.

Голос промурлыкал:

– Интересные дела! Что-то я не припоминаю, чтобы Роман Сергеевич от ужинов с Элеонорой косил. Может, я замятовала?

– Не запомнила! Я уже четвертый год у Эллы. Такого случая не было ни разу. Но и это не самое интересное! Знаешь, какую он ей причину назвал?

– Молю, не тяни... У меня уже даже есть одно предположение...

– Вот-вот! Сказал, что сегодня весь вечер будет с секретной работой работать. Видимо, накопилось. Целый день ведь отсутствовал...

– Я так и подумала! И даже себе представляю, какого рода это будет работа!

– Вот и Элла, по ходу, тоже самое себе представила. И мне теперь заочно даже жаль девчонку. Незавидная у нее судьба...

Усмехнулись. Замолчали. Но продолжали стоять у моек. И что они только там делают? Мысль созрела сразу. Не зря Даша всегда любила объемные сумки, сейчас эта привычка сослужит ей хорошую службу. Она бросила в нее сапоги, прикрыла сверху беретом, чтобы не торчали наружу, надела шубу и закинула сумку на плечо. Открыла дверь кабины. Даша увидела двух девушек, стоявших возле зеркала. Перед каждой лежало по косметичке. Одна наносила румяна, другая красила тушью ресницы. Между ними было полметра расстояния. Идеальная расстановка фигур! Девушки немного напряженно уставились на нее в зеркало. Они считали, что были здесь только вдвоем. Даша подошла, встала между ними, одновременно обняла их за плечи и сказала:

– Корпоратив во всей своей красе! Как я, оказывается, соскучилась по туалетным тёркам...

Они смотрели на Дашу без тени понимания происходящего.

– Привет от князя тьмы и его секретутки!

И подмигнула им в зеркале. У той, что стояла слева, отвисла челюсть. Та, что была справа уставилась на нее с интересом, ее губы раздвинулись в улыбке. Даша сжала в своей ладони руку, в которой так и продолжали держать тушь, и потрясла ее, имитируя рукопожатие. Девушка только сильнее раскрыла рот.

– Приятно познакомиться, секретутка!

После она повернулась к девушке справа и протянула ей руку со словами:

– Секретутка! – и замерла в ожидании.

Та расхохоталась. Даша продолжала, как будто разговаривала сама с собой:

– А, я поняла, вы секретуткам рук не жмёте, это ниже вашего достоинства... Ну ничего, я как-нибудь обойдусь. Придется довольствоваться князем.

Она снова встала лицом к зеркалу, чтобы видеть обеих девушек одновременно. И сказала:

– Ладно, девчули, потопала я работу работать. А то у нас с демоном ее после преисподней накопилось непочатый хрен! Мое почтение!

И направилась к двери уборной. По дороге, не оборачи-

ваясь к ним, добавила:

– Кстати, секретутку Дарьей зовут, если что.

Она вышла.

Обуться удалось только в холле. Ставить эксперименты с туалетными комнатами в этом благолепном учреждении Даша больше не рискнула, поэтому остановилась на еще более позорном варианте. Подошла к стене возле главного входа в здание, вытащила из косметички нож и поддела им бегунок. Тот под напором стали заскользил вверх.

Сегодня она вернулась домой. Надевать то же платье пятый день подряд было, конечно, не очень приятно, но всё же возможно. Каждый день она его застирывала. Но сделать это после случившегося Даша не могла. Ей надо было переодеться. Физически. И морально.

После разговора с отцом она собрала вещи, загрузила их в машину и приехала к себе. Как же было приятно произносить это вслух: К СЕБЕ ! Квартуру Даша присмотрела еще год назад, как только та была выставлена на продажу. Дороговато, конечно, и ей пришлось задержаться на месяц, чтобы довести до логического завершения самый сложный свой проект, который так и хотелось бросить. Но Бог услышал ее молитвы и помог. Контракт принес ей очень хорошие комиссионные, столько Даша давно не зарабатывала. Она смогла не только выкупить эту квартиру, но еще и отложить на ремонт. Правда, денег-таки оказалось недостаточно. Все они улетели в основном на грубую отделку. Полностью закончить

Даше удалось только кухню и ванную комнату. Там оставалась только плитка. Главное, технику успела купить. Она постоянно дорожала.

В комнатах же на нее смотрели голые стены и провода, торчащие из них. Еще не было ни розеток, ни выключателей, электрик как раз на этих выходных должен был установить. А из мебели – только диван, который Даше очень понравился. Она знала, что обстановку нужно покупать в самом конце, уже после чистовой отделки, но всё же решила заказать его, чтобы было куда прилечь в случае чего, ведь она не планировала долго жить у отца. Диван привезли как раз накануне выхода на работу.

Когда накопления были почти исчерпаны, Даша решила взять с ремонтом паузу. Делать его в час по чайной ложке не входило в ее планы. Нужно было устраиваться на работу, откладывать деньги с нескольких зарплат и только тогда продолжать. Конечно, что-то на счетах еще оставалось, но Даша не привыкла жить от зарплаты до зарплаты. Ей обязательно нужно было иметь подушку безопасности, к этому ее приучила жизнь. Поэтому, когда ей предложили работу в Сев-Море, она не раздумывала. Даша ненавидела корпоратив, но сейчас ей было не до эмоций. Она как никогда нуждалась в деньгах. Вот получит зарплату, тогда будет видно. У нее хотя бы появится еще один месяц в запасе на поиск себя, пока накопления совсем не закончатся.

Даша развесила принесенную одежду на вешала, положи-

ла постель на диван и подошла к окну. Сняла берет. Прижа-
лась лбом к стеклу. И...

... заплакала.

11.

Роман приехал на работу к семи. Он должен был ее опередить, ведь Дарья всегда приходила рано. Но, едва разместившись в кресле, он подумал о том, что выглядит глупо. Девушка вообще могла не прийти. Никогда больше. И стоило ему тогда так стараться? Может, надо было поспать на два часа побольше? Тем более опять беспокоила головная боль. Не такая сильная как обычно, в морозы выше двадцати градусов ее интенсивность всегда снижалась, но всё же. Роман принял таблетку.

Он нервничал. То и дело смотрел на часы. А она всё не шла. Семь тридцать. Семь сорок пять. Восемь. А ее всё нет. Восемь пятнадцать. Никаких звуков в приемной. Восемь тридцать. Да, что б ей... Она ни разу не приходила на работу так поздно. Восемь сорок пять. Роман уже убедил себя в том, что Даша не придет...

В восемь пятьдесят она пришла. Раздевается. Подошла к зеркалу. Тишина. Наверное, причесывается. Роман вспомнил, как прошелестели ее волосы. Вчера. Вон там, возле стены, когда он освободил их от резинки. Постепенно всё внутри стало сжиматься. Он снова хотел ее, хотя еще даже не видел. Просто наваждение какое-то... Подошла к столу, включила компьютер. Села. Тишина. Без пяти девять на часах. Роман уже хотел позвать ее, но услышал звук отъезжающе-

го кресла. Он осекся. В дверях мелькнула ее фигура. Стук в открытую дверь:

– Роман Сергеевич, можно?

Он сделал вид, что оторвался от монитора. Будто бы только что ее заметил. Ну совершенно невзначай. Изогнул бровь. Может, ему надо было во ВГИК поступать? А он-то убедил себя в том, что нефтянка – это его призвание. Видит Бог, не там он бабло заколачивает... Но Роман снова увлекся. Дарье надо было что-то ответить.

– Да.

Стоит напротив. Смотрит. Но не в глаза, а в пол уткнулась, как вчера. Хотя сейчас это его даже порадовало. Так он мог вдоволь наглядеться. А было на что. Впервые Даша переделалась.

На ней была белая блузка из плотного шелка и темно-синие брюки-карандаш с высокой талией и боковыми разрезами до середины лодыжек. От них-то Роман и начал свое сегодняшнее путешествие. Этот наряд акцентировал внимание на талии, сейчас она казалась неестественно тонкой. Блузка была застегнута до последней пуговицы. Опять футляр. Как сигнал: не трогай! Только это приводило к противоположному эффекту. И те же серьги. Роман подумал о том, как ему их вчера не хватало...

Наконец, Даша подняла на него взгляд.

– Предлагаю кое-что прояснить в наших с вами отношениях.

– Ого, а у нас с вами уже отношения? – Он подивился тому, насколько самостоятельной жизнью в его теле жил язык. Роман не планировал продолжать с ней общаться в духе прошлых дней. Но как-то само получилось.

Дашу это не смутило. Она развила свою мысль:

– Не люблю повторять, но, видимо, придется. Почему-то всегда в таких случаях чувствую, что сама дура, а не что собеседник недалекий... Да, я нуждаюсь в деньгах, и мне работа сейчас очень нужна. Но это не значит, что я буду за нее держаться, если... вам не подхожу. Давайте я свою мысль так оформлю...

– Я не очень понимаю, о чём вы. Конкретизируйте, пожалуйста.

– Если я вам не подхожу, прошу вас сказать об этом прямо. Тогда я не буду отнимать ни вашего, ни своего времени.

– О чём вы Дарья? Разве я дал вам понять, что вы мне не подходите?

Ему начинала нравиться эта игра. Теперь они поменялись ролями. Оказывается, это, и правда, было прикольно. Но Даша иногда бывала излишне прямолинейной. Прямо как рельса. Прямо, как сейчас.

– Вы вчера были недовольны моей работой.

– Чем именно? Не припоминаю...

– Вас не устроило, как я принимала звонки.

– Кто вам такое сказал? Покажите мне этого человека. Я его уволю.

Как же она была хороша в этой блузке! И как же была хороша эта талия! И это выражение лица... Ирония – мать порока. Роману впервые со вчерашнего вечера становилось легко дышать. Но рельса так и норовила обломать весь кайф.

– Вы и сказали.

– Я??? Да бог с вами, Дарья. Вам послышалось.

– Так вот, Роман Сергеевич. Я скажу вам один раз и больше повторять не буду. Определитесь, что вам нужно. Если вы мне еще хоть раз дадите понять, что моя работа вас сильно не устраивает, меня здесь не будет.

– Не сомневайтесь. В случае чего, я обязательно дам вам знать.

– Чудесно. И еще один момент.

– Так у вас еще не всё? А я-то надеялся...

– Я тут подумала, что как-то слишком рьяно взялась за работу. Характер такой. Энтузиастка, блин. До сих пор не выучу золотое правило, что инициатива наказуема. Так вот. Чтобы переработки меня однажды не доконали, с вашего позволения, я буду работать, четко придерживаясь трудового законодательства. С девяти до шести и получасовым перерывом на обед. Чтобы, как вы однажды выразились, без еды трудоспособность не снижалась. И звонки в нерабочие часы и во время обеда принимать не буду. Чтобы пищеварение не нарушить. Тоже с вашего позволения, конечно. Вы же в случае чего, дадите мне знать?

Роман молчал. Он уже не понимал, ему всё еще весело

или уже нет. Но улыбаться продолжал. По инерции.

– А то у меня слабое здоровье. Я об этом как-то подзабыла. А ведь кроме меня вспомнить больше некому.

Они надолго замолчали.

– И...

– И это еще не всё... – тут же вставил Роман.

– ... вот еще что. Процесс обучения я тоже форсировать не буду. А то вчера вечером прямо почувствовала, как... перенапряглась. От избытка ощущений на рабочем месте. По этому направлению работы я тоже предпочитаю взять паузу. У вас же достаточно замов, чтобы подстраховать нерадивую секретаршу в случае, если она еще пару недель конференции не потянет? И переводчиков хватает. И, наверное, все они на окладе. Фирма-то уважаемая, значит, будут не в накладе. А я еще пока кроме перенапряжения, в смысле зарплаты ничего не получила. Будет зарплата, будет и рвение к работе.

Игривое настроение прошло. И Роман вдруг подумал о том, что эта девушка чертовски ему нравится. Ее живой ум и просматривающееся сквозь него чувство собственного достоинства в сочетании со смелостью и искрометным юмором делали ее совершенно непохожей на всех, кого он знал. Он вспомнил вчерашний день. Сцена, разразившаяся возле стены, сейчас, на фоне поведения Даши, показалась ему безобразной. И Роману больше не захотелось шутить. Он моргнул, скрестил пальцы, сцепив их в замок и, пройдясь руками по волосам завел их за голову. Оставшись сидеть в этой позе,

он сказал:

– Спасибо, Даша, что вы пришли. Я бы без вас, пожалуй, уже начал скучать.

Она ничего не ответила. Просто развернулась и вышла.

Через десять минут в приемной показался Виталий Летуний. Даша подняла голову, чтобы поприветствовать вошедшего, но, узнав в нем вчерашнего посетителя, промолчала. Просто уткнулась обратно в монитор. Мужчина зашел к директору. Почти сразу послышался голос последнего:

– Дарья, зайдите ко мне!

Она повиновалась. Посетитель стоял возле директорского стола и смотрел на нее. Роман попросил:

– Подойдите сюда.

Даша подошла.

– Виталий Александрович, знакомьтесь! Это мой личный помощник, Дарья Игоревна Чернова. Пока подменный. Но я рассчитываю на то, что станет постоянным.

Даша подняла взгляд на Романа. Он сейчас тоже смотрел на нее.

Не отводя глаз, ее начальник продолжил:

– А это мой первый заместитель. Вы его по имени уже должны были идентифицировать.

Дарья отвисла. Она кивнула и повернулась к Виталию. В данный момент тот изучал ее. Девушка решила не предпринимать никаких действий и дать возможность присутствующим самим показать себя. Виталий протянул ей руку со сло-

вами:

– Очень приятно.

Даша подала свою. Он пожал и добавил:

– Надеюсь, вы у нас надолго. – Первый зам замолчал, но продолжал смотреть на нее, не отпуская руки. Тогда Даша сама убрала ее. – Роману Сергеевичу давно нужен толковый помощник, мы здесь все уже устали от постоянных перемен. И раз он о вас такого высокого мнения, вы просто обязаны остаться.

Возникла пауза. Ее заполнил Роман:

– Дарья, у нас сегодня в связи с приездом мурманского филиала будет ужин с рабочей группой. Мы решили собраться в неформальной атмосфере, а то от офисной работы всех уже тошнит. Там вы со всеми и познакомитесь. Виталий Александрович, сориентируй Дарью по поводу времени и места. И твой вопрос давай тоже до вечера отложим. Мне уже в министерство выезжать надо.

Он встал, подошел к шкафу, взял пальто и, не прощаясь, вышел.

Летучий не сводил с Даши глаз. На лице его было непонятное выражение, но первый зам молчал. Постояв так какое-то время, она ушла в приемную и села на свое место. Виталий последовал за ней. Подошел к столу, сел на край.

– Не волнуйтесь, я слеп как крот и нем как банкнот! Иначе бы не был замом у Романа Сергеевича.

– Мне есть о чем волноваться?

Даша без тени смущения уставилась на Виталия. Тот слегка улыбнулся.

– Вообще-то да! Вы – первая секретарша, которую мне Роман Сергеевич самолично представил. Да еще таким образом. Я бы на вашем месте начал волноваться.

Девушка погрузилась обратно в монитор.

– Значит, вам повезло, что вы не на моем месте.

Мужчина хмыкнул. Не отрываясь от монитора, Даша уточнила:

– Вы, наверное, давно с ним работаете, раз считаете, что так хорошо понимаете, о чем мне стоит волноваться?

Он хмыкнул еще раз.

– Давненько.

– Ясно. Тем не менее, видимо, недостаточно хорошо понимаете.

Она развернулась на кресле и посмотрела в глаза Виталию.

– Он меня так представил, чтобы передо мной вчерашний инцидент загладить. И чтобы вы об этом инциденте неправильных выводов не сделали. Ничего не было. Между мной и Романом Сергеевичем только деловые отношения. Поэтому мне абсолютно не о чем волноваться.

– Никто не спорит, что не было. Я сам это видел.

– Тогда что вас смущает?

Улыбка его сильно отдавала хитрецей.

– Теперь уже ничего. Сейчас всё прояснилось.

Молчание. Даше уже стали надоедать эти постоянные паузы и гляделки. С Романом она еще хоть как-то справилась бы, но, похоже, им одним дело не ограничится. Она вспомнила вчерашний разговор с отцом и слегка вздохнула.

– Вы, кстати, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома на моем столе, его сюда как раз для этого и поставили!

Виталий улыбнулся совсем широко. У него был большой рот, который теперь казался огромным. Но зама это не портило. В нем было какое-то обаяние.

– Вы правы, Дашенька, это еще вопрос, кому здесь следует больше волноваться, это еще вопрос... Так я к делу. Ужин состоится в шесть тридцать. Здесь недалеко, на набережной. Но, я так понимаю, вам деталей не потребуется. Потому что вы с Романом Сергеевичем, скорее всего, поедете. Так что он вам не даст заблудиться.

Даша сидела с каменным лицом. С мордой кирпичом, если еще точнее.

– За сим – позвольте откланяться.

Он встал и вышел.

До обеда Роман Сергеевич так и не вернулся. Даша впервые спустилась в буфет. Она не особо смотрела по сторонам и была больше погружена в свои мысли. Желанием завезти новых знакомых в цитадели зла она не горела: личный опыт подсказывал, что чем холоднее она будет со всеми держаться, тем меньше будет проблем и только больше пользы. Даша

взяла себе куриный суп, бутерброд с красной рыбой и чай, присмотрела место за маленьким столиком возле окна и разместилась там, сев спиной к залу. Но долго пробыть одной ей не удалось. Вскоре слева раздалось:

– Привет, не против, если я сяду?

Даша повернулась на голос. Это была одна из вчерашних туалетных девиц, та, что красила ресницы. И, судя по услышанному разговору и по тому, как она перепугалась появлением секретутки князя тьмы, это была ассистентка Элеоноры Завьяловой. Даша указала ей на стул рядом. Девушка села и, немного помолчав, заговорила:

– Я не знаю, как лучше начать, поэтому просто сразу попрошу... Не рассказывайте, пожалуйста, Роману Сергеевичу о вчерашнем. – Она сильно волновалась. – Понимаю как, наверное, всё это некрасиво выглядело со стороны, но я вас прошу не рассказывать.

Даша смотрела на нее спокойно.

– Приятно, что мы снова на «вы». Но давай уже бросим условности, раз всё равно успели познакомиться так близко. Как зовут?

– Клариса.

– Пока не буду говорить, что рада знакомству, это покажет время. А что такого страшного случится, если я ему расскажу?

Девушка начала понемногу бледнеть.

– Да не переживай так, я просто спросила. У меня нет

привычки обращать внимание на туалетные тёрки. Но меня удивляет, что ты так перепугалась? Судя по вчерашнему, ты не из боязливых и за словом в карман не лезешь.

Девушка нервно усмехнулась.

– Дурацкий вопрос! Я бы еще поняла, если бы его кто-то другой задавал, но ты же с ним работаешь! Я-то, может, и не из боязливых, но попадать в черный список к Роману Чернышеву как-то не горю желанием.

– А-а... Так сегодня он у тебя обратно Роман Чернышев! Вчера вроде князем тьмы называла...

Клариса совсем с лица спала:

– Да тише ты! Еще услышит кто-нибудь...

Даша не выдержала и уставилась на девушку немного обалдело.

– Я что-то совсем запуталась... Если ты его так боишься, тогда зачем с подругой вчера обсуждала? Да еще в такой форме. Да не смотри ты на меня так, я, правда, не понимаю! Объясни, может, что-то и в моей системе координат тогда прояснится, вдруг мне жить после этого легче станет? А то, чем я больше за людьми наблюдаю, тем меньше понимаю *qu'est-ce qui se passe, putain* (прим.: что, черт возьми, происходит, фр.)?

Клариса не была уверена в том, что над ней сейчас не издеваются. Впрочем, Даша сама не была в этом уверена. И всё же она не понимала, отчего та пребывала в таком испуге.

– Да я не сомневалась, что мы с Олей там одни, иначе мне

бы и в голову не пришло обсуждать это в такой форме. И я не понимаю, чего тут непонятного, когда от одного упоминания имени твоего шефа у большинства людей тремор панический начинается! Я же вчера не имела в виду ничего такого! Ну ты что, мне не веришь? Да это просто был треп, бабские пересуды! Просто не смогла удержаться и Ольге не рассказать, потому что Элла меня за два дня этой темой совсем достала. К тому же Роман Сергеевич никогда раньше так себя не вел, вот меня бес и попутал, распустила язык. Неужели ты думаешь, что я могла о нем такие вещи говорить всерьез? Да я что, по-твоему, совсем на́ голову отбитая?

– Вообще у тебя звучало убедительно.

Клариса нервно рассмеялась.

– Ну просто не защищает он никого, понимаешь? Никогда, никого, ни от кого. А тем более, от Эллы. У них особые отношения. Статус-кво. И смысл ему его нарушать? Никакого. И ради кого? Секретарши? Как минимум странно, как максимум невероятно. Вот я и разболталась себе на беду!

Они какое-то время молчали.

– Клариса, ты прости, но я всё никак не въеду... На какую беду? Ты сейчас шутишь? Что он может тебе сделать за банальные сплетни?

– Как же, шучу я! Его даже сам генеральный побаивается, а тебя моя реакция удивляет! Что может сделать?! Да что угодно! Как минимум сильно испортить жизнь, как максимум поставить крест на карьере. К таким людям, как он –

лучше в поле зрения не попадать.

Даша смотрела на девушку, как будто та была... немного недоразвитая. Она больше не могла скрывать улыбки.

– Дела... Оказывается, я в приемной у самого Сатаны сижу... И ничего о том не подозреваю... У вас тут в цитадели зла все такие впечатлительные, как ты? – Даша посерьезнела. – Ладно, шутки в сторону. Роману Сергеевичу я ничего рассказывать не собиралась, так что можешь спать спокойно, твоей жизни ничто не угрожает. Пожалуйста, дай мне поесть, у меня сейчас обеденный перерыв закончится, а опаздывать на службу к Сатане – непозволительная роскошь.

Клариса всё же уточнила:

– Правда, не расскажешь?

– Правда. Иди тоже обедай. Так понимаю, у тебя начальница тоже дай боже. Так что давай, и ты не опаздывай.

– Приятного аппетита! – пожелала Клариса и ушла.

Ага! Остывший суп только с аппетитом и есть... Но хорошо, что хоть в одиночестве.

Звонков сегодня было меньше, чем обычно, поэтому Даша смогла существенно подтянуть словарь. И всё же она еще не была в себе уверена. Но радовало то, что пятница прошла в спокойном ритме. Это было впервые со дня ее выхода на эту работу. Она почти весь день была предоставлена сама себе. Роман Сергеевич вернулся только в пять. Едва он появился в дверях приемной, Даша услышала:

– Собирайтесь, поедем раньше.

– Куда?

– Вы же не любите повторять? Я тоже не люблю.

– Так еще только пять! Вы мне за что зарплату платить собираетесь, если я буду так рано пост покидать?

– В ресторане отработаете.

Даше формулировка не понравилась. Роман улыбнулся:

– Шутка.

Но тут же стал серьезным:

– Мне нужно ближе с вами познакомиться, Даша. Узнать, что за человек ко мне в личные помощники устроился. Так что мы с вами на час раньше остальных поужинаем. Спускайтесь вниз, я жду в машине.

И он ушел, не дав ей возможности что-то сказать наперекор.

12.

Когда она вышла из здания, у автомобиля, припаркованного напротив главного входа, открылась дверь. Ее позвали:

– Даша! Садитесь с другой стороны.

Она обошла машину и села на заднее сидение рядом с Романом. Перегородка между водителем и пассажиром была опущена. Директор спецотдела работал на планшете, а Даша смотрела в окно. Весь срок до пункта назначения они ехали в полной тишине. Исключением стал лишь короткий телефонный звонок и последовавший за ним диалог.

Зазвонил ее телефон. От неожиданности Даша слегка дернулась. Два звонка, три, четыре.

– Не ответите?

– Не отвечаю на личные звонки, когда на работе.

– Разве вы еще на работе?

– Безусловно. У меня рабочий день не кончился.

– И что, даже не посмотрите, кто звонит?

– Посмотрю. Когда рабочий день кончится.

– Не завидую вашему молодому человеку.

– И правильно. Зависть – последнее дело.

В ресторане их ждал отдельный кабинет. Роман помог ей сесть и сразу начал:

– Так что насчет молодого человека? Он есть?

Даша ответила без раздумий.

– Нет. Это важная информация для руководителя?

– Конечно. Я должен знать, будут с ним проблемы или нет.

– Какого рода?

– Звонки, эсемэски, отгулы. Вечерние свидания, когда вы

будете нужны мне. Отвлекал бы вас от работы.

– Какой у вас серьезный подход.

– У меня, Даша, должность серьезная. Что будете пить?

– Черный чай.

Роман сделал предзаказ.

– Кстати, как насчет вредных привычек?

– Каких? Секс, выпивка, рок-эн-ролл?

– Именно.

Даша была невозмутима.

– Секс люблю, но так понимаю, чтобы получить эту должность, от него придется отказаться. Будет отвлекать от работы.

– Понимаете правильно. И как с этим? Сможете?

– Смогу что?

– Отказаться.

– Не знаю, раньше не пробовала.

Она помолчала. Но глаза так и смотрели в глаза. Затем продолжила:

– Насчет выпивки... Не пью. Насчет рок-эн-ролла...

Роман перебил:

– Не тараторьте так! Я пока с предыдущими пунктами еще

не разобрался.

Он смотрел пристально. Даша отвечала взаимностью.

– Почему не пьете? Какие-то противопоказания?

– Да. Не люблю веселье. Оно мне противопоказано. Разве не видите, какая грустная всё время?

– Я серьезный вопрос задал.

– Ответ тоже был серьезный.

Снова пауза.

– Я и без алкоголя наличием высоких берегов не страдаю. Вы, наверное, заметили. Так что пить мне не за чем. И так всё в порядке.

Молчание. Звук за спиной. Официант зашел, чай на стол поставил. И рюмку коньяка.

– Что будете есть?

А это уже был голос Романа.

– Это вы мне скажите! Вы же здесь завсегдатай!

Роман слегка улыбнулся и сделал заказ. Официант ушел. Вдоволь насмотревшись на ее невозмутимое лицо, он сказал:

– Даша, если вы не хотите, чтобы вчерашняя сцена повторилась, то вам не следует себя так вести.

Очередная гляделка. Даша выдержала и ее, и возникшую паузу.

– Чтобы я не вела себя так, вам не следует меня по кабинетам водить. Такая обстановка и такие вопросы не располагают меня к другому поведению.

– Я часто провожу переговоры в такой обстановке. Если

бы передо мной сейчас сидел прыщавый юнец, а не красивая девушка, то вам мои вопросы странными бы не показались. Просто вы их воспринимаете сквозь призму отношений полов.

– Верно. Если бы перед вами сидел прыщавый юнец, вопросы, и правда, были бы вполне естественными. Но перед вами, кстати, спасибо за комплимент, сижу я. И это всё кардинальным образом меняет. Вопросы начинают звучать с подтекстом, а кабинет вносит соответствующую атмосферу.

– Тогда давайте просто поедим.

И они ели. В полной тишине. Затем Роман всё же спросил:

– Почему вы сегодня вышли на работу? Неужели только из-за того, что вам нужны деньги?

Даша на минуту прекратила жевать. Она налила в чашку чай, запила еду, проглотила. Немного подумав, она вытерла рот салфеткой и сказала:

– Вы мне очень нравитесь, Роман Сергеевич. Если именно это вас интересует. Но у нас с вами ничего не выйдет. Вы – привыкли брать. А мне такие мужчины по гороскопу не подходят, – она умолкла. – И вы даже можете меня взять. Прямо здесь. Или там, как вчера. Вы сильнее, я всё равно в этой битве проиграю, так что даже пробовать не буду сопротивляться. Но так вы только наделаете бед. И себе, и мне. А гороскоп от этого не изменится.

Впервые в жизни Роман потерял дар речи. Он долго молчал, а потом спросил:

– Почему ты пришла?

Даша опустила глаза, потом посмотрела в окно. Слегка прикусила губу, сглотнула. Прижала ладони к лицу, выдохнула. Убрала руки и снова отвернулась. Но молчала. И так ничего и не ответила. А Роман смотрел. И думал только об одном: он не представляет, что делать дальше.

Ситуацию немного разрядил телефонный сигнал. Роман ответил:

– Хорошо. Сейчас идем.

Он обратился к Даше:

– Все в сборе. Пойдемте. Нам на этаж ниже.

Встреча продолжалась долго. Понемногу Даша вникала, но всё же чаще ей казалось, что она находится в какой-то неведомой стране, где все люди вроде на нее похожи, разговаривают с ней на одном языке, но всё же она их почти не понимает. С учетом ее опыта это было странно и не могло ей понравиться. Она чувствовала себя не в своей тарелке. А еще Даша не понимала, зачем Роман Сергеевич взял ее на эту встречу, ведь по факту неудобство, которое она испытывала, было связано с тем, что ей здесь было абсолютно нечего делать. Именно невозможность проявить себя и чувство того, что она тут лишняя, и делали нахождение Даши в этом обществе таким неприятным.

Директор почти всё время был занят, отводил от общего стола то одного члена группы, то другого, что-то тихо обсуж-

дал, а потом возвращался к остальным, и тут же был засыпан новыми вопросами. А еще он пил. Не сказать, чтобы напивался, но всё же пил. Даша никогда не понимала, как можно вести бизнес на нетрезвую голову. Для нее это было табу, она знала, что если выпьет, то тут же утерять способность быстро соображать, поэтому никогда не пропускала ни стаканчика во время бизнес-переговоров. Но Даша замечала, что для многих мужчин это было обычным явлением. Какие всё же, видимо, разные химические процессы происходят в мозгах у мужчин и у женщин...

Периодически Роман Сергеевич подходил к ней, знакомил с членами группы, но вскоре водоворот персонажей превратился в ее голове в безликую массу. Нет, их не было настолько много, да и память у Даши всегда была превосходная, ведь нельзя выучить четыре языка, не обладая хорошей памятью. Просто она устала. Так, как давно не уставала. Будто после долгих лет напряжения на миг расслабила мышцы, и тут же во всем теле почувствовалась такая тяжесть, что она не могла больше устоять на ногах. Да, Дашу что-то тяготило. Она просто хотела домой...

Роман будто уловил ее настроение. Он подошел, сел рядом, вызвал официанта.

– Смените музыку, а то голова заболит. Поставьте что-нибудь более спокойное.

Официант ушел. Вскоре хаус сменился на что-то медленное, джазовое, и Даше показалось, что обстановка в банкет-

ном зале резко изменилась. Только теперь она обратила внимание на то, что вечер, видимо, подходил к концу. Никто здесь больше дел не обсуждал, все выпивали, ели и просто отдыхали. Роман доедал салат. Закончив, он развернулся к ней корпусом, положил свою руку на стол возле Дашиной руки, уперся коленями ей в ноги и немного приблизился.

– Пойдемте потанцуем.

Даша повернулась лицом. По виду он вообще не был пьян. Смотрел спокойно, не мигая.

– Я не танцую.

– Со мной танцуете.

Он слегка приподнял руку, которая лежала рядом с ней, и развернул ее ладонью вверх. Роман ждал. Выражение его лица не говорило о том, что он готов принять отказ. Немного поразмыслив, Даша подала свою руку. Они прошли вглубь зала, дальше от стола. Люди вокруг ели, пили, разговаривали, но никто здесь не танцевал. Она забыла, когда в последний раз испытывала смущение, но сейчас ей стало так неловко, что начали плохо слушаться ноги.

Роман всё время смотрел в глаза. Выражение его лица не выдавало никаких эмоций. Он просто был серьезен. Когда Даша бросала редкие взгляды ему за спину, она видела, как присутствующие косятся на них. Они с ним, и впрямь, смотрелись странно. Единственная танцующая пара посреди ресторанного зала. Спасало только то, что свет был приглушенный, Даше казалось, что в нем ей проще укрыться от

взглядов окружающих. Ведь теперь это были ее сослуживцы. Пусть и ненадолго, но всё же. А вот Романа, похоже, это ни-сколько не смущало.

Даша же совсем растерялась. Она почувствовала себя маленькой и беззащитной девочкой. Ситуация была настолько неожиданной и непривычной, что кирпичная стена, которую она так усердно вокруг себя выстраивала всю взрослую жизнь, больше не спасала. Роман держался чуть на отдалении от нее, не прижимал слишком близко. Он молчал. Мертво двигался с ней в такт и просто смотрел. Когда песня сменилась он сказал:

– Хватит с меня на сегодня работы. Поехали, я отвезу вас домой.

Вниз спускались на лифте вдвоем. Даша стояла на отдалении. Вдруг директор спецотдела нажал на кнопку, и лифт остановился. Она посмотрела. Роман не двигался. Попятилась назад. Стена... Он подошел вплотную, замер на ней взглядом, поднял руки к ее голове и обхватил лицо. Роман медленно приблизился и поцеловал. Плотно, с расстановкой, но без излишнего шума, который сейчас только сильнее смутит бы их обоих. Это был глубокий и взвешенный поцелуй, который не переходил черты, но всё же рассказывал о многом. Поцелуй-знакомство, поцелуй-исследование. Он волновал их обоих, поэтому Даша сразу ответила. Но Роман сдержался и не стал еще более настойчивым. Отстранившись, он

сказал:

– Ты очень красивая...

Пауза.

– Просто дурею, как хочу тебя.

Снова молчание.

– Но трогать не буду. Давай попробуем с тобой по-другому.

Даша смотрела, не моргая. Она сказала:

– Вы по-другому не умеете.

– Никогда не пробовал. Стало интересно.

Он отошел, снова нажал на кнопку, и лифт поехал.

На улице Роман сам открыл перед ней дверь машины. Но

Даша покачала головой.

– Нет, Роман Сергеевич, я поеду на такси.

Он замер, несколько секунд подумал и... не стал настаивать. Даша сказала:

– Доброй ночи и хороших выходных.

Она ушла.

13. Даша

Даша доехала до своей машины, припаркованной недалеко от офиса. Она до сих пор не заезжала на рабочую парковку: не хотела светить номер машины под камерами. С таким начальником лучше было перебдеть. Конечно, Даша понимала, что, если ему вздумается, достать ее будет нетрудно. Но всё же она не могла представить, чтобы он стал этим заниматься с первой недели совместной работы. Слишком неправдоподобно выглядело.

По дороге в такси она думала о Романе. В последнее время он и так занимал слишком много места в ее мыслях, но сейчас поглотил их полностью. Этот человек ей нравился. С первого взгляда. Такие мужчины не могут не нравиться. Они заполняют собой окружающую атмосферу и обволакивают всех, кто в ней ненароком оказывается. Но от Романа исходило кое-что позначительнее, чем харизматичность, точнее сказать, в его случае это было что-то еще более нестандартное. В нем таилось нечто оккультное. И это Дашу завораживало особенно, ведь она и сама была небанальна.

Тем не менее девушка прекрасно представляла, что он за человек, и осознавала полную бесперспективность чувства, которое возникло при первой их встрече и теперь начинало в ней развиваться. Оно без сомнений осталось бы безответным. Такие мужчины не способны любить никого, кроме се-

бя. А Даша не относилась к числу девушек, готовых броситься в пучину несчастной любви. В ее жизни и без того хватало горестей, чтобы начать сохнуть по мужчине вроде Романа Чернышева. Поэтому с первого дня у нее внутри разразилась война.

Даша не уважала людей, которые относились к окружающим как к мебели и не стала отмалчиваться, когда Роман, едва взглянув на нее впервые, начал вести себя с ней как божество с очередным докучливым просителем. Даша прекрасно понимала, что если ей предстоит с ним работать, то такого обращения она долго не выдержит. Нагрубит, и ее всё равно уволят. Поэтому, несмотря на острую потребность в работе, она решила сразу расставить все точки над «и». Даша не терпела в людях снобизма, считая его признаком ущербности личности. Люди – всего лишь песчинки на рабочем столе бытия, и каждый человек может в любой момент стать ненужным, больным или вообще неожиданно уйти из жизни. Она осознала эту непререкаемую истину очень рано и поэтому искренне удивлялась, как в жизни разумного человека может находиться место для снобизма. «Пред кем весь мир лежал в пыли – торчит затычком в щели» (прим: У. Шекспир «Гамлет», перевод Б. Пастернака). Если разобраться, все мы – ничто. Лишь марионетки, которые фатум дергает за ниточки. И человек, обремененный умом, на взгляд Даши таких простых вещей не понимать не может.

Поэтому, несмотря на сбивающую с ног ударную волну,

которая исходила от этого человека, первый их разговор вызвал в ней раздражение, и Даша не стала сдерживаться. Она была готова уйти. Но Роман подошел и взял ее за руку. И этого сделать не дал. И уже тогда он спровоцировал войну внутри нее. Даша осознавала, что всколыхнула в нем интерес к себе, видела, как с каждой ее репликой, с каждым их разговором он рос и прекрасно понимала, чем в любой момент это может кончиться. Но процесс был запущен, и она не могла остановиться. Строить из себя тихоню или просто отмалчиваться, когда он всеми взглядами, жестами и намеками провоцировал ее продолжать в том же духе, она не могла. Так Даша угодила в собственноручно созданный лабиринт и теперь блуждала по нему в поисках выхода, которого уже не было. Потому что Роман захлопнул дверь и повесил на нее пудовый замок.

Масла в огонь подлило обследование, которое как на грех выпало именно на один из первых ее рабочих дней. Как только Даша почувствовала, что вызывает в Романи неподдельный интерес, она сразу осознала, что и сама начала увлекаться, и уже даже слегка прикоснулась к такой притягательной поверхности озера под названием «я – желанная женщина». И – на тебе! Результаты ежегодного обследования... Они живо напомнили ей о том, кто она есть на самом деле: девушка с прогрессирующей болезнью. И это если еще не брать в учет дополнительный приз, бонус, так сказать... И ей стало так горько, что захотелось броситься со скалы. Нет, даже

если ею когда-нибудь и увлечется всерьез кто-то подобный Роману, то это продлится недолго. Ровно до тех пор, пока он не узнает о ней всего. А скрывать Даша не намерена. Так что увлечение будет измеряться лишь днями. Даже месяца не продлится. А вот что прикажете ей после этого делать со своим увлечением? Разве что броситься со скалы...

И она решила дистанцироваться. Ей нужна эта работа, здесь она сможет получить очень хорошие деньги, тем более сейчас, на фоне санкций, кризиса и войны, спровоцировавших безработицу и сильное падение активности в ее профессиональном секторе. Она будет искать другую работу, но параллельно. Сейчас декабрь, пик активности, все рабочие места заняты, но она будет искать и обязательно найдет. Не может же черная полоса длиться вечно? Месяца ей должно будет хватить. Но она уйдет только тогда, когда будет куда. А Роман Сергеевич... Что ж, она постарается договориться с собой и больше не вестись на провокации. Она будет официальна и холодна. Настолько, насколько сможет. Он остынет. И отстанет. И они будут просто работать вместе. Как руководитель и его секретарь. Ей придется стать секретарем хотя бы на время. Научиться подчиняться, молчать и не высываться. В конце концов, от нее здесь требуется именно это, она же секретарем устроилась! Никто ее на эту работу под дулом пистолета не гнал. Просто такой у нее сейчас период. «Пред кем весь мир лежал в пыли...»

Все эти умозаключения были сделаны в четверг днем, по-

сле получения результатов, когда она вернулась на работу с обеденного перерыва, употреблённого на этот раз для того, чтобы съездить в клинику. Настроение упало. Но и это пройдет. Такова была ее жизнь. Всегда была, просто она ненадолго подзабыла. Что ж, ей напомнили. Даша окончательно определилась с тем, что больше не станет провоцировать Романа Сергеевича ни на какие действия. Он – табу для нее. И она вернулась в приемную из архива, где провела почти весь рабочий день. Вернулась, чтобы просто забрать свои вещи и уйти домой. Но там был Роман...

Случившееся ударило Дашу обухом по голове. Она могла ожидать подобного развития событий в первые два рабочих дня, когда между ними стало активно искрить. Роман подходил к ней слишком близко, отпускал замечания на грани фола, а она лишь подбрасывала дровишек. Тогда ситуация действительно могла выйти из-под контроля. Но что он накинется на нее вот так, без провокации с ее стороны, после двух дней, в течение которых они не виделись, вечером, когда она уже почти ушла с работы, этого Даша ожидать никак не могла. К тому же мысли ее были заняты настолько другими вещами, что произошедшее стало для нее полной неожиданностью.

Даша обладала неординарной смелостью, и застать ее врасплох было делом не из легких, но стечение обстоятельств привело к тому, что это всё же произошло. Когда она почувствовала себя прижатой к стене, постаралась вернуть-

ся в сознание и оценить ситуацию. В первый момент, пока ярость еще не достигла достаточной концентрации, в голове прояснилось быстро. Он ее не отпустит. Если Даша начнет дергаться, только усугубит. Она увидела единственный выход: не сопротивляться. Но его близость стала поднимать в ней такую сильную волну негодования, что совладать с собой и остаться без движения было труднее, чем могло показаться. А потом он стал прикасаться. Нос у виска, дыхание в волосах, рука на бедре, губы на шее... Господи, как же это было нестерпимо! Но Даше всё же удалось простоять столбиком. Когда же он прикусил мочку уха, она чуть не сорвалась. За секунду в голове промелькнула сцена, как она забирается ему под рубашку и дó крови раздирает кожу на груди, шее, расцарапывает лицо, чтобы он только оставил ее наедине со своей физической ущербностью. В тот момент ей казалось, что она даже была способна откусить ему пол-уха, хотя, возможно, это только казалось. Точно она не знала. Понимала только, что безумно его хочет, но желание причинить ему бóльшую физическую боль, чем испытывала она сама, в Даше побеждало.

Когда же Роман достиг стартовой отсечки, ей всё же удалось немного отодвинуть эмоции. Оба исхода: тот, что был в ее голове, и тот, что должен был сейчас воплотиться в жизнь, были для нее неблагоприятными. При обоих она должна тут же поставить точку в этой истории. Но точку не на той странице и не в том абзаце, в котором ей хотелось бы. Остаться

без работы, без денег, да еще, вдобавок ко всему, либо сорвавшейся психопаткой, либо униженной овечкой. Если она причинит Роману боль или – кто знает, во что всё выльется – вообще его ударит, ранит или что похлеще, в долгу этот человек не останется. У нее точно будут проблемы. Поэтому, зная свой характер и помня о неспособности в припадке ярости почувствовать грань и остановиться, Даша удержалась. Дать же ему закончить начатое, а потом просто уйти – было не в ее характере. Она не против секса, и не отвергает тех форм грубости, которые бы при этом не выходили за рамки добра и зла. Но унижать себя Даша не позволяла никому. Даже сексом, столь ею любимым.

Мысль пришла тут же. И это сработало. Но облегчения исход не принёс. Именно в тот момент, когда Даша поняла, что ей удалось остановить Романа, к ней пришло осознание того, что она безумно хочет этого мужчину. Да, не может себе позволить его хотеть. Да, если бы всё произошло, то стало бы только хуже, но... Она испытала разочарование от того, что ничего не произошло. Противоречиво? Да. Странно? Нет. Даша знала, что имела только один шанс проверить, каково это, быть с ним. Пусть вот так, возле стены, с незакрытой дверью. Пусть грубо и унижительно. Пусть против ее воли, ведь, несмотря на безумное желание, она приняла решение отойти в сторону, дистанцироваться, отсекая тем самым любую возможность того, что такое когда-нибудь случится. И вот помимо ее воли этот шанс вдруг возник. Се-

годня. Спонтанно. Потому что Роману так захотелось. И он никогда больше не повторится. Как же горько было это осознавать...

Дома, в своей пустой квартире, Даша впервые за долгие годы дала волю чувствам. Она долго стояла у окна, пытаясь разобраться, правильное ли решение приняла. И остановилась на том, что правильное. Она выйдет на работу и объяснится с Романом Сергеевичем. Ей всё равно, поверил ее шеф, что она больна, или нет. Если поверил, то дурак, но она не станет его разубеждать. В конце концов, триппер ведь не может помешать ей выполнять профессиональные обязанности? В их число не входит секс на рабочем месте, значит, у Романа с этим не должно возникнуть проблем. А к числу моралистов она бы его не отнесла ни при каких обстоятельствах. Если же не поверил, то ее объяснения должны настолько расставить всё по местам, что либо он от нее отстанет, либо они разойдутся. Но так она поставит точку достойно, а это для Дарьи Черновой всегда было важнейшим приоритетом.

И вот, наступил день сегодняшней. И что он ей принес? Лучше не задумываться. Всё стало настолько сложно, что, казалось дальше было некуда. Роман Сергеевич Чернышев наплевал на реакцию окружающих и дал всем, в том числе и самой Даше, понять, что хочет с ней встречаться. А еще предложил постоянную работу. По обрывочной информации, которая случайным образом оказалась в ее распоря-

жении за последние два дня, Даша поняла, что не просто была интересна начальнику. Он никогда ранее и ни с кем не вел себя так, как с ней. Похоже, что директор заинтересовался ею более, чем с ним обычно случалось. Но к приятным выводам понимание этого Дашу не приводило. Роман может лишь увлечься. Да, возможно, чуть сильнее, чем обычно, но всё же недостаточно сильно, чтобы испытать настоящее чувство. Даша прекрасно знала, что представляют из себя мужчины подобного типа, она вдоволь насмотрелась на них на своей прежней должности. Фактически, только с такими она и работала. Люди эти посвящают себя бизнесу, отрезают чувственную сторону себя и со временем превращаются в автоматизированные устройства по зарабатыванию денег. Правда, они разнятся между собой по уровню тестостерона и либидо, от которых зависит модель их взаимоотношений с женщинами. Одни – грубы, другие обходительны, одни имеют по одной любовнице, другие по десять, но суть от этого не меняется. На искреннее чувство, каким оно было в понимании Даши, такие мужчины не способны в принципе. И еще с поля событий никуда не пропадала ее болезнь. Даже если предположить, что Роман увлечется ею всерьез, что само по себе было невозможно, узнав о ней больше, он всё равно отойдет в сторону. Два из двух. И оба мимо.

А она между тем влюблялась всё сильнее. Если бы Роман перестал ею интересоваться, провоцировать, поднимать со дна всё то, что она так усердно хотела туда запрятать, у нее

был бы шанс притормозить. А потом и уговорить себя, что всё это не для нее. Но сегодняшнее его поведение свидетельствовало о том, что он не только не собирался отступить, а наоборот. Роман решил всерьез на нее взяться, и Даша не была уверена в том, что ей достанет сил для того, чтобы не сорваться в чувственную пропасть.

Да еще и этот телефонный звонок, про который она совсем забыла, пока не вернулась домой. Звонили с неизвестного номера, но, судя по коду, это не был спам. И потом симка была чистая, вряд ли ее одолели бы рекламой спустя всего неделю после регистрации в сети. Даша напряглась. Ее нового номера не знал никто, кроме отца, Романа Сергеевича и Лены. Неужели маленькая проболталась? Хотя... Андрей мог залезть в душу даже к черту, что уж говорить о наивном ребенке?

Все эти мысли настолько взрывали голову, что Даша почувствовала физическую потребность в разгрузке. Ей надо было потанцевать. И, возможно, закончить вечер не одной. Господи, как давно она не была с мужчиной... Решено. Так она и сделает.

14.

Начать жить по новому сценарию показалось возможным только при первом порыве. Но стоило Роману вернуться на Фрунзенскую набережную в абсолютном одиночестве, как применимым к жизни этот сценарий казаться перестал. И очень захотелось вернуться к старому. Тело горело от желания, он вот уже второй день ощущал жжение на коже и в мышцах, а накануне посреди ночи проснулся со стояком. Сказать, что это было приятно, Роман не мог. Возможно, каких-то мужчин такое свербение и раззадоривало, но он к их числу точно не относился. Сейчас ему хотелось лишь одного: прекратить всё это. Но не делать же ему это самостоятельно, в самом деле!

На второй план отошли даже вызвавшие в нем настоящую бурю откровения Даши во время их ужина в кабинете. В тот момент он действительно испытал сильные эмоции. Примерно такие же по силе воздействия, как вчера, когда она выдала ему свою гениальную версию про гонорею. Но потом был их танец, а потом была поездка в лифте... Роман понимал, что с сексом надо было повременить хотя бы какое-то мыслимое время, но после двух моментов их близости любой миг ожидания стал казаться невыносимым. Он не мог думать ни о чем, кроме... Да вообще ни о чем. Хотелось просто пойти и постучаться членом о стену, какие уж там мысли.

В машине по дороге домой он немного отвлекся, заканчивая дела. Но дома его снова накрыло. Он вспомнил вчерашний вечер с Ларой, и оттого стало только хуже... Роман нарезал еще один круг по комнате. И тогда так предсказуемо к господину Чернышеву снова постучалась в дверь непредсказуемость. Любимая женщина, ставшая, возможно, теперь номером два в его жизни. Вернулась, чтобы помочь всё испортить с номером один.

Директор спецотдела достал мобильный и открыл пеленгатор, которым на днях обзавелся. Он ввел номер телефона Даши. Указатель перемещался, она куда-то ехала. Роман взглянул на часы. Час ночи. Он со злостью отбросил мобильный на кровать. Прошел в кухню, постоял возле окна. Снова вернулся в спальню. Схватил мобильный, посмотрел на экран. Указатель перемещался. Он пригляделся: Даша ехала в центр. Раздался его рык...

Ноги сами принесли к машине. Роман не помнил, как ехал, не помнил, как заходил в клуб. Он очнулся только от гулких ударов музыки. И стал искать ее среди толпы. Искать недолго, найти было нетрудно. Ее было видно метров за десять, несмотря на скопление людей. Даша и здесь выделялась. Гибкая почти до неестественности, она сотворяла такие движения, что остаться при этом незамеченной не могла априори. Судя по пеленгатору, она приехала всего минут за десять до Романа, тем не менее к ней уже присматривалось несколько мужиков. Точнее, присматривались все, слишком

сильно она обращала на себя внимание своими танцами, а эти трое уже принюхивались.

Роман отступил подальше, смешался с толпой, чтобы она его не заметила, и продолжил наблюдать. Этих троих Даша быстро отшила, но ими дело не ограничилось. За тот час, что он продолжал свою слежку, отшитыми солдатами можно было эшелон набить. Или Роману так показалось. Нет, он не считал. В принципе ему было всё равно. Он не был ревнив и ему даже нравилось, когда его женщина привлекала к себе внимание окружающих, тем самым лишь укрепляя в осознании правильности его выбора. И всё же Роману не нравилось, что вокруг Даши трется так много желающих сделать то, за чем он сейчас стоял в очереди первый. Но желающие об этом не знали. Как, впрочем, и сама Даша.

Когда девушка подошла к бару, возле нее возник более-менее сносный кандидат. Одет дорого, часы сойдут за третий сорт, внешность статистическая. Разве что рост и сложение неплохие. В случае чего Роман дал бы ему фору, в этом не было сомнений, и всё же сейчас он предпочел бы не испытывать судьбу. Но открывать своего присутствия здесь и сейчас он тоже не был намерен. По крайней мере, пока.

Статист долго клеился к его женщине, пока она медленно выпивала заказанную только что бутылку воды, конечно, ведь после таких танцев у нее наверняка обезвоживание... Но потом она всё же отбрила и этого. Роман испытал легкое чувство удовлетворения, однако недостаточное для того,

чтобы притупить зуд. Дашины танцы ситуацию только усугубили. Но пока он наблюдал за ней, принял окончательное решение. Он должен договориться с собой: с ней всё будет по-другому. Сейчас ему хотелось этого как никогда. Даже несмотря на дикое влечение. Чем больше он узнавал о Даше, тем сильнее она ему нравилась.

Но вот его женщина стала пробиваться к выходу. На улице всё еще было очень морозно, поэтому она одевалась прямо возле гардероба, не давая Роману подойти и забрать свои вещи. Потом долго копошилась с мобильным, вставляя в него вторую сим-карту. Лишь преуспев, она ушла. Тогда директор поторопился взять пуховик и выйти, чтобы не упустить ее из виду.

Он увидел Дашу всего в паре метров от входа. Она стояла боком, почти возле самой стены и разговаривала по телефону. Спиной к нему, поэтому его не видела. Роман тоже прислонился к стене, только встал спиной к своей женщине, на случай если она обернется. Голос тихий, но всё же вполне различимый. Ему повезло, вокруг не было людей и посторонние голоса не заглушали ее слов:

– Привет. Узнал?

Пауза.

– Ой, как приятно... – в ее голосе прозвучало лукавство. – Не разбудила ведь?

Пауза.

– Твои привычки никогда не изменятся. Так... я заеду

сейчас?

Пауза.

– А что, тебя теперь смущает время? Стареешь?

Пауза.

– Я так и думала. Так... я буду минут через пятнадцать.

Она умолкла.

Роман почувствовал, как закипает. Жжение во всем теле стало перерастать в гулкий стук в каждой мышце. И тут же появились предвестники головной боли. Он натянул на голову капюшон. Вдруг его тронули за спину. Прозвучал ее голос:

– Простите, сигареты не будет?

Роман еле выдавил, не оборачиваясь:

– Не курю.

Вышло сдавленно, как будто он был сильно пьян. Директор даже не узнал своего голоса. За спиной раздалось тихое:

– И это правильно. И без сигареты тошно.

Она вздохнула и медленно ушла. Роман смотрел ей вслед, постепенно погружаясь в сильнейший приступ головной боли.

15.

Даша не смогла. Ни в клубе, ни после него. Принятое накануне решение оказалось не так легко воплотить в жизнь: ей становилось противно от мысли, что она будет сейчас с кем-то другим, как только такая возможность начинала обретать осязаемую форму. Случайным сексом делу было не помочь, и Даша осознала это под окнами одного из своих старых любовников. Она набрала его номер еще раз:

– Привет! Я тут шину проколола. Не получается приехать.

– Помощь нужна?

– Нет, отец уже выехал. Извини, что сливаюсь.

– Да ничего. С кем не бывает! В пятницу-развратницу, в Москве-злодейке...

Даша усмехнулась.

– Спасибо за понимание. Прости, что прокатила.

– Удачно залатать раны!

Даша всё еще улыбалась.

– Ну пока!

Она вернулась домой еще более опустошенной, чем уезжала. Сразу положила старую сим-карту, извлеченную еще по дороге домой, обратно в пластиковый контейнер и сунула в карман шубы, где держала ее всё это время, чтобы была под рукой в случае чего. Как, например, сегодня. Приняла душ и, вдоволь натешившись, легла спать. Но оказалось,

что душ не помог. Стало только хуже. От напряжения теперь ломило даже суставы. Или это после танцев? Да вроде она не так долго пробыла в клубе... Даша никогда не забывала о том, что такие движения были в большом количестве ей противопоказаны, поэтому в те редкие моменты, когда всё же позволяла себе расслабиться, ведь любила танцевать, наверное, больше всего в жизни, всегда делала это строго дозировано. Не больше часа-полтора за раз. От такой дозы боли быть не должно. И всё же она вся горела. Ночь прошла в сопровождении мыслей о Романе.

В субботу и воскресенье всё было обычно. Пока переделала все дела, выходные почти кончились. Памятуя о странном звонке на новую симку, Даша не заезжала к отцу, тем не менее воскресным вечером решила, что очень хочет увидеть Леночку. Буквально ненадолго. Слишком соскучилась. Но дойти до нее не успела. На подходе к подъезду ее перехватил Андрей.

– Куда спешим, красавица?

– Отвали.

– Даш, подожди...

Он встал перед ней и перегородил дорогу.

– Зачем ты от меня скрываешься, я же всё равно найду.

– Ну, нашел, и?

– Я соскучился очень.

– И я тоже. Просто жизни не представляю без гонореи.

– Ну я же уже извинялся! Я сам не знал.

– Врешь. Ты всё знал.

– Даша, послушай... Я давно здоров. И ты здорова. Так смысл старое вспоминать? Мало ли кто от кого заразиться может, это ведь в прошлом? Но я о тебе думаю. Мне с тобой классно было. Ни с кем так классно не было. Давай еще раз попробуем. Я, правда, здоров. Могу справку показать.

– Отойди. Дай пройти.

– Даша, ты уже должна была всё понять. В прошлый раз у меня не получилось тебя найти. Но, как видишь, в этот раз нашел. Я ведь всё равно не отстану.

– С дороги уйди!

– Хорошо, сегодня уйду. Но только сегодня.

Он отодвинулся, и Даша пошла к подъезду.

– Привет Ленке от дяди Андрея!

Даша замерла. Кулаки сжались самопроизвольно. Она обернулась и со злостью посмотрела на него, но потом заставила эмоции отступить. Сейчас они бы только навредили. С минуту подумав, она сказала:

– Сам передашь.

И пошла назад по направлению к машине. За спиной слышался спокойный голос Андрея:

– Я всё равно не отстану!

И вот наступило утро понедельника. Она пришла на работу к половине девятого. Романа еще не было. Мороз спал, так что Даше, наконец, удалось переобуться в более удобные

сапоги – в последние дни от каблуков стали сильно уставать ноги. Особенно после клуба. Даша сменила обувь, подошла к зеркалу и долго смотрела на себя в отражении. Ей всегда нравилось то, что она там видела, но красавицей она себя не считала. Симпатичной – да. С правильными чертами – тоже да. Но этого было недостаточно для того, чтобы называться красивой. Ведь красота – это когда во внешности есть нечто незаурядное, то, что выводит человека из ряда обычных людей, делает его незабываемым и впечатывается в мозги с первого взгляда. Как у Романа. Вот кто был красивый.

Даша осмотрела свое тело. Грудь – вполне сносная, талия слишком тонкая, ей всегда казалось, что она ее излишне худит. Бедра узкие, но некое подобие песочных часов просматривается. Вот что действительно ей нравилось, так это ноги и зад. Но всё же она всегда считала себя слишком худой. Ей казалось, что худоба ее не украшает. Даша старалась больше есть, но это не помогало. Сколько бы она не запихивала в себя еды, всё равно не поправлялась. Возможно, это было из-за болезни. Значит, так и останется щепкой.

Сегодня она с особой тщательностью подбирала одежду. Даша хотела понравиться Роману, и желание это даже не было подспудным. Она старалась никогда не обманываться, поэтому еще в пятницу призналась себе, что влюблена. Да, война внутри продолжалась. Даша понимала, что скорее всего эта влюбленность плохо для нее кончится. Она отдастся чувству, а у Романа всё продлится недолго. И тогда ей будет

очень больно, так, как, наверное, еще никогда не было, но Даша ничего не могла с собой поделать. Выбить клин клином, как она планировала в пятницу ночью, всё равно не получится, слишком казались ничтожными на фоне ее начальника все прочие клинышки.

Даша осмотрела себя. На ней было ее лучшее платье. Холода спали, можно было немного пощеголять. Черный бархат с двумя v-образными вырезами на груди и спине, не слишком вызывающими, но всё же на грани, делал ее сногшибательной даже в своих собственных глазах. Платье было тонкое и как будто ласкало, плотно облегая. Рукав три четверти, длина до середины икры. Юбка узкая, как по ней сшита, с длинным разрезом сзади, заканчивающимся чуть выше колена. Завершающим акцентом был тонкий золотой пояс-цепочка аккурат в самой впадине на талии. Да, она круто выглядела, это было бесспорно.

Даша решила не убирать волосы, оставить так. Она просто перебросила их на бок. Они были не очень длинные, ей никогда не удавалось отрастить их настолько, насколько она бы того хотела, зато достаточно густые. Нет, две объемные косы она бы, конечно, из них не заплела, но на волосы никогда не жаловалась. И еще ей нравилось редкое сочетание их цвета с цветом глаз. Обычно у людей с каштановыми волосами – глаза разных оттенков коричневого или зеленого. А у Даши они были серые. Минуту поразмыслив, она решила подвести их. Когда уже почти закончила, в дверях приемной

показался Роман.

Увидев его в зеркале, замерла. Сердце гулко забилося. Руки не слушались, когда она стала спешно натягивать колпачок на фломастер. Всё же вскоре тот уже был запрятан в косметичку. Даша снова подняла глаза и взглянула в зеркало. Роман так и стоял. И смотрел исподлобья. Затем вошел, закрыл за собой дверь приемной, повернул замок. Теперь сердце Даши уже не просто билось, оно бежало спринт. Роман поставил портфель на пол, скинул пальто, а за ним и пиджак и стоял теперь перед ней в одной рубашке. Галстука на нем сегодня не было. Как, видимо, и запонок, ведь в этот момент он закатывал рукава. Так и не расстегивая манжет. Затем принялся за верхние пуговицы рубашки. Когда же он и с этим закончил, то двинулся к ней. Даша заворожённо смотрела в зеркало.

Едва он к ней подошел, сорвались оба. Он схватил ее за волосы и потянул на себя, открывая шею, на которой теперь просматривалась пульсирующая жилка. Роман впился в нее, а Даша непроизвольно выдохнула с сильной вибрацией. Тогда директор спецотдела резко развернул ее к себе лицом. Она вцепилась руками в столешницу кофе-блока и теперь смотрела на него, но не в глаза. Взгляд Даши был обращен к его губам.

И он поцеловал. Точнее обрушился, слишком уж мало это походило на поцелуй. Роман пожирал, вдавливал, терзал, но Даша ему отвечает. Не могла не ответить, слишком желан-

ным он стал за последние дни. Она обхватила его за шею, залезла под рубашку, до боли сгребла пальцами кожу. Роман вскрикнул. А после резким движением по́днял юбку, одним рывком стащил колготки, усадил Дашу на столешницу и всё случилось. Прямо так, как какой-то шквал. Легкомыслие. Безумие. Даша знала, что так было нельзя, она однажды уже обожглась. На всю жизнь, и этот урок заучила наизусть. Но сейчас всё повторялось. Хотя теперь ей больше было нечего терять, возможно, поэтому она сейчас ни о чем не думала.

Роман был жестким на грани с жестокостью, но Даша настолько его хотела, что ему не удалось причинить ей боли: она ее не чувствовала. Девушка трепетала, все тело усыпали мурашки, а ощущение этого мужчины в себе, когда он, наконец, закончил начатое несколько дней назад, привело ее в такой восторг, что почти сразу это кончилось высшей точкой. Роман рычал, постепенно переходя на хрип, пока вскоре после нее тоже не простонал. А потом прижался носом к ее виску и стоял так, пока не выровнялось дыхание. Он всё еще сдавливал ее бедра и только теперь, когда оргазм стал отпускать, Даша ощутила боль от его рук.

Всё кончилось так же быстро, как и началось. Он выскользнул, придерживая плоть одной рукой, отстранился, вошел в кабинет. Даша спрыгнула со столешницы и полезла в сумку за салфетками. Роман снова появился в приемной уже с застегнутыми брюками. Подобрал с пола пиджак, пальто,

взял портфель. Подошел к дверям приемной, распахнул их. И, не сказав ни слова, ушел к себе.

16.

Закрыв дверь, Роман прижался к ней спиной. Он стоял так какое-то время. Веки приспущены, каменное выражение. Но так казалось только со стороны. Внутри всё бушевало. Он всё же добрался до шкафа и повесил пальто. Вытащил из кармана галстук и запонки, надел, закрыл дверцу. Натянул пиджак и подошел к окну.

Секс облегчения не принес. Наоборот, стало только хуже. Гораздо хуже.

После услышанного им в пятницу ночью разговора, Роман решил, что больше сдерживаться не станет. Он сделает это прямо в понедельник с утра. Жестко, больно, и, возможно, даже унижительно. Но сделает лишь раз. И только лишь потому, что он всё еще первый в очереди. А потом больше не взглянет на нее. Просто выбросит из головы. Ему не нужна женщина, которая трахается с кем попало сразу после того, как он, Роман Чернышев, дал ей ясно понять, что хочет чего-то серьезного. Тем более, если женщина эта способна вызывать в нем столь сильные чувства. Это прерогатива мужчины, а не его женщин, и Роман не собирался меняться с ними местами.

Но в реальной жизни всё оказалось не так просто, как в стратегии, так прилежно им выстроенной. Как только он ее увидел, всё тело снова сжалось от напряжения. Перед ним

стояла самая красивая женщина, которую он когда-либо видел. Возможно, не в целом мире, вероятно, не для всех и вся. Наверное, не вписывающаяся в эталонные отсечки, созданные кем-то для народных масс. Но, определенно, самая красивая для него. А в этом платье она была божественно прекрасна.

Как только Роман дотронулся до нее, Даша врубила радио на полную мощность. Дребезжащее дыхание, выдох-стон, раздавшийся из ее горла, стоило ему добраться до ее шеи, отключили тормоза.

Он был так зол на нее, что не пытался удержаться от причинения боли: кусал почти до крови, сжимал, что пальцы сводило, сгребал плоть и сдавливал до посинения. И целовал. Постоянно. Просто не мог остановиться. Потому что даже сквозь пелену неконтролируемой злости ощущал, что Даша ему отвечала, и поэтому заводился лишь сильнее. Но она так ни разу и не вскрикнула, как он ни старался. Лишь была той же картой, а один раз сжала кожу на груди так больно, что он в тот момент ей чуть губу не прокусил. А еще она оказалась настолько отзывчивой, что каждое его прикосновение, даже подчеркнуто грубое, вызывало в ней мгновенную реакцию. Он всё время ощущал рябь под руками, где бы до нее не дотрагивался. И это стало для Романа самым сильным чувственным откровением: Даша настолько хотела его, что даже боль не была в состоянии перебить ее желания. Это не могло не польстить его самолюбию.

Роман не перешел черты и не сделал секс унижительным для нее. Хотел, но не смог себя заставить. Чувствовал что-то. Больше, чем злость. И это победило. Он пожалел ее. Когда же, наверное, в благодарность за его великодушие, Даша почти сразу кончила, его накрыло так сильно, что, казалось, сейчас кровь закипит. Нет, это точно был оргазм, она не симулировала. Молниеносный оргазм. С ее губ слетело даже:

– Господи, боже мой!

Роман уже слышал от женщин что-то подобное. Его сравнивали с Богом настолько часто, что это даже перестало производить впечатление и звучало как что-то почти заученное. Но выкрик Даши не был обращением к нему лично, хоть и говорил о многом. Она прокричала это столь трепетно, и так судорожно вцепилась в его шею, что Роман почти сразу кончил сам. И это был самый мощный оргазм в его жизни. Что-то он начал привыкать к тому, что всё, связанное с Дашей, в последние дни стало обретать значение «самое». Пора было с этим завязывать.

Он сел за стол и вызвал ее по внутренней связи.

– Дарья, кофе, пожалуйста!

Роман старался, чтобы его голос прозвучал спокойно. Ему это удалось.

Через пару минут дверь открылась и появилась Даша. Она подошла и поставила чашку на стол сбоку от мыши. Еле уловимо рука секретарши дрожала, чашка на блюдце чуть дребезжала. Роман поднял на нее взгляд. Она не смотрела. Лицо

ее было бледно. Повернулась, направилась к выходу. Вышла, закрыв за собой дверь.

Сейчас Роман больше ничего не чувствовал. Осмыслив ситуацию до конца, он впал в какое-то уныние. Внутри было пусто. Он выпил кофе.

Рабочий день оказался очень насыщенным, как и всегда по понедельникам. А сейчас приближался отчетный период, так что дел было невпроворот. И Роману удалось отвлечься. С Дашей они больше почти не общались. Она просто, предварительно согласовав, переключала звонки, но это трудно было назвать общением, настолько официально они оба старались себя вести друг с другом. К середине дня Роман окончательно перестал отзываться жжением на ее голос по внутренней связи. Он с головой погрузился в работу, и мозги постепенно переключились. Только с самых задворок сознания еще прорывался еле уловимый сигнал бедствия. Но директор спецотдела старался на этом не концентрироваться.

Во второй половине дня прошло совещание, на котором присутствовали почти все работники спецотдела. Такие встречи всегда проводились в смежной комнате, оборудованной под большую переговорную. Там же проходили и еженедельные конференции. Дарья впервые оказалась в этом помещении, ведь обязана была присутствовать на совещании. Роман вел себя как обычно, никто из присутствующих и в припадке особой подозрительности не усмотрел бы, что с ним что-то не так. А вот Дарья не была похожа на себя. Она

оставила без ответа несколько замечаний в свой адрес, да и вообще была как-то слишком молчалива и грустна. Но Романа это не трогало. Он не сомневался в том, что в пятницу вечером его секретарша снова сможет найти себе утешение. Хотя, зачем ей ждать до пятницы?

Сразу после совещания он ушел с работы. Дарья собирала материалы, оставшиеся после встречи, и пропустила его уход. А следующий день он провел в разъездах, так что в офисе так и не появился. Они снова общались в чате и лишь трижды по телефону. Роман порадовался тому, что голос ассистентки вообще перестал его волновать. Похоже, что постепенно всё становилось на свои места: Дарья занимала место в ряду его многочисленных подчиненных. Она – всего лишь одна из его секретарш, административный персонал. Он, в случае потребности, может изредка ее потрахивать. Если желание будет, конечно. Но его не было. И это Романа радовало, ведь он впервые стал сомневаться в своей способности безоговорочно контролировать эмоции, а для него это было непозволительной роскошью.

В среду Дарья присутствовала на конференции, однако, всё же ее провел Семен. Но переводчика по французскому уже не привлекали, а итальянцев в этот раз на связи не было, ведь приближалась встреча в Риме, и было решено все вопросы обсудить на месте. Секретарша понемногу вливалась и, вникнув в регламент мероприятия, в конце уже принимала активное участие. И у Романа внутри всё же что-то екну-

ло, ведь он впервые отчетливо услышал, как она говорит по-французски. Нет, пару раз, конечно, что-то до него доносилось из-за закрытой двери приемной, но в уши не западало. А сейчас он находился совсем рядом. У Дарьи было очень хорошее произношение, редкое для русских людей, которые в большинстве своем плохо слышат иностранные языки. Оно, в сочетании с приятным голосом, ласкало слух. Всё же Роман не оставил до конца своей недавно приобретенной привычки – реагировать на ее голос. Он впервые с утра понедельника зацепился за Дарью взглядом, ведь до этого постоянно смотрел сквозь нее. Простого края бежевое платье с воротником как у водолазки, но не отвернутым, а поднятым почти до линии подбородка. Снова футляр, как всегда, исключение она сделала только в понедельник. Снова ноль косметики. И этому правилу она изменила лишь раз. В тот же день. И волосы убраны. Никаких подчеркнутых акцентов, украшений, аксессуаров. Чтобы никому не пришло в голову цепляться за нее взглядом. Но голос она выбросить на помойку не могла, и этого для Романа оказалось достаточно. Внутри опять стало слишком шумно. Он перевел взгляд на Семена и постарался сконцентрироваться на работе. И опять успешно. Ведь директор спецотдела всегда был трудоголиком.

Вторая половина среды снова прошла в разъездах. Последняя встреча закончилась совсем поздно, он приехал на Фрунзенскую набережную лишь в одиннадцать вечера. Но, едва зайдя в квартиру, Роман передумал: на него снова стало

накатывать. Постепенно это место странным образом начало ассоциироваться с Дарьей, хоть она здесь ни разу и не бывала. Как только он приходил сюда, в голову тут же залезали мысли, которым там было не место. Роман еще не успел раздеться. Он вышел.

Подъезжая к дому, он набрал номер жены. Та ответила почти сразу:

– Что-то купить? Я внизу, возле «Азбуки».

– У нас всё есть.

Всё же Софья его раздражала. Одним даже своим голосом. И недели отдыха оказалось недостаточно для того, чтобы притупить это чувство. Роман поднялся, разделся. Сразу прошел в кабинет. Жена не заставила себя долго ждать. Она влетела в комнату и встала руки в боки.

– Зачем приехал? Неделю не появлялся, и нате вам, сюрприз!

Так дерзко она себя с ним еще никогда не вела. Но и он не пропал из дома больше, чем на несколько дней. В голове переключился тумблер. Роман взял жену за руку, завел в кабинет, закрыл дверь.

– Ада дома?

– А тебе-то что?

– Мне повторить свой вопрос?

Только сейчас Софья уловила в его глазах искры, не предвещающие добра. И немного сбавила тон.

– У подруги.

– Не рановато для подруг?

– Ей двенадцать. У них так принято в этом...

Роман не дал ей договорить...

Секс был рядовой. Всё, как всегда, без изысков, но Софья, похоже, так не считала. Она расцвела на глазах. А Роман не чувствовал ничего. Не было омерзения, как тогда с Ларисой, не было острого желания, как еще кое с кем. Ему просто нужен был секс, чтобы снова не проснуться ночью со стояком. Но он не хотел ехать к любовницам. Сегодня от них отдавало бы скверной. Поэтому он приехал к жене. В конце концов, они еще женаты.

Софья Чернышева была вполне себе импозантная женщина, правда, немного старше мужа. К тому же до уровня Романа она не дотягивала, поэтому, как только тот заручился поддержкой и деньгами ее отца, к жене как к женщине всякий интерес потерял.

Но, несмотря на то что имел многочисленных любовниц, роль мужа Роман продолжал исправно исполнять еще лет пять, пока и это ему не наскучило. Последние шесть лет его жизни оказались настолько загруженными, что времени на какие бы то ни было роли у него действительно не оставалось, поэтому он даже перестал стараться.

Дочь была от него слишком далека, так что в ней он особой потребности тоже не ощущал, утешая себя тем, что, возможно, их связь станет сильнее, когда она подрастет и начнет

самостоятельную жизнь. Не начнет? Что ж, на нет и суда нет.

Так их почти тринадцатилетний брак и подошел к своему логическому завершению. Но Роман продолжал систематически появляться дома, и планировал это делать до официального объявления о разводе, ведь всё же они жили вместе с дочерью. Пока в его жизни не случилась Дарья.

И он сразу, с такой же, как и всегда, легкостью принял решение, что с женой больше жить не будет даже для формы и даже ради Ады. В конце концов, их отношения зашли в такой тупик, что его уход из дома уже никого бы не удивил. И он однозначно не планировал больше спать со своей женой. Пока в его жизни не случилась Дарья.

А сейчас, после такой необходимой разрядки, он опять ничего не чувствовал. Внутри был вакуум. Софья возилась на кухне, пытаясь удивить его какой-то очередной съестной бурдой. Он поцеловал жену в лоб и, сославшись на головную боль, от ужина отказался. Заперся в кабинете и стал пить.

17.

В четверг утром голова просто раскалывалась. Роман сожалел, что вчера выпил лишнего. Боль просто разрывала изнутри, и даже таблетка не помогала. Он вызвал Дарью по внутренней связи:

– Зайдите.

Она вошла. Роман поставил локти на стол и сидел с прижатыми к вискам пальцами.

– Массажистку вызовите ко мне. Там в записной должен быть номер. Отдельно. В нижнем ящике посмотрите.

Секретарша вышла, и вскоре раздался сигнал интеркома.

– Людмила Анисимова?

– Да.

Дарья ушла со связи.

Через двадцать минут Людмила была в кабинете. Массаж шеи и головы немного помог облегчить боль, но до конца она не отступила.

– Спасибо, Люда, давайте заканчивать. У меня через двадцать минут совещание.

– Хорошо, Роман Сергеевич.

Она ушла. И почти сразу без стука в кабинете возникла Дарья. Роман не успел возмутиться. Секретарша подошла, положила на стол блистер с таблетками и, быстро бросив ему:

– Попробуйте это, –
... тут же вышла.

Роман взял блистер, прочитал название. Вызвал ее по интеркому:

– Что это?

– Противоэпилептическое. Действует на нейроны мозга. Возможно, поможет.

И ушла со связи.

Роман чуть не поперхнулся. Противоэпилептическое??? Она его что, в эпилептики записала? Он взял блистер, встал и вышел в приемную. Подошел, положил таблетки на угол стола и сказал:

– Спасибо, я уж как-нибудь без этого обойдусь.

Развернулся и двинулся к кабинету, но его остановил голос:

– То-то, я смотрю, как здорово вы обходитесь...

Роман сморщил лоб и обернулся.

– Что, простите?

– Прощаю. Плохо обходитесь, Роман Сергеевич! Хреново, я бы даже сказала.

Он так сильно разозлился, что чуть было не крикнул, что она уволена, но его опередил спокойный голос секретарши. Ее тон слегка остудил поднимавшуюся злобу:

– Как ваш помощник, я частично несу ответственность за результат сегодняшних переговоров. Они начнутся через пятнадцать минут, а вы в абсолютно разобранном состоянии.

А еще через четыре часа приезжает Мурманск. Вы, конечно, гуру бизнеса, и не мне вас учить, но всё же лучше принять таблетку. Если она вам не поможет, значит, это не ваше лекарство. От одной таблетки вы эпилептиком не станете, если именно на такие мысли вас натолкнула лекарственная группа. А если поможет, то у меня будет меньше проблем с моей собственной работой из-за проваленных переговоров и запоротой мурманской встречи. Ничего личного, только бизнес.

Она говорила, не отрываясь от монитора, и даже ни разу на него не взглянула. Роман замер и тупо стоял так какое-то время. Он действительно сегодня туго соображал. Директор не помнил, когда в последний раз у него был подобный приступ. Он подошел, взял таблетки и вернулся в кабинет.

Через полчаса голову отпустило. Переговоры шли трудно, и ясность мыслей, не обремененных болью, действительно была очень кстати. Пару раз он кинул взгляд на Дарью. Она сидела в углу переговорной, отдельно от общего стола, уткнувшись в блокнот. И не смотрела. После того, что произошло в понедельник, она теперь вообще больше не смотрела на него. По крайней мере, Роман не мог вспомнить ни одного раза, чтобы их взгляды встретились. Хотя он и сам почти не смотрел на нее.

Когда же все стали расходиться, и Дарья подошла к столу, чтобы собрать материалы, Роман снова залип на ней взглядом. То же платье, что и вчера. Бежевый футляр. Тонкая шея. Тонкая талия. Тонкие запястья. Тонкие лодыжки. И

столько во всей этой тонкоте содержалось страсти. Кто бы мог подумать... Он моргнул и перестал пялиться. Проходя мимо нее в кабинет из переговорной, бросил:

– Таблетка подействовала. Спасибо.

Но она не ответила. Через минуту тоже вышла и закрыла за собой двери. Роман поднял руки к лицу и тяжело выдохнул.

Толика Маслаченко, который стал директором мурманского филиала совсем недавно и не без помощи Романа, последний знал давно. Они когда-то вместе начинали. В офисе пробыли недолго и быстро перебазировались сначала в ресторан, а потом уже и в банный комплекс. Это было первое событие, организацию которого полностью взяла на себя Дарья, и Роман был приятно удивлен. Сложные взаимоотношения, возникшие между ними с начала недели, привели к тому, что секретарша с ним почти не советовалась, а он так усердно избегал общения с ней, стараясь концентрироваться на приоритетных проблемах, к числу коих явно не относился визит его старого знакомого из Мурманска, что забыл дать ей распоряжение провести встречу в соответствии с давно выработанным регламентом. Да, да, именно забыл. Роман никогда ни о чем не забывал, а тут такое. В компании давно был сформирован список мест, мероприятий и контактных лиц, требуемых для организации визитов партнеров и сотрудников. К тому же его мурманский товарищ предпочитал строго определенные.

Но для подготовки требовалось хотя бы несколько дней в запасе, иначе возникал риск, что не останется свободных мест на подходящие даты и время. Когда Роман вспомнил о приезде Толика, точнее о том, что приезд этот должен был быть кем-то подготовлен, делать всё как обычно было уже поздно. Но Дарья и здесь не подкачала. Либо интуитивно, либо случайно она всё сделала правильно. Ресторан, который был забронирован ею под мероприятие, оказался даже лучше любимой жральной Толика. В списках компании он не значился. Это был стильный кабак с морепродучной кухней, только родом не из Мурманска, а из Владивостока. Сахалинский трубач в первой смене блюд сразу убил Анатолия наповал, поэтому дальше всё просто шло как по маслу. Суп из каракатицы, черные пельмени из нельмы, и карпаччо кру́до из дальневосточного кальмара были просто восхитительны (прим.: *sgudo*, ит. – сырой. Морепродукты без термической обработки, подающиеся только с лаконичными специями – лимоном, лаймом, зеленью и пр.). Но на том сюрпризы не кончились. С шести вечера начался концерт какой-то молодой группы. Ребята играли настолько здорово, что половина мурманских гостей, слегка поднажравшись, бросилась в пляс. В этом кабаке по четвергам, пятницам и субботам такое практиковалось, поэтому атмосфера полностью располагала. В общем, ужин прошел на десять из десяти, и Роман нередко снова мысленно возвращался к Дарье. Она не присутствовала, в ее обязанности входила только организация и

дистанционная координация, которой, впрочем, не потребовалось, настолько чисто всё было сработано. Так, полвечера, он снова думал о ней. Даже когда Дарья не было рядом. Да уж, умела эта девушка создать эффект присутствия. Всегда. Везде.

Чуть позже они доползли и до бани. Точнее, баней это было назвать трудно. Огромный конноспортивный клуб и банный комплекс ждал их пьяные рожи с распростертыми объятями. Место впечатляло и размахом, и интерьером, и спектром услуг. Даже странно, почему Роман там прежде не бывал, ведь он знал большинство таких заведений на карте Москвы и области. Туда обязательно стоило как-нибудь вернуться, ведь сегодня гостям вполне хватило одного ресторана. Они немного попарились и разъехались по домам. Однако, посещение банного комплекса тоже оказалось полезным.

Роман знал, насколько важной составляющей удачных переговоров является атмосфера. И она сработала. Директор спецотдела, наконец, вытряс из пьяного Толика ответ на самый животрепещущий для себя вопрос, который так давно волновал: что Иван Белов рассчитывает получить от его назначения в отдел-международник, и как именно он собирается это сделать.

В общем, вечер прошел на ура, и по дороге домой Роман размышлял о том, что, возможно, Дарья была лучшей помощницей в его жизни. Ей удалось переплюнуть даже Ларису. Да, та всегда угадывала его желания, смотрела в рот

и умела здорово угодить, но всё же больше действовала по шаблону. Даша была другая. Да, он только что в своих мыслях снова назвал ее Дашей, хоть еще вчера зарекался больше никогда этого не делать.

Она обладала умом, интуицией, хорошим вкусом и знанием того, как устроен мир респектабельности и денег изнутри. А устроен тот был до банальности просто: в нем уважали только силу, смелость и азарт. И всё это в Даше было. Потому-то она и сбивала с ног всех, кто бы ни попался ей на пути, не разбираясь в том, насколько человек этот влиятелен и будет ли ей за это что-то впоследствии. А сбивала она абсолютно всех. На этот счет Роману уже высказались и Семен, и Виталий, и даже Толик Маслаченко. Выяснилось, что Даша навела мосты с ассистенткой директора мурманского филиала, и поэтому попала в точку с организацией его визита.

Да и в офисе она на многих произвела впечатление. До Романа доходили слухи, что его секретарша успела навести шороха в бухгалтерии; Элла, так вообще была под самым ярким впечатлением в своей жизни. А среди переводчиков Даша уже почти стала своей в доску, кое-какие данные об этом к Роману тоже просочились.

От нее просто шла кругом голова. Как он ни старался перестать думать о Даше, ему постоянно кто-то или что-то о ней напоминали. Но Роман должен был справиться с собой и остановить процесс, развивающийся в нем так бурно. И для этого он впервые в жизни был готов использовать любые ме-

ТОДЫ.

18.

В пятницу провожали мурманских и Роман пригласил жену, которая была знакома с Толиком не хуже. Когда «делегаты», как их шутливо прозвали сотрудники международного центра после вчерашних излияний, уехали, Роман вернулся в кабинет вместе с Софьей. Та впервые увидела его новую ассистентку. Директор спецотдела почувствовал, как жена напряглась: Даша ей очень не понравилась. Пусть они и были на последней стадии развода, но собственнического чувства женщин никто не отменял. Софья за секунду разглядела конкурентку. И Роман решил... броситься на защиту нервной системы жены. Он приобнял дорогую супругу и, как истинный джентльмен, помог ей раздеться и проводил в кабинет.

– Сделайте нам кофе, Дарья, – бросил он, закрывая двери.

Когда секретарша появилась в кабинете с подносом в руках, они с женой целовались возле окна. Роман уловил, как еле слышно брякнул о стол поднос, а спустя несколько секунд тихо закрылась дверь кабинета. Тогда директор осчастливил жену в третий раз за неделю. Второй был вчера, после бани. На столе ему не хотелось, для этого кандидатура была неподходящая, поэтому они сделали это на диване. Не слишком бурно, но всё же Дарья должна была услышать. А если и нет, так по растрепанному виду Софьи поймет. И он даже не будет выглядеть сволочью, ведь это его законная жена, а

не какая-то там массажистка. Или секретарша.

Роман самолично проводил супругу. Дарья не оторвала головы от компьютера ни в тот момент, когда они выходили, ни по его возвращении. Директор зашел к себе. Дверь оставил открытой. Прошел на место, сел за компьютер, но работа на ум не шла. Он опять думал о ней. О том, что её предпочел бы сейчас, не жену. Прямо здесь, на столе. Ведь для этого подходящей кандидатурой была она.

Работа снова позволила отвлечься. К тому же регулярный секс привел к накопительному эффекту: Роман больше не испытывал зуда. Лишь шевеление в районе желудка, но с этим можно было жить. И работать тоже было можно. Он и работал. Пока в пятом часу не услышал стук в раскрытую дверь кабинета. Она.

– Роман Сергеевич, можно?

Смотрит в пол.

– Вы и стучать снова научились?

Молчание. Смотрит в пол.

– Слушаю!

Подняла глаза, но смотрит в сторону.

– Если вы довольны тем, как прошла встреча с Мурманском, то мне хотелось бы отпроситься и уйти пораньше. В пять.

Эврика! Романа осенило. Следующий день после приезда мурманского филиала! У нее сегодня вышка в Электроуглях!

– А если недоволен?

– Тогда отпускать не за что. Останусь до конца рабочего дня.

– А если вы мне после его окончания понадобится?

В глаза не смотрит. На окне залипла. Молчание.

– Дарья, вы когда-нибудь научитесь на мои вопросы отвечать?

– Так довольны или нет?

– На вопрос мне ответьте.

Молчание. Развернулась и вышла.

У Романа в желудке уже скрутился кишечник. Что за женщина ему встретилась на жизненном пути? За какие грехи? Хотя это, конечно, был вопрос риторический... Он еще немного посидел, а затем вышел в приемную.

– На вопрос мне ответьте. Дарья.

Не отрываясь от монитора:

– Если я не отвечаю на вопрос, то это значит только одно: я не собираюсь на него отвечать. От количества повторов результат не изменится.

– Вы себя ведете просто неприемлемо!

– Так увольте.

– Вы забываетесь! Я ваш начальник.

И тут она впервые за все последние дни посмотрела ему в глаза. Уловить, что в них было написано Роман не смог. Злость? Нет, это слишком сильное чувство. Безразличие? Вроде тоже нет. Обида? Возможно, но с примесью чего-то

еще. Она сказала:

– Вы, Роман Сергеевич, мне не начальник. И никогда им не будете.

Он аж смешался. И вот что прикажете теперь ему с ней делать? Не уволить нельзя. Но как ее уволишь?

– А кто ж я, по-вашему?

Пауза. Легкое смятение в глазах. Обдумывает.

– Непредсказуемый из враждебного мира чужак.

Приехали... То есть он теперь еще и отрицательный герой? На лице Романа показалась недобрая усмешка. Он немного помолчал.

– Отработали без претензий. Можете идти хоть сейчас.

И она начала собираться! Прямо при нем, в ту же секунду, без размышлений! Потом подошла к шкафу, чтобы взять свою одежду. А он так и продолжал стоять на том же месте. Видимо, совсем ей не мешал.

– Переадресация работает. Если будет что-то важное, я сообщу, как обычно. До понедельника, Роман Сергеевич, и спасибо, что отпустили.

То есть это она его только что отпустила? Спасибо, Роман Сергеевич, до понедельника, нечего здесь стоять и пялиться, до свидания, всего доброго. И давайте уже валите отсюда, дайте спокойно одеться...

– Может, хоть потрудитесь объяснить куда же это я вас отпускаю?

Даша застегивала сапоги. Другие. Здесь бегунки были це-

лые. Господи! Он превратился в какого-то маньяка! Сапоги ее изучает... И ведь уже на второй день обшарил ее вещи! Что с ним сделала эта девчонка, что он стоит здесь сейчас и смотрит как она одевается, чтобы уйти с работы на два часа раньше потому, что он сам ее только что отпустил? А она перед ним даже отчитаться не удосужилась, куда собралась... И когда это только Роман Чернышев успел превратиться в тряпку? Трансформация произошла настолько быстро, что оказалась незаметной даже для него самого...

– Зачем вам эта информация, Роман Сергеевич?

– Не хотите – не отвечайте.

Она снова повернулась лицом. Теперь застегивала шубу.

– Да нет, я могу ответить, просто не понимаю, зачем это вам? Вы – занятой человек. Какое вам дело до того, чем занимается в свободное от работы время какая-то секретарша?

И всё же это обида. Роману удалось-таки ее достать. Но радоваться не хотелось.

– Ну... Вы девушка дерзкая... Вдруг еще ввяжетесь во что-то такое же дерзкое? Шею себе сломаете... Придется искать новую секретаршу. А я только к вам привыкать начал.

– Тыкая пальцем в небо – вы попали в точку.

Ага, как же, пальцем в небо он тыкал! Наивная! Он досконально изучил обстановку, чтобы уж наверняка не промахнуться. Дарья добавила:

– Именно этим я и попробую заняться.

Смотрит грустно. У Романа даже предчувствие промельк-

нуло. Но тут же ушло. Нет, не тот человек, самоубийством кончать точно не станет.

– Поосторожнее. Вы мне нужны... с шеей...

Так же грустно смотрит. Так и подмывает подойти и обнять. Господи, ему вдруг обнять ее захотелось? После того, как она в тот же вечер, когда он ее обнимал, побежала к любовнику трахаться? Да что же она с ним творит, в самом деле?

Не ответила, двинулась к двери. Ушла. А он так и остался стоять. Как привратник на входе в королевские покои.

Сегодня Роман снова не мог ехать к жене. Поэтому вернулся на Фрунзенскую набережную. В голове звучали слова:

– Непредсказуемый из враждебного мира чужак.

Это было... обидно? Нет, правда не должна обижать. Неприятно? Немного. Больно? Вряд ли такое сильное слово. Но всё же очередное Дашино откровение снова запало Роману в душу. Он никак не мог понять эту девушку. Вспомнились слова Ларисы:

– Она не из наших. Не хотелось бы, чтобы вы всем цехом ее в вашу мясорубку закинули...

Но Роману так совсем не казалось. Даже наоборот. Даша чувствовала себя уверенно, быстро осваивалась и... нравилась большинству этих самых цеховиков. А даже если и не нравилась, то уж уважение вызывала это точно. И это всего через две недели работы. Но и Лариса, и сама Даша, похоже,

так не считали.

– ... из враждебного мира...

– так и крутилось в голове у Романа. И еще это: чужак. Он для нее чужой. Она его не понимает. И он ей не нравится. Да, возможно, Даша и хочет его, но совершенно точно он ей не нравится.

– Вы – привыкли брать, а мне такие мужчины по гороскопу не подходят...

Почему она в тот день поехала в клуб? Почему не перепихнулась прямо там, в клубе, если ей этого так хотелось? Почему позвонила любовнику после, а не встретила с ним возле входа? Танцевали бы вместе... И еще Роману вспомнилось:

– Сигареты не будет?

– Не курю.

– И правильно. И без сигареты тошно...

И его осенило. Как же он сразу не понял? Почему еще в тот день не расслышал, что она имела в виду, ведь и сам пребывал в том же состоянии? Чуть Ларису не трахнул, а сейчас вот спит с нелюбимой женой. Каждый день, как заядлый супруг. А сегодня отымел ее прямо на глазах у Даши, если можно так выразиться. Как же он мог настолько отключить свои мозги, поддавшись и сам не знает, чему именно... Злости? Ревности? Да вроде он никогда не был ревнив... Как мог не услышать, что она вложила в эти слова то же самое?!?

Даша не хотела секса. Но он был нужен ей как лекарство.

Средство от Романа Чернышева... Поэтому-то и поехала в клуб, не смогла остаться дома, наедине с собой. Хотела в тот вечер найти себе утешение, оттого ей и было тошно. Поэтому-то и надела то платье на следующий же рабочий день. И накрасилась. И распустила волосы. Всего один только раз, при следующей их встрече. Чтобы понравиться ему. Потому что Даша хотела именно его. А он набросился на нее как животное. Но даже это не помешало ей кончить. Какой слепец, это же было так очевидно! Роман и сам чувствовал, как Даша хотела его, но злость совсем рассудок застелила.

Ему же оказалось недостаточно растерзать свою женщину физически, и он все эти дни продолжал терзать ее морально. А она терпела как стоик. И в награду за его поведение сначала избавила от головной боли, а потом и вообще на подносе подала ключ к разгадке секрета Ивана Белова. Ведь Даша этому сильно поспособствовала, создав соответствующее настроение.

Роману снова захотелось завывать...

Он вытащил мобильный и открыл пеленгатор. Похоже, что пятничная слежка за Дарьей начинала входить в его привычку. Ввел ее номер. Она была на Ходынке. Указатель не двигался. Значит, в Электроугли еще не выехала. Тогда Роман выдвинул ящик прикроватной тумбы и вытащил оттуда сим-карту. Вставил в телефон. Конспиратор, блин... С кем поведешься, от того и наберешься... Перешел в поисковик и ввел название: BASE OF PACE. На экране показался номер

телефона. Набрал. Пока шли гудки, бросил быстрый взгляд на наручные часы. Без пяти шесть. Гудки продолжались. Наконец, послышался мужской голос:

– Роупджампинг «Бэйс оф пэйс», слушаю вас!

– Здравствуйте. Я сразу к делу. У вас сегодня сбор на сто двадцать эфэм. Во сколько?

Молчание. Затем недоверчивый голос:

– А кто это? Представьтесь.

– Да не переживайте так! Я от знакомого знаю, должен был записаться заранее, но за делами совсем забыл. А сейчас вдруг вспомнил, но так понимаю, уже поздно?

– А что за знакомый?

– Да какая разница? Вы мне просто скажите, я опоздал или еще успеваю? Если опоздал, то и обсуждать нечего.

Молчание. А потом:

– Так всё же какой знакомый? У нас сегодня неофициальный сбор. Зимний. Ночной. Вы раньше прыгали? Если нет, то новичкам сегодня там делать нечего.

– Прыгал. Но давно. А сейчас хочу вспомнить. От работы отвлекусь, а то она меня совсем достала. Даже записаться вот забыл... Но вспомнить хочется по-нормальному. Я поэтому именно сбора на сто двадцать эф эм ждал, она же самая высокая?

– Да...

– Ну вот! И вообще... не факт, что прыгать буду. Просто хочу на нормальную высоту подняться, вспомнить, каково

это. Денег – сколько скажете. Только сообщите во сколько сбор.

Молчание.

– Теряем время. Мне еще из аэропорта ехать до Электроуглэй. Так во сколько?

Молчание.

– Да не парьтесь вы так! На месте разберемся. Я же всё равно без вас не прыгну. Оплата в любом случае. Сколько скажете, за неудобства.

– Хорошо. К девяти успеете?

– Успею.

Значит, в девять... Но даже если она там своя, и все соберутся заранее, то всё равно никак не раньше восьми. Зима, холодно, да еще и темно. Так что восемь – это с большой натяжкой. До Электроуглэй – полтора часа. Ну от силы два. Это шесть. А она хотела уйти в пять. Зачем? Домой заехать, переодеться? Так на это столько времени не нужно. И что она делает на Ходынке? Ведь живет-то на Динамо. Обедать заехала?

Ушла же Дарья вообще почти в четыре. Почему? До девяти еще пять часов оставалось. Не могла больше оставаться с ним рядом? Просто хотела уйти как можно раньше? Неужели Роман так сильно задел ее за живое? А вдруг она вообще больше не выйдет на работу? Да, попрощалась до понедельника, но в случае с Дарьей никогда и ни в чем нельзя было быть уверенным...

Роман поменял сим-карты. Набрал номер.

– Саша, одолжи мне на сегодня свою машину. И телефон.

Сможешь?

Молчание.

– Хорошо, Роман Сергеевич. Но только до завтра. Часа в два мне надо будет ее забрать.

– Я тебе ее ночью под окнами оставлю. Ну или максимум с утра. Телефон в бардачок положу.

– Хорошо. Вам когда она понадобится?

– Где-то через час.

– Ладно. Думаю, успею. А я вам тогда на сегодня не нужен?

– Нет. И на завтра тоже. В воскресенье, возможно. Завтра вечером видно будет.

– Понял. Я тогда за машиной поехал.

Роман отключился.

19.

Он выехал в начале восьмого. В область были пробки, как всегда, в пятницу вечером, тем не менее он добрался до места без пятнадцати девять. Остановившись метрах в трехстах от вышки, Роман свернул на обочину подъездной дороги, оставил машину и решил подойти ближе. Он расположился среди деревьев метрах в двадцати и стал наблюдать. Уже был установлен прожектор, развернутый лицевой частью к вышке, за ним Роман и встал, чтобы не быть замеченным. Возле подножья крутились ребята, человек десять. Подъехала Дарья. Машину остановила прямо возле башни, вышла, раздались радостные приветственные крики:

– Какие люди! Чернова! Ну прива, батутчица!

Голос Даши прозвучал тише:

– Привет, Заноза!

Они обнялись.

– Думал, ты до нас так и не доедешь.

– Что ты... Я так этого сбора ждала! Вы мне сегодня по старой дружбе дадите прыгнуть хотя бы пару раз?

– Для тебя – что угодно!

Даша подошла к другим, обнялась еще с двумя ребятами. Они болтали в таком же духе минут десять, готовили снаряжение. Потом по трое стали подниматься. Первые поднялись быстро и пробыли недолго. Прыгал только один человек, с

закрепленным на лбу фонарем. Видно, что подготовленный. Похоже, что им было нужно просто заснять прыжок на видео, а поскольку всё получилось с первого раза, они сразу спустились. По разговорам внизу Роман понял, что не ошибся: это был технический прыжок, чисто для контента. Для этого, видимо, сегодня и собирались.

Даша была во второй тройке. С тем самым Занозой. Поднялись ловко. Заняло это у них минуты три от силы. Добравшись до площадки, постояли там минут пять. Кто-то из них курил. Роман понял это, потому что снизу раздались возгласы:

– Кончайте дымить там! Вы здесь не одни. Вали́тесь уже! Послышался голос Занозы:

– Без вас не разберемся! Потерпите!

Но вскоре кто-то прыгнул. В такой темноте даже в свете прожектора сложно было разглядеть детали, но Роман отчетливо видел, как тот, кто прыгал, сделал в воздухе несколько оборотов. Снизу раздался свист, а потом и крики:

– Данька, а ты сноровку-то потеряла! Что так хило? Всего трешник зафигачила!

Из темноты раздался голос Даши:

– Что ты хочешь от больной женщины?

Парень, что кричал, рассмеялся:

– Ага, скажи еще старой!

– Отвали, Ряба!

Когда веревку стравили, Даша поднялась во второй раз.

Следующий прыгнул парень. Просто вниз ногами. Комментариев ни снизу, ни сверху не последовало. Потом снова прыгнул парень, но, видимо, другой, так как прыжок опять был техничный. Но в компании воздержались от комментариев и на этот раз. Тогда повторно прыгнула Даша. И, судя по выкрикам снизу, ей удалось сделать четыре оборота. Она осталась на земле, а вскоре спустились и двое сверху.

Последние на вышку поднялись еще двое, но прыгал только один из них. Это продлилось еще минут пятнадцать.

Роман понял, что, скорее всего, они заканчивают и вернулся к машине. Отъехал обратно к главной дороге, сдал назад от поворота и принялся ждать. Через двадцать минут с проселка стали выезжать автомобили. Их было шесть. Роман включил звук телефона, на всякий случай открыл окно пеленгатора и, держась на небольшом расстоянии от Дарьи, поехал вслед за ее машиной. Два автомобиля из их компании вскоре разъехались в разных направлениях. Оставалось четыре, державшихся группой, одной из которых была и ее машина. Въехали в Москву. Роман почти всё время по дороге вел деловой разговор, отвечая на звонок, пропущенный из-за того, что он выключил звук, пока стоял возле вышки. Рядом лежал телефон его водителя, куда Роман на всякий случай воткнул вторую симку. Вдруг понадобится?

В Москве от группы машин отделилась еще одна, и до клуба доехали три, в том числе Дашина. Он припарковался на отдалении и проследовал за четырьмя молодыми людьми в

здание клуба.

Они расположились за столиком. Даша, Заноза, Ряба и еще один. Роман вспомнил, что последнего его женщина тоже тепло поприветствовала при встрече на вышке. То есть в клуб они поехали только самым тесным кругом. Было еще не так поздно, но народу достаточно. Всё же директор спецотдела решил перестраховаться и, сунув фейсконтрольщику пятерик, попросил того устроить ему отдельный столик в самом темном углу помещения. Сегодня он не мог позволить себе находиться за баром, рано или поздно Даша бы его всё равно заметила.

Как только Роман расположился, он стал наблюдать. Его женщина вела себя непринужденно, такой он ее еще никогда не видел. Лицо ее потеплело и даже черты теперь стали казаться мягче. Даша много улыбалась и постоянно смеялась. Не таясь, закидывая голову назад. Роман залюбовался.

Одета просто: джинсы, черный топ и кофта-теплушка, которую она сняла, как только села за столик. Волосы скручены спиралью на макушке и подхвачены заколкой. Но даже в таком виде в ней что-то было.

Роман обвел глазами зал и остановился на каждой особи женского пола. Он постарался ответить себе откровенно, кого бы из присутствующих выбрал. На танцполе было несколько красивых экземпляров. Одна, пожалуй, привлекла бы к себе его внимание, если бы он хотел провести приятную ночь. Она была изыскана и очень красива, хорошо оде-

та, прекрасно двигалась. И всё же слишком... как бы выразиться точнее... пафосно-предсказуема. Роман был уверен, что, если он подойдет к ней, девушка не откажет, но сначала будет всячески стараться произвести на него впечатление, скрывая под маской высокомерия желание увлечь уважаемого мужчину. А потом, когда он ее немного обломает, переключится на кокетство, вспомнив, что в первую очередь женщина, а ведь это их главное оружие, что им еще остается, когда не срабатывает высокомерие? И Роман сыграл бы в эту игру, хоть и знал бы заранее, чем она кончится. Ничем. В лучшем случае качественным сексом, но это только при самом благоприятном раскладе, ведь и секс с такими часто бывает так себе. Иногда все старания Бога уходят на красоту.

Роман посмотрел на Дашу. И ответил себе: да, он выбрал бы именно эту девушку. Даже, если бы не знал ее. Просто интуитивно. Глядя на нее сейчас, когда она была собой, он понимал это особенно отчетливо. Да, возможно, на ту Дашу, что он видел в офисе, Роман Чернышев, если бы не знал ее, не обратил бы внимания сразу. Она всегда держалась подчеркнуто холодно, что отдавало тем самым высокомерием, и выглядела слишком привычно для женщин его круга, чтобы он смог мгновенно выделить ее из числа других. Хотя, если быть с собой честным до конца, Роман должен был признать, что Даша отличалась и от большинства офисных девушек. Отсутствием косметики, низкими каблуками, нежеланием играть по общепринятым правилам. Да, пожалуй, он

выделил бы ее из всех и там. Тем более, что как женщина она понравилась ему сразу, практически с первого взгляда. Вернее сказать, со второго. У него тогда слишком болела голова, чтобы он смог заметить ее, когда увидел впервые, поэтому Роман не придал особого значения ее внешности при первом появлении Даши на пороге его кабинета. Новая секретарша, седьмая за полгода. И он обратил на нее ровно столько внимания, сколько заслуживала седьмая по счету секретарша. Но буквально пара ответов на его вопросы, и Роман стал что-то чувствовать. Через несколько минут, он был уже очень заинтересован. А когда Даша собралась уходить, вынудив его пойти за ней и впервые прикоснуться, он почувствовал что-то большее, чем интерес. С первого же дня Роман был в ее распоряжении, хоть сам тогда еще о том не догадывался. Но и это заблуждение продлилось недолго. Даша полностью завладела его мыслями уже на исходе первой недели знакомства.

И вот теперь, когда он видел ее такой естественной и жизнерадостной, ему в третий раз с момента их встречи захотелось выйти на улицу и завывать волком. С ним она никогда не будет вести себя так, потому что он – представитель враждебного для нее мира. Он – чужой, а ведь мог бы стать своим. У него был шанс, тогда, на встрече группы, ведь Даша всё же поддалась ему, сейчас он это понимал. Но вот второго может и не быть.

Его женщина не стеснялась дотрагиваться до своих дру-

зей: прикасалась к руке Занозы, толкала в бок, заливаясь при этом смехом; обнимала за плечо Рябу, когда тот наклонялся к ее уху, чтобы она расслышала его слова среди гремящей музыки, теребила прическу. Но это не выглядело как пошлое заигрывание и не вызывало в Романе ни капли тревоги. Дашу ее друзья как мужчины не интересовали, это было без сомнений. Она их – возможно, они ее – точно нет. Девушка просто общалась с ними по-дружески. И Роман подумал о том, что в его жизни никогда не было такого вот дружеского общения. Чтобы с тычками и затрещинами, но весело и непринужденно. Он будто перескочил этот этап, угодив из маленького мальчика прямиком во взрослые мужчины. В его мире серьезных дядь и больших денег не было места для такой вот искренней дружбы.

А еще Роман заметил, что Даша не пила. Никогда. Возможно, потому что была за рулем, возможно, из-за болезни, но она всегда заказывала только воду или чай.

Вот, трое встали и двинулись на танцпол. За столом остался один Заноза. Они немного потанцевали вместе, но парни быстро охладели и вернулись обратно, а Даша переместилась чуть дальше, занимая ту часть танцпола, где было посвободнее. И Роман знал, почему. Ей было нужно много места...

Через двадцать минут к Даше подошел Заноза и что-то сказал на ухо. Она кивнула, и парень вернулся за столик, а вскоре после этого все трое ушли. Его женщина осталась в одиночестве. Роман посмотрел на часы. Было два часа ночи,

они пробыли в клубе больше двух часов. Даша продолжала танцевать, пока к ней не подошел какой-то поц. Он ему сразу не понравился, но в начале Роман не придал этому значения. К его женщине всё время кто-то клеился, что было неудивительно, ведь она танцевала одна, а если девушка делает это в одиночестве, то даже будучи страшной найдет свою целевую аудиторию, а Дашу страшной назвать было никак нельзя. Но потом Роман заметил, что что-то было не так. Она реагировала не как обычно. Поц тянул к ней свои руки, а она их отдергивала. Директор спецотдела пригляделся повнимательнее. По всему выходило, что эти двое были знакомы. Она мигом превратилась в ту Дашу, которую сам Роман ежедневно наблюдал в своей приемной: тело ее напряглось, черты заострились, глаза похолодели. Нет, в темноте и на расстоянии он, конечно, ее глаз не видел, но по жестам и поведению можно было сложить общую картину. Даша вела себя с этим типом так же, как и с ним самим.

Вдруг она стала оглядываться, будто искала кого-то в толпе, Роман даже безотчетно поднял руку к лицу. Так оно будет вернее. Порыскав глазами между людьми, Даша подошла к какому-то мужику и что-то сказала ему на ухо. Роман пригляделся и оценил его: тот был внушительного вида, одним словом, качок, но не безобразный. Типа косил под работников интеллектуального сословия. Они с его женщиной общались всего несколько минут, в то время как поц стоял ближе к бару, подпирая колонну и терпеливо ожидая, пока Даша

наговорится. Но, видимо, зря ждал. Вскоре двое стали пробираться к выходу, и качок... удерживал ее за талию? Роман совсем напрягся. Поц пошел за ними. Следом устремился и директор спецотдела.

Всё последующее случилось слишком быстро, поэтому было как в тумане. Даша и качок двинулись к туалету. В этом клубе он был общий. Держа его женщину за руку, человек-гора завел ее внутрь. У Романа застучало в висках. Поц ненадолго остановился возле, развернулся спиной ко входу, схватился пальцами за нижнюю губу и стал судорожно ее тереть: туда-сюда, туда-сюда. Директор спецотдела как раз выбрался из толпы и подходил к месту событий, так что видел его нервозность. А потом поц вдруг резко развернулся и вбежал в туалет. Роман медленно двинулся в том же направлении. Вместо дверей на входе с двух сторон висели портьеры. Юркнув между, он вошел. Справа возле входа была небольшая ниша с зеркалом и маленьким диванчиком, далее начинались мойки, а напротив – кабины. Возле раковин стояли две девушки, судя по всему, незнакомые друг с другом. Одна мыла руки, другая поправляла прическу. Поц осмотрелся, оценил ситуацию и стал поочередно ломиться в кабину за кабиной. Роман прошел в нишу и сел на диван, чтобы не привлекать к себе внимания. Он решил, что останется лишь наблюдателем, как бы всё ни развивалось. Кем он был для Даши? Чужаком. Вот им и останется.

С третьей кабиной парнишке повезло, там он их и обна-

ружил. Гора заканчивал натягивать презик. Роман на миг зажмурился. Пока он не понимал своих чувств. Поц схватил качка за воротник майки, но тут же огрѐб по уху. Удар был такой силы, что он отлетел к мойкам и распластался по полу. Девушка, что стояла ближе, вскрикнула, переступила через него и дала дѐру, вторая просто замерла. Между тем гора приступил к тому, зачем пришел. Романа утешало лишь одно – что он сидел.

С его места было отлично видно, как в третьей кабине, последней, что оказывалась в поле его зрения, мерно двигался мужской зад: туда-сюда, туда-сюда. Ему показалось, что это длилось вечность. Он сжал кулаки настолько сильно, что ногти впились в ладони до боли. Роман и не знал, что они у него, оказывается, были такие острые. Подрезал регулярно.

За всё время Даша не издала ни звука, лишь в конце слегка вскрикнула, а вот гора громко дышал на весь туалет. Поц немного подобрался, дополз до стены и несколько раз потрянул головой. Потом основанием ладони постучал себе по виску. Видно, его прилично контузило. Вторая девушка, сообразив, что задержалась, тоже вышла. Тут же в туалет вошли двое мужчин, разошлись по свободным кабинам. Один из них, увидев происходящее, одобрительно ухмыльнулся. Гора уже снова напяливал брюки. Он выбросил в урну использованный презик, отмотал туалетной бумаги, обтерся. На выходе из кабины посмотрел на Дашу и тихо сказал:

– Если ещё помощь понадобится – зови!

Она лишь сказала ласково:

– Да, милый! Обязательно!

Качок пнул напоследок ногу поца и ушел. Следом за ним показалась Даша. Взяла салфетку, обмакнула под струей воды, обтерла себя. Поц попробовал встать на ноги. Вышло не до конца, он всё же держался за одну из моек.

– Сучка ебли...я, – процедил он.

Она молчала. Смотрела в зеркало и просто поправляла прическу. Роман видел лишь ее плечо, руку и часть лица. Даша вполне могла бы сейчас его заметить, но не смотрела туда, где он сидел.

– Зачем ты это сделала?

– Чтобы до тебя быстрее дошло: то, что однажды получил ты – теперь доступно широким массам.

– Так это у тебя метод новый? Чтобы меня отшить?

– Какой догадливый! А так не скажешь.

– Не сработает. Я всё равно не отстану, поняла?

– Хочешь – не отставай. Но тогда мне придется перетрахать с половиной района.

– Где ты столько смельчаков найдешь, интересно? Это просто сегодня тебе повезло, что он меня с первого удара оглушил.

– А вдруг найду? Проверь! Или сделай проще: оставь меня. Тебе всё равно скоро сваливать. Какой тебе резон за мной таскаться?

– А я в Москву решил перебраться. Мне место в местной

конторе предложили.

Даша повернулась к нему лицом, и Роман сейчас видел его полностью. Она смотрела на поца примерно с тем же выражением, что и на него самого тогда, в кабинете, у стены, когда он сжимал ее шею. Брови чуть сдвинуты, хмурое лицо, слегка приоткрытые губы.

Поц усмехнулся:

– Что?!? Не ожидала такого поворота? Думала, это только на месяцок? Нетушки! Так что долго ты от меня прятаться не сможешь! Однажды всё равно ведь придется вернуться.

Даша не ответила. Она просто направилась к выходу. А поц крикнул вслед:

– Сегодня – иди. Но когда-нибудь ты допрыгаешься!

20.

Роман не помнил, как вернулся на Фрунзенскую. Второй раз слезка за ней оборачивалась катастрофой. В голове стоял такой сумбур, что было трудно думать. Нет, он, правда, пробовал. Но не получалось. И он не нашел ничего лучшего, чем снова напиться. Когда же это произошло, стало еще хуже. Всё смешалось: мужской зад в кабинке туалета, этот маленький ублюдок со своим «когда-нибудь ты допрыгаешься», их с Дашей секс в его приемной, тот звонок любовнику возле клуба, ее лобзания с друзьями... Теперь Роман уже не был так уверен в том, что это были невинные дружеские прикосновения. Поцелуй в лифте, их танец, его безумное влечение к этой ненормальной и... снова кабинка туалета... Любые его размышления теперь непременно заканчивались одной и той же картинкой: голый мужской зад, стоящий перед его глазами как живой. Нет, такого набора хромосом его психика выдержать не могла.

В конце следующей недели предстояла командировка в Рим, очень важное мероприятие, к которому он должен был подойти максимально собранным, но сейчас Роман просто не представлял, как сможет переключиться на работу. И как после всего случившегося сможет работать с ней бок о бок... Сейчас лучшим решением представлялось ее увольнение, и Роман прекрасно понимал, что ему надо было поступить

именно так. Сразу решились бы все проблемы. Да, без ассистентки будет тяжело, даже, пожалуй, очень тяжело, но всё же это проблема лишь технического характера, то есть со временем решаемая. До того ему просто надо будет больше работать, а это он как-нибудь осилит.

Но с Дарьей Роман получал проблему, у которой не было решения. Не отрежет же он себе голову? А ведь именно в этом месте и базировалась проблема, в его голове. Сначала Дарья туда вошла, потом задрала все люки, а теперь устроила генеральное сражение под Аустерлицем. Но русские не сдаются...

А еще к нему снова возвращался недавний знакомый – зуд. Кожа на руках и ногах снова горела, а ночью его ждал очередной стояк. И это даже в состоянии сильного алкогольного опьянения, в котором он проснулся задолго до утра. Так и алкоголиком стать недолго...

В выходные Роман постарался отключиться. Ему надо было побороть эту хворь, и он поехал на охоту. Немного помогло. Но всё же воскресным вечером директор вызвал к себе одну из любимых любовниц. Провести очередную ночь в напряжении он больше не был готов, а с женой было скучно.

Но секс не получился. Он был просто ужасным. Нет, правда, даже для него. Агата не была к такому готова и, несмотря на всю свою опытность, осталась от него немного в шоке.

Роман бушевал. Сначала набросился на нее, едва она вошла, порвал платье. Это, как ему показалось, расстроило ее

больше всего, ведь впечатления от вечера пройдут, а платья уже не вернуть. Потом опрокинул ее на ковер, поставил на колени, одной рукой прижал головой к полу и заставил сделать всё в нелюбимой позе. Она дергалась, но Роман так и не дал ей сдвинуться ни на сантиметр.

Но как он ни старался, возбудиться достаточно для разрядки не получалось. Он не зря выбрал именно Агату и именно эту позу. Девушка ее не любила, поэтому секс между ними редко происходил именно так. А вот Романа, наоборот, такой способ очень возбуждал. И он решил, что сочетание двух факторов – любимой любовницы и любимой позы – принесет желаемый эффект быстро, и тогда он сможет тут же закруглиться. Желания с ней общаться у Романа сегодня не было, он просто хотел закончить всё побыстрее. Но не получилось.

Тогда он помог Агате подняться и тут же подсадил ее на комод, стоящий возле дверей. Такая поза навевала на него воспоминания о сексе с Дашей, а поскольку в прихожей было темно, Роман предположил, что так он сможет представить ее на месте своей сегодняшней любовницы. Но и этот прием не сработал. Агата не была Дашей, она была нормальной женщиной и не возбуждалась от боли, которую он сегодня причинял. Роман быстро понял, что для него это лишь суррогат. Никаких мурашек под ладонями, никакой вибрации в дыхании, да и волн никаких. Он знал, что Агата не виновата, ведь сам сегодня делал всё не так, но по-другому в тот

момент просто не мог.

Через несколько минут Роман стал уставать физически, ведь даже когда он помогал себе всем телом, напрягая каждую мышцу, никакого существенного продвижения к верхней точке не происходило. До нее было еще столь далеко, что Роману казалось, он не достигнет ее и до конца жизни. Пробовать же в других позах после двух таких провалов он не хотел. Спасибо Агате. Она спасла ситуацию ртом.

Совершенно опустошенный, Роман добрал до кресла в гостиной и плюхнулся в него. Агата копошилась в коридоре. Видимо, собирала по углам остатки платья.

– Ром, я тогда поехала?

Но он ей не ответил.

Всё же профессионалки отличаются от обычных женщин особым цинизмом. Их ничто не может вывести из состояния равновесия. Агата пережила этот шквал как поход за продуктами, и по виду даже нисколько не расстроилась. Наверное, в ее жизни случались шторма и похлеще. А сегодня, что? Так, пара синяков и немного унижения. А платье всё равно будет в будущем компенсировано. Именно этой особенностью – безразличием на грани с анабиозом – Романа так раздражали представительницы большого спорта. Нет, Агата не была проститутка или эскортница. Она просто всю жизнь жила за счет мужиков. А это почище проституции, тут приспособляемость должна быть восьмидесятого уровня. Чтобы всю жизнь терпеть таких, как он...

Роман задумался. Он же никогда не был зверем! Пусть иногда и прибегал к грубому сексу, но это не был для него единственный способ реализации. Ему всегда больше нравилось доставлять партнерше удовольствие, ведь женщины чаще всего любят ласку. И этим инструментом Роман владел виртуозно, поэтому грубость ему была без надобности. Ведь когда видишь, как постепенно доводишь женщину, находящуюся в твоих руках, от нуля до плюс бесконечности, сам заводишься примерно так же.

Но в последние две недели в его жизни всё перевернулось. Спасибо, что это пока не сказывалось на работе, но, если так пойдет и дальше... Да, Дашу надо увольнять, это ясно как день. Но Роман понимал отчетливо – он не может. Надо было признаться себе откровенно, и он признался. Пока для него это было невозможно. И он пришел к единственному выводу, вытекающему из этого умозаключения: раз это невозможно на данный момент, значит, надо сделать так, чтобы стало возможным позже. А для этого надо было что-то менять. С этой мыслью он и отправился спать.

21.

В понедельник до двенадцати его день был расписан по-минутно, да и после стало несильно свободнее. Начиналась подготовка к встрече с Италистой, и его кабинет стал эпицентром событий. После двух совещаний, одной телеконференции, встречи с генеральным и нескольких коротких, но очень информативных телефонных разговоров, темп хождений к нему в кабинет немного снизился. Но выдохнуть получилось только после четырех.

В шестнадцать двадцать он услышал, как Даша вышла из приемной. Сегодня она, как и он сам, осталась без обеда, и Роман подумал, что девушка захотела добраться до буфета. Он решил еще раз проехаться с ней в лифте.

Но ошибся. Едва выйдя из приемной, директор сразу услышал ее голос. Тот звучал тихо, и он пошел на звук. Даша стояла в конце узкого коридора, ведущего к окну, возле технической зоны. Более безопасного места выбрать не могла... Роман незаметно подошел и встал сзади, но она не успела сказать ничего существенного, потому что, видимо, что-то почувствовала и обернулась. От удивления глаза ее расширились, и она мигом нажала на сброс.

– Не отвечаете, значит, на личные звонки во время рабочего дня...

Но Даша быстро пришла в себя:

– А здесь что, рабовладельческий строй?

Помолчала.

– Отойдите, пожалуйста, я выйду.

Однако Роман не был себе врагом и уж точно не собирался отходить. Он продолжал стоять. И тогда Даша совершила роковую ошибку. Она попыталась отодвинуть его и просочиться между ним и стеной. Это прикосновение и стало спусковым крючком.

Роман схватил ее за запястье, завел руку за спину и... завис. Он хотел ее так же сильно, как и всегда.

– Роман Сергеевич, дайте мне выйти, пожалуйста.

Говорит спокойно. В глазах полный штиль. А на шее-то опять бьется жилка...

– Да-а-а-а, – промурлыкал Роман ей на ухо, – ты меня всегда так любезно проси! Чтобы я не мог тебе отказать.

Он отпустил ее руку, развернулся и вышел, но не спешил отходить далеко. Едва она показалась в центральном коридоре, Роман сказал:

– Принесите мне кофе, пожалуйста.

И вернулся к себе.

Даша появилась в дверях кабинета через две минуты. Когда она направилась к его рабочему месту, сам он вышел в приемную, и закрыл дверь на замок. Затем подошел к секретарскому столу, сел на край и дождался, пока она снова появится. Вышла. Замерла на секунду. Бросила взгляд и опять отвела глаза. Двинулась к своему месту, минуя его. А он

встал. И случайно обхватил ее за талию.

Даша упёрлась руками в его грудь, пытаясь отстраниться, но Роман не отпускал. Тогда она попробовала еще раз, уже менее неуверенно.

– Отпустите!

– А если нет?

Дернулась снова, и Роман сломался, неспособный больше ждать. Он прижал Дашу к столешнице и упер руки по бокам от нее.

Платье-карандаш темно-зеленого цвета, как всегда, сидело как влитое, и было совершенно неясно куда, как и чем под него пробираться. Броня. Тогда Роман решил не мудрствовать лукаво. Одной рукой он взялся за его подол и заскользил, собирая юбку наверх. Даша сидела, не двигаясь и не дыша. Там, в проходе, когда его появление стало неожиданным, она выдала себя, и по легкому мандражу Роман почувствовал ее желание. Сейчас ни глаза, ни губы, ни дыхание не выдавали в ней признаков каких бы то ни было эмоций. Ее лицо окаменело. Но он больше не мог ждать. Обеими руками помог себе расправиться с ее колготками, расстегнул ремень, высвободился и сделал то, о чем думал каждый раз, когда ее видел.

Даша не двигалась. Одной рукой Роман обхватил ее за голову, погрузил пальцы в волосы и слегка оттянул назад. У нее лишь приоткрылся рот. Ноль эмоций. Только теперь до Романа начало доходить, что всё в очередной раз идет не так.

Он остановился и взял ее за подбородок.

– Что с тобой?

Она молчала.

Но как ему теперь было остановиться? Он перехватил Дашу, притянул к себе, развернулся и прижал ее спиной к стене. Так их телесный контакт был сильнее, и Роман мог проще всё контролировать. Поймал руки, поднял над головой, вжал в стену. Встряска подействовала, Даша немного ожила. И тут же стала сопротивляться. Продолжая двигаться, Роман посмотрел ей в лицо. Глаза больше не были остекленевшими, но в них появилось что-то новое, совершенно Роману непонятное. И выражение это его несколько не радовало. Он отпустил ее руки, которыми Даша тут же упёрлась в его грудь, пытаясь отстранить от себя. Роман прижал ладонь к ее шее и выдохнул на ухо:

– Только не делай вид, что не хочешь. Знаю, что хочешь.

Он снова взял ее за подбородок и посмотрел в глаза:

– Не обманешь меня. Знаю, что хочешь.

Но она лишь от него отвернулась.

Ну почему каждый раз у него с ней всё выходило не так? Он уперся носом ей в висок и сделал глубокий вдох. Запах – еле уловимый, цветочный с нотами знойного лета. Даже пахла она как-то... жарко. Впрочем, по-другому сейчас и быть не могло, ведь физически Даша вся горела. Но что-то в ней было надломлено, и он чувствовал, что морально она его больше не хочет.

Всё завершилось так же бурно, как это уже было у него в прошлый раз. И ему не захотелось уходить. Он так бы и стоял, прижавшись к ее виску, но вдруг осознал, что Даша продолжала давить ему в грудь. Он просто силой удерживал ее в объятиях. Как только Роман перестал держать, она сразу его отстранила и подошла к своей сумке. Вытащила салфетки. Молча, не смотря на него. И Романа снова одолела злость. Выходит, что она готова трахаться с кем угодно, лишь бы не с ним? Он быстро ушел в кабинет. Тоже достал салфетки, привел себя в порядок и... Эх, его непредсказуемость, черт бы ее побрал...

Он подошел к ее столу, поставил на угол пачку «Клинекс» и сказал:

– Не убирайте их, Дарья Игоревна. Теперь это будет происходить часто, а каждый раз бегать в кабинет за салфетками мне неудобно. Да, и сделайте-ка мне еще кофе. Тот уже остыл.

И ушел к себе.

Дарья не появлялась минут пятнадцать, но, наконец, всё же поставила кофе на то же место, куда обычно. Она снова смотрела в пол. Тихим, спокойным голосом, Роман сказал:

– И вам следует подумать о контрацептивах.

На ее лице мелькнула недобрая ухмылка. Но какая-то, пожалуй, обреченная, что ли. Он добавил:

– Я же для вас чужак? К тому же из враждебного мира. Значит, с детьми не ассоциируюсь. Это подходит нам обоим.

Она повернулась и медленно направилась к выходу. Роман закончил:

– И бронируйте на пятницу самолет. На встрече в Риме мы должны появиться не позднее трех часов дня. И дверь в приемной откройте.

Через час зашел Летучий. Как всегда, весело поприветствовал Дарью, но Роман слышал, что та ответила ему что-то невнятное. Когда Виталий появился у него в дверях, он смотрел немного странно.

– Дверь закрой!

Тот закрыл.

– Помнишь, ты мне человека советовал неболтливого? Разведчика. Который – бывший мент. Мне нужен кто-то попримитивнее. Чтобы не стал потом под меня копать.

Кивнул.

– Он мне понадобится. Сможешь на завтра договориться?

– Попробую, Роман Сергеевич.

– Попробуй.

– Что-то серьезное?

Роман бросил на него недобрый взгляд:

– Ты стал любопытным?

– Мне лучше понимать суть дела. Может, вам кто другой будет больше кстати.

Роман помолчал. Он не спускал с Виталия глаз.

– Этот подойдет.

– Понял, договорюсь. А если сегодня сможет?

– Скажешь. Разберемся.

– Хорошо. А что с Дарьей Игоревной?

– А что с ней?

– Не знаю, какая-то бледная. Может, заболела?

– Виталий, ты что, попутал сегодня что-то?

– Роман Сергеевич, я ваш зам. У вас такого секретаря больше не будет. Не давите вы на нее так, вдруг уйдет? Да еще и перед Римом.

На Романа стал накатывать приступ ярости. Он медленно подошел к Виталию и встал напротив.

– Вконец ошалел? Ты что себе позволяешь?

– Роман Сергеевич, нам как никогда надо, чтобы с Италистой всё прошло гладко. Возьмите себя в руки.

И Романа отпустило. Так же быстро, как и взяло за горло. Он развернулся и медленно добрал до кресла. Сел в пол-оборота к окну и уставился туда.

Виталий подошел и приземлился в кресло посетителя.

– Я таких девушек знаю, Роман Сергеевич, попадались пару раз, наблюдал. И всегда радовался, что со стороны. Вы либо ее сломаете, либо сломаете о нее зубы. Так, может, не надо силой?

Роман сглотнул.

– Ты заходил-то зачем?

– Сообщить, что встречу в Администрации Президента назначили на завтра.

– И для этого лично пришел?

– Да. Дай, думаю, загляну, заодно присмотрюсь, как тут у вас...

Роман снова повернулся.

– Нет, всё же ты совсем обнаглел...

Но Виталий с серьезным видом покачал головой.

– Для вас никогда не было ничего важнее бизнеса. Вы подходите к самому ответственному моменту и именно сейчас решили сделать исключение? Роман Сергеевич, вы что-то делаете не так. Поверьте, мне со стороны виднее.

– Я всё делаю не так. Что бы ни пробовал сделать, всё с ней каждый раз выходит криво.

– Не всё. В пятницу, тогда, на встрече группы, у вас, по моему, всё очень даже ровно выходило. Не знаю, что уж у вас потом там случилось...

– Чего только не случилось, Виталий Алексанрыч. А теперь из песни слов уже не выкинуть.

– Так новую спойте! Роман Сергеевич, ну уж не мне вас учить таким вещам, это точно! Вы же сами кого угодно научите!

– Не могу я сейчас по-другому. Или просто физически взорвусь. Хочу ее постоянно, ни о чем думать не могу, пока не... Так хоть как-то получается на дела потом переключаться.

Он помолчал.

– Не время мне сейчас эксперименты ставить. Во сколько

встреча в Администрации?

– В одиннадцать тридцать.

– Всё, давай, дуй отсюда, психоаналитик.

22.

– Я хочу знать, кто он и что хочет. Но выяснить нужно так, чтобы ни она, ни сам объект о моем интересе не знали. Поэтому через родственников, друзей и знакомых действовать нельзя. Только случайные контакты или свидетели.

– Это возможно. Но нужна хотя бы какая-то зацепка.

– Она недавно сменила сим-карту. Основная зарегистрирована уже двенадцать лет, эту она завела прямо перед выходом ко мне. Вчера ей на новый номер кто-то звонил. Еще был звонок в прошлую пятницу, но она не сняла. Раз он ее разыскивает, мог найти. Проверьте по номеру телефона.

– Скорее всего будет левый номер.

– Она его хорошо знает. И давно. Судя по разговору, я понял, что он не в Москве живет, но собирается сюда переезжать. Если будут какие-то нитки в другие города или, возможно, за рубеж, это, скорее всего, будет путь к нему.

– Может, что-то еще? Имя, марка машины, какие-то приметы особые?

– Да какие там приметы, так, смазливое чмо. Нет, ничего не знаю. Не до того было. Не пришло в голову до машины его проводить.

– Тогда через нее давайте. Что знаете?

– По ней тоже немного. И вся информация есть в открытом доступе, сами спокойно найдете. Скину вам только пас-

порт и водительское. Еще она в эту пятницу ездила с веревкой прыгать. С роупджамперами «БЭЙС ОФ ПЭЙС». Название скину. Трое, как видно, ее старые друзья. Слышал, как двоих называла Заноза и Ряба. Но напрямую к ним соваться нельзя. К тому же я там уже подсветился. Правда, не со своего номера.

Роман вкратце рассказал.

– Ладно. Тогда пока её покатаю, может, и он объявится.

– Объявится, не сомневайтесь.

– Как действовать, если форс-мажор какой?

– Если не прям замес, то мне звоните.

– А если замес?

– Надо его вырубить. Желательно, чтобы он вас при этом не видел. Тогда мне с другим человеком придется договариваться.

– А она?

– А что она? Вы меня удивляете! Или вы девушек из неприятностей никогда не выручали? Тогда побудете джентльменом в первый раз. Она ничего и не заподозрит.

– Понял. Что еще по ней?

– Живет с отцом. В детстве профессионально занималась прыжками на батуте. В последние годы работала во Франции. Скину вам скрин ее резюме, может, будет полезно.

– Хорошо. Сегодня тогда начинаю.

Сколько он ни зарекался больше не интересоваться жиз-

нюю Дарьи, из этого снова ничего не вышло. Появление мерзкого типчика рядом с ней серьезно встревожило Романа: было в его поведении что-то ненормальное, и даже слегка отдающее маниакальностью. Он, конечно, и сам сейчас был не лучше, ведь стал вести слежку за Дашей уже со второго дня их знакомства, но всё же Роман оставался психически нормальным мужчиной. По крайней мере, пока. Да, пусть немного сдвинутым на ней, тем не менее больным его назвать было никак нельзя. А этот тип явно пованивал лечебницей. Да и поведение Даши, стоило ему появиться, стало каким-то ненормальным, больным. Роману было нужно во всём этом разобраться.

Встреча в Администрации Президента прошла ожидаемо, директор спецотдела не услышал ничего, к чему не был готов. Лейтмотивом являлось негласное указание главы государства – не допустить выхода европейцев из состава акционеров несмотря на всё давление, которое на них оказывали их правительства. Нужно сохранить как можно больше связей, которые сейчас и так чрезмерно нарушены. Это были те мосты, которые в будущем позволят на их основе выстраивать новые связи. И Роман сейчас находился на особом счету, ведь несмотря на то, что правительства Италии и Франции были одними из флагманов свертывания бизнеса в России, с Италистой и Лердони всё же удалось договориться. Проект разработки нефтяного и газоконденсатного месторождений, самый крупный из тех, что вёл Роман Чер-

нышев, стал одним из тех немногих предприятий в нефтегазовой отрасли, когда из состава не только не вышел ни один иностранец, но даже при этом не снизил доли своего участия в бизнесе. От Рима, таким образом, сейчас действительно зависело очень многое, потому что к концу года истекали достигнутые в начале войны договоренности, и должно было вступить в действие полное эмбарго на российскую нефть. Переговоры грозили стать одними из самых трудных в жизни Романа.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент в его жизни так стремительно и неблагоприятно возникла Даша! Роман знал, что всё развивается нездорово, понимал, что перегибает, но у него ничего не получалось с собой поделаться. Он так безумно хотел ее каждый раз, когда видел, что единственным способом сконцентрироваться на работе была разрядка, поэтому Роман решил, что разрешит себе это делать, иначе просто свихнется и не сможет нормально работать. Он рассчитывал, что так запустится накопительный процесс, и со временем страсть пройдет. Так бывает всегда, значит, и этот раз не станет исключением. Он охладет. И тогда уволит ее. А, возможно, к тому времени это и не понадобится, ведь Даша, как верно заметил Виталий, и впрямь была лучшей помощницей за всю его жизнь, поэтому расстаться с ней не хотелось в любом случае.

Но оставался еще один вариант развития событий: в любой момент Даша могла уйти сама. Роман прекрасно это по-

нимал. И он свыкся бы. Пусть было бы трудно, но свыкся, ведь тогда ему не пришлось бы каждый день видеть ее, знать, что она сидит лишь в паре метров от него. Но сам он не мог ее уволить.

Во вторник вечером Роман снова не сдержался. За полчаса до конца рабочего дня он опять закрыл дверь в приемной на замок. Даша сразу всё поняла. Она медленно встала, вышла из-за стола, подошла к тому самому месту, где это произошло вчера, упёрлась спиной в стену и закрыла глаза. Может, прав был Виталий, и Роман ее сломал? Он наблюдал за ней с каким-то щемящим чувством: Даша, способная защитить себя почти в любой ситуации, готовая бороться за то, чтобы отстоять достоинство любой ценой, сейчас казалась покорной своей злодейке-судьбе. Она именно подчинилась, приняла всё как есть. А Роману хотелось другого. Теперь он мечтал доставить ей радость, которую, казалось, Даша больше испытывать не могла. Но не уходила. Отчего-то каждый день возвращалась на работу. А он не мог остановиться. Понимал, что делает только хуже, но всё равно не мог. Как больной. Эта ненормальная девушка и его сделала ненормальным.

На ней было вчерашнее платье. Даша будто давала понять: вы, Роман Сергеевич, можете взять меня, но никаких ласк и никаких поцелуев вам не обломится. Проникнуть под этот кожух было никак нельзя, всё тело закрыто, и ему оставалось лишь собирать ошметки: всунул-высунул и ничего более.

Но Роман всё равно старался что-то изменить. Он боялся спугнуть в Даше даже эту немую покорность, сейчас ему и ее было достаточно. Всё лучше, чем если она уйдет или станет активно сопротивляться. И Роман решил действовать постепенно. Ведь он знал, что телом она его желает. Всё дело было в ее голове, а психику надо обезвреживать по проводку, долго, медленно и не дыша. Поэтому он решил не менять ни места, ни способа. Пусть сегодня всё случится как вчера. Но не как вчера. Он даст ей почувствовать разницу, даже не меняя места действия.

Роман подошел, обнял за талию. Даша смотрела вниз. Он медленно приблизился к ее шее и стал целовать. Также медленно. Сегодня он не будет торопиться. Даже если кто и потревожит их стуком, или звонком, это его не смутит, не остановит. Рабочий день почти кончился, входная дверь закрыта, их просто здесь нет. Они оба уже дома, занимаются куда более приятными вещами, чем работа. И будут делать это тихо, трепетно и не торопясь. Некуда спешить. Так уже наспешились, что теперь долго придется расхлебывать.

Он обхватил ее голову, аккуратно стянул резинку. Волосы рассыпались, и Роману показалось, что он каким-то встроенным ультразвуком ощутил, как они, струясь, распадаются на пряди. Запустил пальцы в волосы, провел сверху вниз, взял за шею. Аккуратно, как хрупкую вазу, боясь доломать до конца то, что еще не было сломано.

Поцеловал. Она не ответила. Не беда, города не сразу

строились. Это рушатся они одним махом, а чтобы выстроить что-то наново иногда требуются годы. И Роман продолжал целовать. Нежно, медленно, трепетно. И не глубоко. Сейчас было не время для этого. А потом провел по щеке тыльной стороной ладони. Ласково, едва касаясь. Спустился к шее, подмышке, талии. Заскользил руками по спине, прижимая крепче. Но не слишком крепко, чтобы не спугнуть.

Даша стала понемногу отвечать, но пока это больше было похоже на еле уловимый сигнал из глубины: как слабый пульс умирающего, который прощупывается лишь временами. Но это был знак, и Роман пошел дальше, ведь он собирался взять этот город, несмотря на разрушения им нанесенные. Иначе сам разрушился бы до основания.

Он развернул Дашу лицом к стене и стал медленно собирать юбку наверх. Роман не торопился. Сегодня он не брал, пришло время отдавать. И он проводил по внутренним поверхностям бедер, лаская каждый сантиметр измученного им когда-то тела. На коже ее рук, которыми Даша упёрлась в стену, ниже рукавов длиной три четверти, наконец, показались мурашки. Роман улыбнулся и прошептал ей в волосы: – Я – чужак. Но непредсказуемый. И так тоже умею.

Он добрался до резинки колготок, аккуратно стянул их вниз, затем белье. И сделал всё медленно. Бережно держа ее за талию. Целуя в шею, лаская ноги. Но надолго его не хватило. Безумное желание, просто ад какой-то! А он так хотел довести и ее...

23.

В эту ночь он не мог уснуть. Выпивать Роман не стал, воспоминания о сегодняшнем моменте близости должны были оставаться незатуманенными алкоголем. Он прокручивал их снова и снова, оттого сон и не шел. Никогда раньше он так сильно не хотел доставить женщине удовольствие. Это было странно, ведь из памяти еще не выветрилось прошлое воспоминание, гораздо менее приятное – голый мужской зад. Который принадлежал человеку, трудившемуся в тот момент над тем же самым заданием. Незнакомец трахал его женщину. Да, он снова так ее назвал. Роман не привык убегать от проблем, своих чувств и желаний, а они на данный момент были связаны с ней. И еще с Римом. Причем именно в такой последовательности. Впервые в жизни он поставил работу на второе место и уже даже перестал шарахаться от подобных мыслей. Роман привык. С Дашей всё было впервые, значит, возможно, так будет продолжаться и дальше, во всём остальном. Он себя к этому готовил.

Роман был гроссмейстер, поэтому привык обдумывать всё наперед, но даже не на несколько ходов. Он всегда задумывался о завершении партии и представлял себе все возможные расклады. И выигрыш, и ничью, и проигрыш, а также полную палитру оттенков, содержащихся между. Наверное, именно поэтому он еще ни разу не проигрывал. Но понима-

ние того, что всё когда-то случается в первый раз у Романа было. Нет, он проигрыша не был готов принять, точнее, не думал о нем, как о насущности, а просто шел к победе, но и такого варианта развития событий не отвергал, потому что был гроссмейстер.

Вот почему он так сильно задумался после сегодняшнего. Кто для него Даша? Ну вот если по чесноку? Любовница? Нет. Секретарша? Да, бог с вами! Желанная женщина? За бурную сексуальную жизнь Романа у него было много желанных женщин. Одна из них, например, побывала в этой квартире два дня назад. Была Агата для него желанной женщиной? Да, безусловно. Когда-то. Но не сейчас. А Даша? Нет. Она была ему просто необходима. Без нее он не мог думать, работать, спать, да и просто жить. Да, и это тоже с Романом было впервые, как и всё, связанное с ней.

Так чего же он хочет от нее? Секса? Да, безусловно. Он хочет очень много секса и пока даже не представляет, когда это безобразное до отвращения к самому себе желание прекратится. Но разве только секса? Почему тогда сегодня он ее просто не трахнул? Как раньше. Нет, он хочет большего. Спустя всего пять дней после знакомства с Дашей он сказал ей в лифте, что хочет сделать всё по-другому. Роман тогда не врал. Всё и было бы по-другому, если бы не его чрезмерное любопытство. Оно всё испортило. И уже не раз.

Но он не мог не следить за ней, слишком уж странным субъектом была эта девушка, его зазноба. Он ведь, кажется,

так назвал ее на второе утро после знакомства? И еще тогда подумал, что шутил. Только вот оказалось, что это была не шутка...

Так что ему нужно от Даши?

Ответного чувства. Чтобы горела в объятиях и кричала от восторга. Чтобы содрогалась всем телом от одного его прикосновения. Но что это? Желание пройти этот квест до конца? Просто победить, подчинить, удовлетворить мужское эго? Да, безусловно. И это тоже. Но не только. Сегодня Роман осознал, что ему физически нужно, чтобы эта женщина ответила ему взаимностью. Но не только ради прохождения квеста. Еще и ради него самого. Ему хотелось видеть ее радостной, счастливой. Такой же непринужденной, какой она была тогда, в клубе, со своими друзьями. Он не хочет быть для нее лишь чужаком из враждебного мира. Он хочет стать своим. Как же та Дашина откровенность его тогда кольнула! До сих пор что-то ноет внутри, стоит вспомнить ее лицо, когда она это сказала.

И к чему он приходит? Кто для него Даша? Будущая жена? Роман не планировал больше жениться. Мать его детей? Роман не хотел детей. Спутница жизни? Как это громко звучит... Трудно представить себе всю свою жизнь, поэтому как можно заявлять такое? Даже гроссмейстеру. В истории шахмат еще никогда не было партий длиною в человеческую жизнь.

Тогда кто?

Его женщина. Просто, без лишних наворотов и изысков. Ведь он с первой недели именно так ее и называет в своей голове. Даша – его женщина. А, значит, должна принадлежать только ему. И не зажиматься по углам и туалетам с первыми встречными, чтобы заставить каких-то посторонних мужиков отстать от нее. И не ездить по ночам по любовникам, чтобы выкинуть Романа Чернышева из головы. Он будет в ее голове, тут уж ничего не поделаешь. Только он и будет. А больше там никому не место.

В среду утром он пришел на работу чуть позже обычного. Даша сидела на своем месте... в том же платье... Опять не ночевала дома? Или просто теперь, после случившегося между ними, это – новая форма ее одежды? Она его так пытается до себя не допустить? Что же, пусть попытается. Заодно Роман проверит, насколько ее хватит...

– Доброе утро, Дарья Игоревна!

Не отрываясь от монитора, монотонно:

– Доброе утро, Роман Сергеевич.

Он на миг замер, потом прошел в кабинет и разделся. Снова вышел в приемную. Подошел, нагнулся, взял за подбородок.

Смотрит в глаза. Опять в них печаль. Такая вселенская, что б ей...

Поцеловал. Глаза закрыла, всё же основные рефлексy срабатывают, как бы она ни старалась его обхитрить. И себя.

Отстранился. Открыла глаза, смотрит. С тем же, что б ему, выражением...

Тогда тихо и ласково Роман сказал:

– Доброе утро, Даша!

Молчит.

– Думаю о тебе.

И ушел в кабинет. Закрыв дверь, прижался к ней спиной, улыбнулся. Искренне. Просто потому, что хотелось улыбаться.

Но всё, к работе. Сегодня ему не до секса, день расписан поминутно. Так что Даша вполне могла бы надеть и другое платье. Если бы заранее это знала, конечно. Надо было ей вчера сообщить. И тогда он бы просто порадовался, глядя на нее в каком-нибудь новом наряде. Тем более, что все они Роману нравились. И он заметил даже, как каждый день ждет, что сегодня она ему покажется в чем-нибудь новом. А он полюбуется. О чем опять мысли? О тряпках. Женских. Даших. И бровях. Лодыжках. Ее же... Безумие...

Всё, к работе. На этот раз уже точно... Работа, работа, тэкс-с, где у него тут интерком?! А, вот кнопочка нужная:

– Даша, кофе, пожалуйста.

Роман вот только еще разок на нее посмотрит, и потом сразу к работе! Просто сию же секунду! Всего один разок. Жаль только, что у него нет пульта управления Дашей с опцией замедленного действия, тогда он бы смог посмотреть на нее разок... чуть подольше. Кстати, а, может, ему просто

ее стол к себе в кабинет перетащить? Тогда и пульта не потребуется. Прекрасная, кстати, идея! Вот только настроение будет нерабочее. Всё время. Но это, пожалуй, единственный минус. Его можно и потерпеть.

Роман не заметил, как вот уже несколько минут постоянно улыбался. Сразу, как от Даши ушел. И у него было прекрасное настроение. Игривое, веселое. Разве что петь не хотелось! Хотя, почему бы и нет? Говорят же, что петь по утрам – полезно. И смеяться тоже.

И он рассмеялся. От своих мыслей. В этот момент и вошла его супер-пупер нереальная дива в гадком и постылом платье темно-зеленого цвета, которое ей, кстати, очень шло. И вообще классное было бы платье. Если бы только сексом полноценно заниматься не мешало.

Роман мотал головой и продолжал смеяться, когда Даша поставила кофе на стол. Он поймал ее руку и ухватил за запястье.

– Дашенька, и вы не поинтересуетесь, отчего у вашего начальника сегодня такое хорошее настроение? Хоть он, конечно, и не начальник вам вовсе, но всё же вам надо быть к людям повнимательнее.

Молчит. Роман встал, притянул ее к себе.

– А всё просто! Он о приятном думает всё время. Оттого настроение сразу и поднимается!

И чмокнул ее в щеку.

– Идите, работайте, хватит прохлаждаться!

Она смотрела с недоверием. И еще... Как на умалишенного. От этого Роман снова рассмеялся. А потом отпустил ее и сел обратно.

– Что? Еще не привыкли к его непредсказуемости?

Наконец, раздалось долгожданное:

– К такому не привыкают.

– Очень рад, что, наконец, смог произвести на вас впечатление!

В дверях раздалось покашливание. На пороге кабинета стоял Летучий.

– О! И наш специалист по межведомственным связям тут как тут! Заходи, Виталий Александрыч, не стесняйся! Гостем будешь. Дарья Игоревна тебе сейчас кофе сделает! Да, Дашенька? Что вы замерли? Кофе делайте идите! Виталий Александрыч просто страсть, как любит мой кофе, да Виталий Александрыч?

Летучий, борясь с приступом смеха сказал лишь:

– Я рад, что вы, наконец, в хорошем настроении, Роман Сергеевич. Ради этого даже выпью кофе. Несмотря на свой панкреатит.

Роман расхохотался.

– Ой! Прости, я не знал. Прими мои соболезнования, – он промокнул слезы в уголках глаз.

– Аминь!

Роман кинул взгляд на Дашу, которая всё еще стояла, замершая в состоянии легкого... непонимания происходяще-

го. Резко прекратив хохотать, он грозно сказал:

– Даша, отбой! Не можем же мы с вами человека калечить? Он нам еще в Риме пригодится. Вы себе не представляете, как Виталий Александрыч здорово в тамошних кабаках ориентируется!

Он обратился к Виталию:

– Для этого ты нам нужен без панкреатита. По крайней мере, до Рима. А там дальше – уже как знаешь.

Виталий усмехнулся.

– Очень рад, Роман Сергеевич. Очень рад, Дарья Игоревна. Только мне вас придется ориентировать по телефону. У меня в Уренгое форсмажор. Придется лететь самолично.

Он спохватился:

– Спасибо, Даша, если серьезно, то кофе не надо.

Роман сказал, растягивая:

– Ну здра-ась-те приехали! Опять серьезно! А я только настроился на игривый лад. Впервые лет за десять... пятнадцать... двадцать...

Даша помотала головой и вышла. Роман тут же посерьезнел.

– Дверь закрывай. Проходи, садись. Давай к делу, что у тебя там в Уренгое, а то я расшутился что-то.

24.

Четверг пролетел как стрела. Перед командировкой надо было раскидать все дела и сделать некоторые заготовки на будущее, чтобы не утонуть после возвращения. Роман в офисе не появился. Самолет зарезервировали на ночь, чтобы утром было время на отдых и подготовку. Он сам скорректировал время вылета, ведь Дарья не знала о его привычке прилетать заранее. Роман не любил появляться на важных мероприятиях впритык. Всякое может случиться, нужно всегда иметь запас по времени на случай непредвиденных головняков. Вылетели в одиннадцать, приземлились в три ночи. До постели добрались в половину четвертого, так что время выспаться было.

В самолете Дарья спала. Роман сидел на соседнем кресле, погружённый в бумаги. Нужно было еще раз всё внимательно просмотреть, а утро он хотел оставить свободным, чтобы дать мозгам необходимый отдых. Тогда к трем дня он будет в лучшей из своих форм.

Директор спецотдела бросил взгляд на Дашу. Отвернулась к окну, выгнула шею, положила одну руку под голову. Мерно дышит. Роман погладил ее по щеке. Немного дернулась, но не проснулась. Бежевый пиджак букле, белые каучуковые серьги и белое платье из тонкой шерсти. Серые сапоги. В первый раз надела. Замшевые, красивые. Бегунки, навер-

ное, на месте...

Красивая она... Даша.

Роман укрыл ее пледом.

Утром по внутренней связи он вызвал ее к себе в номер. Даша пришла через пятнадцать минут. Бледная, невыспавшаяся. Роману было нужно быть в хорошей форме, и поэтому он решил, что от греха подальше он не будет до нее допрагиваться во время их пребывания в Риме. Он позвал Дашу, чтобы еще раз пройти по программе встречи, сделать для нее необходимые разъяснения. Но до трех был еще вагон времени. Этот фактор и сыграл свою роль в том, что случилось дальше. Но решающей всё же, как всегда, стала близость Даши. Стоило ей войти, как Роман передумал.

Она была одета так же, как и в самолете, только переобулась в туфли. Тонкое белое платье, через которое, казалось, просматривалась кожа, хоть на самом деле она вовсе и не просматривалась, это просто он стал маньяком, так и просило, чтобы Роман содрал его с нее. Даша всегда вызывала в нем такое желание.

Он проводил ее в гостиную, подошел сзади, одной рукой обхватил за шею, а другой заскользил вниз по животу.

– Как же хочу тебя... Ты себе не представляешь...

Но Даша ему не отвечала. Ни словами, ни действиями. Тогда Роман развернул ее лицом к себе и поцеловал. Постепенно она, как и в прошлый раз, стала реагировать на его поцелуи, видимо, просто не могла не ответить, он это чув-

ствовал интуитивно. Даша хотела его, но пыталась не выдать в себе этого желания. Роман погладил ее по волосам, а затем по шее. Даша стояла с руками, опущенными вниз. Он прошептал ей на ухо:

– Почему ты мне не отвечаешь?

Но Даша молчала. И Роман опять разозлился. Ее видимая апатичность и полная физическая отстраненность во время всех моментов их близости, кроме самого первого раза, так сильно задевала его за живое, что он просто закипал от ярости. Он толкнул ее на диван, навалился всем телом и сделал всё резко. Даша отвернулась лицом к спинке, уткнулась в нее, но Роман не дал ей и этой свободы: уйти в себя, убежать от него. Он взял ее за подбородок и развернул к себе лицом.

– Куда отвернулась? В глаза мне смотри!

И она смотрела... Что б ей... Зачем он только заставил ее это сделать? Даже захотелось на миг развернуть ее обратно лицом к спинке. Но она его словно заморозила этим взглядом. Боли, отчаяния, обиды и непокорности одновременно. Роману захотелось ее ударить. А потом самому удариться головой об стену. Так, чтобы надолго отключиться. И забыть этот взгляд навсегда. Хотя как его забудешь...

Но тело брало свое. Всё произошло почти так же быстро, как и в их первый раз. Похоже, он становился скорострелом... Роман сразу отстранился и быстро ушел в ванную комнату. Там он чуть не впечатал кулак прямо в зеркало, настолько сильно ему не понравилось отражение, кото-

рое он увидел. Но сдержался. До трех было еще достаточно времени, чтобы выбросить из головы новый эпизод в их с Дашей взаимоотношениях. Пора было заводить блокнот и, как это делала она сама, начинать вписывать их столбиком, бумага ведь стерпит что угодно. Если всё будет продолжаться в том же духе, скоро и место в блокноте закончится. Даже если убористым почерком писать. И можно сразу отправлять на публикацию – «Бесславная история его жизни часть один двоеточие Даша».

Когда Роман вернулся, она лежала в той же позе. Встала и сменила его в ванной. Послышался шум в душевой, но это продлилось недолго. Вышла, стоит. Смотрит в сторону. Отстраненно, как всегда. Роман попробовал переключиться. Теперь всё равно ничего уже не исправить, а если и попытаться, то может стать только хуже. Лучше вернуться к работе. Он постарался, чтобы его голос прозвучал спокойно:

– Возьмите со стола верхнюю папку. Прочитайте еще раз. На третьей странице повнимательней остановитесь. Самое важное выделил для вас.

Даша тут же подошла, взяла папку.

– Я могу это сделать в своем номере?

Роман почувствовал опустошение.

– Да. Идите. Я найду за вами в два. Нам надо спуститься пораньше.

Она развернулась и вышла.

Директор подошел к окну. Небо над Римом вписывалось

в его теперешнее настроение. Было пасмурно.

После завтрака Роман решил спуститься в бассейн. Немного освежить мозги не помешало бы.

Но его опередили: Даша плавала брассом от борта до борта. Быстро, почти судорожно, без остановки, делая мощные гребки. Когда ее голова показывалась над поверхностью, она глубоко вдыхала, глаза были открыты. Хлорка, видимо, ее не смущала. Роман постоял так какое-то время, наблюдая за ее агонией, но потом решил вернуться в номер. Даша так и не заметила его появления. О другом, видно, думала. О своем о чем-то. И Роман даже предполагал, о чем именно.

Он зашел за ней в два, как и обещал. Вышла сразу. На долю секунды взглянула в глаза, но тут же опустила их вниз. По Роману прошла прохладная волна, но отчего-то от нее опять всё внутри запылало.

Дошли до лифта. Ждут. Он сейчас опять окажется с ней в лифте наедине, как тогда, после встречи группы. Вчера ведь их портье сопровождал. Что с ним делается всё время, когда он от нее так близко? Роман до сих пор не привык к этому состоянию. Он ждал каждого момента, чтобы побыть наедине с этой женщиной, он заранее представлял, как это будет. Предвкушал. А потом еще долго возвращался мысленно. И так с любым из них. Роман становился собирателем этих моментов и помнил о каждом. И каждый был ему по-своему дорог.

Ехали молча. Он – возле одной стены, она – возле противоположной. Ведь противоположности притягиваются. Доехали слишком быстро. Роман даже не успел... Чего? Да ничего не успел. Ни подумать, ни почувствовать, ни тем более сделать. А впереди ждала работа. Очень трудные переговоры. В последний момент подтвердилось участие во встрече Лердони. Не зря он вчера в течение всего полета готовился к такому повороту. Роман никогда ничего не делал зря. Кроме вот только, наверное, всего, что касалось Даши. Она стала его ахиллесовой пятой.

– Oh, ciao! E' Daria!?! Che bella! (прим.: О, привет! Это и есть Дарья!?! Какая красивая!, ит.)

Это даже Роман понял. И без перевода... Их встречала ассистентка генерального директора Марко Росси.

– Ciao, Vittoria! Mi sento lo stesso modo per te! (прим.: Привет, Виттория! Это взаимно!, ит.)

Женщина просто расцвела. Она обняла Дарью за одно плечо, повернулась к Франческо Д'Ампеццо, первому заму, и протяжно пропела:

– E-hi!!! E' un vero amore, Franco, non crede? (прим.: Ай, а ведь она просто очаровательна, Франко, ты не находишь?, ит.)

Замдир улыбнулся Дарье.

– Senza dubbio! (прим.: Без сомнений!, ит.)

И почему-то подмигнул Роману. Тот из их разговора ничего не понял, кроме того, что обычно такая серьезная Вит-

тория сегодня зацвела сиренью прямо посреди конференц-зала с первых секунд их появления. Даша снова задала тон встрече. Тот самый, который был сейчас так необходим. Всегда лучше начинать переговоры в обстановке, располагающей друг к другу.

Через полчаса подтянулись представители Лердони. Госпожа Пуатье, ведущий юрист по проекту, сопровождала гендиректора Гастона Трюдо. Их делегация была небольшая, и насчитывала всего четырех человек, тем не менее это не преуменьшало важности их сегодняшнего присутствия.

Приступили к встрече. От СевМоря было шесть человек: он, Дарья, второй зам Семен Арсентьев, Аркадий Бурулев – из договорного, и два юриста. Еще в зале присутствовало четыре штатных переводчика Италисты: франко-русский, франко-итальянский, и двое итало-русских.

Или внешние обстоятельства повлияли, ведь ситуация в нефтегазовой отрасли в связи с началом специальной военной операции была самой сложной за всю карьеру Романа, или его отношения с Дарьей привели к тому, что он стал терять хватку, но директор спецотдела чувствовал, что его мозг будто бы утратил часть присущей ему переговорной адаптивности. Всё складывалось не по самому лучшему сценарию. Даша исполняла роль переводчика, но выражение ее лица при двух репликах Марко Росси привлекло внимание последнего. Он обратился к ней напрямую, что-то спросив. Даша неодобрительно покачала головой и кратко что-то от-

ветила. В ее голосе прозвучала ирония. Марко и Виттория переглянулись, а потом и Франческо бросил взгляд на помощницу Романа. Директор спецотдела был озадачен этой сценой и спросил:

– Что?

Дарья тихо сказала:

– Роман Сергеевич, попросите, чтобы кофе-брейк пораньше начали, я что-то немного притомилась. Чтобы мне вас не подвести.

Роман кивнул.

– Может, прервемся на кофе? – обратился он к Марко.

Во время перерыва Даша сразу к нему подошла.

– Роман Сергеевич, что-то идет не так, вам не кажется?

Он молча смотрел на нее.

– Давайте так. Я попробую их зацепить. А вы привлечите одного из переводчиков из Италисты, всё равно пока без дела сидят. Пусть хоть кто-то зарплату отработывает. Будет вам переводить наш разговор.

Роман усмехнулся.

– Ага... И о чем же вы собираетесь с ними говорить, если не секрет?

– Не представляю. Как карта ляжет. Но какие-то заготовки, конечно, есть.

Роман рассмеялся.

– Да уж, занятная вы девушка!.. – Он помотал головой. –

Давайте без самодеятельности.

Сказал как отрезал, и отвернулся к столу, чтобы взять печенье. Но из-за его спины снова прозвучал голос Даши:

– Роман Сергеевич, всё идет к тому, что вы им сейчас танкерное освидетельствование сольете. И лиха беда начала. Они уже и к сертификации перевозок подгребают.

Он не реагировал. И без нее знал, куда всё идет, но относился к этому спокойно. В переговорах обычно так и бывает: для того, чтобы добиться достижения главной цели, приходится поступаться второстепенными. Но сегодня с этим был перебор, Роман и сам это чувствовал. И всё же главной его задачей оставалось не допустить снижения доли их участия в финальной сделке, а то, что за это придется кинуть им кость, было неизбежностью. И это понимали все стороны.

Вдруг за спиной он услышал звук выдоха. И рычание. Тихое такое, но... да, именно рычание.

– Я с ними почти два года работала!

Он обернулся.

– С итальянцами, имею в виду. И не наездами, как вы, а непрерывно, в поле. Это было до Парижа. Да и в Париже в основном итальянским направлением занималась. Они мне очень импонируют как люди. А уж, что больше прочих европейцев, так подавно. Гибкие, живые, не то что многие из их соседей. Любят смелость и ценят откровенность. И она не доводит их до состояния комы. Я изучила их от и до. Это торговцы. В хорошем смысле слова, нам бы у них этому по-

учиться. И на первом месте у них всегда стоит бизнес. Они для того, чтобы выгоду не упустить, на всё готовы. Но в рамках разумного. Потому что прагматики. Хоть и шумные на вид. А еще они с мамами живут до пятидесяти лет. Так что подчинение высшему разуму для них закон. А кто у нефтяников высших разум? Правительство. Так что надо создать им коллизию. Чтобы торговец все-таки победил.

Она помолчала. Роман изучал ее взгляд. В глазах Даши загорелся огонь азарта. Она сейчас напоминала ему самого себя.

– Я уже зацепила его, вы видели. Дальше будет нетрудно. Вы себе не можете позволить того, что могу я. Если вы к нему подойдете и дадите по лицу, то он ответит и придется драться. Кто победит – непонятно, но ясно одно: кончится плохо. Если же ударю я, то он мне толком и ответить не сможет. Я же – девушка. И потом, кто я ему? Никто. Да и вам я никто. Просто секретарша, к тому же временная, они ведь это прекрасно знают. Мало ли какой номер может отколоть неопытная сотрудница, оттого что у нее в зобу дыхание сперло от количества авторитетов мужского рода на квадратный сантиметр? А вам по должности нельзя говорить ему некоторых вещей.

Роман изучал ее. Сейчас в глазах Даши не было того безразличия, с которым она постоянно смотрела на него всё последнее время.

– В конце концов, если вам не понравится направление,

по которому всё будет развиваться, вы просто меня заткнете. Только не забудьте при этом сделать вид, что я вас очень удивила и разочаровала. Но вдруг из этого выйдет что-то путное? Италиста ведь еще в марте вышла бы из проекта, будь всё так печально, как они пытаются нам продать. Но по сей день не только не вышла, а даже доли участия не снизила. Значит, им самим этот проект нужен не меньше вашего. Как-то же они умудрялись до сих пор договариваться со своим правительством?

Она снова умолкла.

– Я бы не предлагала, если бы не считала, что есть реальная возможность хорошего исхода. Но не обещаю. Надо пробовать.

Когда переговоры возобновились, Дарья продолжила переводить. Роман вглядывался в ее лицо и теперь понял, что она задумала. Прежде чем переводить некоторые реплики Марко, его ассистентка делала паузу и морщила лоб, одновременно с этим немного сдвигая брови и глядя исподлобья. Это создавало впечатление того, что слова гендиря Италисты ставили ее в такой тупик, что ей будто бы было неловко произносить их Роману вслух. Метод сработал, Марко хватило ненадолго. Спустя три переведенных ею блока он снова обратился к Дарье. Та сказала:

– Роман Сергеевич, попросите, пожалуйста, чтобы к нам переводчица подошла, а то будет неудобно, если вы пони-

мать не будете. Я господину Росси должна ответить на его вопрос.

Роман попросил Семена позвать итало-русскую переводчицу. Она села рядом и тут же подключилась. Диалог был следующего характера:

– Вас что-то конкретное смущает в моих словах, Дарья?

– Да, господин Росси, вполне конкретное. Причем конкретно смущает. Я бы даже сказала, что меня вообще весь ход переговоров смущает. Или так: я не вполне понимаю, что здесь происходит.

Росси завис. Переводчица, покраснев, закончила фразу. Тогда завис Роман. За столом какое-то время стояло молчание. Директор спецотдела уже хотел заканчивать этот эксперимент, но не успел. Росси его немного опередил:

– Поясните.

– Постараюсь. Условия сделки и так для вас выгодны, поэтому я не понимаю, чего вы добиваетесь, пытаетесь согласовать дополнительные пункты. Их в первоначальном договоре не было. Какой смысл нашей компании их включать? Возможно, вы пытаетесь прыгнуть выше головы?

Росси посмотрел на Романа. Оба молчали. Потом гендир Итальясты обратился к Дарье:

– А у вас что, на этих переговорах какие-то особые полномочия?

– Нет, никаких. Я – временный сотрудник, в штат не вхожу, поэтому могу себе позволить сказать вам немного боль-

ше, чем господин Чернышев. Вы, возможно, не до конца понимаете ситуацию. И свое положение. Раз так настойчиво возвращаетесь к вопросу о дополнительных... в России мы говорим «кусках пирога».

Уголки его губ слегка дернулись.

– И вы меня сможете просветить на эту тему?

– Попробую. Вы ссылаетесь на требования вашего правительства. Хотя в этой комнате всем понятно, что тот «прицеп» к контракту, который вы хотите согласовать, с этими требованиями не связан. Это, конечно, бизнес, и вы рассчитываете компенсировать возможные убытки от последствий проблем, возникших между нашими государствами. Но мне одно неясно, зачем авторитет правительства ставить выше бизнеса? Я, уж простите, этой странной особенности тотального подчинения правительству, которых сколько у вас за год сменилось? Ах да, в Италии пока только одно... Я этой особенности никак понять не могу. Вы сколько лет на посту? Неужели с главой правительства не договоритесь? Тем более, с женщиной. Это она только выглядит свирепо, а на самом деле все знают, что агент Соединенных Штатов. А у тамошнего президента сейчас тоже стабильности нет. Так что сколько она пробудет на посту – одному богу известно. Это мы в России так говорим. Пословица такая.

Она помолчала.

– Вам же после нее еще компанией управлять. А наш президент в отпуск пока не собирается. Так не целесообразней

вам решить вопросы компенсации издержек с вашими соотечественниками?

– Putain...

Это был Трюдо. Он заинтересовался разговором и тоже привлек переводчиков.

Даша бросила на него взгляд, подняла бровь, но снова повернулась к России.

– К тому же, вы ведь не француз. С итальянцами всегда можно договориться, если речь идет о бизнесе. У вас правительство, хоть и несубъектно, но всё же более самостоятельное, несмотря на то что руководители обоих государств и готовились в одной и той же конторе.

Росси отвис:

– А вы очень откровенны!

– Мне можно, я внештатная.

– Тогда давайте поговорим и о вашем правительстве...

Вы не подумали о том, в каком положении сейчас находится он? Полное эмбарго. Сто десятый пакет санкций. Огромный бюджет на войну. Проблемы с поставками. Уход бизнеса из страны. Трудно. Очень трудно. В такой ситуации нужно быть особенно внимательным к тем партнерам, которые еще не ушли. А иначе можно переоценить свои возможности. Мы в Италии говорим: «Нельзя сделать шаг больше, чем позволяет длина ноги» (прим.: «*Che nessuno faccia il passo più lungo della gamba*», ит.). А кто же заранее скажет, какой длины ноги у вашего правительства?

– Отличная поговорка! Я тоже ее очень люблю. А еще эту: «Сделали тридцать, сделаем и тридцать один» (прим.: «Fatto trenta, facciamo trentuno», ит.).

Они долго смотрели друг другу в глаза.

– И вот эту: «Волков бояться – в лес не ходить» (прим.: «Chi ha paura di ogni foglia non va nel bosco», ит.), «Кто упрям, тот победит» (прим.: “Chi la dura la vince», ит.), «Лучше зяблик в кармане, чем дрозд на ветке» (прим.: «È meglio un fringuello in tasca che un tordo in frasca»). В данном контексте последняя поговорка хорошо применима к вашему правительству. Но всё же самая моя любимая эта: «Признанная ошибка приводит к истине» (прим.: «Errore riconosciuto conduce alla verità», ит.). Убедите меня в том, что я не права, и я это признаю.

Она ненадолго замолчала, но Росси не отвечал. Тогда Даша продолжила:

– Я неплохо читаю контракты и могу сказать, что условия как для Италисты, так и для Лердони и так более, чем выгодные. Туда уже включена дополнительная плата за дружбу между нашими компаниями. СевМорНефть трудно заподозрить в недостаточной благодарности своим партнерам за их преданность.

Даша сделала паузу, но не стала долго ждать его ответа и продолжила:

– А теперь относительно «зяблика в кармане». Вы, наверное, не забыли, чем «Сахалин-2» кончился? Британцы ну

очень хотели выйти. Вышли. Финальный баланс видели? Не сомневаюсь. Вы с точностью до евро знаете, какие там были убытки, уверена. А вот японцы остались. Хотя их правительство тоже расположением к нашему не отличается. И кто здесь оказался, как бы сказать помягче... не очень дальновидным? У вас в Италии есть еще одна поговорка, которая мне очень нравится: «Мать идиотов всегда беременна» (прим.:» *La madre degli idioti è sempre incinta*», ит.).

Он расхохотался. Затем повернулся к Виттории и сказал ей:

– Эта девушка начинает мне нравиться...

Даша оставалась серьезной.

– Это вы еще не слышали, сколько поговорок знает господин Чернышев, просто по-итальянски сказать не может. Он бы вам еще больше понравился. А если серьезно, то я не сильно разбираюсь в нефтегазовой отрасли и ничего не понимаю в перевозках...

– Мне так не показалось.

– Это ложное впечатление. Я говорила об общеизвестных фактах. В России о них знает каждая домохозяйка. Но я неплохо представляю себе сферу недвижимости. А бизнес – един, и его законы применимы повсеместно.

Она обратилась к Франческо:

– Господин Д'Ампеццо, я слышала, что ваш сын занимается недвижимостью на побережье? Ну и как там дела? После ухода русских.

Теперь на Дашу с тем же недоброжелательным выражением, что и Росси в начале их разговора, смотрел Д'Ампеццо. Даша не стала ждать его ответа:

– Полагаю, он работает с высоким сегментом? И какова была доля русских в люксе? Десять процентов? Или эти цифры из среднего... сейчас не помню, настаивать не буду. Но думаю, что в люксе она должна быть не меньше пятнадцати, а то и больше. Ну и как там у него дела? С такими-то мінусами в балансе... Или на освободившуюся недвижимость выстроилось много желающих?

Она снова повернулась к Росси.

– Поэтому я скажу вам так: мы ждали, что из «Сахалина-2» выйдут и японцы и вполне были готовы к такому исходу. Да, это бы создало дополнительные проблемы тактического характера, но стратегически от национализации проекта наша страна бы только выиграла. Масштаб проблем, которые вы перечислили выше, был вами слегка преувеличен. Санкции отразились и на вашей стране, и на вашем бизнесе. Да и вообще на всей Европе, если быть до конца откровенными. В России, конечно, тоже есть проблемы. Только вот нашему правительству в приступе отчаяния не приходит в голову гениальная идея подать иск в международный суд на, к примеру, немецкую энергетическую компанию за прекращение поставок, когда поставки эти прекратились потому, что оно само же наложило санкции на эту компанию. Потому что наш президент, как показала практика, точно появился

на свет не от упомянутой немного выше женщины.

Росси слегка прищурился. Даша закончила:

– Поэтому при уходе из проекта, еще неизвестно кто тактически больше потеряет – мы или вы. А вот стратегически мы только выиграем. Но у нас нет желания, чтобы те партнеры, которые остались с нами, уходили. Не потому, что у нас война. Мы в России говорим: кому война, а кому мать родна. Просто наше правительство делает всё для того, чтобы сохранить оставшиеся связи. Но всему существует предел. Если контракт будет подразумевать свехуступки, может, тогда проще вообще от него отказаться? Вы такого исхода переговоров не пробовали себе представить? Да, запустимся позже. Зато на наших условиях. Но, это точнее вам господин Чернышев даст знать, ведь всё зависит от того, о чем конкретно он в Администрации Президента договорился... Ведь вы знаете, что наш президент – личность, которую никто не может прочесть, в этом весь мир недавно успел убедиться. Поэтому таких вещей я, как рядовой сотрудник, знать не могу. Просто делюсь с вами своими наблюдениями.

Даша умолкла. В зале стояла полная тишина по меньшей мере с минуту. Потом стало раздаваться тихое бормотание француза. Он о чем-то советовался с Сильви Пуатье. Росси и Д'Ампеццо долго смотрели друг на друга, потом генеральный директор обратился к Роману:

– А вы меня обхитрили! Я, и правда, думал, что это ваш секретарь. Меня предупреждали о вашей непредсказуемо-

сти, но такого я не мог ожидать даже от вас. Не поделитесь переговорщиком? Я бы сам от такого не отказался.

Когда переводчица договорила последнюю мысль, Роман сказал:

– Неуместный вопрос. Кто же станет таким делиться?

25.

Переговоры всех измотали, поэтому совместный поздний ужин в бронированном по рекомендации Виталия ресторане отменили сразу. И всё же было принято решение обмыть результат. Но не в лобби отеля – там могли оказаться посторонние уши из Италисты или Лердони. Поэтому остановились на промежуточном варианте: бар через три улицы. Даша ссылалась на усталость и отказывалась до последнего, но Семен умел убедить и мертвого. Она согласилась, но, когда добрались до места, выпивать наотрез отказалась. Она, и правда, была бледнее обычного и выглядела усталой.

Разместились за баром. Роман, Даша, Семен и двое юристов, но последние среди генералитета чувствовали себя не в своей тарелке и вскоре ушли. Как только это произошло, второй зам сказал:

– Ну ты, Даша, просто зверь! Я даже в какой-то момент слегка возбуждился...

Роман такой наглости пропустить никак не мог:

– Смотри не перевозбудись...

Он кинул на своего зама грозный взгляд. Похоже, тот до сих пор не догонял, кем именно Даша ему приходилась. Семен и раньше позволял себе легкий флирт с его секретаршами, даже с теми, кто побывал в постели начальника. Но это никогда не вызывало в том никакой ответной реакции. Ро-

ману было всё равно, поэтому он не заострял внимания на этой особенности характера своего зама. Семен относился к типу мужчин, которых обычно принято называть «своими в доску», и легкие двусмысленные намеки в адрес милостивых девушек из его уст не выглядели чем-то пошлым. Но сегодняшнее его замечание о Даше тут же подняло в Романе ну очень недружелюбную волну.

Семен осекся.

– Простите, я ничего дурного не имел в виду. Извини, Даша.

– Дарья Игоревна! – Роман всё еще смотрел грозно. – Какая она тебе Даша после сегодняшнего? Так пойдет, сам скоро Сеней станешь. А Дарью Игоревну придется на твое место ставить.

Семен не ожидал такого поворота. Он замолчал и... немного прифигел. Но Даша пришла на выручку:

– Роман Сергеевич, зря вы так. Мы с Семеном Александровичем уже давно на «ты». Он к этому привык и в непринужденной обстановке оставил всякие церемонии. У нас же здесь непринужденная обстановка? Откуда ему было знать, что наши дружеские отношения вас так взнервируют?

Теперь прифигел Роман. Но Семен, наконец, догнал, что происходит, и решил, что настала пора сливаться. Он выставил руки перед собой и сказал:

– Простите, не был зряч! Вдруг вспомнил, что у меня полно дел. Прошу меня извинить.

И свалил по добру по здорову. Ну, наконец! Включил-таки мозги. Лучше поздно, чем никогда.

Даша помотала головой. Роман развернул барный стул, на котором она сидела, к себе лицом и взялся руками за его подлокотники, заставив ее посмотреть.

– Ну что ты за человек такой? Зачем ты себя так ведешь?

– Как именно? Говорю правду? Вас это смущает?

– Ты понимаешь, как. Всё время иголки выпускаешь. И шанса мне не даешь что-то изменить в наших отношениях.

– А у нас с вами что, оказывается, уже отношения?

Роман усмехнулся. Припомнила ему его же фразу. Только вот он тогда шутил, а Даша сейчас, похоже, была серьезна. Он вздохнул и сказал, глядя в глаза:

– Я хочу, чтобы были.

Теперь усмехнулась она.

– Роман Сергеевич, не надо думать, что если вам удалось сделать из меня проститутку, то теперь вам удастся сделать из меня дуру.

Он снова на минуту потерялся. Какую еще проститутку он из нее сделал??? У них же взаимное влечение, он точно знает, что Даша к нему относится так же. Но просто не хочет этого признавать.

– Даша... Всё у нас не заладилось как-то... С самого начала...

Но она не дала ему договорить:

– Вы удовлетворены результатами сегодняшних перегово-

ров?

Роман молчал. Он не знал, к чему Даша вела, но понимал, что ни к чему хорошему.

– Если да, то могу я у вас попросить кое-что для меня сделать в качестве благодарности?

Роман молчал. Но Даша не уступала ему в упрямстве и продолжала смотреть. Поняв, что ответа от него не последует, она попыталась спрыгнуть со стула. Но Роман не дал. Он обнял ее и прижался лицом к волосам.

– Почему ты такая? Почему всегда ершишься? Не видишь, как я отношусь к тебе? Неужели такая дура? Уже и спать не могу, если не был с тобой. Хочу тебя постоянно. Никого так не хотел.

В этот раз она долго молчала.

– Я прошу вас. По-человечески прошу. Если, конечно, в вас есть хоть что-то человеческое... Пожалуйста, оставьте меня хотя бы сегодня. Я так устала...

Он сжал ее тело сильнее и что было мочи зажмурился. Роман знал, что она тоже хотела его. Но мучилась и отчего-то боролась с этим желанием. И мучила его. А он больше не мог ее заставлять. И разжал пальцы. Даша тут же выскользнула, взяла пальто и направилась к выходу. Он расплатился и пошел за ней. Не хотел отпускать одну. Красивая слишком, а тут еще эти итальянцы вокруг. Излишне любвеобильные. Смотрят на нее. Все кому не лень. Это раздражает... Вдруг еще пристанет кто? И в этих мыслях впервые не было ни на-

мека на иронию. Роману было не до смеха. Внутри всё тянуло и ныло. Он поймал себя на мысли, что серьезно так думает. Хочет удостовериться, что его женщина дойдет до номера в целости и сохранности. Ведь она – его женщина. Была и остается. Пусть и отвергает все его попытки, пусть что есть сил пытается убежать от него. Но она ему небезразлична, даже когда мучает его своим поведением. Роман был уже не состоянием на нее злиться. Он просто устал.

Он шел на отдалении и наблюдал за Дашей, пока не довел ее до лифта отеля. Зашел следом, встал к противоположной стене. На этаже дал ей выйти первой. И проводил взглядом, пока она не скрылась за дверью номера. Только тогда спустился в бар. Чтобы окончательно напиться...

В субботу утром снова болела голова. Роман вспомнил о таблетках, которые ему дала Даша. Непредусмотрительно он оставил их в ящике рабочего стола. Тогда директор вызвал ее по внутренней связи. Она ответила быстро.

– Даша, вы не могли бы мне достать таких же таблеток? Я блистер в офисе оставил.

Трубку повесили. Роман вздохнул. Сел на кровать, схватился за голову, а затем рухнул спиной на постель. Но пролежал недолго. Вскоре раздался звонок в его номер. Встал, открыл. Даша протягивала ему пластину. В ней была только одна таблетка. Роман посмотрел удивленно.

– Это ваши?

Но она молчала.

– Так, может, вам самой нужно? Я потерплю как-нибудь.

– Берите, Роман Сергеевич.

Он стоял и смотрел на Дашу задумчиво.

– Я не подумал как-то... Вам противозачаточные принимать можно?

Даша смотрела одновременно печально и отстраненно. Роман не понимал, как два этих чувства могли отражаться в одном и том же взгляде.

– Они не понадобятся. Я бесплодна.

И чуть не ткнула блистером ему в живот со словами:

– Таблетку возьмите!

У него от неожиданности даже в голове прояснилось. Роман медленно протянул руку и взял пластину. Даша тут же развернулась и ушла к себе в номер.

Субботнюю программу Роман отменил. Решил вернуться в Москву раньше. В самолете сидели молча. Даша весь полет смотрела в окно, а он почти всё время – на нее.

Директор спецотдела пытался сложить всё воедино: Лариса сказала, что Даша сильно больна. Он вспомнил ее слова:

– В общем, Рома, хочу тебя расстроить. Она – больная девочка. Там сложное заболевание. Но вроде бы рано выяснили, вовремя лечить начали, так что прогноз был оптимистический. А как сейчас – не знаю.

Но Роман несколько не расстроился. Он тогда вообще не

придал этому значения. Ну больная, ну что-то с костями, так не одна же она такая на планете! На инвалида не похожа, внешне – абсолютно здорова, значит, лечится, поддерживает себя. Выходит, ничего фатального. Мало ли кто чем болеет? У него вот тоже постоянно болит голова. И причина вообще неизвестна. Так что же ему теперь в убогие записаться? Нет, терпит как-то, продолжает жить нормальной жизнью. Значит, и у Даши также. Тем более с ее волевым характером. Он вспомнил, как она танцевала, как прыгала с веревкой, как делала сальто. Вспомнил их первый секс, когда Даша его чуть на куски не порвала, а от той боли, что он ей тогда причинил так ни разу и не издала ни звука. Даже он не выдержал, и вскрикнул раз, а она – ни одного. Нет, его женщина явно не походила на серьезно больную.

Но потом Роман вспомнил, как странно Даша вела себя в день обследования. Она явно была чем-то расстроена, и он тогда решил, что именно результат ее и расстроил. А потом было это:

– Вы мне очень нравитесь, Роман Сергеевич. Если именно это вас интересует. Но у нас с вами ничего не выйдет.

Почему Даша так сказала? Откуда уже тогда в ней была такая уверенность? Ведь между ними еще не успело произойти всего того непотребства, которое ждало впереди. Роман же уже в тот день был убежден в том, что их встреча – это больше чем просто случайность. Они будто были созданы друг для друга. Безумное влечение было не единственное, что их

объединяло. Они были друг другу равней. Во всём. И внешне, и внутренне. Роману вообще в последнее время стало казаться, что Даша – это он сам, только в женском облиции. Ну какова была вероятность, что ему когда-нибудь встретится Роман Чернышев номер два? Даже если представить, что это был бы мужчина. Да, конечно, достойные соперники ему попадались. Но всё же между ним и его оппонентами всегда были существенные расхождения по набору качеств. И, сказать справедливо, личности, стоящие с ним на одном уровне, встречались Роману не так часто. И это даже с учетом того, что в основном они водились как раз в среде его обитания. А уж встретить такую женщину – это вообще нечто невероятное. Но они встретились. Как же это могло быть случайностью?

Роман вспомнил вчерашний день. Их очередной неблагополучный секс. Агонию Даши в бассейне. И ее блестящий выход на переговорах, последовавший всего через пару часов. Это была... фигура высшего пилотажа. Вначале Роман даже не поверил сам себе, что согласился на такой безумный эксперимент. Когда Даша прошла по итальянскому премьеру, он вообще потерял дар речи. В тот момент даже если бы он захотел ее прервать, то не смог бы вымолвить ни слова. А когда она впечатала Гастона Трюдо – очень адресно и прямо мордой в стол, Роман вообще решил, что всё пропало. Не быть ему больше главой спецотдела. Перед его глазами уже вырисовывалась картина, как генеральный с позором разжа-

ловывает его сразу по возвращении делегации из Рима. Ведь представить себе, что Трюдо снесет такую обиду, было просто невозможно. После такого от него можно было ожидать даже полного выхода из сделки. Но Роман не мог произнести и слова. Даша будто заворожила всех присутствующих в зале. Как колдунья, настлавшая на всех немоту и неподвижность.

Роман всегда был авантюристом, именно эта черта, являющаяся основой всего его характера, и помогла ему достичь тех высот, которые он занимал. Он любил риск, и в жизни ему случалось рисковать даже не на грани. Риск на грани – это баланс, но в некоторых случаях Роман предпочитал срываться вниз без парашюта. И это непременно приводило его к победе, потому что он всегда был подготовленным и знал, что внизу его ждут высокие деревья, а, значит, у него будет шанс зацепиться за ветки и остаться в живых. В некоторых случаях он предпочитал рискнуть жизнью, но не дать оппоненту почувствовать свою слабость. Слабость – непозволительная роскошь для человека его положения и репутации. К тому же Роман всегда владел ситуацией. Он знал, когда сорваться в пропасть можно, потому что внизу ждут деревья, а когда это было полное безумие, ведь под ним находится гладкий как смерть асфальт. Да, Роман Чернышев был дьявольски рискованным мальчишкой. Поэтому в этот раз он просто решил: будь что будет, а там куда кривая выведет.

Но Даша не подвела. Она тоже была подготовлена. Имен-

но это владение ситуацией в сочетании со знанием особенностей менталитета присутствующих и беспримерной смелостью и привело к тому, что переговоры закончились сразу после ее речи. СевМорНефть одержала безоговорочную победу. Они даже отозвали несколько пунктов, которые уже были внесены в договор до выступления Даши. Марко Росси остался убежденным в том, что Даша работала под прикрытием, и их совместной с Романом задачей было заманить обоих партнеров на трехсторонние переговоры, ослабить бдительность, а потом расчленив на куски прямо в присутствии всех делегаций, а не в рамках двухсторонних встреч или на обедах без галстуков. Росси решил, что устами Даши с ним говорил сам Роман Чернышев и был покорен тем, что с ним провернули такую смелую комбинацию. Он был способен признать поражение, если оно нанесено оппонентом, достойным уважения. С таким партнером всегда приятно работать. Ведь сила – к силе. Так же, как и деньги к деньгам.

Ну а Гастон Трюдо просто обделался. Посовещавшись с Сильви Пуатье, он какое-то время оставался молчаливым, потом дал ей знак, и она подошла со словами:

– Господин Трюдо очень спешит. Поэтому мы хотели бы закончить с контрактом быстрее. Где подписать?

Роман был сражен наповал. Даша обставила всё так, что главным героем дня становился он сам. А она лишь бросила не него недолгий взгляд, который, наконец, не был печаль-

ным, и, сославшись на усталость, ушла к себе в номер, оставив его, Романа Чернышева, гуру бизнес-переговоров, собирать лавры и принимать поздравления коллег. Никогда раньше он не испытывал такой неловкости от поздравлений...

А потом он опять сорвался в баре. Хорошо хоть не на Дашу, а на Семена. Его женщина уж явно не заслуживала попасть ему под горячую руку, поэтому теперь Романа радовало хотя бы то, что ему подвернулся Семен. А она – стала снова смотреть отчужденно. Директор спецотдела и звезда сегодняшних переговоров всё бы отдал за то, чтобы увидеть в глазах Даши те огонь азарта и интерес, которые читались в них, когда она смотрела на него всего несколько часов назад. Но в баре ее взгляд снова погас. И Роман понимал, что сам был виноват в этом. Ни с того, ни с сего набросился на Семена, как какой-то ревнивый поклонник. А потом, как ни старался, не смог достучаться до Даши. Она совсем от него закрылась.

Роман опять вспомнил:

– Вы даже можете меня взять. Прямо здесь. Или там, как вчера. Вы сильнее, я всё равно в этой битве проиграю, так что даже пробовать не буду сопротивляться. Но так вы только наделаете бед. И себе, и мне.

Почему она так сказала? Почему считала, что он наделает бед? А ведь оказалась права – Роман взял ее, а потом еще и еще. И каждый новый раз лишь заводил их обоих в больший тупик. Он уже не понимал, какое чувство в нем превалирует,

вожделение или мука. И Даша с каждым разом отдалялась всё сильнее. Но не уходила. Пока. Хоть такими темпами всё могло дойти до конца очень быстро. Она могла уйти. Роман каждый день ждал, что Даша это сделает. И тогда он ее окончательно потеряет. Выходит, это была правда – он наделал бед и себе, и ей.

Опять вспомнилась сцена в лифте:

– Вы по-другому не умеете.

Он не умел. Он всё время срывался, всё время всё портил. Ему была нестерпима мысль о том, что в жизни его женщины может быть кто-то еще, кроме него. И как только он слышал или видел что-то, указывающее на это даже косвенно, сразу срывался, хотя до сих пор не имел на нее никаких прав. Такую женщину всегда будет кто-то хотеть. Потому что она – инопланетянка. Даша может выбрать себе любого, а, значит, это вполне может оказаться не он. Но одна только мысль об этом приводила Романа в ярость, и он самозабвенно бросался доламывать то, что было им сломано еще в первую неделю их знакомства.

– Вы – привыкли брать. А мне такие мужчины по гороскопу не подходят.

Но Роман был убежден в том, что именно он подходит ей по гороскопу. Более подходящего человека и в целом мире не существовало. Тогда почему всё каждый раз шло не так? Что мешало ей открыться ему навстречу, уступить своему упрямству. Ведь телом она ему отдалась, значит, в каком-то

смысле пошла себе наперекор? В его голове снова прозвучали слова Даши:

– Роман Сергеевич, не надо думать, что если вам удалось сделать из меня проститутку, то теперь вам удастся сделать из меня дуру.

Отдавшись ему телом, она считала себя падшей. Роман никак не мог понять почему, но он вынужден был принять это как свершившийся факт. Тогда почему Даша отказывалась пойти себе наперекор и в остальном? Почему не давала ему быть с ней нежным? Почему не отдавалась полностью, если физически так хотела? Ведь он чувствовал, что нравится ей не только физически. Он не мог ей не нравиться, так же, как и она не могла не нравиться ему. Они были созданы друг для друга. Тогда что ее тормозило? Его поведение? Бредовая мысль. Оно не помешало ей переступить через себя каждый раз в моменты их близости. Ведь если бы Даша отвергла его в последние дни, он бы уже не смог настоять. Но она не отвергала. Будто насильовала себя, наказывала за что-то. Выходит, Роман был для нее наказанием? От этой мысли он чуть не сдох на месте...

И вот, сегодня. Это неожиданное признание. Она бесплодна.

В первый миг Роман даже не осознал, насколько это ошарашило его. И... расстроило. Так же, наверное, как в случае, если бы он сам получил такой приговор. Да, заводить детей он больше не планировал, но всё же понимание того, что хоть

он их и не хочет, но может завести в любой момент, если передумает, было для него важной составляющей осознания себя полноценным мужчиной. А быть бесплодным, это как быть недомужчиной. И сейчас Роману было абсолютно ясно, какой подавленной от этого должна была себя ощущать Даша. Ведь она женщина, да еще и такая молодая. Такая красивая, умная, образованная. Такая... Кому как не ей оставлять после себя потомство? А для женщины радость материнства должна значить даже больше, чем для мужчины возможность отцовства. Роман порывисто вздохнул. Господи, а ведь в какой ужасной форме он ей таблетки пить предложил:

– И вам следует подумать о контрацептивах. Я же для вас чужак? К тому же из враждебного мира. Значит, с детьми не ассоциируюсь. Это подходит нам обоим.

Роман закрыл лицо руками и опустил голову на колени. Он вспомнил выражение лица Даши в тот момент. Недобрая ухмылка, но в ней тогда так сильно просматривалась обреченность. Конечно! Она ведь бесплодна, а он ей такое предложил! Какой же ведь козел!

К чему в итоге Роман приходит? У Даши какая-то серьезная костная проблема, к тому же она бесплодна. Она пьет таблетки от эпилепсии. Кстати, ему надо повнимательнее обратить на это внимание, он как-то совсем легкомысленно упустил этот момент из виду. Почитает, разберется. И самому неплохо было бы узнать, что он от головной боли пить собирается. Еще Даша говорила, что у нее гонорея. Роман

не поверил ей, но всё же перепроверил. Он жил активной половой жизнью с большим количеством партнерш и иногда прибегал к незащищенному сексу. Конечно, антисептиков никто не отменял, тем не менее пару раз он ловил заразу, причем оба раза были именно от тех женщин, от которых он не ожидал. Поэтому Роман привык раз в месяц-два-три сдавать анализ. По ситуации. Это, конечно, было неприятно, зато гораздо лучше, чем потом глотать антибиотики. С Дашей он не сделал исключения. Их первый контакт был уже больше десяти дней назад, так что в четверг, в день разъездов, Роман заскочил в клинику и сдал мазок. Еще вчера перед переговорами у него был результат. Чисто. Значит, всё ограничивалось бесплодием и заболеванием костей. Он попытался ответить себе откровенно: это его беспокоит? Да. Пугает? Немного. Останавливает? Ответ однозначный: нет. Даша – лучшее, что случилось с ним в жизни, но одновременно с этим и самое мучительное. Поэтому такие пункты, как ее бесплодие и болезнь, в списке проблем в их отношениях после всего того, что между ними было, явно не стояли на первом месте. Там лидировал он сам, Роман Чернышев. Он – именно тот, кто ей нужен, но его женщина отказывается это принять. И на данный момент такая проблема казалась ему посущественнее, чем бездетность или ранняя смерть. Ведь даже, если она ему не родит, даже если уйдет из жизни раньше, у них всё еще будет столько моментов впереди. Но это если только они будут вместе. Если же она уй-

дет из его жизни, то не будет ничего. Роман был поражён: он впервые признался себе: то, что он чувствует к Даше – это, возможно, что-то большее, чем просто желание сделать ее своей. Он хотел быть с ней. Но всё еще не собирался жениться или заводить детей. На этот вопрос он тоже был в состоянии ответить себе откровенно.

Роман был создан для большого бизнеса, он был зубр и осознавал, кем являлся. Почти всю свою жизнь, отдавая работе всего себя, в результате он получал награду. И это делало его еще более преданным своему делу. Именно бизнес и был его горючим, источником жизни и главного удовольствия: понимания того, что он – победитель. Роман прекрасно знал, что для другой жизни не годен. В первые годы брака он пробовал перестроиться и выделить хотя бы какую-то значимую часть жизни для семейного блока. Но это были лишь потуги. Он быстро это понял, и перестал притворяться. В конце концов, обманывать и обманываться никогда не входило в число его привычек. Появление ребенка ничего существенно не изменило. У Романа не было времени на то, чтобы даже нормально осознать, что он стал отцом. Его приоритеты не изменились: главное, отчего он в жизни возбуждается – это лидерство. Он никогда не сможет отодвинуть это чувство на второй план.

Поэтому романтические отношения не могли бы вписаться в его бытие, которое, как известно, и определяет сознание. Роману только недавно исполнилось тридцать шесть, у

него еще вся жизнь была впереди, и он прекрасно понимал, как высоко может забраться на финише жизни, если уже к такому возрасту успел столько добиться. Как бы директор спецотдела не относился к Даше, он знал себя и не хотел обманывать ни себя, ни ее. Хотя... Ей он об этом мог просто не сообщать. Иначе точно уйдет. А этого он не хотел. И даже немного боялся.

Сев в машину, Роман впервые после Рима обратился к Даше:

– Давайте адрес, сначала вас завезем.

Он-то, конечно, прекрасно знал ее адрес. Он его уже до дыр заучил... Но только ей об этом сообщать не планировал...

– Роман Сергеевич, просто высадите меня возле метро. Я сама доберусь. Так будет удобней.

Удобней кому??? Роман был озадачен. Видимо, Даша не хотела, чтобы он знал, где она живет. Чтобы держать его подальше от себя. А то вдруг станет докучать ей не только на работе, но и дома, в единственном месте, где она могла от него отдохнуть... Такого уж никто бы не был в состоянии выдержать. Роман совсем выдохся. Он больше не мог бороться с ее отчужденностью и сказал водителю, чтобы тот остановил у метро.

Даша вышла, безэмоционально бросив:

– До свидания, Роман Сергеевич.

И спустилась в метро.

Придет в понедельник? Или всё, амба? Роман обратился к водителю:

– Вот скажи мне, Саша... бывало у тебя, чтобы ты так с женщиной накосячил, что не знал как к ней после этого подступить?

Тот удивился. Долго сидел, соображая, что ответить.

– Роман Сергеевич, такое со всяким может случиться.

– И что делать в такой ситуации? Что обычно люди делают?

– Обычные люди обычно бросают это дело.

– А необычные? Вот ты – обычный или нет, скажи мне?

– Я – наверное, обычный.

– И ты бы бросил?

– С такой, как она – нет.

Приехали... Ее и водитель успел заметить! Хотя ездили вместе всего пару раз. Но он в офис поднимался, может, там общались? И уже, наверное, на «ты» перешли, как с Семеном. Есть вокруг него хоть один самец, который бы остался безразличным к его женщине? Он бы сейчас, пожалуй, от такого не отказался.

– Почему?

– Не знаю, Роман Сергеевич. Просто есть что-то такое в Дарье Игоревне. Отстраненность, что ли. Помните, как у Пушкина: «чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей». (прим.: вольная трактовка цитаты из «Ев-

гения Онегина» А.С. Пушкина, «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»). Так вот это правило и в противоположном направлении тоже работает. С мужчинами, имею в виду.

Да уж... Что за людей он на работу набирает? У него и водитель оказался по Пушкину... Это где же он его такого образованного откопал? Сам того не зная... Их, наверное, таких на всю Москву от силы человек сто... Роман подумал о том, что он фактически ничего не знает о Саше, хоть тот и работает у него уже больше двух лет. Как же он живет, что все люди вокруг просто внешняя обстановка? Но тут же ответил сам себе: не он такой, жизнь такая. Бытие определяет сознание.

– И что бы ты сделал?

– Не знаю. Сначала, наверное, извинился бы. А потом сказал, что нужна.

– А если это бы не подействовало?

– С такой, как она, наверное, не подействовало бы.

– Так зачем тогда это делать?

– А вы можете сообразить что-то лучше? Я – нет.

Роман вздохнул.

– Я тоже не могу.

Они замолчали. Уже подъезжая к дому, Саша сказал:

– Роман Сергеевич, вы ей нравитесь. Иначе она бы уже ушла. Не думаю, что для Дарьи Игоревны проблема найти другую работу. Значит, она из-за вас не уходит. Пробуйте.

Всё получится. У кого же, если не у вас?

Роман снова вздохнул.

– Ладно, Саша, на завтра ты мне не нужен. Вечером позвоню.

– Спасибо, Роман Сергеевич, до свиданья. Не отчаивайтесь.

Вечером Роман позвонил Пинкертону. Тот отозвался быстро:

– Добрый вечер, Роман Сергеевич!

– Встретил?

– Да, как договаривались.

– Где появилась? Надеюсь, дома?

– Вы в четверг наш разговор отложили на воскресенье, так что кое-чего не знаете.

Роман вспомнил, что они, и правда, говорили в четверг перед вылетом. Разведчик звонил ему с первым докладом, но Роман его отшил. В тот день не было ни минуты свободной, а Даша уже выезжала в его сторону на такси, так что дело вполне терпело до их возвращения. Обратный вылет планировался не раньше воскресенья, но двусторонних встреч и дополнительных переговоров не потребовалось. И Роман отменил римскую программу на субботу. Он не хотел давить на Дашу и решил вернуться на день раньше. Из аэропорта он сообщил сыщику, что девушку неплохо было бы встретить.

– А что, там что-то серьезное?

– Не так чтобы, но кое-чего важного вы о ней не знаете.

– Слушаю.

– Она не живет с отцом на Динамо.

– А с кем она живет?

– Одна. У нее квартира на Ходынке. В относительно новом доме. Я по Росреестру проверил через своих. Пару месяцев, как сделка зарегистрирована. Восемьдесят метров. Так что она дама с приданным.

Такие мелочи Романа уже удивить не могли. После итальянских переговоров он был готов даже к тому, что у Даши палаццо в центре Рима.

– А еще она в четверг после работы ездила на Динамо. Но не к отцу. В соседний дом зашла, и вскоре появилась с каким-то ребенком. Девочка, лет семи. Я в детях не очень разбираюсь, так что с возрастом могу ошибиться.

Лена. День рождения. Платье из «Детского мира». Еще одна запись из блокнота расшифровалась.

– Ваш объект как раз там и всплыл. Пока они с ребенком гуляли во дворе. Подошел, с девочкой поздоровался, та его, видимо, знает. Улыбалась. А вот девушка ваша несильно обрадовалась. Руки не распускал, так что я просто рядом курил, не вмешиваясь. Разговор можно в двух словах описать так: «Пошел бы ты подальше, козел! Нет, милая, я хоть и козел, зато твой до гроба». Но, видимо, при ребенке она сдерживалась, углубляться в тему не стала. По разговору у меня сложилось впечатление, что за девушкой вашей увязался ка-

кой-то не вполне здоровый субъект. Вел себя очень вызывающе. А ваша, прикрываясь ребенком, дошла до машины, села и уехала. Так понял, не хотела с ним наедине оставаться. Девочка сказала, что дойдет сама. Ваша закрылась в машине, дождалась, пока ребенок в подъезд зайдет, а потом уехала. А он стоял возле водительского окна и скалился на нее. Даже мне не по себе стало. Как только она с места тронулась, резко рванул в соседний двор, прыгнул в машину и давай за ней. Но не успел. Ее уже не было. А я дорогу знал, так что встретил ее возле дома. Машина стояла.

– Кто он?

– Подколзин Андрей Валентинович, девяноста пятого года рождения. Машина на него зарегистрирована. Гимнаст. Батутист. Они у одного и того же тренера занимались. Я по спортшколе прошелся, кое-кто их вспомнил. Они тогда встречались.

Роман на минуту задумался.

– Мне нужны их личные дела. Меня интересуют медицинские карты того времени. В первую очередь ее. Но заодно, раз пошла такая пьянка, можно и его.

– Попробую. Но очень советую вам, девушку одну не оставлять. Она должна быть под присмотром. Очень неприятный тип.

– Пока вы за ней присматриваете.

– Так, я думал, мне сейчас нужно им в первую очередь заниматься? Ну и медкартами.

– Да. Но девушка в основном на работе. У вас достаточно времени, пока за ней присматриваю я.

– Понял. Как будет что-то новое – позвоню.

Сон опять не шел. Роман думал о Даше. В Риме она всё время была уставшей. Или оттого, что не выспалась, или оттого, что ее измотало постоянное преследование. Теперь было очевидно, что она пряталась от этого типа. А в офисе ее преследовал он. И как она до сих пор всё это выдерживала? Да еще при этом по работе была на высоте. Всё же она у него удивительная... Даша... Роман так измотался, что, наконец, уснул. В эту ночь эрекция обошла его стороной.

Утром в воскресенье он внезапно вспомнил про отметку в календаре: сегодня было двадцать пятое, у Даши на повестке было кладбище. Он позвонил разведчику.

– Где вы?

– За вашей девушкой еду.

Роман выдохнул. Значит, не опоздал.

– Она сегодня собиралась на кладбище.

– Понял. Наберу, если что выясню.

Роман целый час ждал звонка. Пока, наконец, не услышал сигнал.

– Слушаю!

– С вас ремонт моей машины.

Он сделал паузу. Закуривал.

– Тип ее на кладбище встретил. Имя потом пробью, за-

рубку оставил, завтра вернусь к памятнику, когда она на работе будет. Как его увидела – сразу развернулась. Я пошел следом, потому что тип сел ей на хвост. Пришлось этот хвост ему прищемить. Фара, крыло и бампер. Счет вышлю, когда обсчитаю.

– Отлично. А она?

– По адресу послал напарника. Никого не было. Тогда попросил его до Динамо доехать. Девушка там была, машина у подъезда. Сообразительная. Поняла, что дружок еще долго будет занят. Видимо, решила навестить отца.

– Хорошо. Что дальше?

– Не волнуйтесь, он за ней присмотрит, пока я его не смею. Кладбищем и документами займусь завтра, когда вам ее передам. И еще. Сцена была безобразная. Он ее возле машины догнал, полез. Она – давай отбиваться. Бушевала, что мне аж за его жизнь страшно стало. А потом схватила какой-то камень, что на дороге валялся, и в него запустила. Я тут засомневался. Подумал, может, мои услуги по защите больше не ей будут кстати, а ему? Но это так, шутка юмора. В общем паренёк увернулся, и камень ему в лобовуху прилетел. Он расстроился еще сильнее и поехал за ней. Я их после такого наедине оставлять побоялся.

Утром понедельника Роман был сам не свой. Пока не позвонил сыщик: она всё же выехала в сторону офиса. Значит, на работу придет. От сердца отлегло. Но ненадолго. Разве у

них может быть гладко?

Почти сразу после начала рабочего дня их с Дарьей вызвал генеральный. Явились тут же. И там Романа ждал очередной сюрприз.

– Ну здравствуйте, Дарья Игоревна! Очень приятно познакомиться! Наслышан о вашем совместном с Романом Сергеевичем успехе на римских переговорах. Вот решил, что пора бы мне самому на вас посмотреть. А то до этого только слышал. Ну, что молчите? Расскажите мне что-нибудь!

Роман нахмурился. Это было не к добру. Ему еще только генсека на пути сейчас не хватало, а к чему тот подгрел стало ясно с первого взгляда. Даша сказала:

– Спасибо. Но должна вас предупредить о том, что есть одна не очень хорошая новость.

– Да? Какая?

– Гастон Трюдо теперь кровный враг СевМорНефти. Генеральный посмотрел на Романа.

– И как так вышло?

Дарья ответила:

– Издержки переговоров. Но мы с Романом Сергеевичем подумали, что СевМоре сможет это пережить. Тем более, что, на мой взгляд, таких, как Трюдо лучше иметь в кровных врагах, чем в расхрабрившихся товарищах. Полезнее, когда они знают свое место.

Генеральный долго смотрел на нее. И моргал. Так долго, что Роману захотелось подойти и вмазать.

– Откуда такой вывод?

– Долго с французами работала. Мелкий народ по большей части. Самовлюбленный и слишком зацикленный на себе. Этот, по крайней мере, – такой. Не люблю их. Даже больше, чем англичан. Но, вероятно, потому что с теми не работала. Надеюсь, и не придется.

Генсек улыбнулся.

– Думаю, что нам нужно вместе поужинать, Дарья Игоревна. У вас очень интересные взгляды. Я бы хотел с ними подробнее ознакомиться.

Роман не сдержался:

– Дарья Игоревна, Петр Павлович, ужинает только со мной.

Он уперся в генерального таким грозным взглядом, что тот даже немного смутился. Но его смущение продлилось недолго.

– Ну это можно уточнить у нее! Всегда есть возможность выкроить для старого человека хотя бы один вечер на неделе.

Ха! Это он-то старый?! Если только в смысле стажа. А в этом деле стаж еще никому не вредил. Но гендир продолжал давить:

– Я хочу к вам присмотреться. Вы же на подмену вышли? Понимаю, ассистентская работа не для вас, на такой должности вам на постоянной основе не место. Мы могли бы обсудить другие варианты вашего трудоустройства.

Роман был уже близок к температуре кипения:

– Петр Павлович... вопросы трудоустройства моих сотрудников обсуждаются только со мной. Я достаточно ясно выражаюсь?

Генеральный никогда не выдерживал его напора, если им доводилось схлестнуться. Не выдержал и сейчас.

– Ну я могу только предложить. Дело, конечно, ваше, Дарья.

Она вдруг сказала:

– Я могу поужинать с вами в среду вечером, перед мурманской командировкой Романа Сергеевича.

И повернулась к своему нена начальнику:

– Вы волнуетесь, что у меня будет мало времени на подготовку вашего визита, совершенно правильно волнуетесь. Времени действительно мало. Но до вечера среды я успею.

Дарья снова посмотрела на гендира:

– К сожалению, другого времени у меня не будет.

Тот расцвел:

– Думаю, я смогу выкроить...

Но Роман договорить ему не дал. Он схватил Дарью за запястье и сказал более громко, чем следовало:

– В среду с Дарьей Игоревной ужинаю я. Нам нужно детально обсудить командировку, в которую она едет со мной. А сейчас простите, после переговоров, столь важных для компании, нам нужно вернуться к делам. Их накопилось очень много. Настолько, что времени на ужины ни у меня, ни у МОЕЙ ассистентки до конца года не будет.

Роман, даже не взглянув на опешившего генерального, вытолкнул ее за дверь. И волоком потащил через этаж, не обращая внимания на реакцию изумленных прохожих. Дарья спотыкалась и немного прихрамывала. Он затащил ее в лифт. Сердце бесилось в груди, но он держался. На этаже снова схватил за запястье и потащил в сторону спецотдела. Дарья едва слышно вздыхала и ойкала. Он обернулся и только теперь заметил, что она хромала. Роман схватил ее в охапку и влетел в приемную, затем в кабинет, отпустил Дарью и захлопнул двери.

Он повернулся к ней лицом. Девушка стояла и смотрела в глаза. Роман подлетел, схватил ее за плечи и стал трясти.

– Что ты творишь? А? Что, я тебя спрашиваю?

Дарья молчала. Он перешел на крик:

– Что ты творишь, я тебя спрашиваю?

Резко вырвалась, пошла к двери. Он поймал ее за руки, оторвал от пола и понес к дивану. Стала вырываться. Роман бросил ее на диван и навалился всем телом. Даша отбивалась что было сил, и в пылу борьбы они сползли на пол. Роман прорычал ей в лицо:

– Что же ты за баба такая? Что за баба невыносимая? Влезла мне в голову, чтобы на ломтики там всё покромсать...

Роман рвал на ней белую блузку, пытаясь проникнуть под нее. Даша впервые по-настоящему отбивалась. Откуда в ней только взялось столько сил? В таком хрупком на вид теле? И он вдруг перестал. И она перестала. Они обнаружили се-

бя полулежащими на полу. Роман стоял на коленях, а Даша сидела на полу, упираясь в спинку дивана. Она немного отстранила директора и подтянула к себе ноги, согнув их. Он обнял ее за колени, прижался к ним лицом и вдруг насторожился. Под широкими штанинами что-то прощупывалось. Даша впервые надела такие брюки, обычно она предпочитала облегающую одежду, которая шла к ее фигуре. Он запустил руки под штанины, собрал их наверх. На Даше были ортопедические наколенники. И Роман тут же вспомнил, как она хромала, когда он тащил ее по коридору.

Он поднялся на ноги, отвернулся к окну и взялся за лицо. Пока директор какое-то время так стоял, Даша встала и вышла, закрыв за собой двери. Роман подлетел к ним и с рыком впечатал кулак что было сил в одну из створок. На поверхности появилась трещина. Он выдохнул и развернулся к окну. В этот момент директор спецотдела и увидел жену. Она стояла в дверях переговорного зала и смотрела на него. Но Роману было всё равно. Он открыл дверь и дал ей знак, чтобы уходила. Софья покачала головой и сказала:

– Теперь всё ясно.

И у Романа выключились тормоза. Он заорал:

– Что тебе ясно? А-а???? А-а-а-а-а!!!!

Серия ударов о дверь прозвучала гулким эхом в приемной.

Софья тихо добавила:

– Всё.

И ушла.

Даша вошла через десять минут полной тишины. Роман стоял спиной к ней и смотрел в окно. Он не слышал ее шагов, лишь почувствовал, как она дотронулась до спины. Обернулся.

– Сядьте, Роман Сергеевич.

Молчание. Смотрит в пол.

– Я руку посмотрю.

Роман смотрел на нее. Не мог перестать.

– Что тебе до моей руки?

– Вы работать не сможете. Я пока еще ваш ассистент.

Он усмехнулся. Но грустно.

– Пока... Ты мне об этом с первого дня напоминаешь. Что всё это временно. Сделала из меня неврастеника. Всё это последствия... твоего поведения.

– Сядьте.

И он повиновался. Даша поставила на стол аптечку из секретарского стола. Достала антисептик и перекись. Взяла его руку в свою. Роман подумал о том, что по сравнению с его, Дашина была совсем маленькой... Она стала промакивать раны ватой, смоченной перекисью. Потом залила антисептиком. Наверное, ему в тот момент было больно, но Роман не чувствовал. Ничего, кроме ее руки. Холодной, слегка дрожащей. Он смотрел на Дашу. То на руку, то ей в лицо. И не хотел, чтобы это заканчивалось.

– Сильно разбили.

– Ты мое сердце разбила. Пофиг на руку.

Она посмотрела.

– Роман Сергеевич, вы когда-нибудь бываете серьезным?

Прозвучало грустно.

– Я всегда серьезный. Особенно сейчас. Что, не видно?

Снова вниз взглядом уперлась.

– Давайте перебинтую. Под пластырем не будет дышать.

– Тогда клей пластырь. Я как тебя встретил – весь не дышу. Зачем для руки делать исключение?

Даша замерла.

– Обалдуй вы, Роман Сер...

Он поцеловал. Нежно. Неглубоко. И почти сразу отстранился. Всего через шесть секунд, ну или семь. Максимум восемь. Он пробовал считать, но потом сбился. Но всё же заставил себя отстраниться.

– Ты бинтуй, а не разговаривай. Даша.

И она стала бинтовать. Молча. Не дыша. Или это только он сейчас не дышал. А так хотелось бы, чтобы и она...

– Блузку не порвал?

Она помолчала. Потом всё же ответила, не поднимая глаз:

– Так, пару пуговиц чуть не оторвали. Но, крепко пришиты. Висят.

Он тихо выдохнул.

– А я, оказывается, животное...

Тоже умолк. Но всё же спросил, что хотел:

– Даша, тебе больно было сегодня. Пока я тебя... тащил в общем. У тебя колени болят? Почему?

Она долго молчала.

– Да. У меня это периодически. Когда устаю. И когда нервы.

Теперь он молчал.

– Прости меня за всё. Очень хочу, чтобы ты меня простила. И иди давай. Работы много. Рука до свадьбы заживет.

– Вы женаты.

– Осталось недолго.

В дверь постучал Летучий.

– Доброе утро, Роман Сергеевич! Дарья Игоревна... Можно?

Роман посмотрел на Дарью.

– Идите, Даша.

Она забрала аптечку и вышла. Так и не поднимая глаз. И даже с Виталием забыла поздороваться.

– Проходи. Слушаю.

Заместитель бросил внимательный взгляд на трещины и потянулся к двери.

– Оставь открытой.

Прошел, сел. Помолчал немного.

– Мне сейчас сорока на хвосте принесла, что сегодня утром Пал Петрович от вас в небольшом шоке.

– Да насрать. Пусть. Ему это полезно для разнообразия. Чтобы форму не терять. А то вокруг одни лизоблюды.

Летучий молчал.

– Что ты на меня так смотришь? Пусть попробует уволить!

Я тогда этот отдел с корнями из СевМоря вырву, перееду на соседнюю улицу, положу на асфальт и пущу их самостоятельно.

– А что с рукой?

– Бандитская пуля. Даша называется. Давай по Уренгою...

26. Даша

Как Даша и хотела, ее лучшее платье сработало. Только вот сработало оно совсем не так, как Даша хотела...

Их первый раз случился во второй понедельник ее работы в СевМоре. Прямо с утра. Роман набросился на нее, не успев войти. Она так безумно хотела его, что толком и понять не успела, насколько неправильно всё происходит. Он рвал ее на части, а она его. Даша не могла объяснить, как такое могло случиться с ней, всегда державшей всё под контролем.

У нее так давно не было мужчины... Обычно после длительного перерыва всё происходило более размеренно, подготовленно, что ли. Даша была хрупкая девушка, и длительное воздержание приводило ее тело в состояние, близкое к девственному. Поэтому после года отсутствия в ее жизни мужчины всё должно было пройти совсем не так. Или это навредило бы ей. Так Даша считала. Но оказалось, что она заблуждалась...

Она почувствовала такой экстаз, что теперь и представить себе не могла, что с ним ее первый раз мог бы пройти иначе. Каждый звериный оскал Романа на ее коже вызывал в ней мурашки, провоцировал на ответ, и Даша отвечала. Она еще никому никогда так не отвечала. А он всё целовал. Точнее пожирал. Кусая губы, втягивая язык так глубоко, что ей казалось еще немного, и она задохнется. И постоянно сжи-

мал ее плоть. Так яростно, что она ныла от... желания, чтобы он продолжал. Когда же всё произошло, у Даши по телу прокатилась такая нервная волна, что она почувствовала что-то на грани между наслаждением и болью. Жжение во всех мышцах. Уколы иглками. Невыносимо – стерпеть, удержать невозможно. И тут же оргазм. Сразу, всего через несколько секунд. Нет, так не бывает! Она больше ни о чем не думала, просто отключилась. Скрылась в своем внутреннем мире, как йог, чтобы осмыслить, что чувствует, и продлить этот миг, незабываемый и, вероятно, неповторимый. Нет, такое не может случиться, а если и произошло, то лишь единожды за целую жизнь. Даша даже не помнила, как она что-то кричала ему на ухо, заламывая руки, а потом снова зарываясь в его волосы: сознание отключилось от вспышки молнии, прорезавшей тело снизу вверх.

Она снова очнулась, когда Роман отстранился. Быстро, обдуманно, видимо, так же, как и всё, что он делал. Даша как по щелчку заставила себя включиться. Этот механизм был выработан годами, встроен в ее мозг. Она знала, что лучше перебдеть, чем быть застигнутой врасплох. Спрыгнула. Достала из сумки салфетки. Появился Роман. Поднял одежду, открыл замок парадной двери и ушел к себе. Будто ничего не было.

Даша, не успев еще осознать случившегося, механически двигалась, пытаясь начать рабочее утро. Будто ничего не было.

Но ведь было.

Вдруг на миг захотелось разрыдаться. Но она не могла себе этого позволить. Не дождутся. Она, наверное, и так умрет рано, но сделает всё, чтобы не доставить им удовольствия и сдохнуть еще раньше. Она умеет держать нервы на поводке. Научилась. Иначе боль начинает одолевать. Нет. Злобный гном будет сидеть в погребке. На цепи. Для этого всего лишь нужно разозлиться самой. Значит, надо разобраться в том, что случилось, чтобы понять, что привело ее к такому исходу. И тогда она обязательно разозлится.

Даша стала думать.

Роман пришел без галстука. Закатывал рукава, не снимая запонок. Что это значило? Только одно: он знал, что сделает и подготовился заранее. Чтобы не тратить лишние секунды своей драгоценной жизни. Даша подняла юбку. На ногах кое-где проступили синяки. Подошла к зеркалу. Спустила с плеча платье. Еще два синяка от пальцев. На шее небольшой след от засоса и два маленьких кровоподтека. Волосы сегодня убирать нельзя. Хорошо, что длины хватает, отметины будут скрыты. Лицо без видимых следов, только губы искусаны. В одном месте вырван маленький кусочек. Но Даша зализает ранку, и никто ничего не заметит. Зимой ее губы часто искусаны. Они всё время слоятся, их приходится таким образом полировать. Руки ниже рукавов были в порядке.

Теперь Даша отчетливо ощущала боль. Больше всего в районе бедер и предплечий. А ведь она ничего не почувство-

вала во время того, что случилось... Господи, что это с ней вообще было??? Как она могла допустить такую ошибку?

Стало очевидно: Роман всё задумал именно так. Взять Дашу как дворовую собачонку, непосредственно возле ее конуры, растерзать и бросить. Желательно прямо на морозе. Пусть сгниет, видимо, кому-то от этого станет легче. Так, наверное, этот человек представляет себе отношения между мужчиной и женщиной. Он ведь сказал ей в пятницу, что с ней хочет сделать всё по-другому. Интересно знать, как бы он это сделал в своей манере, если «это» и было в его понимании «по-другому»?

И Даша разозлилась. Очень сильно. Она поиграет с ним в эту игру. Уже разослала резюме в несколько компаний. Как только от кого-нибудь придет ответ, она просто больше не выйдет на работу. А пока будет приходиться сюда столько, сколько понадобится. Если этот человек решил, что так он ее ломает, то он плохо знает, что такое Дарья Чернова. Именно так, «что такое». Она уже давно не человек. Она – это явление. И кое-кто может пожалеть о том, что оно с ним произошло.

Но шок дал свой эффект. Мышцы стало немного сводить. Хорошо, что ни колени, ни стопы, ни руки пока не болели. Даша подошла к зеркалу. Первый признак налицо: она сильно бледна. Надо спуститься в буфет и хорошенько поесть или она не доедет до дома. Там – благословенные таблетки. Надо принять хотя бы одну, лучше перебдеть...

Романа она не видела до второй половины дня. Они общались исключительно по внутренней связи. Но после обеда было совещание в большой переговорной – комнате, смежной с его кабинетом. Даша сидела в углу и молчала. И считала часы до конца работы. Таблетка. Таблетка...

Вечером дома она сняла свое любимое платье, бросила его в угол и забыла о его существовании. Больше любимым ему уже не быть. Долго стояла под душем. Зеркала в квартире еще не было, но и без него Даша видела, что буквально вся покрыта синяками и кровоподтеками. И ей стало противно от самой себя: она, видимо, больная. Мазохистка. Раз могла кончить от такого зверства. Да еще как кончить! Ей явно требуются другие таблетки... Но она приняла эту. И легла спать. Гном сидел на цепи, и ничто не предвещало бури. Даша была зла как черт, и это было залогом заточения мерзкого карлика.

Во вторник Роман в офисе не появился. В среду планировался визит мурманского филиала, а ее босс как-то забыл сообщить ей детали. Что ж, это даже к лучшему! Даша покажет этим заваливающим нефтяникам, как надо делегации встречать. Только нужно уточнить насчет бюджета, а то вдруг она им закатит банкетик президентского уровня для персоны, которую в московском СевМоре и за человека-то не считают? Нет, Даша никогда так не работала. Она зла на босса, но вредительством заниматься не станет. Слишком мелко, не ее стиль. Она сделает всё наоборот: убьет наповал своим

профессионализмом. Чтобы впредь знал, что оттрахал не какую-то дворняжку, а породистую сучку из каталога чемпионов.

И она позвонила секретарше Маслаченко. Расспросила как и что: где обычно столуются, чем любят поразвлечься после. А потом спустилась в бухгалтерию и пошла напрямую к своей... старой знакомой Кларисе, чтобы напомнить, что с нее должок. Помощница Эллы тут же отвела ее к Ольге, второй Дашиной туалетной подружке, и объяснила ситуацию: нужны экспенс-отчеты по гулянкам мурманского филиала в последние два приезда. Но без визы князя тьмы на запросе. Та глаза выкатила и чуть на месте не испарилась. Пришлось объяснять, что цифры нужны для того, чтобы случайно не сделать перерасхода. Ведь если Даша переборщит с масштабом трат, то прилетит и им: Элеонора Андреевна жизни не даст как минимум до нового года. Ольга сломалась, чему, правда, сильно поспособствовала Клариса. Без нее Даша первую не убедила бы. Так секретутка князя тьмы получила всю нужную ей информацию.

У нее уже было забронировано три ресторана и четыре афтерпати, теперь оставалось только отменить ненужные. Выяснилось, что если бы она делала всё на свой вкус, то всё равно бы угадала, но Даша не привыкла работать наобум. Она предпочитала перепроверять каждую мелочь. Анатолий Маслаченко был любитель морепродуктов. Она – тоже. Так что ее любимый ресторан подходил как нельзя луч-

ше. Но насчет этого пункта программы она была уверена и так. Сомнения вызывал лишь конноспортивный и банный комплекс: не слишком ли круто для мурманского филиала? Но оказалось, что на Анатолии Маслаченко ее босс никогда не экономил, так что и с конноспортивным банным комплексом Даша вполне укладывалась в бюджет.

Во второй половине дня она сделала несколько звонков своим знакомым. Первый был хостес ресторана «Владивосток нашей эры», второй – виайпи банщику из конноспортивного. Даша напомнила о себе и предстоящем мероприятии. Вознаграждение за работу шло отдельной строкой бюджета, она самолично подобрала меню блюд и парений так, чтобы двадцать процентов от общей суммы оставалось на чаевые: у нее не было никакого желания весь вечер висеть на трубке, расхлебывая мелкие неприятности, которые обязательно бы возникли, если бы она не закрепила за мероприятием материально заинтересованных смотрящих. У таких муха не пролетит. Даша легла спать с чувством... очень приятным. Представляя себе лицо Романа, когда он всё увидит. Она ему еще, гаду, покажет! Сейчас заснет и, наконец, нормально выспится. А он, гад, после такого приема, спать-то вряд ли уснет. Самовлюбленный гад. А она вот прямо сейчас как возьмёт и как погрузится в сон... Вот только еще немного позлорадствует.

Заснула Даша под утро. Но несмотря на то, что поспала всего несколько часов, встала бодро. И на работу шла... уве-

ренно. С мордой кирпичом. В платье с высоким горлом, чтобы никто не заметил, как грубо ее недавно поимели. Косметики – ноль. Прическа – чтобы ни волосинки не торчало. Она никогда больше не даст ему ни намека на то, что желает его. А он, даже если будет выть от желания, никогда больше ее не получит. Она – явление на его голову. Но осознание этого пусть доходит до гада медленно.

Конференцию с Лердони проводил Семен. Даша еще не была полноценно к ней готова, но старалась включаться и под конец начала неплохо ориентироваться в том, что и как. Семен к ней клеился, но делал это топорно. Рубаха-парень, не в ее вкусе, поэтому она держала его на расстоянии. Тот это понимал и границ не переходил. Не то что один гад из здесь присутствующих. Даша кожей его чувствовала, но никогда не смотрела. Она на него не посмотрит. Никогда больше, не дождётся.

Ночь прошла как под копирку с прошлой – в самолюбованиях и предвкушении мурманского банкета. Спала Даша еще меньше, гад не давал. Тыкался ей в лицо своей самовлюбленной будкой, которую Даша теперь представляла только по воспоминаниям, родом из понедельника. С того утра она больше так ни разу на него и не взглянула.

В четверг гада прижало. Услышала высшая сила ее молитвы. Не возжелай беды ближнему своему, чтобы беда не возжелала тебя. Воистину библейские мудрости вечны и безупречны. Правда, Даша не была уверена, что эта мудрость

оттуда... И не задумывалась о том, что сама сейчас ближне-
му тоже не добра желает. А за это иногда случается божья
кара – гном может сорваться с цепи и выбраться из чулана...

Даша помилосердствовала. Дала ему таблетку. Пусть по-
ка поживет. Рано ему еще помирать. Надо, чтоб подольше
помучался.

Хорошо же она по нему прошла, молодец, девочка! Ха!
Гуру бизнеса! Да настолько, что со своей головной болью
разобраться не может. Начал бы, что ли, хоть с похода к вра-
чу... Если Даша угадала его мелодию с первой таблетки, зна-
чит, там всё не так уж и запущено. Просто он, как и боль-
шинство мужчин, не утруждает себя лишними походами по
врачам. Зачем? Пусть лучше голова оторвется к чертям со-
бачьим.

А потом ей даже спасибо откололось. Как только у бед-
няжки перестала болеть голова, так он сразу как взял, как
подобрел, и спасибо налево-направо раздавать начал. Одно
досталось Даше. Только вот рано он ее благодарит. Если Ро-
ман так впечатлен избавлением от головной боли, что же с
ним будет после мурманской встречи?

Этой ночью Даша приняла снотворное. В третий раз под-
ряд засыпать с мордой гада перед глазами она не могла. Гном
потихоньку работал напильничком. Но Даша пока об этом
не знала. Или просто не хотела знать.

Утро пятницы ее немного... огорчило. От мурманского
филиала не последовало никакого фидбэка. Ноль обратной

связи. Неужели эти хоть брось их нефтяники не почувствовали разницы? Как-то не верилось. Но всё же вдруг? Фирма-то из топа, вся столичная мажорщина спит и видит пролезть в такую хоть тушкой, хоть чучелкой. И всё же странно, что никто не обратил внимания на ее старания. Было даже как-то обидно. А днем, уже после отъезда делегации, появился ее босс с какой-то женщиной. Почти сразу Даша поняла, что это была его жена. Очень красивая. Ей самой такие формы никогда не снились, навсегда останется худосочной. Одета – просто блеск. Каракулевого пальто с наброшенной на плечи бурой лисой: Даша давно о подобной мечтала, но такой мех встречался ей всего пару раз, и в те моменты у нее никогда не было достаточно денег. Роман помог жене раздеться, обнял за талию и любовно прошелся по спине. У Даши тоже прошлось по спине. Она и не ожидала от себя такой реакции. А потом... Он попросил ее принести кофе...

Картина того, как Роман целовал жену, произвела на Дашу неизгладимое впечатление. Это было так... осмысленно, чувственно, по-настоящему и настолько отличалось от той имитации любви, в которую они с Романом играли, что на нее накатило чувство безысходности. Даша-то, может, и явление, но никогда ни для кого не станет кем-то значимым. Она – виагра, она – алкоголь, она – химикат, будоражащий кровь. Но, как и у любого из вышеперечисленных веществ, срок ее действия сильно непродолжителен. Никто из ее мужчин никогда не целовал ее так, как это сейчас делал Роман со

своей женой. В его поцелуе было что-то серьезное, сокровенное, вероятно, по-своему он любил эту женщину. Она ведь была матерью его ребенка, с ней он прожил долгую жизнь и их, наверняка, многое связывало. А кто для него Даша? Временное умопомешательство? Которое, к тому же продлилось настолько недолго, что после этого его даже так стало трудно назвать. Слишком громкое слово для описания того, что к ней чувствовал Роман. А что чувствует она? Всё еще злится на него? А, может, на себя? За то, что тогда испытала... Нет, злости больше не было. Ее вытеснило ощущение тоски. Гном допилил свою цепь.

Когда двое закончили любовные утехы, маленький гадкий человечек в засаленном колпаке уже прочно поселился в душе у Даши. Что-то оборвалось. Вторая чашка, заказанная боссом, уже не могла произвести на нее большего впечатления, чем первая. Поэтому Даша просто поставила ее на стол и ушла. Правда, руки немного дрожали. Снова придется принять таблетку.

Она еле досидела до четырех. Отчего-то теперь находиться возле него стало просто невыносимо и Даша, привыкшая действовать, а не молчаливо подчиняться судьбе, решила, что больше не может здесь быть. За выходные, возможно, она отойдет. Но сейчас – нет. И она пошла к Роману. Разговор закончился странно. Неожиданно для нее самой. На вопрос кто он для нее, заданный Романом Сергеевичем Чернышевым, нужно было ответить просто: никто. Но поче-

му-то с губ сорвалось странное и неведомо откуда взявшееся: непредсказуемый из враждебного мира чужак. В этом заключалось столько боли, что Даша была сражена своим откровением побольше Романа. Но и он тоже был сражен. Отреагировал странно. Стоял в приемной пока она не оделась и не ушла. Как-то совсем не вязалось с его статусом божества.

Там, в приемной, Даша впервые с понедельника пару раз на него посмотрела. Долго, внимательно. В первую очередь, чтобы понять, что чувствует сама. Что чувствовал он, ее теперь не заботило, слишком уж этот кроссворд был сложным для того, чтобы она стала пытаться его разгадать. Только бы время потеряла, а результата всё равно никакого бы не было. И вот, посмотрев в глаза этому человеку, который так странно и больно рассек ее жизнь пополам – на «до» и «после», Даша поняла, что не смогла вытеснить своей влюбленности злостью. Так неправильно и глупо. Так странно и на нее не похоже. Так бессмысленно и погребально. Ведь Даша погребет себя под этим чувством. Тело будут мучить боли, мышцы адски болеть по утрам, кости ссыхаться и хрустеть, суставы не разгибаться. Всё это снова с ней случится, как всегда, при сильном нервном напряжении. А он между тем будет спать с женой, массажисткой, любовницей или кем-то еще, с кем ему вздумается. Пора было завязывать с этим. Даша не привыкла сдаваться. Она должна побороть влюбленность, которая становилась такой нездоровой. Но она не будет сбегать отсюда, прятаться от него и себя. Она просто по-

бедит. И лишь тогда уйдет. Иначе потеряет самоуважение.

В этот день был прыжок, а потом второй. И Даша будто снова проснулась: уверенность в себе в миг вернулась, а в окружении старых друзей она почувствовала себя такой счастливой... Пусть они редко виделись, пусть она сейчас избегала встреч, чтобы не попадаться лишний раз на глаза Андрею, пусть эти ребята были из прошлой жизни, которой у нее больше никогда не будет, но всё же Даша чувствовала себя кому-то нужной. Эти люди не смотрели на нее как на кусок мяса, их интересовала она сама. Серега был давно женат, еще с института, но всегда подкалывал ее, когда видел. Поэтому Даша иногда называла его занозой. Паша Рябков вообще полжизни прожил с ней в одном подъезде. Он был ей как брат и так помог, когда стало известно о болезни. Жалел ее. Но не жалостливо, с пузырьком под ноздрей, отчего ей только стало бы противно, а как-то глубоко и по-настоящему, не произнося громких слов. Он мог просто обнять, и сразу становилось легче. Паша всю юность был ей хорошим другом, а сейчас вот тоже недавно женился, но относился по-прежнему, как настоящий человек. А Игорек всегда был молчуном, стеснительным душкой. Он и сейчас не изменился: молчал в основном, когда они в клубе приземлились, но от одного его присутствия становилось тепло и по-домашнему спокойно. И Даша расслабилась, вволю наболталась, а потом ушла на танцпол. Ребята вскоре уехали, ведь дома их ждали жены. А вот Дашу дома никто не ждал. И она осталась. Решила, что

сегодня будет танцевать до упаду, а там – будь что будет.

Когда среди мелькающих лиц ей показалось, что она увидела знакомое, Даша даже отшатнулась. Нет. Она не ошиблась. Это был он. Подошел. И сразу вспомнил о том, что у него есть руки. Насколько же это всегда было в духе Андрея...

– Тебе Серега слил, что я буду?

– Зачем тебе это знать? Чтобы в следующий раз лучше прятаться? От меня всё равно никуда не денешься.

– Да пошел ты!

– Ой ли, скóлько ли рáз ли, да я ли это слышал?

– Андрей, отвали, дай потанцевать.

– Давай вместе потанцуем! Я соскучился очень!

Даша оттолкнула его:

– Отвали, сказала!

– Ты такая красивая, когда злишься! Меня это еще больше заводит.

– Как ты банален.

– Это не банальность, это правда. Дашка, я соскучился – пипец! Прямо здесь, в туалете тебя бы и...

– О! Хорошая идея! Давно я в туалетах не трахалась.

Мысль пришла мгновенно. Даша давно заметила, что за ней пристально наблюдает один амбал. Андрей был парень крепкий, абы кем от него было не отбиться. Даша стала разыскивать этого человека среди толпы. Он не был в ее вкусе, но не был и безобразный. Обычный парень, вполне даже

из себя приятный. Но Даша никогда не понимала, как можно спать с первым встречным, который не вызывает к себе никаких чувств, пусть даже и неприятных. Секс возможен только тогда, когда мужчина поднимает внутри волну. Но с Дашей что-то случилось. Она мысленно, как ни пыталась об этом забыть, всё время возвращалась к тому, что сделал Роман. А появление Андрея просто стало последней каплей. Выхватив здоровяка из толпы, она подошла и приблизилась к его уху:

– Привет! У меня есть предложение.

– Весь внимания!

– Секс. Прямо здесь, в туалете. Вижу, как смотришь. Но есть одно «но». Скажу честно, я этого не планировала. Но могу рассмотреть по схеме «услуга за услугу». Если ты в принципе не против такого опыта, то я объясню подробнее. Если нет, так и скажи. Я просто уйду. Понимаю, что всё это странно выглядит.

– Да уж, поворот! Объясни, даже интересно стало!

– Мне помощь нужна. Ты парень крепкий, но одного этого недостаточно. Нужно, чтобы еще оказался не робкого десятка. Ко мне бывший прицепился, отцепить не могу. Достал. Хочу его так отбрить. Но он драчун. Может полезть. Если тебя это не смущает, то готова прямо сейчас.

– Хм, думал такое только в фильмах бывает... Ну ты и оторва!

– Ну и отлично! Я же к тебе в жены не набиваюсь? А для

того, что предлагаю – это даже лучше. Должно сильней возбуждать.

И она прошла языкком возле его мочки. Шея мужчины напряглась под ее рукой.

– Допустим, убедила.

– Презерватив есть?

– Как чувствовал. Взял.

– Ну тогда пошли.

Еще по пути в туалет Даша ощущала себя грязной. А там... Она чуть не зарыдала от нахлынувшего на нее чувства уныния. Ее новый знакомый быстро остудил пыл Андрея, всё же сегодня она пала не зря, ее ставка сработала. Амбал вырубил забияку: может, Андрей хоть ненадолго от нее отстанет? Даше сейчас только его еще не хватало...

Когда всё кончилось, она со стоном выдохнула. От радости, что это теперь история. От отчаяния, что... Роман-то был с любимой, а что только что сделала она? И что? Полегчало? Но нужно было держаться. Только не при Андрее. А то еще, чего доброго, решит, что это она из-за него так убивается.

Сказала ему всё. А он обрадовал: теперь переезжает в Москву насовсем. Господи! А она-то хотела в скорости уйти из СевМоря, вернуться домой, к отцу, пока ремонт не закончен и в январе спокойно искать работу с деньгами в кармане. До зарплаты ей оставалось всего две недели. За это время она постарается победить в себе Романа Чернышева

и дожить-таки до момента, когда получит расчет. Тогда Даша не выйдет на работу на вполне законных основаниях: не потому, что сбежала от него и своих чувств, а потому, что истек срок действия их с боссом соглашения. Андрей перед Новым годом должен был уехать обратно. А сейчас? Что ей было делать?

Даша разрыдалась только дома. Так сильно, что до самого рассвета не могла успокоиться. А утром не смогла встать с кровати от боли. Болело всё: мышцы рук, предплечий, бедер. Болела шея, спина, а в груди просто адски сверлило. Но пока не болели колени. Даша стала снова принимать таблетки три раза в день.

За воскресенье ее немного отпустило. К утру понедельника боль осталась только фоном. Но на работу пришла уже не Даша, а только ее тень. Она устала от своих переживаний.

Утро пролетело в заботах об итальянской командировке как у господина Чернышева, так и у его ассистента. Он, ассистент, даже остался без обеда, что в теперешнем его положении было непозволительной роскошью. В ее положении. Даше надо было больше есть, чтобы компенсировать прием таблеток, который теперь снова становился регулярным. После четырех она улучила момент и выскользнула из приемной, чтобы позвонить отцу. Он беспокоился, что Даша совсем не приезжает, звонил всё утро. Такое с ним бывало нечасто. Поэтому, как только прекратились хождения к Роману в кабинет, она прошла по узкому коридорчику, веду-

щему к технической зоне, встала в самом конце, возле окна – там ее не должны были обнаружить, – набрала номер отца.

– Привет! Ну погоди, помолчи, дай сказать. Меня в пятницу ночью нашел Андрей. После вышки. Наверное, кто-то из ребят случайно проболтался. Поэтому я не приехала. Позвонить?.. Ну прости... Позвонить не могла. Устала очень на работе, настроения не было. Но у меня всё хорошо.

Пока отец что-то говорил, Даша молчала. Вдруг почувствовала тепло за спиной. И как она его раньше в отражении стекла не заметила? Обернулась. Стоит почти вплотную. Так близко от нее не был с того дня. С прошлого понедельника. И сегодня понедельник. Не зря говорят, день тяжелый. Даша быстро сбросила вызов. После работы перезвонит, объяснит.

– Не отвечаете, значит, на личные звонки во время рабочего дня...

– А здесь что, рабовладельческий строй? Отойдите, пожалуйста, я выйду.

Даша попыталась пройти, отстранила Романа. И тут же попала. Он поймал ее руку и завел за спину, нависнув над ней. Сердце заколотилось, но Даша попыталась сохранить спокойный вид.

– Роман Сергеевич, дайте мне выйти, пожалуйста.

– Да-а-а-а... ты меня всегда так любезно проси! Чтобы я не мог тебе отказать.

Он произнес это нараспев, прямо ей на ухо. По Даше мурашки забегали. Но, слава всевышнему, Роман тут же отпу-

стил ее и вернулся обратно к главному коридору. Даша сделала несколько глубоких выдохов, успокоилась. Вроде отпустило. Вышла следом. А он у стены стоит. В расслабленной такой позе, как кот, валяющийся на полу после приема мыша. Только тот лежит, а этот стенку подпирает.

– Принесите мне кофе, пожалуйста.

Повернулся, ушел к себе.

Даше это новое настроение ее шефа очень не понравилось, но она вернулась и сделала кофе. И только успела показаться в дверях его кабинета, как Роман вышел в приемную. Даша насторожилась, но кофе отнесла, а когда возвратилась обратно к своему столу, он сидел на его крае. Может, кот еще не пообедал? – мелькнула мысль в ее голове. Она напряглась всем телом, однако решила игнорировать Романа. Его непредсказуемость уже давно стала притчей во языцах, так что один бог знал, что именно было на уме у этого человека именно сейчас. Может, он там просто присел отдохнуть? Устал очень. День ведь был не из легких. И Даша просто пошла к своему столу.

Но, видимо, кот в тот день еще не ел...

Когда он прижал ее к себе, Даша попыталась отстраниться. Как всегда, не вышло. Она вообще-то на это не очень рассчитывала. Роман всегда брал, что хотел, так что сейчас всё зависело не от ее поведения, а лишь от того, что он замыслил в данный момент. Но Даша не хотела близости с ним и повторила попытку.

– Отпустите!

– А если нет?

Она попыталась высвободиться и сильно дернулась в сторону, но зря. Только распалила. Если до этого еще и оставались шансы, что интерес Романа к ее телу был недостаточным, то сейчас исход был предрешен.

Прижал к столешнице. Упер руки по бокам. Собрал юбку наверх. Сдернул колготки. Расстегнул ремень.

Даше казалось, что это какой-то механизм. Отточенные движения, будто по инструкции работал. И всё желание, которое в ней возникло сначала в коридоре, а потом и здесь, стоило ей увидеть его, поджидающего свою жертву, разом исчезло. Ожидание его прикосновений было таким волнующим, что от него кровь закипала, как Даша не боролась с собой, но последующее поведение этой запрограммированной секс-машины убило всё разом: в нем не было ничего сексуального, ничего человеческого. И у Даши в теле снова заняли от боли все мышцы. Она тупо существовала в пространстве как полудохлая рыба. И только в глаза смотрела. Даже интересно было, разглядит там что-то новое или нет? Или нет.

– Что с тобой?

Не ответила. Тогда он остановился, сменил позу, прижал ее спиной к стене. Поднял руки над головой, впечатал в штукатурку. Даша очнулась. Теперь ей было совсем больно, и она вспомнила о сопротивлении.

– Только не делай вид, что не хочешь. Знаю, что хочешь. Взял за подбородок. В глаза смотрит.

– Не обманешь меня. Знаю, что хочешь.

Даша отвернулась.

Носом в висок уперся. Вдохнул. Хотел ее, видно. Только вот она этого совсем не ощущала, какой-то резиновой куклой себе казалась. Было больно. Лишь неясно, в каких мышцах больше – тела или мозгов.

Когда всё закончилось, он еще долго не отпускал ее, вдыхал запах волос, Даша чувствовала тепло возле виска. И продолжал сдавливать тело, прижимая к себе. Но как только расслабил руки, Даша выскользнула. И стала протирать себя салфетками. Так же технично, как недавно он сам, приступая к своему обеду. Теперь она тоже робот. Только вот с памятью. А хотелось бы, чтобы без.

Роман ушел в кабинет. Но ненадолго. Вскоре Даша услышала звук. Это был он. Шваркнул о столешницу коробку салфеток.

– Не убирайте их, Дарья Игоревна. Теперь это будет происходить часто, а каждый раз бегать в кабинет за салфетками мне неудобно. Да, и сделайте-ка мне еще кофе. Тот уже остыл.

Даша осела в кресло и стала тупо пялиться в монитор. Чувств не было. Вдруг вспомнила. Кофе. Сделала. Отнесла, на стол поставила.

– И вам следует подумать о контрацептивах.

Это был удар ниже пояса.

– Я же для вас чужак? К тому же из враждебного мира. Значит, с детьми не ассоциируюсь. Это подходит нам обоим.

Она повернулась и медленно ушла.

– И бронируйте на пятницу самолет. На встрече в Риме мы должны появиться не позднее трех часов дня. И дверь в приемной откройте.

Это уже вслед прозвучало.

Как до дома доехала? Непонятно. Как-то. Видно, домашний маршрут у людей-роботов вшит в подкорку программы.

Ванну. Набрала.

Легла.

Холодно.

Долго пролежала?

Не заметила.

Снова горячую включила.

Как же холодно!!!

Спустила часть, стала набирать снова. Кипяток надо, быстрее. Согрелась.

Она – шлюха. Что ж... И такое бывает.

Где-то в ее поисках рыскает Андрей.

А новой работы всё еще на горизонте нет. Ни одного ответа на разосланные резюме. Фантастика! Или нет? Может, судьба? Рок. Фатум. Чертополох. Чернышев.

Приняла таблетку. А через полчаса – снотворное. Может, больше не просыпаться? Нет. Таких мыслей она, даже сделавшись роботом, себе не позволит. Она будет жить. Всем назло. В том числе и себе.

Во вторник и оторопь, и спутанность мыслей прошли. Голову заполнила подготовка к Риму. Дел было по горло. Даша и раньше спасалась работой. Надо было попробовать этот способ и в этот раз.

При очередном разговоре с Витторией, ассистенткой Марко Росси, гендира Италисты, она случайно нащупала интересную тему. У Даши всегда был превосходный итальянский. Она знала его досконально, вплоть до владения местным фольклором и идиоматикой, что было редкостью среди русских. Виттория заинтересовалась новой ассистенткой Романа еще при их первой беседе. Даша искренне любила итальянцев, понимала их на уровне чутья и часто без труда могла расположить к себе. И те отвечали ей взаимностью. Вдруг во вторник Виттория обмолвилась, что сын Франческо, первого зама ее начальника – крупный владелец недвижимости на Искье и на Сицилии. В том числе в Таормине, а это был самый топ. Даша заинтересовалась и решила проверить по своим каналам. Потом подняла политическую справку по Италии, посмотрела статданные, межотраслевой баланс за двадцать второй год и распечатала себе кое-какие цифры. Вдруг пригодится? За делами она не заметила, как пролетел этот

день. Романа она не видела, даже если он и мелькал где-то рядом. Даша закрылась и ушла в себя.

Она поняла, что происходит, когда щелкнул замок двери в приемной. Даша подняла голову и увидела Романа. Всё ясно. Вчера ему понравилось. Хочет повторить.

Что делать? Выброситься из окна? Догонит, не даст. И тогда снова будет борьба, боль, ломота в мышцах. Нет. Она постоит. Как вчера. Ей теперь не привыкать.

Встала. Вышла из-за стола. Приняла ту же позу. Возле стены. Так его, наверное, возбуждает. Но глаз поднять не смогла. Его видеть... мука.

Подошел. Обнял. Приник к шее. Сердце застучало.

Распустил волосы. Внутри заныло от тоски. Даша не знала почему. Лучше бы он ее ударил.

Стал гладить по волосам. По спине муравьи опять побежали.

Взял за шею. Поцеловал. Даша замерла от... непонимания того, что происходит.

А Роман всё продолжал целовать. Ненастойчиво и так... нежно? У Даши всё внутри сжалось.

По щеке проскользил, будто ветер коснулся. По ключице. Даже сквозь платье почувствовала. За талию обнял. И к себе привлек. Ближе.

Даша совершенно потерялась. Она не заметила, как стала отвечать на поцелуи Романа. На них нельзя было не ответить. Это было самое чувственное из того, что когда-либо

случалось с ней в жизни. Роман едва касался, но это обжигало не меньше, чем то, что так жгло ее в первый их раз. Ведь чуть не спалило тогда. А сейчас ничто внутри не полыхало. Просто жгло. Томно и упоительно. И даже мышцы перестали болеть. Точнее, они всё еще ныли, по удовольствию перекрывало боль.

И тогда он развернул ее лицом к стене. Заскользил вниз. Дотронулся до колена. А потом снова вверх, а потом обратно. И так снова и снова, почти не касаясь. Даша вся покрылась мурашками.

Шепот в волосах:

– Я – чужак. Но непредсказуемый. И так тоже умею.

От звука его голоса, такого сексуального, нежного, у Даши все волосы на теле потянулись к солнцу. Тогда он, будто почувствовав, сделал это снова. Своей ее сделал. Только не так, как было у них раньше. И Даша безумно захотела его опять.

Но вдруг она подумала о том, что сейчас он впервые целует ее, как тогда жену. Даша распахнула глаза и быстро пришла в себя. Просто сегодня Роману Чернышеву захотелось именно так. А под рукой была она, Даша. Подъем быстро спрыгнул в падение. Через несколько секунд она была так далеко от того, чтобы кончить, как это было буквально... вчера.

Ночь прошла в обнимку с болью. Начинали давать о себе знать мелкие суставы. Нет, они еще не болели, но просто те-

перь Даша снова вспомнила, сколько именно крутящих моментов было в ее теле. Она чувствовала их все. Встала. Приняла еще одну таблетку. А еще жгли мышцы – все как одна, и от этого Даша не могла уснуть. Она потихоньку сторала изнутри.

В среду Романа как подменили. Таким озорным Даша его еще не видела. Да уж, непредсказуемость... Этого человека никогда нельзя было предугадать.

Он смотрел на нее с каким-то... веселым трепетом, одновременно и с искрой юмора, и с нотами ласки. Даша так устала от его многоликости, что не понимала даже, что чувствует. Тем не менее на заднем дворе души становилось хоть чуточку не так тоскливо. Но только на заднем. В парадной хозяйничал злобный гном.

Пришел Виталий Летучий. Он, как Даше показалось, от своего начальника обалдел даже сильнее нее. Почему-то сказал, что рад за них обоих... Даша опять ничего не понимала. А Роман хохотал, как Санта Клаус в европейских торговых центрах накануне Рождества. Совсем, видимо, сбрендил. Радовало, что она хоть не одна такая была.

Когда Даша вернулась на свое место, вдруг осознала себя улыбающейся. Этот человек не мог оставить ее равнодушной ни к чему из того, что он делал. Она не ожидала, что Роман может быть вот таким: озорным, несерьезным, наплевавшим на условности. Она-то думала, что образ героя-злодея, жи-

вущего лишь на высокой горе – это его тюремная камера, и при всём желании он никогда не сможет ее покинуть: должность обязывает быть всегда в образе. Оказалось, что она не смогла прочитывать его и в этом. Роман умел быть разным, он плевал на образ, и осознание этого снова пришлось ей по сердцу. Роман Чернышев был уникальный мужчина, ни одно человеческое существо не смогло бы остаться к нему равнодушным, поэтому и Даше не стоило так себя корить за то, что она не устояла, ведь тоже была лишь человеком.

Этой ночью она впервые нормально уснула. Правда, поспать долго не получилось. Проснулась через четыре часа, опять вся полыхающая. Мышцы горели. Даша встала, приняла таблетку и снова уснула. Только на два часа. Но по сравнению со всей последней неделей это было хоть что-то.

Четверг прошел в плотной подготовке к Риму. Роман в офисе не появился, и Даша, закончив дела на полчаса раньше, решила уйти с работы. Она захотела увидеть Лену, ведь потом опять еще долго не получится.

Мармеладка так обрадовалась, когда ее увидела, что чуть не расплакалась. Уткнулась ей в шею и сказала:

– Привет! Почему так давно не приходила?

– На работу устроилась, времени совсем нет. Но не могла не зайти. Не знаю, получится ли перед Новым годом, поэтому решила сделать тебе подарок заранее.

Даша достала из сумки пакетик с купальником. Протянула Лене. Та вытащила, посмотрела. Глаза расширились от восторга.

– Это мой чемпионский. Я в нем первый юниорский город выиграла. Из реставрации уже две недели как забрала, но всё никак доехать не получалось.

– Тетечка Дашечка...

– Какая я тебе тетечка? Договорились же!

– Спасибо!

И обняла так крепко, что у Даши чуть слезы на глазах не навернулись.

– Пусть будет и тебе к победе.

Лена так и стояла, обняв.

– Ладно, пойду я, Ленушок-петушок.

– Не уходи так быстро. Давай хоть во дворе погуляем. Ну хоть десять минут! Пожалуйста!

Даша знала, что это была не самая лучшая идея. Андрей остановился в своей квартире в соседнем доме. Оттого она и не приезжала сюда. Слишком близко от него. Но она так давно не видела Лену, что сломалась.

– Ладно. Давай. Только ненадолго. Мне скоро домой нужно.

– Я быстро!

И убежала в квартиру. Даша ждала на лестничной клетке. Недолго, всего минуту. А потом они гуляли во дворе.

– Лена, тебе деньги нужны?

Мотаает головой, не нужны.

Ага, конечно, не нужны! Никогда не признается!

– У меня сейчас с ними тоже проблема, но, если будет очень нужно – звони. Что-нибудь придумаю. Знаю, как тебе без денег. Помогу. Надеюсь, скоро полегче станет. Когда с работой наладится.

– У нас есть деньги.

Помолчали.

– Мать пьет?

– Сейчас нет. Перед Новым годом держится. А на праздник меня не будет. От школы поеду.

– Значит, тебя в списки включили?

Кивает.

– Какая ты у меня молодец!

Обняла.

И вдруг нарисовался Андрей. Даша вздохнула. Господи, как же она устала от этого всего...

– Привет, гимнастёрка!

Это он Лене. Ребенок заулыбался. Знал бы кому...

– Привет, Чернова!

– Привет, Подкожин.

Он рассмеялся.

– Надо же, как ты здорово меня... Прямо в точку.

Подмигнул. Так бы глаз и выколола.

– Гуляете, значит? Так вот, мирно, беззаботно, ничего не подозревая? А вам, красивым, так нельзя! Всегда ведь кто-

нибудь увязаться может. Поэтому я решил за вами присмотреть.

– Присмотрел. Руки-ноги – на месте. Твоя миссия выполнена.

– Моя миссия – быть всегда рядом!

У Даши сегодня на всё это не было сил. Она сказала девочке:

– Лен, мне ехать надо.

Та кивнула.

– Ты домой иди.

– Где твоя машина?

Даша показала рукой.

– Я с тобой дойду. Хорошо?

И они втроем дошли до машины Даши.

– Ну давай, пока! Если не увидимся – удачи тебе!

Обняла.

– Спасибо, тетя Даша!

– Ну какая я тебе тетя? Давай, не грусти. Надеюсь, скоро увидимся.

И тут же прозвучал голос Андрея:

– А я-то как на это надеюсь!

Захотелось броситься на него с кулаками. Но не при Лене же?

– Пока!

– Пока.

Даша села в машину и тут же нажала на центральный за-

мок. Завела двигатель.

Лена пошла в сторону подъезда. Даша ждала, пока девочка зайдет внутрь. Как только это случилось, она резко тронулась с места. Андрей рванулся к своей машине. Это было последнее, что она видела. Выехав на Ленинградку, скрылась в потоке машин.

В квартиру поднялась буквально чтобы переодеться. Покидала кое-какие вещи в сумку, вложила в нее папку с документами и вызвала такси. Скоро был вылет в Рим.

В самолете спала. Если так можно было назвать то, что она делала. Рядом с Романом Даша вряд ли когда-то сможет уснуть. Но сон имитировала. Во всяком случае, шеф, слава богу, считал, что она спит.

Вдруг почувствовала его прикосновение. От неожиданности даже дернулась, но себя не выдала. Он нежно гладил ее по щеке. А потом укрыл пледом. И Даша ощутила его теплое дыхание возле своего уха. Роман долго не отстранялся. Внутри снова всё сжалось. Погладил по волосам. И еще раз поправил плед. Больше до прилета он ее не беспокоил. Теперь было точно никак не уснуть...

До отеля доехали быстро. В машине Даша опять... спала. И в лифте бы спала, если бы у людей бывала привычка спать, стоя в лифтах. Но такой привычки у них не было, поэтому Даша просто смотрела в пол. Хорошо, что с ними ехал портье. Войдя в номер, она тут же закрылась на замок. И теперь

попробовала уснуть. Правда, попытка и на этот раз оказалась не очень удачной...

Даша не выпалась катастрофически. Последняя неделя ее так измотала, что бледность становилась уже неестественной. К тому же она еще додумалась надеть белое платье и белое мохеровое пальто... И косметики никакой не взяла. Не хотела краситься, чтобы Роман не подумал, что она старается ему понравиться. Была бы ее воля, даже платье бы вчерашнее надела. Она как с понедельника в него влезла, так и не снимала. Самое плотное из ее платьев, оно сидело как перчатка, и даже Роману пришлось бы потрудиться, чтобы порвать его или как-то под него подлезть. Даша и сама его еле с себя снимала. Так она старалась хоть каким-то способом защитить свое тело от посягательств. Пусть она не может сделать так, чтобы Роман перестал им пользоваться, но сделает всё, чтобы делать это он мог только в строго отведенном для его любимого занятия месте. Больше ему не достанется ничего.

Но платье-футляр бутылочного цвета было в ходу уже четыре дня подряд. Даша больше не могла его надевать. Да и в Риме стояла значительно более теплая погода. В зеленом Даша бы запарилась. Поэтому она переделалась в белую шерсть.

Утром он вызвал ее к себе в номер. Даша вздохнула. Пошла. И там случилось это.

Он начал нежно, но, не дождавшись ее ответа, опять озверел. Кинул на диван, навалился и снова сделал ей больно. Она пробовала хотя бы отвернуться, но Роман не дал. Заставил смотреть в глаза. И она смотрела. Едва не расплакавшись. А потом ушла.

Надо было что-то делать. Всего за несколько часов до таких важных переговоров Даша была на грани истерики. Она спустилась в бассейн. Хорошо, что купальник додумалась взять. Прямо как знала...

Плавание помогло. Даша снова подмаслила гнома, чтобы он еще хоть ненадолго продолжил держать себя в руках. А на переговорах она, наконец, вернулась в свою стихию. Будто ничего и не было. Будто она всё еще была тем самым явлением, имя которому – Дарья Чернова. Как хотелось продолжать в это верить!

Но торжества она не испытала, слишком многое случилось за последние дни, это помешало насладиться победой. После своей речи, когда уже подписывались, Даша бросила взгляд на Романа. Он смотрел на нее... с уважением. Да-да, именно так, ей не показалось. Хотя она уже думала, что больше ни в ком не в состоянии вызвать к себе такого чувства. Даша встала, откланялась, поднялась к себе в номер и почти уже отключилась, но заснуть ей не дали. Семен не хотел принять отказа. Просто волоком утащил ее в бар на соседней улице.

Юристы прбыли недолго. Вскоре они остались втроем,

и Роман сорвался на Семене. А тот просто взял и в ту же минуту свалил. Ну почему все вокруг так боялись ее шефа? Что он с ними сделал? Наслал фактор страха? Она никогда не спасётся от этого мужчины. В мире не найдется ни одного желающего встать на ее защиту против этого... бронетранспортёра.

А потом было это:

– Ну что ты за человек такой? Зачем ты себя так ведешь?

– Как именно? Говорю правду? Вас это смущает?

– Ты понимаешь как. Всё время иголки выпускаешь. И шанса мне не даешь что-то изменить в наших отношениях.

– А у нас с вами что, оказывается, уже отношения?

Усмехнулся. Вздохнул.

– Я хочу, чтобы были.

Ага, как же! Отношений он хочет...

– Роман Сергеевич, не надо думать, что если вам удалось сделать из меня проститутку, то вам теперь удастся сделать из меня дуру.

Замер. Даше показалось даже, что смутился. Нет, показалось. Такие никогда не смущаются.

– Даша... Всё у нас не заладилось как-то... С самого начала...

– Вы удовлетворены результатами сегодняшних переговоров? Если да, то могу я у вас попросить кое-что для меня сделать в качестве благодарности?

Но он ей отвечать не собирался. И Даша попробовала

спрыгнуть со стула.

Не дал. Обнял. Так порывисто и крепко, что теперь и она немного смутилась. Прижался лицом к волосам. Совсем как влюбленный. Разве такие влюбляются? Нет. Тогда что всё это такое – игра? Но зачем ему? Стал бы он так заморачиваться?

– Почему ты такая? Почему всегда ершишься? Не видишь, как я отношусь к тебе? Неужели такая дура? Уже и спать не могу, если не был с тобой. Хочу тебя постоянно. Никого так не хотел.

И Даша всё поняла. Снова желание. Только секс, ничего более. Она никогда не была в состоянии вызвать ни в одном мужчине чего-то большего. Зато хотели они ее исправно, и Роман не стал исключением. Он просто испытывал вожделе. Что ж, это нестрашно, его он всегда удовлетворит. Не с ней, так с кем-нибудь другим. А вот она так и останется просто влюбленной в него. Господи, как же ей всё надоело...

– Я прошу вас. По-человечески прошу. Если, конечно, в вас есть хоть что-то человеческое... Пожалуйста, оставьте меня хотя бы сегодня. Я так устала...

Сжал сильнее. Надолго замер. А потом отпустил.

И Даша ушла.

Как прошла эта ночь, она не помнила, потому что помимо таблеток приняла еще и снотворное. Наверное, в какой-то момент оно подействовало...

Утром Роман снова позвонил ей в номер. Попросил лекарство. Даша взяла пластину, в ней как раз оставалась последняя таблетка, пошла к нему. Он застыл на пороге с вопросом в глазах:

– Это ваши?

Даша молчала.

– Так, может, вам самой нужно? Я потерплю как-нибудь.

– Берите, Роман Сергеевич.

Стоит, смотрит задумчиво.

– Я не подумал как-то... Вам противозачаточные принимать можно?

– Они не понадобятся. Я бесплодна.

Даша вдруг разозлилась. Протянула блистер и чуть не крикнула:

– Таблетку возьмите!

Развернулась и быстро ушла. Чтобы не заплакать раньше времени.

Роман позвонил по внутренней связи через час.

– Даша, собирайтесь. Через час вылетаем.

– Я собрана.

И положила трубку.

В машине и самолете молчали. Лишь в Москве он предложил довести ее до дома. Щас! Она прямо спит и видит дать ему свой адрес! Вместе с номером квартиры и слепком ключа.

чей. Сказала, что поедет на метро, он не стал отговаривать. Даша выдохнула, у нее и на словесную перепалку больше, казалось, не хватило бы сил.

Дома сразу легла. Прямо так, в семь вечера, не умываясь. Только и хватило сил, чтобы платье с себя стащить и белье. И, наконец, уснула.

Утром проснулась рано. Был день смерти Людмилы Борисовны. Даша поехала на кладбище. А там ждал Андрей. Господи, когда же всё это кончится...

Даша развернулась и, так и не дойдя до могилы, быстро пошла обратно к машине. Почти бегом. Андрей догнал, стал руки распускать. Даша несколько раз съездила ему по морде. Отстал, дал выйти с территории. Но возле машины опять начал лапать. И ее глаза застелила пелена ярости. Что толком было, не помнит. Отбилась от него как-то. Отскочила. Камень какой-то на дороге увидела. И кинула ему в голову, прицельно, размахнувшись, вложив в бросок всю силу, которая в ней еще оставалась. Увернулся. Камень ударил в лобовое стекло его Сеата, оно полностью покрылось трещинами.

Даша быстро прыгнула в машину и дала по газам. Слышала, как Андрей орал что-то вслед, потом начал преследовать. В висках стучала раскалённая кровь. Даша задыхалась от приступа ярости. Она вжимала газ в пол и ехала шашкой. Пролетела на красный. Но следом был еще один светофор. Даша посмотрела в зеркало заднего вида. На предыдущем

перекрестке в зад машины Андрея влетел какой-то умелец. Спасибо, брат!

Даша приехала к отцу. Выкурила три сигареты подряд. Зажевала жвачкой. Поднялась.

– Привет, пап! Можно я у тебя немного посплю? А ты рядом посидишь.

Отец, казалось не узнал ее.

– Даша, что с тобой? Ты такая бледная!

– К Людмиле Борисовне ездила на кладбище. Там Андрей меня ждал. Я ему в голову камень запустила. Если бы не увернулся, наверное, убила бы. Стекло разбила. Его машины. Потом он еще в аварию попал. Так что часа два на сон у меня есть.

Отец молчал.

– Даша, может, тебе следует обратиться к ментам?

– Ага, пап. Классная идея! Только я ею не воспользуюсь, прости. Рано. Обратимся, когда я его всё же убью.

– Даш...

Она попробовала улыбнуться.

– Ладно, пап, не бойсь. Всё нормально будет. Просто я устала от него. Не будет же он всю жизнь за мной таскаться? Надоест, отстанет.

– Давай я с ним поговорю.

– Ни в коем случае. Я знаю, как ты с ним поговоришь, и чем этот разговор кончится. Ты мне нужен здесь, на воле. Помни, у меня кроме тебя больше никого нет. Ты не можешь

меня оставить, не забывай. Я – твой крест. Так что терпи. Если он меня совсем достанет, я сама что-нибудь придумаю. Только не влезай. Прошу.

Задумался. Покачал головой. Не убедила...

– Эх, Данька... Ладно, пока не буду. Но если это будет и дальше продолжаться, то я тебе ничего не обещаю.

– Пап, посиди со мной, пожалуйста. Погладь по голове, как в детстве. Я так спать хочу...

И он сидел. И по голове гладил. И она уснула.

Но всё же вечером взяла кое-какие вещи и вернулась на Ходынку, хотя так не хотелось. Даша совсем измучилась от одиночества.

Утром в понедельник их с Романом вызвали на ковер. Даша впервые видела генерального так близко и с глазу на глаз. Ну, почти, ее шеф не считался.

Павел Петрович почти сразу сделал ей предложение о работе. На горизонте замелькал реальный шанс вполне официально покинуть приемную господина Чернышева, и Даша решила за него зацепиться. С самой первой секунды ее разговора с бигбоссом Роман был в гневе, Даша слышала, как натянуто звучал его голос. Но она должна была попробовать, второго шанса судьба-злодейка могла ей не дать. И она приняла предложение отужинать с генеральным, но постаралась сделать это максимально корректно, чтобы не поставить сво-

его шефа в неловкое положение.

Когда Даша повернулась к нему лицом, чтобы объяснить, что ее согласие не помешает подготовке к его командировке, то увидела, что Роман вот-вот сорвется в бездну. Она не хотела становиться источником его проблем с начальством, но и бездействовать тоже не могла. Она должна была от него оторваться.

Но Роману Чернышеву и море было по колено. Он прервал генерального, да и вообще вел себя так, будто на самом деле сам им и был. А потом схватил ее за руку, вытащил из кабинета и поволок в свое гнездо.

Вчера после инцидента с Андреем у Даши заболели колени. Поэтому сегодня она надела свои шаровары. Под ними не было видно наколенников. Роман тащил ее по коридору, а она от боли даже не могла нормально идти. Тогда он сгреб ее на руки, решив одним махом и эту проблему.

Занес, поставил на ковер в кабинете, захлопнул двери. Подлетел, схватил, процедил яростно:

– Что ты творишь? А? Что, я тебя спрашиваю?

Но Даша молчала. Просто смотрела в глаза. Он закричал:

– Что ты творишь я тебя спрашиваю?

Она вырвалась. Пошла к двери. Но тут же оказалась оторванной от пола и вскоре приземлилась на диван.

Навалился. Стал блузку рвать. Зарычал прямо в лицо:

– Что же ты за баба такая? Что за баба невыносимая? Влезла мне в голову, чтобы на ломтики там всё покромсать...

Даша ничего не помнила, потому что не помнила себя от ярости. Второй по счету срыв за два дня. Вчера – с Андреем, сегодня – с ним. Она еще никогда в жизни ни от кого так самозабвенно не отбивалась. Но внезапно Роман остановился, и у Даши тут же как будто села батарейка. Ярость стала отступать. Она не заметила даже, что, пока боролись, оба сползли на пол. Роман обнял ее за колени и тут же что-то почувствовал. Собрал штанины наверх и увидел наколенники. Он порывисто вздохнул, встал и отвернулся, схватившись за лицо. И Даша, пользуясь случаем, быстро сбежала. Едва выскользнув из кабинета, она услышала, как в дверь прилетел его кулак. Звук был оглушительный, она даже сжалась от неожиданности и испуга.

Даша села за стол и попыталась успокоиться. Вдруг скрипнул замок кабинетной двери и после послышались голоса. Его крик, переходящий в ор, несколько ударов об дверь и женский голос. Там, в кабинете, кроме Романа был кто-то еще. Вскоре загадка разрешилась: в проеме показалась его жена, бросила взгляд, повела бровью и ушла.

Настала полная тишина. Было слышно только, как один раз всхлипнул монитор. Даша долго сидела в полном вакууме, но потом в ее голову всё же стали проникать какие-то мысли. Роман не был похож на человека, склонного к подобным срывам. Значит, они оба были на грани. И часть вины в происходящем Даша за собой признавала. Она давно могла уйти, и тогда всего этого не случилось бы. Она вспомнила,

что в секретарском столе как-то наткнулась на аптечку. Открыла дверцу, вытащила ее на свет божий. Как раз подходящий набор...

Даша тихо подошла и дотронулась до его спины. Еле-еле, и всё же он почувствовал. Обернулся. Но в этот момент она не смогла заставить себя посмотреть на него. Глядя в пол, сказала:

– Сядьте, Роман Сергеевич. Я руку посмотрю.

Его голос:

– Что тебе до моей руки?

– Вы работать не сможете. Я пока еще ваш ассистент.

Звук усмешки. И снова голос. Грустный голос:

– Пока... Ты мне об этом с первого дня напоминаешь. Что всё это временно. Сделала из меня неврастеника. Всё это последствия... твоего поведения.

– Сядьте.

Он сел. Даша смочила вату перекисью и принялась промакивать рану. Его рука была горячая. Особенно это чувствовалось на фоне контраста с ее рукой – холодной, синюшной, почти прозрачной. Костяшки его были сбиты, и Даша долго делала свое дело.

– Сильно разбили.

– Ты мое сердце разбила. Пофиг на руку.

Посмотрела в глаза. Не смогла не посмотреть. Взгляд его был грустный, такой же, как и голос в начале их разговора.

Но сейчас Даше показалось, что в последней реплике промелькнула ирония.

– Роман Сергеевич, вы когда-нибудь бываете серьезным?

Смотрит также грустно. А голос выдает ноту озорства.

– Я всегда серьезный. Особенно сейчас. Что, не видно?

Даша взяла антисептик. Залила руку.

– Давайте перебинтую. Под пластырем не будет дышать.

– Тогда клей пластырь. Я как тебя встретил – весь не дышу. Зачем для руки делать исключение?

Сердце на миг замерло, пока Даша не поняла, что это, наверное, опять была ирония. И не смогла поднять глаз. Ведь для нее всё происходящее было серьезней некуда. Сейчас она просто не выдержала бы его усмешки.

– Обалдуй вы, Роман Сер...

Он поцеловал. Нежно. Неглубоко. И, как ей показалось, довольно долго. На порыв это точно не походило. Но, конечно, хотелось бы подольше...

Отстранился. Снова голос:

– Ты бинтуй, а не разговаривай. Даша.

И она бинтовала. Вдруг опять:

– Блузку не порвал?

– Так, пару пуговиц чуть не оторвали. Но крепко пришиты. Висят.

Тихий вздох. Снова голос:

– А я, оказывается, животное...

А потом молчание.

Когда она уже завязывала бинт на узел, Роман спросил:

– Даша, тебе больно было сегодня. Пока я тебя... тащил в общем. У тебя колени болят? Почему?

Она не знала, как сказать. Да и говорить ли? Но всё же ответила:

– Да. У меня это периодически. Когда устаю. И когда нервы.

Молчание. А потом голос, такой нежный, слегка вибрирующий на низах. Так он еще никогда с ней не говорил:

– Прости меня за всё. Очень хочу, чтобы ты меня простила. И иди давай. Работы много. Рука до свадьбы заживет.

– Вы женаты.

– Осталось недолго.

И она опять взглянула на него. Роман смотрел серьезно и... задумчиво. Но момент не продлился долго. Стуком в дверь их прервал Виталий Летучий.

– Доброе утро, Роман Сергеевич! Дарья Игоревна... Можно?

Но Роман всё еще смотрел на нее.

– Идите, Даша.

Она ушла к себе. Села за стол. Внутри все клокотало, но Даша непроизвольно улыбнулась. Из открытых дверей кабинета был слышен разговор двух мужчин.

– Проходи. Слушаю. Оставь открытой.

– Мне сейчас сорока на хвосте принесла, что сегодня утром Пал Петрович от вас в небольшом шоке.

– Да насрать. Пусть. Ему это полезно для разнообразия. Чтобы форму не терять. А то вокруг одни лизоблюды. Что ты на меня так смотришь? Пусть попробует уволить! Я тогда этот отдел с корнями из СевМоря вырву, перееду на соседнюю улицу, положу на асфальт и пущу их самостоятельно.

– А что с рукой?

– Бандитская пуля. Даша называется. Давай по Уренгою...

Даша вздохнула и приложила руку к лицу. Ну вот как ей теперь быть? Почему каждый раз, когда она уже готова его возненавидеть, а, значит, встать на путь выздоровления, да, пусть тернистый путь, да пусть долгий, но всё же... Почему каждый раз он делает что-то, снова дающее ей надежду? Ну как теперь злиться на него? Как ненавидеть? Если она любит его так безумно, так страшно! Если подыхает от этой больной любви прямо здесь, на этом самом месте! И как его не любить? Со всей его страстью, непредсказуемостью, грубостью на грани с жестокостью и одновременно такой усыпляющей бдительность нежностью? Неординарного, безбашенного, грозного и такого близкого по духу. Такого, как она сама, только в десятой степени безумия. Бесстрашного. Раскидывающего всех вокруг, как только что проснувшийся медведь-шатун. И того, кто никого к ней, Даше, близко не подпускает. Как же это всё же... приятно.

Нет, он не даст ей уйти. А хочет ли она уходить, если ответить честно?

Да и сможет ли?

27.

– Это их тренер. Людмила Борисовна Шпигель. Умерла в прошлом году.

– Я так понимаю двадцать пятого декабря?

– Да.

– Значит, этот гаденыш не дал ей годовщину смерти памятью почтить... Она же до могилы так и не дошла?

– Да. Часа два пробыла у отца, потом уехала к себе на Ходынку. В следующий раз вышла из квартиры уже на работу.

– Ясно. Что-то новое по нему?

– Нет. Вашей занимался. Карту ее раздобыть удалось, много времени на разбор полетов ушло. Но не через школу. В поликлинике базу хакнули. И там всё очень запутано. В общем, я не буду вдаваться в подробности, думаю, вам они тоже ни о чем не скажут, вы же, как и я, не врач. Много терминов, куча диагнозов, таблеток и других назначений, но я попробую обобщить: как понял из материалов, никто не знает точно, что с ней. Рано обнаружили артрит. В детском возрасте еще, но во взрослой карте данных, когда именно, нет. Не поверите, вот сколько врачей, столько и диагнозов! Кто-то мышечные проблемы ставит, кто-то костно-хрящевые, кто-то гормональные. Пару раз аутоиммунные даже. Знаете что это?

– Нет.

– Проверил. Это когда организм видит болезнь, которой нет, и вырабатывает антитела для борьбы с ней. Сам себя пожирать начинает. Так вот там несколько таких диагнозов в карте ставились разными врачами. Но одного более-менее повторяющегося нет. Кроме артрита. То есть у нее разрушается межхрящевая ткань, но отчего никто понять не может. Просто негативная динамика по артриту. Последние анализы, что были в карте ее поликлиники, датированы пятью годами раньше, возраст – двадцать один год. У нее артроз колена, стопы и кисти первой степени. Это следующая стадия после артрита. И артритные изменения во втором колене. Свежее информации не нашел. По жалобам даже страшно стало, когда читал. Простите, но как-то раньше о таком не задумывался, а тут вот, когда столкнулся... И это молодая девочка, просто жуть... Врагу не пожелаешь. Утренние боли во всем теле. Везде буквально: в шее, груди, пояснице, руках и ногах. Но блуждающие. Сегодня есть – завтра нет. Иногда месяцами всё болит, иногда на месяцы отпускает. Жжение, зуд, и боль во всех мышцах. Описывает, что во время атаки буквально нельзя к коже прикоснуться. Там вообще-то текст сухой везде, врачебный, но я это в одном месте нашел: в листе приема психиатра частной конторы. Он отдельно был к карте добавлен ревматологом. Ее там на предмет болей обследовали, думали, может, от мозгов блокада идет. Пишут так: с утра буквально не может встать с постели. Начинает через

не могу разминаться, только тогда скованность постепенно проходит. В течение дня иногда нормально, иногда всё равно болит. Динамика хуже на фоне стрессов и нервяка. Ну и в суставах боли. В коленных, кистевых и на правой стопе, где артроз. Иногда, когда сильно прихватывает, появляется легкая хромота. Больше ничего найти не удалось. Других жалоб нет.

– А по гинекологии?

– Не знаю, по линии женской консультации еще не проверял. Сделаю.

Роман обалдел от услышанного. Вот, оказывается, какой жизнью живет Даша? А он еще считал, что это ему не повезло с головными болями... Он ехал на работу из Администрации и думал о вчерашнем дне. Его женщина. Она всё же сильно больна. И страдает. Сколько же мучений выпало на ее хрупкие плечи? Он вспомнил:

– Да. У меня это периодически. Когда устаю. И когда нервы.

И потом:

– Динамика хуже на фоне стрессов и нервяка. Иногда, когда сильно прихватывает, появляется легкая хромота.

И вот это:

– Хочу тебя расстроить. Она – больная девочка. Там сложное заболевание. Но вроде бы рано выяснили, вовремя лечить начали, так что прогноз был оптимистический. А как

сейчас – не знаю.

А как сейчас? Если уже к двадцати одному году у нее развился артроз? Роман прекрасно знал, что это такое. Его отец мучился от этой болезни все последние годы жизни. Но ему было семьдесят четыре!

В поликлинике нашлись только давние данные о Даше, значит, она проходила обследование в каком-то частном центре. И результаты ее не порадовали. Выходит, сейчас ей стало еще хуже?

Роман вспомнил, как вчера она хромала. Ей нельзя нервничать. А на что все последние недели стала похожа ее жизнь? Боже, почему же он раньше всё не выяснил, возможно, события развивались бы иначе? Он же самолично руку приложил к тому, что у Даши теперь опять всё болит! А Роман-то еще удивлялся, почему она на его притязания не отвечала! О каком сексе можно думать, если она в таком состоянии? Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким виноватым. Директор спецотдела порывисто вздохнул и покачал головой.

– Роман Сергеевич, что-то случилось?

– Ой, Саша, и не спрашивай. Столько всего случилось, что ни в сказке сказать, ни пером описать...

Помолчали.

– Давай-ка, знаешь что? Вези меня к тете Клаве. Хотя... Нет. Смутится еще... моя девочка... Позже. Давай в «Потемкина» меня вези. Я ее лучше покормлю. А то она у меня

совсем отоцала.

Всё утро Даша висела на трубке, согласовывая программу мурманских мероприятий. До командировки Романа Сергеевича оставалось два дня. Его всё еще не было, с самого утра он уехал с отчетом в Администрацию Президента. Появился лишь к обеду в сопровождении Саши, водителя. Тот несколько раз заходил в приемную, и Даша немного с ним пообщалась. Он оказался прекрасным парнем, что было вполне предсказуемо: хорошие ребята чаще встречались на земле. Небесные же обитатели обычно не вызывали в Даше уважения. Оттого она и вела себя с сильными мира сего именно так: не привыкла скрывать своих чувств и никогда не испытывала страха, поэтому не боялась демонстрировать им свое презрение, если они того заслуживали.

– Добрый день, Дарья Игоревна!

Это был Саша.

– Здравствуйте.

Роман застыл в проходе, слегка улыбаясь. Ждал, пока они наговорятся. Наздороваются, в смысле. Никогда не любил, чтобы его перебивали, поэтому просто ожидал своей очереди. Она сегодня опять была красивая. Волосы распустила. Стрелки нарисовала. Роман моргнул и улыбнулся шире. Это был хороший знак...

– Привет, Даша.

Снизу вверх посмотрела и тут же взгляд опустила. Ему даже показалось, что немного покраснела. Но что смущена, это точно. Очень хороший знак!

– Здравствуйте, Роман Сергеевич.

Постоял немного. Отодрал подошвы от пола, прошел в кабинет.

– В переговорную всё неси.

– Спасибо, дальше я сам.

Саша немного улыбнулся.

– До свиданья, Роман Сергеевич.

Даша так разволновалась, что налилась краской. Она долго думала, делать это или нет... Ведь еще свежо было в памяти воспоминание о том, чем закончился последний ее подобный порыв...

Сейчас она не могла себе позволить какой-то особой одежды, пройдет еще неделя, а то и две, пока боли отступят на фоне лекарств. А до того придется ходить в наколенниках. Поэтому штаны надела те же, только блузку сменила на черный свитер с высоким горлом. И набросила сверху свою любимую цацку: роскошную золотую цепь с вольными концами и регулятором хода по середине, инкрустированным небольшим эмалированным панно. Закрепила его маленькой булавкой на одном плече. Получилась прекрасная асимметрия, придающая стиля вполне рядовому образу.

После долгих раздумий, всё же решилась: распустила волосы и накрашила глаза. Обратит внимание? Отреагирует? Или нет... Тогда будет... больно.

Но он заметил. И так посмотрел, что дух захватило. Сморгнул; еще; и разулыбался как тот самый кот, только вдоволь наевшийся сметаны. Даша еле протолкнула нервный глоток и уткнулась глазами в стол. Не могла на него смотреть. Стало даже как-то... почти стыдно... За свое такое легко считываемое желание ему понравиться. Сердце билось и билось. Она даже не смогла себя заставить ответить на звонок. АТС всё журчала, а Даша пыталась справиться со своим дыханием.

Роман решил лишний раз не смущать свою зазнобу и просто крикнул:

– Даша, зайди, пожалуйста, в переговорную.

Послышались шаги. Вот и она на пороге. Осмотрелась. Удивлена.

– Мне не нравится, что ты не ходишь обедать. Но если Магомед не идет к горе, то кто-то когда-то может притащить гору к Магомеду. Садись и ешь, звонки подождут. У тебя обед.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами. Роман сейчас думал о том, какие они были огромные. Особенно это было заметно на худом бледном лице. Наконец, Даша сказала:

– А вы?

– Хочешь, чтобы мы вместе пообедали?

Ёлки зеленые... Опять он ее смутил... Теперь вот точно покраснела и снова в пол уткнулась. Придется как-то расхлебывать...

Роман подошел и взял ее за руку. Подвел к столу, усадил на стул. Сел на корточки рядом и сказал:

– Я бы от такого не отказался. Только тебя смущать не хочу. Боюсь, что опять испугаешься... что приставать буду.

Даша сильно волновалась. Не могла смотреть ему в лицо.

– Так не приставайте.

– И не собирался.

Она, наконец, подняла взгляд. Роман добавил:

– Пообедаем вместе?

Даша кивнула. Тогда он сказал:

– Хорошо.

Выпрямился, подошел к соседнему стулу и сел.

– Ты сегодня очень красивая. Делай так почаще, пожалуйста.

Сердце Даши изошло стучком.

Вечером Роман не раз перебирал в памяти их совместный обед. Он волновался ну просто как мальчишка. А Даша смущалась. Как девочка. И когда это они только успели превратиться в детей?

Он смотрел на нее и думал о том, как она ему нравится. В любом состоянии: ненакрашенная, бледная, измученная. С пересохшими от мороза или страсти губами. С синяками под глазами и ортопедическими наколенниками. Даша нравилась ему всегда.

Его женщина умела быть обольстительной, Роман несколько раз успел в этом убедиться. Но по большей части в период их знакомства она старалась не привлекать к себе его внимания, он кожей считывал это желание Даши скрыть свою красоту под покровом простой одежды. Тем не менее ей это никогда не удавалось. Даже когда она выбирала строгую до выхолощенности одежду, Роман всегда угадывал в ней какую-то отличительную особенность. Если это было простое платье – то оно всегда имело изысканный крой, идеально подчеркивало то, что нужно было подчеркнуть, а чаще всего еще отличалось особой тканью. Если это были блузки, свитера, пиджаки – то Даша играла с цветами, текстурами и фасонами. Ничего лишнего, но всё всегда попадало в точку. Она почти не использовала украшений. Но, видимо, из тех же соображений: не хотела лишний раз привлекать к себе его взгляд. Ведь те несколько вещей, что Роман на ней видел, немедленно заставляли его обратить на них внимание.

Он невольно сравнил ее со своими женщинами. Первой на ум пришла Софья. Его жена всегда роскошно одевалась. Ярко, броско, вызывающе здорово. Роману она за это когда-то очень понравилась. Даша была иная. Строгая в одежде, но

убивающая наповал. Потому что сражала любого мужчину и без спецэффектов. Она сама им была.

Вот и сегодня, стоило ей всего лишь подвести глаза и распустить волосы, как Роман весь обед, не таясь, пялился. А цепочка, закрепленная в районе плеча, так и приглашала его подойти и дотронуться до той самой впадины, выше ключицы. Как же Даша умела расставить акценты! Роман никогда раньше не видел, чтобы кто-то так живописно использовал украшения.

Они не разговаривали. Просто ели и смотрели друг на друга, будто знакомясь заново. Даша съела почти всё, что он для нее заказал. Аппетит – признак здоровья. Он будет ее кормить, чтобы только его девочка выздоровела.

Когда закончили, Роман спросил:

– Я угадал с едой?

Даша кивнула:

– Да, спасибо. Всё было очень вкусно.

– Я рад. Но давай так: чтобы мне больше не приходилось угадывать, просто заказывай сама, что ты хочешь. Из любого ресторана. Если в буфет не спускаешься. Картой отдела оплачивай. Но я хочу, чтобы ты обедала. Договорились?

– Элеоноре Андреевне это не понравится.

– Элла уже всё поняла. Все поняли, Даша. Так что ты зря.

Опять смотрит в пол. Кивнула. Он сказал:

– Хорошо.

– А вы?

– А что я? Я без еды привык. Но если захочешь компании

– всегда составлю. Лишь бы ты ела.

Подняла глаза. Смотрит внимательно. Непонимание во взгляде. А у него в желудке опять всё скручивается.

– Зачем вы это делаете, Роман Сергеевич?

– Что именно? Пытаюсь быть милым?

– Если хотите, называйте это так.

– Ты же пока мой ассистент. Ты нужна мне здоровой, Даша.

– А если нет?

– Если нет что?

– Если не буду здоровой?

– Значит, будем лечить. Где же я еще такого ассистента раздобуду?

Позже вечером позвонил разведчик.

– Есть вероятность, что она бесплодна, Роман Сергеевич.

– Знаю. Что-то еще?

– В консультации с девятнадцати лет наблюдаться стала.

Тогда зафиксировали последствия гонореи. Из записей понял, что бессимптомно болела и поздно узнала. Значит, заразилась намного раньше. В общем, когда болезнь нашли, уже были осложнения. Лечилась. Долго, несколько месяцев. После этого информации мало. Последняя запись, правда, свежая. Полтора месяца назад. Сдавала расширенный ана-

лиз гормонов и на половые болезни. Везде норма.

– Ясно. Пока всё?

– По парнишке вашему еще кое-что. Напарник его сегодня покатал. Он во французской конторе работает. Продуктами питания занимается. Адрес офиса и название скинул. И еще пробил его по внутренней миграционке. Чисто. Тогда зарубежку проверил. Два въезда-выезда в страну в год. На две-три недели в районе Нового года и на месяц в июле. Так два года подряд. Видимо, основное место жительства в Лионе. Проверил, офис продуктовой конторы там.

– А где живет пока здесь гостит?

– В соседнем доме с вашей девушкой. Там, где машина его была припаркована. Рассказывал, помните?

– Помню. Раз вы такой оперативный, пробейте мне и его на предмет гонореи. Сможете сделать это быстро?

– Начну с диспансера. Если там будет за что зацепиться, то да. Если придется шарить по лабораториям, то это гораздо дольше. И сильно дороже.

– Начните с диспансера. Он бывший спортсмен. У меня такое ощущение, что до лабораторий не дойдет.

28.

В среду Роман снова доехал до работы только после обеда. Первым делом, заходя в приемную, спросил:

– Ты пообедала?

Даша покачала головой. Вот же упрямая девчонка ему досталась! И непослушная.

– Даша...

– Роман Сергеевич, весь день телефон не замолкал...

– И что? Конференции на этой неделе не будет, со сделкой всё решили, уж могла бы как-нибудь найти время! Собирайся давай.

– Куда?

– Обедать поедем.

– А звонки?

– Их не будет. Я проверил по телеге, всё важное раскидали. Остальные подождут. Давай, времени мало. Нам еще по документам с тобой пройтись нужно. Летим ночью, как всегда.

– Летим?

– А ты как думала? Я же тебе еще при Павле Петровиче всё русским языком объяснил. Летим вместе. После Рима я теперь ездить на мероприятия буду только с тобой. Вдруг опять размякну? А ты сразу как возьмешь, как подставишь плечо...

И подмигнул.

– Даша, я серьезно, времени в обрез. Давай собирайся.

– Так... Я не поняла... а домой? У меня же при себе вещей нет.

– Заедем после ресторана.

Молчит. Растерялась. Надо ковать пока горячо, а то сейчас в себя придет.

– Не волнуйся. Я не маньяк. Квартиру выслеживать не буду, если ты беспокоишься. Могу даже на соседней улице тебя высадить для перестраховки. Если хочешь, конечно.

Пообедали в том же «Потемкине». Роман не стал экспериментировать. Ели быстро, почти весь обед он отвлекался на телефонные переговоры. Обычно день накануне командировки у него всегда проходил в таком режиме. Потом доехали до Дашиного дома на Динамо. Роман осмотрелся. Возле первого подъезда соседнего дома стоял Сеат с разбитым лобовым стеклом. Господи, и на таких машинах кто-то ездит? Директору спецотдела всегда было интересно, кто. Теперь-то он знал. Видимо, после аварии владелец поставил машину на прикол. Он ведь работал, так что в среду в пять вечера еще не должен был быть дома.

Даша быстро вернулась, и они поехали в... как же Роман мечтал об этом дне, когда Даша, наконец, окажется в этой квартире... которая с первого дня их знакомства стойко ассоциировалась именно с ней, хоть его женщина до сих пор

ее ни разу не посещала... его квартиру на Фрунзенской набережной.

Он видел, как Даша волновалась. Еще в лифте сказал:

– Не бойся. Приставать не буду. По крайней мере, постараюсь.

Даша смотрела в пол.

– У нас не так много времени осталось до вылета, мне тебе многое что из документов нужно показать. Так что это рабочий визит. Деловой. Поняла?

Кивнула. Но так и не посмотрела.

Вошли. Разделись. Даша вытащила из сумки свои рабочие сменные лодочки и переобулась в них.

– У тебя ноги, что ли, мерзнут?

– Да, я вообще мерзлячка.

– Тогда снимай их. Я тебе теплый пол включу. Сядем в кухне.

Эх, если бы она только знала, сколько раз он в этой самой кухне напивался из-за нее... А сейчас она была здесь и сидела рядом. Роман включил чайник. Достал бутылку и плеснул себе коньяка.

– А вы не задумывались о том, что у вас голова болит из-за того, что вы пьете?

Он застыл с рюмкой на подлете. Даша подняла глаза:

– А я вот обратила внимание на такую тенденцию. После того, как вы выпьете – вас начинают мучать головные боли.

Роман опустил рюмку на стол.

– Зачем вы пьете?

– Ну ты из меня прямо алкоголика какого-то делаешь...

– Нет. На алкоголика вы не похожи. Просто не понимаю, зачем вам это. Никогда не могла понять этой особенности в мужчинах. Делать всё наперекор собственному здоровью.

– Ты меня, честно говоря, сейчас озадачила. Никогда не задумывался о своей привычке. Скажу так: это помогает расслабиться, а, значит, продлевает рабочее время и дольше сохраняет работоспособность.

– И чем конкретно? Размягчением мозгов? То есть вы без коньяка вечером нормально работать будете не в состоянии?

Роман задумался.

– В состоянии... Но усталость свое берет. А работать нужно. Значит, нужно и напряжение как-то снимать.

Он не верил в то, что происходит. Роман Чернышев сидит в собственной кухне и, как пойманный с поличным семилетний ребенок, отчитывается перед мамой за то, что один раз затянулся найденным за домом сигаретным окурком. Просто сюр какой-то!

– Так... Давайте посчитаем... На сколько часов вы коньяком продлеваете себе рабочий день? Возьмем, к примеру, что-нибудь, что было перед моими глазами. Ужин с группой. Вы стали пить около шести вечера, так? А разошлись мы в районе одиннадцати. Итого пусть будет пять часов работы сверхурочно. Спасибо коньяку, на первый взгляд результат

впечатляющий. Но это только так кажется. Ответьте мне на один вопрос: когда у вас приступ головной боли, сколько часов он длится? Я имею в виду не только острую фазу, но и последующую, когда основной спазм отпускает. Спрошу так: на протяжении какого времени вы чувствуете, что головная боль мешает вам работать?

Роман тупо уставился на нее.

– Даша, я не был намерен обсуждать с тобой свою головную боль. Как и привычку выпивать по вечерам. Давай-ка сменим тему.

Настроение изменилось. Роман не заметил, как опять разозлился.

– Хорошо, Роман Сергеевич. Спасибо, чаю не надо. Давайте документы, я сначала прочитаю. Потом пройдемся по вопросам.

За бумагами просидели три часа. Даша всё схватывала налету. Но Роман был зол на нее за то, что сегодня она в очередной раз поработала над атмосферой вечера. Только вот создала совсем не то настроение. Визит, и впрямь, получился сугубо деловым. Директора это очень раздражало. Он явно не так представлял себе день, когда Даша впервые окажется в этой квартире. Нет, никакого интима он не планировал, хотя такое уже случилось с Романом и раньше, он не раз на ходу менял первоначальные планы, стоило ему оказаться с ней наедине. Но всё же сегодня он точно не хотел

торопиться и думал, что будет действовать мягко, постепенно располагая Дашу к себе. Роман предвкушал вечер, полный чувственных взглядов и мимолетных прикосновений, в общем насыщенный удовольствиями, а получил сухую рабочую встречу. Нет, не зря он больше не планировал жениться. В его представлении семейная жизнь выглядела именно так: жена, постоянно сующая свой нос туда, куда не просят, потому что после получения отметки в паспорте она стала убеждена в том, что ей это теперь разрешено. Типа по статусу положено. А это было последнее, чем Роман был намерен наполнять свою жизнь.

Когда закончили, он сказал:

– Идите прилягте, до вылета еще восемь часов, есть время поспать.

На лице Даши отразилось сильное изумление. Ему даже показалось, что с нотами возмущения.

– Так вы же сказали, что вылет ночной?

– Я вас обманул, Дарья Игоревна. Иначе мне бы не удалось уговорить вас приехать сюда, так ведь? А мне надо было отдохнуть и восстановиться, для этого требовалась домашняя обстановка. Но сейчас вы за свое здоровье уже должны быть спокойны. Так что терять время на поездки домой и обратно нет смысла. Вполне можете остаться здесь. Идите, ложитесь.

Даша немного подумала, а потом вышла. Роман слышал, как она ненадолго зашла в ванную и вскоре зашуршала в спальне. Всё стихло.

Рюмка с коньяком так и стояла на прежнем месте, не тронутая. Он взял ее и одним махом, не смакуя, отправил в рот. Коньячных дел мастера, наверное, в гробу перевернулись от такого свинства. Роман дошел до того, что уже десятилетний коньяк глотал как водяру.

После трех часов пьянства, Роман дошел-таки до спальни. Даша лежала на боку на дальнем краю кровати спиной к нему. Она накрылась покрывалом, видимо, легла прямо на одеяло. Не раздевалась. Ширина кровати позволяла им быть друг от друга настолько далеко, что даже если бы он вытянул руку, то не достал бы до нее. Роман плюхнулся на спину тоже не раздеваясь. На противоположный край кровати. А притягиваются ли противоположности?

Будильник прозвенел в половине пятого. Даша тут же встала и, опередив Романа, прошла в ванную, но пробыла там недолго. Когда она вышла, директор спецотдела сидел на краю кровати. У него опять сильно болела голова. Даша бросила на него один взгляд, покачала головой, прошла в кухню. А Роману опять захотелось что-нибудь разбить. Как же эта девушка его сейчас раздражала! И оттого только сильнее заболела голова...

Он прошел в коридор, вытащил из кармана пальто коробку с таблетками, которую предусмотрительно купил сразу после Рима, выдавил одну на ладонь. Доковылял до ванной, открыл кран и запил ее прямо так. Посмотрел на себя в зер-

кало. Ну и рожа... Гадкая, помятая, недовольная... Вытащил станок и побрился. Почистив зубы, направился в кухню. Даша стояла у окна спиной к нему. До рассвета было еще долго. Роман включил свет.

Она повернулась и сказала:

– Роман Сергеевич, я тогда пошла одеваться. Не буду вам мешать, подожду на улице.

И, как обычно, не поднимая взгляда, прошла мимо него к коридору. Роману снова представилась дверь в кабинете. Тогда помогло. Но он точно знал, что сейчас не поможет. Ему было не до бурных сцен с разбитыми кулаками, и без того болела голова. От этих мыслей костяшки под повязкой снова загудели. Ему даже показалось, что он сейчас весь болит. Послышался звук закрывающейся двери. Даша ушла.

Ехали молча. Летели тоже. Сразу после регистрации в отеле разошлись по своим номерам.

29.

Роман был в очень плохом настроении. Такого с ним давно не случалось. Даже когда у них с Дашей всё шло наперекосяк, он не чувствовал ничего подобного. Воспоминания о вчерашнем дне лишь усугубляли его состояние. Он и сам был удивлен столь стремительным перепадам собственного настроения. Да, безусловно, Роман отличался непредсказуемостью нрава, но всё же не до такой степени, как это было вчера. Он даже стал напоминать себе женщину, это им обычно свойственны такие скачки напряжения.

Вечером его настроение изменилось так быстро, что он даже сразу этого не заметил. Но, вероятно, заметила Даша, ведь тут же стала официальной до скрипа на зубах. И у Романа мгновенно всё ухнуло вниз. Исчез запал, пропало желание, да и вообще, он как будто выключился. В тот момент он почувствовал, что Дашу больше не хочет, а позже, во время работы, когда снова попытался посмотреть на нее как на женщину, ему даже стало казаться, что не захочет теперь никогда. Он не испытывал ничего, кроме изрядной доли раздражения. Но тогда, за работой, оно, конечно, уже было лишь фоном. Вот что он точно сумел уловить, так это то, что желания не было совсем.

Он был зол. Даша сунулась туда, куда ей не следовало соваться, тем самым поставив себя в ряд со всеми прочими

женщинами, а этого он от нее не только не ожидал, но и не был готов принять. И сразу ослабился. А что же она? Была бы достаточно разумной, какой он себе ее представлял до сей минуты, задействовала бы женские чары, смягчила, умастила, разрядила бы атмосферу, и Роман бы тут же дал заднюю, как и планировал изначально. Ведь он осёк Дашу не для того, чтобы переводить вечер в разряд деловых. Он просто хотел дать ей понять, что для него есть темы, которые он обсуждать не готов. Это его, мужское, нежным девушкам там не место. Но Даша не проявила женской прозорливости и тут же снова закрылась. Роману начинало это надоедать. Он из кожи вон лез, чтобы расположить ее к себе, а вот она по этой части, похоже, никаких усилий прикладывать не собиралась. Что ж! Так тому и быть. И он дотянул вечер до конца на заданной ею ноте.

Утром вчерашнее раздражение переросло в состояние, близкое к ярости. Заболела голова, ровно как Даша и предсказывала. Она считывала по виду Романа, что ее пророчество сбылось, и у директора спецотдела от понимания того, что она знает, что оказалась права, просто крышу срывало. А когда она снова его угадала, там в кухне, стоило Роману войти, и предпочла уйти – всё внутри закипело. Даша точно уловила его отношение к себе, он это прочел в ее глазах. Но девчонка не попыталась что-то изменить, исправить.

– Не буду вам мешать, подожду на улице.

Да что б ей... Когда хлопнула дверь, и Роман осознал, что

произошло – Даша ушла, – он перестал понимать свои чувства. Желания не было, нет, ведь раскалывалась голова. Такая боль была несовместима с влечением к женщине. Раздражение, ярость – были. Но он не понимал, на кого теперь злиться. Роман Чернышев превращался в бабу. Истериčku. И ему это ой как не нравилось.

За всё путешествие они не проронили ни слова. Ни в машине, ни в самолете, ни в следующей машине. Впервые Роман снова услышал ее голос только на стойке рецепции отеля. Голова не болела. Таблетки, которые дала ему Даша, снимали боль в течение получаса. Оставался только туповатый тяжелый фон, но с этим можно было жить. Тем не менее Роман не хотел смотреть на нее. И говорить с ней не хотел. Он злился, но не мог понять почему.

В номере просто постарался уснуть. До выезда оставалось еще больше часа. Но сон не шел. Минут двадцать Роман ворочался, а потом решил прекратить это дело и встать. Он пошел в душ. Лучше оставшееся время было провести там. Может, хоть так настроение улучшится...

Когда он вышел, увидел пропущенные вызовы от Даши. Она звонила сразу после его ухода в душ. Это было почти полчаса назад. Роман перезвонил. Занято. Странно. В такое время? Перезвонил еще раз. Пошли гудки, но тут же сбросили. У директора появилось нехорошее предчувствие. Он позвонил ей в номер. Без ответа. Быстро оделся, на всякий

случай захватил портфель. Вдруг не придется возвращаться в номер? Ведь скоро уже выезжать.

Прислушался. В номере было тихо. На его стук никто не отозвался. Роман спустился к портье.

– Доброе утро! Роман Чернышев. Вы мою ассистентку не видели?

– Одну минуту... Дарья Чернова? Из пятьсот девятого?

– Да.

– Так она же уехала! Полчаса как.

– Как уехала?!? Куда?

– Так... я так понимаю, что ваши ее и забрали!? К половине девятого автомобиль подъехал... представительского класса. Водитель сюда подошел, представился, что от Сев-МорНефти. Попросил вызвать Дарью Чернову.

– Как вызвать? Ничего не понимаю... Какой автомобиль? Машина к девяти быть должна.

Роман вытащил телефон и набрал номер.

– Толик, привет! Да, всё нормально. Скажи-ка мне, к которому часу у нас машина? Та-ак, значит, я ничего не перепутал. Мою Дарью кто-то уже забрал полчаса назад. У тебя нет никаких соображений, кто бы это мог быть? Ага... Понял. Ладно. Я буду позже. Пока не разберусь, что, вашу мать, у вас здесь происходит...

Отключился. Побарабанил пальцами по прилавку.

– Тэк-с, ребятки... Кто ей в номер набирал?

– Я.

– Ведите меня в службу безопасности.

– В общем, ситуацию вы поняли. Поднимайте записи с камер. Мне нужен номер машины. И видео со стойки нужно посмотреть. Я хочу увидеть лицо этого человека.

Вызвал Анатолия.

– Так, Толик, я тебе только что фотку выслал, посмотри, не знакомая ли рожа. И номер автомобиля. Мне нужно знать, кто владелец.

В кармане загудел телефон. Толик.

– Ну?

– Порадовать нечем. Тачка арендная. Лицо мне незнакомо.

– Как контора называется?

– «НёрдиКар Люкс».

Роман моргнул. Внутри похолодело.

– Я знаю, у кого она. Перенеси встречу на вторую половину дня. Думаю, это будет не быстро.

Роман решил воспользоваться компанией машины, та уже подъехала. Он сел рядом с водителем.

– Вы загородную усадьбу Ивана Белова знаете?

– Да, приходилось туда выезжать.

– Я и не сомневался. Давайте туда. Начнем с простого ва-

рианта.

Накануне упомянутых выше событий, Софья Белова позвонила отцу.

– Пап, привет!

– Привет, привет! Как дела? Как развод?

– Да не важно. Я тебе кое-что сообщить хочу. Возможно, тебе это будет интересно. Мой муж влюблен.

Раздался раскатистый смех в трубке.

– Прекращай смеяться. Я серьезно.

– Софьюшка, ты совсем, что ли, на почве развода умом тронулась?

– Да послушай ты! Это абсолютно точно. Рома влюбился в свою новую секретаршу.

В этот раз хохот быстро перерос в продолжительный сиплый смех. Софья терпеливо ждала, пока отец насмеется вдоволь.

– Ну ты, девочка, меня повеселила... Давненько никто так не радовал старика! В секретаршу... Ой, мама дорогая...

– А теперь послушай. Как только он ее взял, перестал дома появляться. Почти неделю не был. Раньше он такого себе никогда не позволял. Потом вдруг заявился. И... В общем вспомнил про жену... Три дня подряд вспоминал. А третий – непосредственно у себя в офисе. Еще кофе ее попросил принести, чтобы точно видела всё своими глазами.

– Соф, притормози. Мне еще не хватало об интимных по-

дробностях жизни дочери от нее же самой слышать! Постыдилась бы хоть отца...

– Да причем тут интимные подробности? Я тебе о них, по моему, никогда не сообщала. А рассказываю, чтобы ты понял! Да, это выглядит невероятно, но это сто процентов так! Так вот после того случая в офисе – дома он больше не появлялся. А это было уже две недели назад. Я в понедельник решила сама к нему зайти. И застала там сцену. Случайно вышло. В кабинете никого не было, я в переговорную прошла, решила там его дождаться. И дождалась. Он ее приволок, закрылся и стал орать. Чуть прямо там не отымел. Но это было бы как раз вполне в его стиле. А он отчего-то остановился, отпустил ее и при этом у него был такой виноватый вид, какого я у своего мужа сроду не припомню! Когда меня увидел, дверь открыл и велел убираться. А стоило мне сказать, что теперь всё понятно, как он дверь эту чуть в щепки не раскурочил! Ты можешь себе такое представить? Чтобы Роман Чернышев кулаками об двери лупил? Он в нее влюблен, это очевидно. Имей это в виду. Может, для ваших дел полезным окажется.

Когда Роман нажал на кнопку звонка, на часах было уже девять тридцать. Дашу увезли ровно час назад. Да, за час могло случиться что угодно, за это время можно многое успеть...

– Слушаю, кто вы?

– Папе передай, что к нему сын приехал. И шевелись, давай, побыстрей. Здесь холодно.

Его впустили внутрь меньше, чем через минуту. Роман проверил по секундомеру. Он усмехнулся.

Раздувшаяся туша Ивана Белова сидела в кресле в своем шикарном кабинете. Всегда любил пафос, подумал Роман. Ему бы на подмостки, в театр, а еще лучше в оперу. И откуда он такой взялся в нефтянке? Но директор спецотдела тут же ответил себе на свой собственный вопрос: среди нефтяников таких пруд пруди.

– Ну привет, сынуля!

– Здравсьте.

– С чем пожаловал?

– Это я у вас должен спросить.

– У меня-я-я?? Так ведь это не я у тебя на пороге стою с утра пораньше.

– Так ведь это не я у вас забрал кое-что ваше.

Лицо Белова вытянулось. Да-да, именно вытянулось. Хоть до этого Роману и казалось, что подобному шару достигнуть вытянутого состояния было уже невозможно.

– Как не ты? Именно ты, сынок, и забрал. Точнее, я тебе это передал во временное пользование, но настало время возвращать обратно.

После ресторана «Владивосток нашей эры» изрядно под-

питые Роман и Анатолий сидели в парилке банного комплекса. Роман спросил:

– Как тебе вечерок?

– Ромка, ты – лучший! Бля буду, ты лучший!

Роман улыбнулся:

– А какой трубач был...

– Ой, Ром, трубач – отпад. – Он икнул. – За всю свою гребанную собачью жизнь... – Он снова икнул, – я такого трубача, – и еще раз. Похоже, на Толика напала икота. – ... никогда не ел.

Роман встал, открыл дверь парилки и крикнул:

– Пива бутылку принеси!

Вскоре внесли пиво. Директор спецотдела протянул его Толику.

– На! Заколебал икать.

Тот выпил залпом полбутылки. Затем смачно выдохнул.

– Бля буду, Ромка, ты – лучший!

И еще раз икнул. Так же смачно. Но в последний раз.

– Тогда ты мне вот что скажи... Чё ты так шифруешься по Белову? Мамой, что ли, поклялся варежку на привязи держать? Вот сколько раз я тебя спрашивал? Знаешь же, как нервер... нервер... нервероятно нервирует меня. Это.

Анатолий улыбнулся и так хитрюще посмотрел на Романа, что они оба расхохотались.

– Ох, ты и лис, Ромка... Ох, ты лис... Напоил и давай допросы чинить...

– Я – лис! Я тебя не только напоил. Я тебя накормил, тру-
бачом, помнишь?

– Ой, какой был трубач...

– Во-от! Потанцевал, попарил, и только потом напоил. А
сейчас еще и спать уложу. Я за девушками так не ухаживаю,
как за тобой, свинина ты неблагодарная!

– Какой был трубач...

Он помолчал. Но недолго.

– У Ивана Анисимовича человек в Администрации Пре-
зидента в гору пошел, слышал?

– Долетало.

– Он по ходу спецоперации неплохо так поднялся.

Толик снова икнул. Он допил вторую половину бутылки
и продолжил начатую мысль:

– Раньше его не видно не слышно было, а теперь он такой
толстый стал, что общественное мнение делает. Между баш-
нями. Короче Белов планирует надавить на тебя через него.
Чтобы ты слил ему долю в последнем проекте. С итальяш-
ками и французиками. Считает, что с тебя долг.

– У меня перед вами, Иван Анисимович, долговая карта
почти закрыта. По последней статье вот-вот финалочка бу-
дет, когда раздел имущества с Софьей закончим. Как вы зна-
ете, я ее не обижу.

– Это меня не касается.

– Ага, как же! Не касается это вас...

– Что ты мне про последнюю статью? Меня первая интересует.

– Не понимаю, о чем вы.

– Да! Ты постоянно делал вид, что не понимаешь. Я тебе еще тогда, после вашей свадьбы, говорил, что закрою глаза на твое поведение с моей дочерью. Но когда-нибудь предъявлю тебе за это счет.

– Такой разговор был. И я помню, что вам ответил: наши отношения с вашей дочерью перестали вас касаться с того момента, как вы ее продали. Точнее обменяли. На мою деловую хватку.

– Ну ты наглец...

– Нет. Наглецом я был тогда. Но прошло много времени, и я значительно подрос. Ко мне сейчас другое понятие больше применимо. Тоже на букву «ц» заканчивается. Так что не надо меня злить, Иван Анисимович. Вам тогда даже наша старая дружба не поможет.

Он подофигел. Покраснел, чуть дымиться не начал.

– Не злитесь так! В вашем возрасте уже надо быть поспокойнее. А то, где нервишки, там и сердцишко, а мне еще пока моего не вернули. Так вот я продолжу. Я с вами всегда был честен. Еще перед свадьбой говорил, что Софья мне нравится, и я попробую остепениться. Я не врал. Нравилась. Пробовал. В том, что надолго меня не хватило, конечно, есть часть моей вины, но не только. С ней я тоже был честен, она знала, во что ввязывалась. Подумала, что осилит. Не осилила.

Так что оба виноваты. Вы со своими семейными делами сами разбираетесь, посторонних не приглашаете. Вот и разберите, не мешаю. Со своей женой я тоже буду разбираться сам, мне помощники не нужны. И мне диагонально, что вы ее отец. К нашему браку вы отношения не имеете. Теперь по поводу первой статьи. Я достаточно на вас отработал, чтобы вы мне старые долги предъявляли. По началу вы благодаря мне нарубили столько бабла, что по мне так, для такого приземленного человека даже перебор. Понятия не имею, как вы их сумели освоить. Разве что на всякую хрень аляпистую тратили, вроде вот этой всей дребедени.

Роман обвел взглядом обстановку кабинета. Он продолжил.

– Меня это не касается. Но позже я ушел в открытое море. С того момента вы не имеете никакого отношения ни к моим делам, ни тем более, к моим долгам. У меня их и так-то почти не бывает, привычка такая, не люблю жить не на свои. Но уж перед вами их нет и подавно. Так что ума не приложу, что за ерунда взбрела вам в голову. Может перепутали что? У людей вашего возраста такое случается.

Иван Анисимович немного осмыслил услышанное, прищурился и сказал:

– А ты забыл, кто тебя в СевМоре пристроил?

– Почему же? Помню. Вы. А кто же еще должен был? Вы же мой тесть как-никак! Прекрасно ведь понимали, что вы меня в СевМоре, а я вашей дочери домик в Майендёрфе

(прим.: элитный посёлок в Барвихе), дачку на Волге, квартиру на Курской и апартаменты на Палм Бич. Так что не надо строить из себя унылое чмо. Вам всего додали. Странно, что вы количеством еще не подавились.

– А ты знаешь, сколько я за твой пост в СевМоре заплатил? Когда твоим начальникам свои концессии на проект разведки передавал? Тот список, что ты перечислил, этого не перекрывает! К тому же я тогда отдал их разом. А ты всё это только со временем приобрел.

– Да я с прибором клал, сколько вы отдали. Знали за что, я вас не заставлял. Вы для дочери старались, а не для меня, так что весь этот бред, что вы здесь пытаетесь изложить, на меня вообще никак не действует. Я знаю про вашего человека в Администрации. И, как всегда, на встречу приехал подготовленным. Мне прекрасно известно, как именно он собирается на меня надавить. И у меня только один вопрос: вы что, умом тронулись? Неужели вы думали, что, сидя здесь, в Мурманске, сможете меня достать? Я ведь уже шесть лет, как сижу в Москве. И, как вы должны были догадаться, не зря сижу. Вы же меня давно знаете, Иван Анисимович. У вас кишок не хватит, чтобы меня переварить. Раньше сдохнете.

– Это хорошо, что ты о моем аппаратчике знаешь... Значит, должен понимать, насколько всё серьезно.

– Да бог с вами! Я только вчера из Администрации вернулся. После того как стало ясно, какой у нас результат по Италисте, мне ваш аппаратчик до насморка. У меня там то-

же свои люди есть. И теперь игра будет серьезная.

Белов прищурил глаза до состояния щелок.

– Вот и поглядим.

Роман подошел, развалился в кресле для посетителей и поставил портфель рядом с собой.

– Что-то надоело мне стоять! Я посижу пока. Тем более кресло у вас, хоть и безвкусица, но зато такое удобное!

Он улыбнулся.

– Ну что мы с вами ссоримся прямо с утра пораньше?! Всё же ведь родственники! Пока... Зачем портить себе нервы? Мы друг друга поддерживать должны! По-семейному. Давайте порассуждаем: ваш человек сейчас набрал определенный вес, мне это известно. Но зато вы ни черта не знаете о моих людях. Они в тени. И такой информации вам не достать. Поэтому оценить обстановку не сможете. Это первый минус. Далее. Даже если мы начнем воевать, потери будут громадные для обоих. Особенно сейчас, в условиях, когда нашей стране объявлена третья мировая. Бизнес и так идет сложно, и вы что, хотите меня убедить в том, что еще со мной повоевать собрались? Вы человек, конечно, в возрасте, но из ума пока не выжили, в этом я уверен. Так что война для вас – это второй минус. А теперь переходим к плюсам. Я много сделал для вашей семьи. Об этом уже было выше, повторяться не буду. Если мы сохраним деловые отношения, хотя бы нейтральные, а лучше добрые, то есть будем поддерживать друг друга в столь сложный для бизнеса момент, объединим

усилия, то это принесет много пользы как вам, так и мне. Вы – до сих пор мурманский корифей. А я в Москвѣ совсем не последняя личность. Зачем нам враждовать? И, если разобраться, какие у вас ко мне претензии?

– Тебе не знакомо, что такое уважение. Со мной так не разговаривают. Я и закопать могу.

– А вам оно знакомо? Или вы считаете, что кто-то так разговаривает со мной? Не надо заблуждаться, что возраст и положение позволят вам так со мной себя вести. Никогда не позволяли. Так что взвесьте ситуацию. И верните мне то, что сегодня забрали.

Иван Белов вытащил из ящика сигару и долго закуривал. Одну протянул Роману. Тот сказал:

– Вы знаете, что я не любитель. Но сегодня сделаю исключение. Из уважения к вам.

Тесть рассмеялся и закашлялся дымом.

– Какой же ты всё же сучёк! Всю жизнь ты мне нравился, падла. На меня похож. Всегда хотел сына, но Бог вот дбчь дал.

– Она прекрасная женщина, вам не о чем сожалеть. Просто не для меня.

Роман медленно разжег сигару и, как только табак затлел, набрал полный рот дыма.

– А кто ж для тебя? Не та ли, за кем ты сюда явился?

Он выпустил дым через нос, продолжая смотреть Ивану Белову прямо в глаза. Роман молчал. Вдруг старик сказал:

– Знаешь, а я тебя понимаю. Баба – зверь!

Роман вспомнил, что так ее уже называли. Семен, тогда, после переговоров. Но услышать такое от крестного отца вроде самого Белова было неожиданностью даже для директора спецотдела, который уже считал, что знал Дашу.

– Я такой выдержки в иных мужиках не наблюдаю. Стали все... как бабы... Работать не с кем.

Оба долго курили. Затем Белов снова прищурился.

– А если я ее грохну?

– Попробуйте! Посмотрите, что будет. Я ведь тоже могу закопать. Только у меня из Москвы гораздо больше возможностей.

Иван Анисимович снова рассмеялся.

– Да, была такая мысль, не скрою. Но когда своими глазами увидел, передумал. И так генофонд в стране слабый, так если еще и таких зачищать, вообще от нации ничего не останется...

Тесть замолчал на мгновенье. А потом добавил:

– Она в меня телефоном запустила!

Он расхохотался.

– Представляешь? В меня – и телефоном! От баба, ей-богу, огонь! Думал, на месте прибыю, да только хохот разобрал!

Он вытер слезы.

– Пришлось ее изолировать. Так что ты думаешь? Ребята вдвоем еле управились! Один, вон, морду теперь неделю залечивать будет. Она его чуть на один глаз не уменьшила...

Как только они сели на заднее сиденье, Роман поднял перегородку. Какое-то время ехали молча. Выехав на спокойный участок дороги, директор спецотдела постучал водителю и скомандовал:

– Останови!

Вышел, обошел машину, открыл вторую дверь сзади и сказал:

– Выйди.

Даша даже на секунду не задумалась. Вышла без промедления. Роман схватил ее за руку, и потащил дальше от машины. Лишь достигнув достаточного, чтобы их не слышали, расстояния, он отпустил и встал напротив.

– Ты что, с ума сошла?

Даша подняла бровь.

– Ты хоть понимаешь, с кем ты себя так вела? А?

Молчание. Еще более суровый взгляд. Роман схватил ее за плечи и стал трясти.

– Это же палач! Монстр, понимаешь ты это? Они же тебя прямо в лесу закопали бы, даже далеко от дороги не отъезжая!

Резким движением Даша стряхнула его с себя, отвернулась и пошла к машине. Роман озверел. Он набросился на нее, но Даша стала отбиваться, тогда он оторвал девчонку от земли и перехватил прямо в воздухе, разворачивая к себе лицом. Снова поставил на ноги. Теперь держал крепче.

– Господи, Дашка, да что же ты делаешь всё время? Стоит на минуту отвернуться, как на тебя тут же коршуны слетаются!

Он обнял ее и продолжил, немного смягчившись:

– Из Москвы пришлось увести, чтобы в мое отсутствие Моргунов тебя не слопал, так сию секунду здесь объявился кандидат ещё похлеще! А ты им всем... дерзишь... Телефонами бросаешься, дура ты шибзданутая. Нашла в кого! Ну что мне с тобой делать? Наручниками, что ли, к себе приковать? Дождешься ведь, что однажды кто-нибудь тебе голову оторвет!

– Отпустите меня, Роман Сергеевич.

От ее ледяного тона внутри опять всё сжалось. Он перестал держать так крепко. Даша резко его оттолкнула и пошла обратно к машине. Роман постоял немного, а потом побрёл за ней.

Когда машина снова тронулась, он спросил:

– И какой черт тебя дернул сесть в незнакомую машину? Ты что, маленькая? Тебе простые вещи непонятны?

Холодно отчеканила:

– Меня вызвали со стойки регистрации. Сказали, что подъехала машина от СевМорНефти. За мной.

– И тебя ничего не смутило?

Так же монотонно, как град за окном:

– Смутило. Позвонила вам. Не ответили. Набрала в но-

мер. Не сняли. Дошла, постучала. Никого. Спустилась вниз. Водитель сказал, что я должна подъехать раньше, чтобы помочь провести какую-то встречу, и что вы в курсе, но подъедете позже.

Роман отвернулся к окну, сделал продолжительный выдох и долго качал головой.

– Даша... .. Прости меня...

– Да пошли вы, Роман Сергеевич. При всём моем к вам уважении.

Роман простонал.

– Правильно, Даша. Так меня!

Он посмотрел на нее. И как ему только могло прийти в голову, что он когда-нибудь может перестать хотеть эту сумасшедшую женщину?

30.

В офис приехали всего на час позже. Роман не думал, что освобождение Даши из лап грозного Белова займет так мало времени. Еще на выезде из его резиденции он позвонил Анатолию и предупредил, что они в пути. К моменту приезда все были на месте, так как перенести встречу всего за полчаса до ее начала уже не удалось. Все просто ждали приезда Романа и его ассистентки.

Ответный визит прошел так же сумбурно, как и встреча мурманских в Москве. У них с Анатолием всегда всё выходило почти неформально, а отклонение от официального стиля непременно приводило к потере концентрации и вносило некоторую сумятицу.

Даша на встрече не была нужна, Роман взял ее с собой только для того, чтобы увезти из Москвы, и вся эта история с ее подготовкой у него дома была лишь качественно устроенной инсценировкой. Но всё же ее присутствие и здесь оказалось полезным. Выяснилось, что Даша изучила Мурманск на безгалстучный предмет и, поняв, что офисный формат встречи никого к работе не располагает, предложила перебраться в стрелковый клуб. Все как-то приободрились. Немного постреляв, дошли пешком до маленького, но очень уютного бара-рюмочной, всего в трехстах метрах от клуба. Удивились ценам. Роман давно таких не видел, а мур-

манский бомонд из СевМоря обходил такие места стороной, считая их ниже своего достоинства. В результате вся компания в изрядном подпитии села петь караоке. Так весело они в Мурманске не проводили время еще ни разу, и это отметили все. Самой серьезной из всех оставалась лишь Даша. Точнее... Она была мила, шутила и даже временами заливалась смехом, но вела себя так со всеми без исключения, кроме... него самого. Каждый раз, встречаясь с Романом взглядом, в ее глазах появлялось что-то похожее на колючую проволоку. Ну что же за наказание наслал на него Бог?

Роман почти не пил. Он не хотел сегодня напиваться. Надо было договориться по основным условиям контрактов будущего года, а это было проще сделать, когда сам он трезв, а другие в сильном подпитии. Достигнув отеля, директор спецотдела уже окончательно протрезвел. В лифте они с Дашей впервые снова оказались одни. Роман дал ей скрыться в номере. Прошел к себе, принял душ, привел себя в порядок и лишь тогда дошел до ее двери. Она открыла почти сразу. На Даше был отельный халат.

– Можно войти?

– Зачем?

– Скажу когда войду. Не хочу делать это на пороге.

Даша пропустила его в номер. Закрыв дверь, она прошла в ванную, когда же появилась снова, на ней была ее одежда. Значит, не хочет разговаривать с ним в таком виде. Она его не хотела и таким образом показывала ему это. А Роман хо-

тел. Опять, как всегда, так же сильно. Будто впервые в жизни испытывал влечение к женщине.

– Вы что-то хотели, Роман Сергеевич?

Он не знал, что сказать. И что делать тоже не знал. Как ему быть? Брать силой? Точно нет. Лаской? Теперь она не подействует. Начать заговаривать ей зубы? Не поверит. У него не было никаких идей. Вообще. И Роман, как всегда, решил импровизировать. Будь что будет, а там – куда кривая...

– Ну вообще-то я всегда хочу одного. Ты же знаешь. Того самого.

Он улыбнулся. Не подействовало. Теперь Даша начала злиться. Что ж, это уже результат! Главное, чтобы не было безразличия. Тогда ее совсем нельзя прочесть. Так хоть ясно, в каком направлении развивается ее настроение.

Роман резко подлетел, оторвал ее от пола и стал кружить. Даша было уже хотела начать отбиваться, но не поняла, что происходит. Растерялась. Воспользовавшись ее замешательством, он быстро принял решение: надо было действовать немедленно, пока Даша не опомнилась. Роман приземлил ее на кровать и залег на ней, не сильно вжимая в постель. Чтобы не сломать чего от счастья.

– Дашка, не могу без тебя! Ты меня бесишь, убить готов иногда, но не могу без тебя. Нужна.

И поцеловал. Одной рукой обхватил голову, всё же продолжая удерживать за талию второй. От греха. Вдруг вырываться начнет? Тогда придется объяснить ей, что он ей тоже

нужен. Просто Даша этого еще не поняла. Или себе не призналась.

– Нужна мне.

Еще поцелуй.

– Ты...

Поцелуй.

– Мне...

Поцелуй.

– Нужна.

И сорвался в шквал.

Почти сразу Даша стала отвечать.

Это была самая невероятная ночь в его жизни. Он так сильно хотел ее всё это время, что бодрость не покинула до самого утра. Но была ложка дегтя. Точнее, половник. Он ни разу, как ни старался, не довел Дашу до точки кипения. Она всё время блуждала где-то рядом, но до конца не доходила. Роман не хотел подключать тяжелую артиллерию, и действовал только пальцами. Это было его главное оружие, которое всегда срабатывало, и он поставил задачу справиться так, но не вышло.

Он очень хотел попробовать ее, но решил оставить самое приятное на следующий раз, поэтому не прикоснулся губами даже к груди. Роман намеренно обходил ее стороной, видя, как Даша каждый раз напрягалась от одного предвкушения. Но он не делал. Только пальцы. Ниже он тоже бродил в пе-

реулках, но до места не добирался даже руками. Памятúя об их первом рáзе, Роман знал, как Дашино тело может на него отзываться и хотел добить ее одними чувственными прикосновениями и... главным процессом. Не вышло. Это немно-го задело... Но лишь распалило. Он всё решил. Сразу после корпоратива он запрется с ней на Фрунзенской набережной и будет мучить, пока не наступит Новый год. Там уж он не станет себя ни в чем ограничивать.

Заснули только под утро. Проспали... а сколько именно?? Полярная ночь в Мурманске это ни с чем не сравнимая штука... Когда смотришь на часы: девять. А чего именно? Дня или вечера? И вот чешешь хмельную головушку, в которой опять одна Даша сплошная, и думаешь, весь день проспали? Или несколько часов? Ведь девять утра и девять вечера абсолютно одинаковы. На улице горят фонари, слышен шум повседневной жизни. Суета предновогодняя... Детские голоса. На санках катаются! Так, экран телефона... АМ? РМ? Сооб-ражай, Чернышев, в каком ты времени суток находишься... Нет, всё же АМ. Утро, значит. А Дашенька спит... Да так нежно, что будить рука не поднимается...

И Роман подумал о том, что очень хочет такой же предно-вогодней суеты. Ведь в его жизни ее никогда не было. Разве что в самом раннем детстве. Так захотелось вернуться в то состояние мальчишеского ожидания чуда. Коньки подарят? Или всё же щенка, как он просил? Да и коньки – тоже было

бы хорошо.

Он встал. Подошел к окну. В глазах зашкворчало. Как давно он забыл, что такое... счастье.

Роман посмотрел на Дашу. Спит, зазноба. Жизнь его целая, в одеяло укутанная. Вся его жизнь, заключенная в маленькой хрупкой оболочке. Как смерть Кашея, иголка в яйце. Только еще более ломкая. И ему всерьез захотелось заплакать. Впервые в жизни, как это всегда у него случалось только с ней. Оттого, что так несправедлива жизнь. А он ведь раньше об этом никогда не задумывался.

Что с ним будет, если она умрет? Наверное, он никогда больше не станет прежним. Хотя он и сейчас уже не станет. Сломалось что-то внутри. Проникло в сердце осознание того, что существует понятие «жалко». Нет, не «жалостливо», от этого слова его тошнило. Именно «жалко». Жаль, что жизнь бывает так несправедлива к лучшим своим представителям.

31.

Как только прилетели в Москву, Роман распорядился захватить в Ре-стор. Купили ей новый телефон. Вытащила симку из разбитого, отдала продавцу, тот установил, синхронизацию сделал. Хотя... Что там синхронизировать было, если Роман точно знал, что где-то у нее лежит основная сим-карта... Эх, Даша, Даша, горе-маскировщик... Кому надо, тот ведь ее за неделю вычислить сможет... И это, даже не привлекая нормальную контору, а так, перебиваясь деятелями из прошлого века, которые в основном только и умеют, что под окнами дежурить. Если бы Роману остро понадобилось узнать всё и сразу, он бы за пару суток имел доскональную информацию. Но директор спецотдела не хотел привлекать внимания к своему интересу. Даша слишком много значила для него, чтобы он подсвечивал свое отношение к ней перед кем-то, кто впоследствии мог бы использовать это против него.

Роман вышел на улицу, достал телефон.

– Ну? Есть что?

– С восемнадцати лет у него была гонорея. Лечение назначали несколько раз. Видимо, не пил таблетки нормально.

– Я так и думал. По времени слишком уж сильно сходилось. Таких совпадений не бывает. Что-то еще?

– Целыми вечерами тусуется во дворе. С друзьями сидит,

но цель ясна: ее поджидает.

– Так... Сейчас где? На работе еще, надеюсь?

– Да. Но сегодня пятница, тридцатое декабря. Так что я бы на вашем месте побеспокоился о том, что может вернуться и раньше.

– А что мне беспокоиться? Если что – вы об этом побеспокойтесь. Но мы скоро уже будем. Думаю, через час, не позже.

Когда сели в машину, Роман сказал:

– Даша, вечером – корпоратив. Стартуем прямо из офиса. Надо быть не позже шести.

– Я не пойду, Роман Сергеевич.

– Почему?

– Сегодня мой последний рабочий день. Так что корпоратив ко мне никакого отношения не имеет.

Роман остолбенел. Здравсьте, приехали! Никогда не было, и вот опять...

– Даша...

Посмотрела. Опять грусть в глазах. Как тогда, раньше. Вселенская.

– Роман Сергеевич...

Нет, он не даст ей произнести ни слова! А то еще наговорит ему такого, что потом уже ничего не исправишь. Позже выяснит, что она опять учудить пытается. И разбираться он с этим тоже будет позже. Сейчас не время. Иначе может стать поздно.

– Даша, ваш первый рабочий день какого числа был? При-

помните, пожалуйста.

Она осеклась. Моргнула. Думает, вспоминает. Бинго! Он прямо в точку попал! Был всего один шанс из ста остановить эту сумасшедшую девчонку, и он его использовал! Всё же не зря Роман Чернышев свой хлеб ест...

– Пятого вроде.

– Вот именно. Пятого декабря. А сегодня какое? Тридцатое. Вы еще не отработали причитающегося мне по контракту месяца. Он кончится только четвертого января.

– Так праздники же...

– У кого? Директора спецотдела по межстрановому взаимодействию? Вы серьезно? Да у меня начало января еще хуже, чем конец декабря! Год откроется, а вся страна гуляет. Я один на посту и буду. А мне одному быть никак нельзя. Тут же трудоспособность снизится. Даже коньяк не поможет. Так что без вас никак.

Сидит, размышляет.

– И вы меня, правда, после четвертого отпустите?

– Слово джигита! Так что корпоратив этот пока еще к тебе... к вам... имеет самое прямое отношение.

Замолчал. Присмотрелся. Вроде сработало. Во всяком случае, не отказывается. Надо юмором добить, а то опять в скорлупу уползет.

– Только оденься поприличней. Не подводи меня.

От офиса доехали вместе, ее сумку оставили в машине.

Даша что, и правда, думала, что они сегодня будут работать? Наивная...

Вошли. Отвлек звонок. Пока он трюндел с Толиком Маслаченко, Даша разделась и прошла в праздничный зал. Когда Роман, закончив разговор, отправился туда же, своей ассистентки он там не нашел. Опять куда-то с радаров исчезла... Он расположился возле одного из баров.

Когда Даша вошла, директор международника чуть с барного стула на пол не шлепнулся. Нет, на ней не было ничего такого... сверхвызывающего. Некоторые севморячки постарались куда более. Но его девушка была в своей манере: и строгими линиями убивала наповал. Просто она – женщина такого калибра.

Черное длинное платье с двумя боковыми разрезами до середины бедра являло свету красивые ноги. Впервые она надела шпильки – лакированные черные туфли с открытыми носами. В Даше не было ничего из ряда вон, да и даже излишнего. Она не качала бедрами чересчур, не заставляла свой зад двигаться как на шарнирах, не поводила манерно плечами. В ней вообще не было заученных движений, списанных с кого-то или впечатанных в мозг в результате просмотра видео-уроков. В походке чувствовалась уверенность. Да, движения бедрами, да подиумная перестановка ног, но всё в своем собственном стиле, будто она сама и ввела эту моду, а все остальные лишь тщетно пытались ее воспроизвести. Платье из плотной ткани на одно плечо чем-то отсылало

к Греции, а тонкая нитка жемчуга прямо у основания шеи вполне логично завершала этот образ.

Кудри – сегодня Даша впервые завйла волосы. Густо накрашенные глаза – растушевала тени. И пересохшие от мороза губы – плевать она хотела на условности. Никакого блеска, никакой помады. Как же Роману нравилось, что она не пользовалась этой дрянью. Почти все его женщины обожали блеск для губ. Он никогда этого не понимал. Что красивого в губах, измазанных вазелином? Или это какой-то особый стиль, и просто он, Роман Чернышев, чего-то не понимает? А какое неприятное чувство он испытывал каждый раз, когда этот вазелин тянулся к нему целоваться, а он был вынужден терпеть и помалкивать. А потом еще полчаса после поцелуя сглатывать противную субстанцию, воняющую какой-то жуткой эссенцией. Она даже горло немного драла. Не отравиться бы... Причем все блески у всех женщин были на один вкус. Гадкие. Как будто их варили в общем чане, а потом разливали по тюбикам и клеили разные бирки: «Диор», «Ниор», «Шмиор». Уж лучше тогда помада, она хотя бы горло не раздражала, пахла поприятнее и после нее всегда вполне законно можно было вытереть губы: он всё еще женат, поэтому ему нельзя являться домой перепачканным.

А Дашу всегда хотелось целовать. А что губы сухие? Так какими им быть, если Роман ими всё время питается? Как ему нравилось их кусать... Такие рельефные, такие выразительные, говорящие ничуть не меньше, чем глаза. Он вспом-

нил прошедшую ночь. Эти губы, страстные, приоткрытые. Посланники звуков ее голоса, стонов. Говорят, что у женщин ворота в рай находятся в строго определенном месте. Врут. У Даши таких пропусков в парадиз было несколько. Внутри опять всё разгоралось.

– Ты прекрасна.

Глаза в пол. Да что ж такое?

– Спасибо, Роман Сергеевич.

– Что будешь пить?

– Бокал шампанского выпью. В честь праздника.

– Какого? Для тебя праздник, что ты от меня уходишь?

Посмотрела.

– Я вам сразу сказала, что это точно только на месяц.

– Помню. Сказала. Сразу. А что же мне теперь без тебя делать? Думал, что останешься. Со мной. Даша.

Глаза забегали. Волнуется. Что сказать – еще не придумала.

– Роман Сергеевич...

– Да, он самый. И я всё еще здесь. И жду твоего ответа.

Почему, Даша?

– Что почему?

– Почему ты так старательно пытаешься от меня убежать?

Опять в пол уткнулась.

– Ответь мне, Даша. Иначе я тебя прямо сейчас при всех поцелую.

Кинула взгляд.

– Быстрей, у тебя мало времени. Я долго сдерживаться не смогу.

– Мы с вами, Роман Сергеевич, из разных миров.

– Не заметил такого.

– Возможно. Но это не значит, что это не так. Мне такая жизнь не подходит.

– Какая, Даша?

– Я не люблю корпоратив.

– Зато он тебя, похоже, любит.

– Нет. Это ложное впечатление.

– И отчего же ты его не любишь?

– Просто не люблю.

– Нет, Даша, не пытайся юлить. У тебя ничего просто так не бывает. Почему ты не любишь корпоратив?

– Не думаю, что вам стоит об этом знать.

– Скажи почему.

– Он меня изматывает. Очень устаю.

– Тебе не к лицу врать. Ты же никогда от правды не бегала.

Что сегодня случилось?

– Это правда.

– Нет. Ты просто создана для такой работы. Я прекрасно вижу, какое чувство удовлетворения ты испытываешь, когда у тебя всё получается. Сам такой.

– Нет, мы разные.

– У тебя глаза азартом светятся, когда ты на переговорах. Это невозможно скрыть. Тебе не просто нравится, ты чуть

не кончаешь, я вижу. И ты что, всё еще будешь настаивать, что тебя изматывает эта работа? Скажи мне правду.

– Вам она не понравится.

– Я переживу.

И Даша решила. Он увидел это по выражению, появившемуся в ее глазах. Как в первые дни их знакомства. Отвага на грани пропасти.

– Я не люблю напыщенных людей, мнящих себя пупами земли. Мне ненавистна их манера общения. Претит их отношение к себе, к своей стране, к людям, которые в ней живут. Это – их страна, а собственных сограждан эти люди ни во что не ставят. Считают их быдлом. Полагают, что им всё позволено. Вести себя с «населением» как заблагорассудится. Это ведь плебс. Мы все.

Она показала на себя.

– Мы только плебс для них всех. Для вас, Роман Сергеевич. Вы ведь не исключение. Да, я вами увлеклась, скрывать это бессмысленно. Вы из меня, когда вам вздумается обо мне вспомнить, как из пластилина любую фигуру вылепить можете. Но внутренне я вам также безразлична, как и всё остальное население. Когда надоест – одним пальцем раздавите. И что-то другое лепить начнете, чтобы как-то себя развлекать. Но в вас мне нравится хотя бы то, что вы нормально относитесь к родной стране. Иначе я бы и дня не смогла проработать. Но вот всё ваше окружение... Была бы моя воля, я бы их всех от управления отстранила, а некоторых вооб-

ще стёрла с лица. Или хотя бы депортировала. Даже остатки, которые не сбежали сами. Их страна сейчас как никогда в них нуждается, а они хуже крыс. Те хоть сбегают только когда убедились в том, что корабль тонет. А эти заранее. И кто бежит-то? Как раз корпоративщики разных мастей. Потому что привыкли, что им все всё должны. Продались с потрохами за гаджеты и кофейно-банкетную жизнь. А они? Никому ничего не должны? Будто их не эта самая поганая Рашка воспитала, будто не здесь они получили возможность стать теми, кто есть. Никогда этого понять не смогу. И принять. Вот меня, например, школа воспитала. А, значит, эта самая страна. Если бы она не дала мне столько в детстве, то ничего из меня бы не вышло. Я представить себе не могу, как можно сбежать отсюда в такой момент, поэтому, наоборот, вернулась. И ладно бы еще их жизням что-то угрожало! Тогда бы это хоть можно было понять, пусть и с натяжкой, потому что по мне, если ты мужик – то не должен быть трусом. Призвала тебя страна жизнь за себя положить, значит, сражайся, борись за свою землю и старайся остаться в живых. А поляжешь – для того, значит, на свет появился. Всё равно все там будем. Кто от болезни, кто от аварии, а кто просто скурвится. А так хоть какая-то польза земле, которая произвела тебя на свет. Ведь нормальный мужчина должен защищать свою мать, жену и страну. Для этого он на свет появляется, если немного вспомнить об истоках. Кто в стародавние времена размышлял идти ему свою землю защищать или

нёт? Спрашивая наперед, не слишком ли мало эта земля ему дала, чтобы он за нее воевал? Долго подданные правителей дураков и развратников соображали, заслуживают ли их монархи того, чтобы народ за них на полях сраженья свои жизни отдавал? Все шли, молча. И крестьяне, и дворяне. Потому что не спрашивал никто: родина нуждается – значит, иди и защищай. А сейчас все вспомнили о собственных задницах. О семьях, детях, об инвалидностях. А что с ними будет, если страны не будет, об этом никто не думает.

Она помолчала.

– Но из корпоративщиков на фронт и так никто бы не попал. Они бы первые отмазались. И всё равно бегут. Как крысы. Ваши коллеги, Роман Сергеевич. Все по норам, все по двойным-пятерным гражданствам. Но и те, кто остался, не лучше. Я бы и их в принудительном порядке депортировала. На какой-нибудь пупер-остров, где они себя будут, наконец-то, нормально чувствовать среди себе подобных. И им хорошо, и нормальных людей не будут донимать своим презрением. Пока не сожрут друг друга на своем пупер-острове. От большой любви к себе и ближним.

Она вздохнула.

– Да, я ненавижу корпоратив. Мне трудно на этой работе. Я чувствую себя какой-то ненормальной. Будто я – мамонт, рудимент жизни. И меня это так коробит... Трудно быть мамонтом, а уж осознавать себя рудиментом – вообще вердикт. Я лишняя на этом пире во время чумы.

Роман... нет, он еще был здесь, в этом измерении, но... присутствовал только физически. Даша его убила.

Он ожидал услышать что угодно, но не такое. Это был приговор. Он горько усмехнулся. И некоторое время смеялся. Вышло не очень красиво по отношению к ней, но Роман ни о чем сейчас толком соображать не мог. Последнее, о чем он думал в этот момент, так это о том, как выглядит в ее глазах.

– Так зачем вы над собой так издеваетесь, Дарья Игоревна? Никак не пойму, хоть убейте... Что же вы не ушли? Сразу, еще в первый день?

Она молчала. Стояла с опущенными к полу глазами и молчала. А потом еле протолкнула в горло нервным спазмом.

– Почему ты мне сразу не сказала, что я тебе так противен? Решила, что вернее вначале капитально влюбить в себя? Что молчишь? На меня смотри!

Она медленно подняла глаза.

– Простите, Роман Сергеевич, я, наверное, пойду.

Он взял ее за талию. Крепко, наверное, до боли. Но было как-то не до размышлений. И поразился сам себе. Эта... она, в общем... его только что так унизила, а он, едва дотронувшись до нее, снова весь запылал. Не хочет ее отпускать, просто не может. Потому что точно знает, что если Даша сейчас уйдет, то он, Роман, просто сдохнет. Ее бы на части порвать и в котле сварить, за то, что ворожкой занимается, за то, что

черт знает что себе позволяет, да за одно только то, что так о нем думает, а он... Не может ее отпустить, зная, что больше никогда не увидит. Ведь тогда точно – всё. Уж лучше Роман будет злиться, мечтать, как убьет ее когда-нибудь. Потом, в следующей жизни. Лучше будет ходить за ней хвостиком, напиваться как алкоголик, которым она его уже успела окрестить, мучиться как больной от ее презрения, которое она ему только что так живо описала, и страдать от этой любви, но он хотя бы будет видеть ее. Господи, он что только что признался себе в том, что это любовь? Да гори оно всё синим пламенем, а что же это тогда?

– Ты мой ассистент, и обязана быть здесь. Уйдешь раньше – не выплачу зарплату за нарушение контракта. Ты же плебс? А я – пуп земли. Сама понимаешь, такому, как я, это ничего не стоит. А тебе ведь сильно деньги нужны, если я правильно помню? Платье красивое, не подкачала, так что затолкай свой рудимент поглубже к себе в горло и еще немного потерпи. Недолго тебе осталось. А пока отработывай давай. Танцевать пошли.

И Роман повел ее на танцпол. У Даши слегка заплетались ноги.

– Роман Сергеевич, я же вам говорила, я не танцую.

– Со мной танцуешь.

Он привлек ее к себе, а когда поймал ритм, наклонился к ее уху и спросил:

– Неужели я настолько гадок?

– Роман Сергеевич...

– Нет, то, что ты описала – это даже меня впечатлило. Это сколько же в тебе должно быть терпения, чтобы продолжать работать с такими, как я?

– Прекратите. Или я сейчас уйду.

Роман прижал сильнее.

– Скажи мне, сильно тебя от меня тошнит? А?

Она молчала.

– Посмотри на меня. Посмотри, сказал, всё равно ведь заставлю!

Даша подняла глаза.

– А когда больше? Когда в первый же раз кончила, не успел я начать?

Она смотрела, не мигая.

– Или тогда, у стены, когда мурашками вся покрылась. А, может, вчера? А? Сильно тошнило?

– Прекратите.

– Нет, Даша. Терпи. Такая у тебя работа. Не я придумал эту игру, а ты. Сама каждый день возвращалась. Так что потерпи еще немного.

Он помолчал.

– А, может, тебя от меня выворачивало, когда руку мне бинтовала? Ты признайся, я теперь всё смогу вынести. Тебе вряд ли удастся поразить меня больше, чем ты это уже сделала.

– Что вы хотите услышать?

– Почему ты каждый день возвращалась? Только не говори, что из-за денег. Хватит вранья на сегодня.

– Вы знаете почему.

– Нет, Даша. Психиатрия – не моя специальность. Почему?

Она сглотнула ком.

– Куда отвернулась? В глаза мне смотри.

И Даша снова подняла глаза. В них блеснуло. Но она справилась с чувствами.

– Вы знаете.

– Не доводи до греха, говори!

– Я уже сказала сегодня. Увлеклась.

– Кем? Вот той самой вонючей мразью, которую ты описала?

Молчит. Опять заблестело. Но Роман уже не мог остановиться.

– Так ты что, мазохистка? Или, может, что посерьезней?

Даша попыталась отстраниться, но он вцепился в нее до синяков.

– Роман Сергеевич, вы мне больно делаете!

– Да. И не в первый раз уже. Раньше ты на это внимания не обращала. Наверное, потому что мазохистка. А что теперь? Моральным обликом своим обеспокоилась? Так поздно уже. Поздно, Даша. Мне на него наплевать. Я тебя не отпущу.

Теперь она уже действительно чуть не плакала.

– Что вы от меня хотите?

Роман сказал со злостью:

– Чтобы ты, твою мать, объяснила мне нормальным, человеческим языком, зачем ты всё это делаешь? Я тебе сразу сказал чего хочу. В первую же пятницу, в лифте. А чего хочешь ты? Скажи. Здесь и сейчас. Тогда я подумаю, отпустить мне тебя или нет. Но до этого не отстану, даже не надейся. До могилы тебя доведу, но не отстану.

– Я не могу сказать...

– Можешь. Говори. Что тебе нужно Даша?

Она всё же ответила:

– Мне нужно то, чего вы не способны дать.

Роман застыл на месте, перестав ее вести.

– Это не ответ. Я хочу знать, чего именно.

– Отпустите меня, пожалуйста.

– Отпущу. Четвертого после полуночи будешь свободна как ветер. А теперь пошли, мне здесь надоело. Унылая какая-то пирушка.

И потащил ее за руку к выходу. Она не сопротивлялась.

– Номерок давай.

Даша вынула его из небольшого кармана и протянула Роману. Тот довел ее до гардероба, взял вещи, помог одеться, дождался, пока она переобуется и потащил к машине.

Лимузин остановился в Сити. Роман помог Даше выйти. Зашли в башню, поднялись на девяностый этаж, вышли. Он взял ее за руку и потянул за собой. Прошли дальше, вскоре

оказались на открытой площадке. Вид на красавицу-Москву впечатлял. Роман встал за спиной, взял за плечи и подвел ее к ограждениям. В лицо дул ветер, но не сильно. Он освежал и лишь помогал прояснить мысли. Роман наклонился к Дашиному уху:

– Ты не можешь знать, что я способен дать, а что нет. И ты не можешь за меня решать. Даша.

Он взял ее за шею и притянул к себе, прижав голову к своей шее.

– Никогда не устраивал романтических свиданий. Мне они как-то по барабану были. А с тобой хочу. Жить хочу, понимаешь? И романтических свиданий тоже хочу. И встречи дурацкого Нового года. Елку эту тупую, колючую. Чтобы все руки себе ободрать. И чтоб воняла на всю комнату, чтоб ей. Поехали елку покупать, а? И мандарины.

И Роман развернул Дашу к себе лицом. У нее текли слезы.

– Ты что, дура? Даша? Ну что ты плачешь? Я же серьезно!

– Вот зачем вы это делаете? Почему не можете просто меня отпустить?

– А почему сама не уходишь? Я бы не смог удержать, если бы ты всерьез захотела. Но ты ведь не хочешь. Признайся!

Опять взгляд опустила. Заколебала уже в самые важные моменты от него прятаться. А он хочет видеть, что в глазах зазнобы написано, может, хоть тогда сможет понять, какого хрена творится у нее в башке?

– Не хочу. Но, если бы вы мне не мешали, то смогла бы.

– А я буду тебе мешать, поняла? Потому что нечего тебе за меня решать, как я к тебе отношусь. К людям, да, ты права, возможно. Но это неточно. Просто жизнь у меня такая. Но к тебе – нет. Я с первого дня отношусь к тебе не как ко всем. Потому что ты – не все. Выходит, не такая я уж и вонючая мразь. Как заслуживают, так и отношусь.

Он дотронулся до ее щеки и поцеловал свою странную Дашу.

32.

– Тебе какая нравится?

– Эта.

Даша указала на среднего размера пихту.

– Мне тоже. Значит, берем.

Роман крикнул работнику отдела:

– Вот эту нам в сетку заверните! И еще подставку под нее.

– Возьмите еще подкормку. Она дольше простоит тогда.

И чехол для утилизации елок. Легче будет из дома вынести.

Завернете, сыпаться не будет.

– Уговорили, берем. А игрушки только эти?

Роман указал на стеллажи за новогодними деревьями.

– Да, всё, что осталось.

– Не густо...

– Так тридцатое, вечер. К тому же пятница. Завтра утром последнее разберут.

Роман посмотрел на Дашу.

– Что скажешь? Есть, что выбрать?

– Я по-другому предлагаю, Роман Сергеевич. Давайте только гирлянды возьмем.

Она обратилась к работнику:

– У вас остались однотонные лампочки? Желтые?

– Да, вроде были... Вот, есть.

– А сколько?

– Три упаковки.

– Покажите... Пятиметровые? Ну нормально! Думаю, что пятнадцати метров счастья нам с вами хватит. Зачем украшать такую красавицу безвкусными игрушками? Пусть лучше просто горит.

Роман улыбнулся. Ему нравился ход ее мыслей. Всегда.

– Согласен.

– А на ветки мандаринки разложим. Они такие малютки, что не должны упасть.

Продавец добавил:

– У меня там одна нераскрытая коробочка рождественских звезд осталась, не хотите?

Даша заинтересовалась:

– А какого цвета?

– Красные, снегом припорошенные.

– Красота! То, что нужно. Тащите.

На Фрунзенскую набережную доехали к полуночи. Саша помог поднять и установить елку и за это получил приз: Роман освободил его до второго января. Пусть проведет Новый год по-человечески. На выходе директор спецотдела тихо ему сказал:

– Только ты мне завтра на пару часов понадобишься. Днем. А потом будешь свободен.

Саша кивнул:

– Без проблем! Спасибо, что отпускаете, Роман Серге-

вич! Клара будет очень рада.

– А Клара это кто? Жена? Девушка?

Он улыбнулся:

– Жена, Роман Сергеевич. Уже полгода как.

– И как ты так долго шифровался?

– Да никак. Вы не спрашивали. Не буду же я сам к вам со своей личной жизнью лезть?

Роман подумал, что Даша, возможно, была права. Раньше он бы о таком вообще не задумался. Это было ее влияние. Но он пока не понимал как к этому относиться.

– Да уж... Ладно, спасибо. До завтра.

– До завтра, Роман Сергеевич.

Елку нарядили за десять минут: он обмотал дерево гирляндами, а Даша разложила на ветки цветы. Получилось просто здорово, Роман такого даже не ожидал.

– Даша, это круто!

Она улыбалась. Ей тоже нравилось.

– И мандаринок не понадобилось...

– Вот и хорошо. Не для того их брали. Я хочу их все съесть. Перед тем, как доберусь до тебя.

Он почистил одну, подмигнул и стал грызть ее, мотая головой от удовольствия.

– Елки зеленые, сто лет не ел мандаринов! А таких сладких вообще никогда!

– Это сейчас самый писк. Мини мандарины называются.

Китайские, как и всё сейчас.

Роман почистил один для Даши, второй – для себя. Положил в рот, а кожуру бросил под елку.

Смотрит. С непониманием.

– Отец так всегда делал. С детства помню, говорил, что так аромат Нового года дольше в воздухе сохраняется.

Даша улыбнулась. Роман дожевал.

– Вкусно. Очень вкусно. Но ты – вкуснее!

Он подлетел и оторвал ее от пола. Какая же Даша все-таки легкая! Вроде и рост не маленький, но весит, что пушинка. Донес до кровати. Уложил на покрывало, залег сверху. И приступил к самому долгожданному событию года. Медленно. Чувственно. Упрямо. Прошептал на ухо:

– Сегодня я не успокоюсь, пока тебя не прикончу.

Потом в другое:

– Решил сразу предупредить, чтобы знала.

Навис над ней и посмотрел в глаза. Серьезно, без шуток. И сказал:

– Сопротивление бесполезно, только измотаешь себя и меня. Так что давай поработай. Расслабься, освободи голову. Только она тебе и мешает.

Это продлилось почти два часа. Без единой остановки. Роман едва не потерял надежду, но он не привык сдаваться и упрямо делал свое черное дело. Даша стонала и извивалась, в этот раз их близость больше походила на борьбу.

От его пальцев она покрывалась мурашками, а губы Романа доводили ее до состояния, когда она едва не просила пощады. Нет, Даша не говорила ни слова, но он чувствовал такое напряжение в теле своей женщины, что казалось, у нее порвутся жилы. Ему еле удавалось удерживать ее, одновременно лаская, она так и норовила выскользнуть, вывернуться, убежать от его ласк, но он не давал. Роман видел, что для нее его губы – это что-то почти нестерпимое, на грани с мучительным, но всё же не скатывающееся в неприятное.

Почти постоянно Даша была на пределе. Временами Роман ненадолго давал ей передохнуть, чтобы не измотать вконец. Но это были лишь непродолжительные передышки. Затем она снова натягивалась как струна. Он хотел, чтобы сегодня они сделали это одновременно, как тогда, в их первый раз, и поэтому решил, что до последнего продержится и не возьмет ее. Вчера ночью ведь брал без конца, но так и не смог заставить ее дойти до точки. Поэтому – только ласки, объятия и поцелуи, и лишь когда она будет готова взорваться, он сделает самое главное. Но один раз Роман всё же не удержался. Он должен был дать себе хоть немного разрядки. Иначе взорвался бы сам.

Даша была порывистым ветром, как тот, что налетает перед грозой. То стихала, то вдруг накапливалась и начинала шквалисто биться, поди удержи ее в руках. На это требовалось много сил, и они у Романа были, только вот терпения не хватило. Видеть ее страсть и не откликнуться было невоз-

можно. Но он ни на минуту не хотел прерывать своих ласк, и, чтобы не покидать ее, в последний момент привлек к себе и... предложил поучаствовать. Даша приняла его жест. Попробовала. Простонала. Еле слышно, будто от удовольствия. Как же чертовски приятно это было! И Роман кинулся в бой с еще большим энтузиазмом.

Он всё же довел свое дело до конца. А когда это случилось, тихо рассмеялся, продолжая еще задышаться. Даша лежала на боку, он отодвинул ее волосы, обхватил ладонью за шею ниже их кромки, потом погладил по голове. Уткнулся в волосы носом.

– Теперь так будет всегда. Даша.

Она тяжело дышала.

– Поняла? Скажи, хочу услышать твой голос.

– Да, Роман Сергеевич.

Он усмехнулся:

– Какой я тебе теперь Роман Сергеевич?

Подобрался к уху:

– Рома. Скажи.

Молчание.

– Скажи это, ну же!

Снова ни звука, упрямая девчонка! Он развернул ее голову к себе лицом.

– Сейчас выйду, у тебя две секунды. Скажи.

Смотрит. В глазах растерянность. И нежность. Ну наконец! Ладно, позже ее дождет, будет еще время.

Роман выскользнул, и они прошли в ванную.

– А теперь пошли есть по-настоящему. Я проголодался.

Ты мне все нервы вымотала, от этого всегда хочется есть.

Она зашла в спальню и набросила на себя его рубашку, последовала за ним в кухню. Роман достал из пакетов заказанную в ресторане еду, выложил на стол. Даша стояла, прижавшись спиной к холодильнику. Ох, и зря она это...

Налетел на нее, даже не понял почему. Как-то само получилось... Вжал в дверцу, посмотрел в глаза. Скользнул ниже. И всё, опять пошло-поехало... Да что же с ним такое делается-то, люди добрые?

– Дашка, ты просто ходячий секс!

К шее поднялся.

– Никак не могу тобой насытиться...

До уха добрался.

– Маньяка из меня сделала какого-то сексуального...

Поцеловал. Она ответила. Робко, будто задумчиво.

– Ведьма, ты, Дашка...

Пришлось снова дуть в ванную. Умывались. Но Даша опять стала какой-то грустной. Вроде бы неувлимо, но Роман ее читал как открытую книгу, враз мог услышать даже самую тихую ноту зарождающегося настроения. Не стал спрашивать. Позже прощупает.

Ели молча. Даша вроде выглядела обычно. Но он видел, что что-то опять не так. Она будто держалась, пытаясь сде-

лать всё, чтобы он не увидел ее... боли? Сомнений? Неуверенности? Да, определенно, чего-то такого. Роман решил аккуратно ступить на эту зыбкую почву.

– Даша, мне очень хорошо с тобой.

Посмотрела. В глазах непонятная каша из чувств. Вообще ничего разобрать невозможно.

– Тебя что-то беспокоит?

Встала, повернулась к Роману спиной, прошла к окну, залипла. Он подошел сзади и обнял.

– Что такое? Скажи.

– Ничего, Роман Сергеевич.

Ох и девка... Опять Роман Сергеевич, что б ей... Ладно, он пока потерпит. Это всё равно не самая большая дурь из того, что может творить его женщина. Он немного подумал. Мелькнула мысль, решил проверить:

– Ты из-за бесплодия переживаешь?

Молчание, но плечи напряглись. Похоже, в точку попал.

– Даша, меня это совершенно не парит. Я всё равно не планировал больше заводить детей.

Роман развернул ее к себе. Смотрит в сторону. На лице отпечаток горечи. Взял за подбородок. Посмотрела в глаза. Спокойно так, но почти обреченно.

– Ты – классная. Брось об этом сокрушаться. Жизнь продолжается.

И обнял. Она тоже обняла. Но как-то машинально, заученно. Не похоже на нее. Ну ничего, он и с этим разберет-

ся. Со временем он разберется во всем. В этом сложном организме по имени Даша.

33.

– А как это произошло?

– Что именно?

Даша лежала у него подмышкой. Роман гладил ее по ключичной впадине. Ему очень нравилось это место. Сексуальное.

– Что бесплодной стала.

– Первый мужчина подарок оставил. Продолжительного действия.

– Это как?

– Как-то раз уговорил без презерватива. А сам болел.

– Чем?

– Гонореей. Так что я тогда не обманула. У меня действительно гонорея.

Пауза. Роман поднял голову над подушкой. Надо было не забыть сделать удивленный вид... Но Даша не стала долго его дразнить.

– Была. В семнадцать лет заболела. И очень долго не знала. Она у женщин часто без симптомов протекает. Жила себе, ни о чем не подозревая. Потом боли какие-то появились. Но я молодая была, что мне тогда, еще ведь и двадцати не было. Какое-то время не обращала внимания. А потом друзья общие просветили. Что он спит со всем что движется, и болезнь ему не особо мешает это делать. Я, конечно, о том,

что он много гуляет, тогда уже знала, мы к тому моменту долгие месяцы как не встречались, но вот про болезнь его так узнать для меня было сюрпризом. И что не лечится, а продолжает со всеми спать. И я тут же на свои боли по-другому взглянула. Пришла на обследование. А там выяснилось, что уже очень сильно поражены яичники.

Умолкла. Перелегла на подушку. Близилось утро, но было еще темно. Комната освещалась лишь светом гирлянд.

– Я очень долго лечилась от этой гадости. Никак она отступать не хотела, застарелая уже была. Но, вылечилась, конечно. А бесплодие... Его сразу не поставили, но предупредили, что могут быть такие последствия. Я однажды пробовала забеременеть, и долго ничего не получалось, тогда уже стала более подробно обследоваться. Ничего другого не выявили. Поэтому есть такое мнение, что, скорее всего, это последствия той болезни.

Роман опёрся на локоть:

– А ты хочешь детей? Точнее, хотела бы?

– Какая разница? Я, Роман Сергеевич, не думаю о несбыточном.

Села на край кровати. Роман погладил по спине. Но мурашек не было. Не хочет.

– А у меня вот с детьми не очень удачный опыт. Так что повторять как-то не хочется...

– Почему? Вы не любите своего ребёнка?

– Я ее не вижу, в основном. У меня никогда не оставалось

времени на семью. Дочь выросла без меня. Сейчас уже трудно что-то изменить.

– Просто – вы одиночка. Вам никто не нужен.

Он притянул Дашу к себе, снова уложил на спину.

– Ты мне нужна.

– Нет. Вы просто меня хотите.

– Да, хочу. Очень.

И поцеловал. Опять так же страстно. Роман теперь знал, где ее уязвимые места, и тут же направил туда бригаду спасателей. Поэтому Даша почти сразу сломалась. И отозвалась.

Эх, не удастся им всё же поспать до Нового года...

Проснулись в обнимку. Роман потянулся к телефону: три часа дня. Включил звук. Пропущенных не было. Он еще под утро перезвонил по одному важному делу. Остальные как будто знали, что его сейчас не надо беспокоить и пропали с горизонта. Даша открыла глаза, но тут же отвернулась к окну и уткнулась лицом в подушку. Наверное, собиралась доспать. Роман не стал ей мешать и прошел в кухню. Набрал номер.

– Где вы? Угу. Хорошо. Позвоню.

Еще один звонок:

– Ну как? Где он?

– В торговый центр поехал с друзьями.

– Угу. Как будет на подъезде домой – сообщите. Мои ребята скоро будут готовы его принять.

И еще один:

– Саша? Да, привет. Выезжай по месту, в сообщении написал. Там возле дома парней подберешь, кое-кого встретишь. Как выедете – позвони.

Роман вернулся в комнату. Спит, зазноба. Прошел в коридор, обернулся, прислушался. Всё тихо. Открыл ее сумку, достал блокнот. Никаких новых записей. Вспомнились слова Ларисы:

– Стоило к тебе на работу устроиться, со всем миром связь потеряла...

У Даши в блокноте были лишь записи, сделанные ею до выхода на работу. Ведь она пришла к нему неожиданно для себя самой себя. Поэтому те планы, что были – оставались, а вот новых не появилось. На последней странице в блокноте была только одна новая запись. Крупными буквами почти на весь лист:

ПЕРЕСТАТЬ МЕЧТАТЬ

А под ней маленькая неразборчивая приписка. Роман пригляделся. Выходило что-то вроде:

Мир от этого не изменится

Поверх надписей отчетливо проступали капли. Вода? Но откуда? Не под дожем же она писала и не во время мытья посуды... Значит, слезы? Даша плакала?

Она плакала... Потому что не могла перестать мечтать, хоть и считала, что мир останется прежним...

Роман быстро закрыл блокнот, положил обратно в сумку и застегнул замок. Подошел к шубе. Вчера она надела ту же, какая была на ней в Мурманске. Черную, с обширным воротником-капюшоном, длинную, в пол. Не ту, в которой обычно ходила. Роман проверил карманы. В одном лежали блистеры с таблетками и шарф – так вот где он был! – а в другом... пластиковый контейнер с сим-картой. Он поразмышлял. Взять? Может, решит, что потеряла? Но как он вернет ее обратно? Когда? Вдруг не будет удачного момента? Вдруг Даша подумает, что это он взял и станет нервничать? Проверить сейчас? Опасно, она может в любой момент проснуться. Нет, Роман не мог так рисковать. Его женщина и так ему не доверяет, так еще селить в ее душе дополнительные подозрения – это точно не вариант. Он провернет это позже, в более подходящее время. А сейчас... просто положит симку обратно.

Он вернулся в постель и обнял ее. Даша продолжала спать.

Роман подумал о надписи в блокноте. Вспомнил о ее речи вчера на корпоративе. Как всё время смотрела на него с печалью. Но каждый раз ломалась, когда он настаивал. И вот уже месяц ежедневно возвращалась на работу.

Она влюбилась в него. Также, как и он сам влюбился в нее. Но Даша не верила, что Роман в нее влюблен и от этого мучилась и мучила его. Всё это время. Ведь неизвестно, когда именно появилась последняя надпись в блокноте. И во-

обще, появились ли они одновременно, или сначала первая, в вторая лишь много спустя. Роман отругал себя за то, что не проверил раньше. За этой девушкой нужен постоянный пригляд. Неусыпный. Иначе в ней не разобраться. А он должен был. У него просто не было выбора.

Когда завибрировал телефон, Роман медленно отстранился. Он снова прошел в кухню.

– Да!

– Почти на месте.

– Хорошо. К переулку давай. Сейчас подойду.

Роман посмотрел в окно. Темнело. Отлично, он не хотел делать это засветло. Как раз самое время... Вдруг из комнаты раздался сигнал телефона. Это звонил Дашин. Она почти сразу сняла, и Роман услышал французскую речь:

– Bonjour!

Молчание. Слушает.

– Je ne peux pas parler maintenant.

Опять пауза. Снова ее голос. Роман уже заходил в комнату.

– Alor, oui. Mais je préfère ne pas maintenant.

Он посмотрел на нее. Даша заканчивала разговор:

– C'est le Nouvel An. Revenons à cette conversation en Janvier.

Снова помолчала.

– Au revoir.

(прим.: Добрый день! Мне сейчас неудобно разговари-

вать... Значит, да. Но я бы предпочла не сейчас. Сегодня же Новый Год. Вернемся к этому разговору в январе... До свиданья., фр.)

Роман посмотрел с вопросом. Даша ничего не сказала, просто убрала телефон. Он решил не давить на нее. Пока. Ему нужно было идти. Потом расспросит, что это еще за конверсасьон жанвьёр. Очень настораживает...

– Даша, я спущусь ненадолго. Там по делу ко мне подъехали. Не теряй меня. Скоро вернусь.

Она посмотрела долго и с таким выражением, что Роману тут же захотелось всё отменить. Надо было оставаться с ней. Но это было невозможно. Ему необходимо спуститься. Значит, постарается закончить быстрее. Надо вернуться обратно как можно раньше, пока его отчаянная мечтательница опять чего-нибудь не учудила.

– Хорошо, Роман Сергеевич.

Он бросил на нее последний долгий взгляд и ушел в коридор.

Роман спустился вниз, прошел через сквер, вышел к переулку. Подошел к машине, сел на переднее.

– На пустырь давай!

Водитель кивнул. Перегородка была опущена, и Роман обернулся, кинул взгляд на зажатого между двумя его людьми человека. Смазливый как девчонка. Роман не любил таких. Самовлюбленные, привыкшие, что всё всегда са-

мо плывет в руки и оттого слишком самоуверенные, часто до кретинизма. Сам он от недостатков внешности не страдал, но всё же никогда не причислял себя к плейбоям-красавчикам. В его внешности превалировала мужественность, и женоподобные мужчины его раздражали. Роман привык таких обламывать, обычно это не вызывало особых трудностей. Они были заносчивы не только с женщинами, но и в бизнесе, и их всегда губило слишком высокое мнение о себе. А человек, сконцентрированный на собственной персоне, обычно бывает склонен недооценивать лес, в котором живет, и все опасности в нем таящиеся. Так что расправляться с подобными экземплярами Роману всегда доставляло особое удовольствие. Но сейчас он был зол. В данном случае это касалось его лично, поэтому он старался сохранять хладнокровие. Чтобы не завалить его случайно. Такое в планы директора спецотдела не входило. По крайней мере, пока.

Когда машина подъехала к пустырю, Роман вышел. Двое выволокли поца с заднего сидения, но отпустили и теперь просто стояли на отдалении. Водитель тоже вышел, открыл багажник, вытащил оттуда бейсбольную битку и подал хозяину. Похищенный стоял, демонстративно выпятив грудь вперед. Он заложил руки за спину. Роман не стал долго медлить.

– Ты зашел не на ту территорию. Никогда больше не появляйся возле Даши.

Поц усмехнулся.

– А то что?!? Отп...ишь меня своей бейсбольной битой?

Да ты, я смотрю, герой! Сам бы, без своих сторожевых псов, небось, не справился.

– Что тебе мешает? Стань мной, заведи таких же.

– Я пока сам справляюсь.

– Пока, возможно, и справлялся.

Роман чувствовал, что поц его боится. Просто улавливал это по легкому дребезжанию, которое от того исходило, но парнишка старательно делал вид, что это не так. Он сказал развязно:

– Ну раз ты такой крутой, значит, должен быть не дурак. Тогда объясни мне: с чего вдруг я не на ту территорию зашел, если я на ней самолично первый флажок поставил? И, значит, имею право ставить их столько, сколько мне вздумается. По праву первенства.

Роман размахнулся и ударил его в предплечье.

– Первооткрыватель, бл...ь...

Поц вскрикнул, согнулся пополам, а потом выставил руки перед лицом, интуитивно стараясь его прикрыть. Роман нанес еще удар, и парень упал на землю. Тогда директор спецотдела нащупал его руку, схватил за кисть и скомандовал:

– Держите его так!

Двое людей подошли. Один встал на колени и второй ногой прижал поца за шею к земле, другой перехватил кисть похищенного из рук Романа. Тогда последний размахнулся. Он вложил в удар достаточно силы, чтобы раздробить обе кости.

Пленник истошно закричал. Роман схватил его за вторую руку, бьющуюся в конвульсиях, и снова обратился к одному из своих людей:

– За запястье его держи!

Тогда он нанес удар по второй руке. Поц орал и матерился. Роман тихо сказал:

– Боль – это мой тебе подарок. Ты даже не представляешь, насколько тебе с ним повезло... С Новым годом, Андрей Валентинович! И помни, что в следующем году ты можешь перестать испытывать даже боль. Если будешь лежать в земле.

Когда Роман вернулся в квартиру, Даши там не было. Не осталось никаких напоминаний о ней, кроме елки, которая всё это время так и горела. Роман еще раз прошелся по комнатам, хотя, зачем, и так ведь ясно... Но всё же он прошелся. На всякий случай. Один из ста. Или тысячи. Или миллиона. Случай не наступил. Он поиграл пальцами правой руки и вытащил телефон из кармана брюк. Смотрел на него какое-то время. Лежит в руке. Черный. С краю небольшой скол. Елка пахнет, сучка.

Роман набрал номер Даши. Она сняла почти сразу. Молчание. Ну что, на этот раз построим дурачка? Всё равно ниже падать уже некуда...

– Да-ашь? Ты где? Вернулся, а тебя нет. Уже соскучился!

– Роман Сергеевич, извините, но я не смогу больше с вами работать. Простите, что ушла так... но... я решила, что

мне вас лучше не дожидаться. Мне жаль, что всё так... под Новый год... Но я не могу больше так. Простите.

И повесила. А он так и не смог ничего из себя выдать.

Мыслей не было никаких. Взгляд зацепился за бутылку коньяка. Та так и стояла на прежнем месте еще с того дня, когда они с Дашей молча поссорились. А ведь, и правда, сегодня же Новый год! Осталось всего несколько часов. И Роман знал, что встретит его достойно. Не один. У него на вечер как раз есть пара. А когда бутылка закончится, директор спецотдела найдет ей замену в баре. У него там было еще достаточно коньяка в запасе. Он сделал большой глоток прямо из горлышка. И елка у него тоже есть. Значит, впереди ждет настоящий праздник.

34. Первый день без Даши

Утром первого января голова болела даже сильнее, чем в тот день, когда он вызывал массажистку. Едва продрал глаза, Роман простонал. Сейчас он понимал, что означало выражение «не может от боли оторвать голову от подушки». Любое движение разрезало на части какую-то плоть в глубине лобной доли. Через несколько минут он всё же сел на край кровати. Закричал. Больно, блин! Встал. А-а-ай, болит, гадина! Боль, боль, боль, боль, боль. Вспомнилось: здравствуй, жопа, Новый год! Как в точку, однако...

В этот раз таблетка подействовала только через час. И Роман вспомнил... лучше бы не вспоминал...

Но нет, он не собирается сидеть сложа руки. Сейчас он встанет, хлебнет еще, если там что-то осталось – Роман не помнил, – и поедет за ней. Только куда? Сашу он отпустил до второго. Не хотелось парня дергать... посмотрел на часы... в час дня первого января. Нормальные люди в это время еще спят. Это только он утромранок, блин, любимый муж головной боли...

И что он ей скажет? Что давно знает, где она живет? Ведь разведчик отписался, что Даша вернулась на Ходынку. К отцу встречать не поехала. Или из-за Андрея, или настроения не было. Да уж, она у него специалист по созданию настроения! Причем им обоим.

Он вспомнил: Перестать мечтать, мир от этого не изменится.

Даша боялась этой любви даже больше, чем сам Роман. Он хотя бы был честен с самим собой, и вот уже несколько дней, как признался себе, что не сможет без нее. А она упорно продолжала считать, что сможет. Но он знал, что Даша заблуждается. Так, может, ему стоит дать ей позаблуждаться? Пусть насладится своей свободой, возможно, так она сможет быстрее осознать, каково это, жить теперь без него? А он что? Он – мужчина, сможет как-нибудь перетерпеть. Вот и коньяк всегда в помощь.

Кстати, о коньяке... Ведь Даша оказалась права, просто Роман как-то раньше не задумывался об этом. Он никогда не видел связи между своими попойками и головной болью, а сейчас она казалась ему такой очевидной, что становилось даже как-то стыдно. Как он сам раньше не обратил на это внимания?

В первый рабочий день Даши у него болела голова. Несильно, но всё же ощутимо: накануне он выпивал с Эллойд. В следующий раз голова заболела после того, как он напился в тот вечер с Ларисой. Пусть не так интенсивно, но тогда еще стояли сильные морозы, а в стужу приступы всегда были слабее. Следующий эпизод – головная боль возле клуба, когда подслушал, что Даша собиралась к любовнику. А ведь Роман перед поездкой в клуб выпивал на встрече с группой. Позже – дикий приступ, когда напился после секса с женой. И

так далее... А Даша, которая не проработала с ним в общей сложности и месяца, сразу увидела связь. Правда, до встречи с ней Роман почти никогда не выпивал столько за один раз. Да и вообще попойки в его жизни случались нечасто. Тем не менее она сразу заметила. Значит, наблюдала за ним, чертовка. С первого дня наблюдала.

Как она тогда сказала?

– Спасибо коньяку, на первый взгляд результат впечатляющий. Но это только так кажется. Ответьте мне на один вопрос: на протяжении какого времени вы чувствуете, что головная боль мешает вам работать?

И он тогда так разозлился, что даже перестал ее хотеть. За что? За правду? Вспомнилось это:

– Ну что ты за человек такой? Зачем ты себя так ведешь?

– Как именно? Говорю правду? Вас это смущает?

Выходит, что его смущало. Не хотелось слышать о себе правду. Что он алкоголик, что ревнивец, да и что в целом так себе человек. Но она всё равно говорила. Потому что знала, что была права, и хотела до него достучаться. А, может, даже помочь. Для чего ей было лезть к нему с этой головной болью? Роман решил, что Даша таким образом утверждалась на месте его девушки. И он вспомнил тот вечер. Они тогда только начинали нормально общаться. Это был второй робкий день наведения мостов, и его женщина вела себя совсем скромно. Так с чего ей было самоутверждаться? И с чего вдруг он вообще ее в таком заподозрил? Возможно, это

просто была забота о нем?

Роман стал размышлять. А ведь, и правда, после того как приступ начинался, как минимум половина его рабочего дня была потеряна. Даже когда Даша дала ему волшебные таблетки для эпилептиков, тупая тяжесть оставалась до самого вечера, а порой отпускала лишь на следующее утро после полноценного сна. Роман, конечно, работать мог, но он становился более рассеянным и быстрее уставал. Так что те пять часов, которые, как он до этого считал, были подарены ему коньяком, съедались за счет сильно подпорченного, а иногда и вообще утилизированного последующего рабочего дня. Даша именно это имела в виду. Роман всё прекрасно понял еще в тот день. И взбесился. Потому что его раздражало то, что на самом деле он не так идеален, как ему кажется. Ведь он-то считал, что достаточно крут, чтобы держать всё под контролем. Не хотелось слышать, как кто-то развенчивает этот миф, тем более Даша.

Потом Роман вспомнил о Саше, водителе. Пушкинист, блин, философ... А ведь именно он посоветовал директору спецотдела и гуру бизнеса, что ему делать с Дашей.

– Сначала, наверное, извинился бы. А потом сказал, что нужна.

И Роман извинился. На следующий же день. А еще через два – сказал, что нужна. И ведь сработало же! Впервые Роман сделал что-то, что с Дашей сработало. И это Саша, водитель, которого он и не замечал-то до этого, смог найти для

него решение. А кем он считал человека, который вот уже два года на него работал? Да никем. Обстановкой.

– Мы только плебс для них всех. Для вас, Роман Сергеевич. Вы ведь не исключение.

Выходило, что и в этом она была права. Саша вот уже полгода, как женился, а Роман даже не знал об этом. Только после вчерашнего разговора увидел, что у того на безымянном пальце кольцо. А он ведь даже не заметил его появления. Хотя... Какое уж там кольцо, Роман и самого Сашу не больно-то замечал. А Дашу? Эх, Даша, Даша...

– Да, я вами увлеклась, скрывать это бессмысленно. Вы из меня, когда вам вздумается обо мне вспомнить, как из пластилина любую фигуру вылепить можете. Но внутренне я вам также безразлична, как и всё остальное население. Когда надоест – одним пальцем раздавите. И что-то другое лепить начнете, чтобы как-то себя развлекать.

Нет. Вот это была неправда. Он сразу ее заметил. С самого первого дня. А на второй день уже обшарил ее вещи. А на четвертый вел капитальную слежку, потому что понимал, что ему до чертиков нужно узнать об этой женщине буквально всё, иначе он просто до утра не доживет. И как Даша могла считать, что ему безразлична? Ведь Роман из кожи вон лез, чтобы убедить ее в обратном, доказать, как она важна для него! Почему она не видела? Почему отказывалась понять?

Елка всё еще горела. И пахла на всю ивановскую. О Даше

напоминала, сучка.

35. Вторые два дня без Даши

Утром второго января Роман чуть не сорвался. Но ему было нельзя. Со вчерашнего дня он решил, что попробует завязать с коньяком, а без этого оружия его убежденность в том, что он – мужчина и сможет как-нибудь перетерпеть – начала постепенно рассеиваться. Трудно было без нее. Впереди ждала неделя выходных, и Роман стал думать, как отвлечь голову от мыслей о Даше.

Лететь на моря не хотелось. Он, почему-то был уверен, что океан без его женщины на него сейчас подействует даже хуже, чем елка. Тоска съест. Нет, он лучше будет пялиться на это ужасное дерево. Так воспоминания о Даше становились хоть немного более осязаемыми. И Роман решил, что настало время для покаяния, а раз он не мог адресовать его тому человеку, которому оно в первую очередь предназначалось, то решил... поехать к жене.

Но уверенности в том, что, во-первых, она дома, а, во-вторых, пустит его на порог после того, как он себя с ней повел, не было. Тем не менее других мыслей не проклюнулось, так что Роман решил попробовать. Заехал в торговый центр, купил огромный и, наверное, несъедобный торт и ужасно безвкусного плюшевого медведя с себя ростом. Вспомнилась «Бриллиантовая рука»:

– Детям – мороженое, а его бабе цветы... Идиот! Детям

– мороженое!

Точняк, как в фильме! Роман и сам не знал, кому из них какой подгон в итоге достанется. Если только они на пару с дочкой его этими самыми подгонами не... отподгб́нят...

Софья была дома: машина стояла на месте, и на ней недавно ездили. Роман перехватил медведя подмышкой, чтобы тот окончательно не сполз и не протер собой все близлежащие тротуары, и медленно побрел к дверям дома. Ноги, блин, не несли. Но покаяние – есть покаяние. Времени на Соловецкие скиты у него всё равно не будет, так что придется обходиться подручными средствами...

Жена чуть не аукнулась от его... наглости. Судя по ее лицу, появление дорогого супруга на своем пороге она восприняла именно так. Роман, натасканный неделями отношений с Дашей как пёс кинолога на наркоту, проявил чудеса реакции. Он не дал жене не только прийти в себя, но даже уйти в себя. Она еще была в процессе последнего, когда директор спецотдела уже запёрся на порог со всем своим скарбом. Он брякнул торт на пол, отпихнул медведя в проход подальше от себя и срочно закрыл дверь. Только после этого начал.

– Соф, я это... Разденусь пока. А ты чайник ставь. Поболтать надо.

Она открыла рот на шесть часов. Потом стрелки сместились к пяти. Это Софí так немного скривилась. Глаза выползли как улитки из раковин. Точная ассоциация, Роман прямо представил, как сначала появляется такая маленькая

бежевая субстанция, а потом разрастается настолько, что невозможно поверить в то, как вся эта масса до этого умещалась в маленьком домике на ее спине. Роман никогда раньше не замечал, что у Софьи такие большие глаза. Радовало одно, даже в самой гнилой ситуации он еще не утратил способности к юмору...

– Я серьезно. Всё равно не уйду пока не поговорим. Так что прояви великодушие. Это в последний раз, обещаю.

Она помотала головой и прошла в кухню. Роман разделся, взял торт, подцепил медведя за заднюю лапу и поволок всё это добро в их огромную кухню. Точнее, в кухню Софьи. Квартира по разделу отходила ей и дочери.

Приземлил гиганта на пол в углу, поставил торт на стол, снял крышку.

– Наверное, мерзкий, но этот был самый большой.

Софья посмотрела. В глазах презренье. Она не собиралась веселиться.

– Медведь, как ты уже поняла, тоже. Сами с Адой разделите. Может, ей торт больше понравится. А вообще... Я что пришел...

Роман посмотрел жене прямо в глаза:

– Я хочу перед тобой извиниться.

Софья усмехнулась, он же оставался серьезным.

– Я был не прав. Мы давно должны были развестись. Этот брак был обречен с самого начала. Ты это теперь понимаешь не хуже меня. Но ты не хотела разводиться. Так вот... Я

должен был настоять и поступить по-мужски. Я украл у тебя очень много времени, Софи, но понял это только сейчас.

– Конечеченно! Ты по-о-онял! Да ты просто втюрился! И раз такие речи толкаешь – тебе сильно хреново!

– Да.

Она снова усмехнулась.

– Понял он. Тебе наплевать на всех, кроме себя. Так что не строй из себя Марию Магдалену.

– Всё так. Именно потому я и понял, что мне наплевать на всех, кроме себя. Только когда сам испытал – стало ясно. И стыдно перед тобой. Я сейчас тебе серьезно говорю. Ты же знаешь, мне на фиг не впёрлось что-то кому-то доказывать. Или сидеть тут и комедию перед тобой разыгрывать. С дебилскими медведями и идиотскими тортами. Просто встал утром, вспомнил, что сегодня второе января, вчера Новый год был, и подумал, что мы его так ни разу за всю совместную жизнь по-человечески и не отметили. И грустно стало. За себя, за тебя, за Аду, она ведь ни в чем не виновата. То, что было, я исправить не смогу. И за то, что будет, тоже не ручаюсь. Так у нас с тобой сложилось. Но мне жаль. Правда, Софи. И я хочу, чтобы без меня тебе стало жить чуточку легче, чем было со мной.

– Ты меня растрогать, что ли, хочешь? После того, что сделал две недели назад?

– Ублюдок, согласен. Знаешь, я тебе скажу даже, что мне впервые в жизни стало стыдно за то, как я с тобой себя по-

вёл. Ты же знаешь, я никогда тебя не использовал. И не врал тебе. Гулял, но не скрывал, что измениться не получилось. И Ада ничего поменять не смогла. Но то, что я сделал сейчас, накануне развода – просто отвратительно.

Роман умолк, но вскоре добавил:

– Я пришел не для того, чтобы тебя растрогать. И не жду прощения, мне на него даже, наверное, наплевать. По крайней мере, могу сказать точно, что если бы на твоём месте был я, то не простил бы. Тоже позвонил бы отцу и изложил всё по пунктам. Ты ведь именно это сделала, верно?

Взгляд Софьи сделался жёстким. Цель его прихода начала для нее прорисовываться. Но его жена впервые ошибалась. И Роман не преминул развеять ее обманчивое соображение:

– Да не парься ты! Я с миром пришел. Ты правильно всё сделала. Иван Анисимович – твоя настоящая семья. Я для тебя чужой человек, к тому же враждебный.

Непроизвольно в голове Романа снова прозвучали самые болезненные слова на свете:

– Непредсказуемый из враждебного мира чужак.

И как он только что почти теми же словами описал, кем являлся для собственной жены? Может, он, и правда, просто такой и есть? Для всех? Но Роман вернулся к речи, которую сейчас толкал:

– Так что на твоём месте я поступил бы точно также.

Софья немного смягчилась, но она всё еще держала ухо остро.

– Да, я позвонила отцу. А как ты узнал?

– Сложил два и два. В моем номере сто пудов стояла прослушка. Они стали ей звонить в ту же минуту, как я в душ ушел. Твой отец знает, что я к водоплавающим не отношусь, так что у них было очень мало времени. По факту можно было что-то успеть только пока я был в душе. Выходит, это была прослушка. А так работать по банальной секретарше никто бы не стал. Значит, ты ему рассказала.

– Ром, ты что, правда, так втюрился? Я до сих пор до конца не могу в это поверить. Неужели такое могло произойти с тобой? Ты же... скотина бесчувственная!

– Э-э, как ты меня ласково... Думал, что я у тебя с чем похуже ассоциируюсь...

Он вздохнул.

– Это не важно, Софи. Главное, что я понял, что не хочу с тобой расставаться... ну, чтобы врагами остались, в общем. Ты мне можешь не верить, но я тебе всё это должен был сказать. И прощения попросить за то, что использовал. Молодец, что ответила той же монетой. Во-первых, я заслужил, во-вторых, понял, как сильно тебя достал. Но одно могу сказать тебе точно: если бы всё кончилось плохо – я бы тебя убил. Я серьезно. Но плохо не кончилось. Поэтому я здесь и извиняюсь. И предлагаю вот что: давайте хотя бы один раз проведем Новый год как нормальные люди. В отцы-мужья я не гожусь, так что строить из себя образцово-показательного не буду. Но мы можем просто съездить втроем на аттракци-

оны, поест мороженого, вернуться сюда, в твою квартиру, я на нее не претендую, поужинать вместе и лечь спать как семья. Один раз в год. Я у себя лягу, в кабинете, ты у себя. Ада где хочет пусть спит. А утром я встану, приготовлю завтрак – один раз в год, в честь Нового года, вместе съедим его, и моя миссия будет выполнена. Я уеду. И если не захочешь, больше никогда не вернусь. А захочешь – обсудим. Но я тебе не обещаю, что когда-нибудь буду способен на большее.

Она смотрела снизу вверх. Обдумывала услышанное. Потом сказала:

– Ада приедет вечером. Так что аттракционы только если завтра. Остаться можешь. Мы уже почти разведены. Я привыкла и давно смирилась. Поэтому не против.

– Хорошо. Спасибо, что не выперла. Могла просто из окна выбросить. Торт будешь?

– Буду. Должна же от тебя быть хоть какая-то польза?

Да уж, метаморфоза! У его жены тоже откуда ни возьмись прорезался юмор! Или, может, это просто он, скотина бесчувственная, раньше никогда в ней его не обнаруживал? А сейчас вот как возьмет и выяснится, что она вообще классная баба, а это он сам все двенадцать лет был чурбаном с глазами... Да уж, Даша даже с другого конца Москвы доставала его своим... откровением.

Ада вернулась через два часа. Зашла в кабинет. Видимо, мать сообщила, что он здесь, попросила почтить, так сказать,

отца-батюшку, присутствием. Роман видел, что всё последнее время ребенок его боялся, и постарался смягчиться настолько, насколько у него вообще такая опция была заложена в первоначальных настройках.

– Привет, Адик!

– Привет. – Получилось хмуро.

– С Новым годом заехал поздравить.

– Угу.

– Ужасного медведя видела? Это – мой.

Улыбнулась:

– Медведь, действительно, ужасный, пап.

– Знаю. Сам выбирал. Это ты еще торт не пробовала.

Усмехнулась.

– Адюша, хочешь, мы его с тобой из окна выбросим?

– Торт?

– Медведя.

– Ты что? Зачем? Он же там замерзнет!

– Он – белый. Значит, полярный. Ему там только лучше будет. Здесь для него слишком жарко.

– Нет, пап, не хочу.

– Значит, не такой уж он и ужасный... Уж не ужасней меня!

И Роман соорил страшную рожу. Ада засмеялась.

– Я сегодня у вас переночую. Можно?

Опять посерьезнела. Молчит.

– Ну пожа-а-алоста! В честь праздника!

– Праздник вчера был, пап.

– Вчера папа не мог. Вчера папа напился. Так что считай, что у меня праздник сегодня.

Снова улыбнулась.

– Тогда можно.

– А ты ко мне придешь хотя бы на пятнадцать минут? А то завтра праздник кончится, и мне опять надо будет идти. И я тебя до следующего праздника не увижу. А хочется. Хоть немного посмотреть.

– Пап, что с тобой? У тебя что, кто там?, никого нет дома!?? Странный ты сегодня...

Он рассмеялся. Оказывается, дети в двенадцать лет умеют юморить не хуже взрослых... Нет, он определенно отстал от жизни дочери. И вообще от жизни... Она тут полным ходом без него проходит. Даша, Даша... Вечно она в его голове. Даже когда перед родной дочерью пытается закрыть хотя бы часть своего долга, в его голове одна Даша. Он неисправим.

– Да, Адик, это точно. Знаешь, такая фраза есть: устами младенца...

Она закончила:

– ... глаголит истина. Знаю.

– Ну вот.

– Ты странный очень сегодня. И смешной. Я приду к тебе посидеть. Только позже, ладно? Мы с Маринкой Ерофеевой созвониться договаривались. А после – приду.

Утром Роман, как и обещал, сделал завтрак. Ели, почти не разговаривая. Но всё же Ада улыбалась. Они вчера очень смешно читали какую-то дурацкую новомодную сказку. Он решил, что совсем отсталый, но потом выяснилось, что они с дочерью испытывали одни и те же чувства. Сразу полегчало. Обоим. Вдоволь наржались.

После поехали в «Остров мечты». Всё же на этом празднике у Романа стояла какая-то проклятая печать. Или, наоборот, на Романе у этого праздника. Новый год никак не хотел складываться для него удачно...

Наверное, весь город решил приехать на аттракционы именно третьего января. В общем-то это было вполне логично, но столь разумная мысль не посетила гениального Романа Чернышева. Очереди на каждую карусель были часовые, народу – тьма, даже на самых неинтересных, и, простояв на два Адиных любимых, путем всеобщего голосования было принято единогласное решение: Роман – дурак. Или он проклят.

Потолкавшись немного на Красной площади, куда они всё же решили добраться, вскоре разъехались по домам.

И Роман вернулся к своей... елке.

36. Третьи три дня без Даши

Третьего вечером, как только вернулся и снова поздоровался с елкой, он решил, что вылетает в Мурманск. Билет взял почти сразу, оставалось несколько мест на вечерний рейс в половине одиннадцатого. О машине договорился с Толиком: тот давал ему одну из своих. К моменту посадки семидесятый Крузак уже должен ждать на стоянке. Дядю Петю предупредил, позвонив, пока было не слишком поздно. Что ж... Ничего не забыл? Да вроде нет. Что ему еще нужно? Главное ведь себя не забыть... Роман уже почти что преуспел в этом. Надо было начинать вспоминать... Раз уж он встал на путь паломника к истокам своей пропащей души, надо строго держаться этого направления.

В районе часа ночи четвертого января Роман снова был в заполярье. Семидесятка стояла в условленном месте, ключ обнаружился прилепленным снизу к заднему бамперу. Роман включил зажигание и поехал. Он хотел успеть раньше рассвета.

Было темно. Дорога радовала, на большинстве участков покрытие постелили недавно, а виды, что ж, их пока Роман себе только представлял. Ведь за окном стояла полярная ночь в заполярье.

Оленегорск показался через два часа, в районе трех ночи. Еще через полчаса Роман достиг Мончегорска. В Кандалак-

ше он был к половине шестого утра. Спать не хотелось. Думать – тоже. Это ему еще предстояло, когда достигнет места. А сейчас... надо было просто доехать.

Ближе к восьми утра Роман въехал в Умбу. Тьма стояла – крошечная. Понемногу стало клонить в сон. Нет, нельзя. Надо добраться до места пораньше. У Романа не было много времени в запасе. За пару дней до начала рабочей недели ему надо было как-то вписать в свою жизнь без Даши несколько рабочих встреч. Их было не отложить, так что к Рождеству предстояло вернуться в Москву. Он вспомнил про термос с кофе, так предусмотрительно приготовленный для него Толликом. Открыл крышку, отпил. Хороший кофе... И еще не холодный.

Роман достиг места вскоре после девяти утра. Дядя Петя ждал на лавочке перед домом, так что звонить не пришлось.

– Ну здравствуй, Роман!

– Петр Прокофьевич...

Голос дрогнул. Как давно Роман не был на родине... Больше пяти лет. Перестал ездить почти сразу, как в Москву переехал...

– Как дорога?

– Хорошо. Только темно. По свету оно бы, конечно, лучше...

– Так полярная ночь кругом!

– Кругом, дядя Петя.

– Пошли в дом.

Позже, днем, после восхода солнца, которое в такое время года является на в́арзужском небе к одиннадцати утра, а сразу после двух закатывается обратно, Роман и Петр Прокофьевич сидели на берегу родной реки. Сердце билось немного медленнее обычного, пульсируя внизу шеи ритмичными стонами, а душа изнывала от сладкой грусти: как же здесь было красиво... И как это было давно...

Родное село Романа Сергеевича Чернышева, появившегося на свет тридцать шесть лет назад, находилось в пятистах километрах от Мурманска, аккурат за полярным кругом. Это была задняя лапа скандинавского тигра – самое древнее русское поселение на Кольском полуострове. Он помнил, как в детстве дядя Петя рассказывал ему об этом удивительном месте, его доме, о непостижимом триедином наследии: природы, Бога и человека. Люди могли слушать его истории часами. О том, что первое упоминание о поселении датировалось одна тысяча четыреста девятнадцатым годом, уже больше шестисот лет назад. В летописи значилось: карельский погост на реке В́арзуге. Потому что тогда уже это село было подчистую разграблено мурма́нами. Они, мальчишки, еще тогда спрашивали:

– Дядя Петя, а кто такие мурмань?

И он отвечал строго:

– А название Мурманск от чего пошло, никогда не думали? А надо! Это же ваша родная земля, вы о ней всё знать

должны! Надо интересоваться! Так что хорошо, что спросили. Мурманы – пошло от неправильного произношения норманов. Уже в тот год на вашу, дети, родную землю пришли скандинавы. Пришли, чтобы грабить и убивать. И сделали из поселения карельский погост на реке Варзуге. Но уже тогда здесь стояла Никольская церковь.

Роман помнил, как дядя Петя рассказывал им о храмовом зодчестве пятнадцатого века, колыбели русской православной церкви здесь, на Кольском полуострове. О его жемчужине – церкви Успения Пречистой Богородицы, навсегда врезавшейся в голову Романа с первых дней детства, которые только могла воспроизвести его память. Успенская церковь стояла на высоком правом берегу, который поэтому назывался Пречистенским, от Пречистой Богородицы. Она просматривалась отовсюду.

– Это ведь, Рбмушка, эталон одноглавой шатровой деревянной церкви, построенной на Руси. Ее соловецкие монахи помогали возводить. Еще в тысяча четыреста девяноста первом году. Представить страшно, какая старина. И вся – на нашей земле. Вот какие мы с тобой, малец, счастливцы!

Роман помнил и историю второй значимой церкви поселения, Никольской, самой старой на полуострове, той, что упоминалась в летописи, но от которой до недавнего времени оставались только сваи. Она стояла на втором берегу Варзуги, Никольском. Он спросил Петра Прокофьевича:

– Дядя Петя, как дела с восстановлением?

– А как они будут? Я же взялся! Значит, хорошо. Уже три года как приезжают специалисты – археологи, этнографы – летом, пока работать можно, восстанавливают нашего Николая Чудотворца. И восстановят, не сомневайся. А я пригляжу. Это же первый православный храм на Кольском полуострове!

– Вы – хранитель Варзуги.

И это было так.

Позже, когда вместе ужинали, Роман думал о том, что Петр Прокофьевич был душой этого места. Удивительной и бескорыстной. Сколько он сделал для малой родины! Было трудно представить, что человек может столько успеть в течение всего одной жизни. Роман вспомнил его историю.

Дяде Пете не было десяти, когда в дом принесли похоронку. Его отец не дожил до Победы меньше месяца и погиб на фронте в Югославии в апреле сорок пятого. Роману навсегда врезалось в память лицо Петра Прокофьевича, когда он рассказывал об этом событии. Он говорил:

– До сих пор даже разговаривать не могу, стоит это вспомнить. Детская рана осталась на всю жизнь.

И тогда дядя Петя возвел в селе мемориал погибшим жителям Варзуги – в гражданской, великой отечественной, афганской войнах. На ограде вокруг обелиска – сто фотографий, мужей, сыновей и братьев, не вернувшихся с войны. И

сегодня, когда снова пробил час их отечества, там, возможно, появятся новые лица.

Слова дяди Пети навсегда запомнились:

– Я никогда не разделяю их: белые, красные... Это люди, которые шли защищать свое отечество. В любое время.

Роман вспомнил речь Даши:

– Призвала тебя страна жизнь за себя положить, значит, сражайся, борись за свою землю и старайся остаться в живых. А поляжешь, так для того, значит, на свет появился. Ведь нормальный мужчина должен защищать свою мать, жену и страну. Для этого он на свет появляется, если немного вспомнить об истоках.

Да, Петру Прокофьевичу понравились бы такие слова...

Позже мемориал с фотографиями погибших мужчин был дополнен тридцатью фотографиями вдов Варзуги, тех, что воспитывали детей и ждали возвращения мужчин. С войны. Или с моря.

– Эти женщины заменили детям еще и отцов, – всегда говорил Петр Прокофьевич, еле сдерживая дрожь в голосе. – Родители, матери – это наши корни. С этим живем.

И паломник вспомнил о родителях. Мать умерла рано, он еще в школе учился. Внезапно. Было больно. А отец конец жизни провел в Мурманске, ставшем ему второй родиной. Роман очень любил его. Теперь он остался один.

Когда перед сном они сидели на лавочке только вдвоем – Венера Мефодьевна возилась в доме – то по большей части

молчали, изредка только перебрасываясь парой фраз. Но у Романа в горле разрастался ком. Он спросил:

– А как музей?

– Завтра сам увидишь. Покажу. А сейчас иди ложись. Не спал же. Полярная ночь для того и есть, чтобы спать...

На следующий день Роман проснулся только с рассветом. Значит, было уже больше одиннадцати. Завтракали втроем: старики, конечно, наверное, уже обедали, но виду не подали.

– Как у нашего энтузиаста со здоровьем, Венера Мефодьевна? Спрашиваю у вас, потому что сам он мне правды не скажет. Ответит, что еще всех нас переживет.

Она улыбнулась. Жена дяди Пети сохранила свой шарм вплоть до самой старости. И вообще, здесь, в поморье, все люди были Роману милы. Высокие лбы, чистые лица, прямые носы. Большие глаза, ясные, без фальши, выраженные надбровные дуги, наделяющие взгляд каким-то особым благородством. Многие виделись ему такими: дядя Петя, тетя Веня, игумен Митрофан. Он любил северян и гордился, что сам был одним из них.

– Ну... Как тут скажешь одним словом... Не думает он о здоровье. Ему по-другому нельзя. Строит вот почти без отдыха, то одно, то другое. Во что бы то ни стало хочет успеть как можно больше. Неистовая душа!

Она подошла и поцеловала мужа.

– Кто же, говорит, если не я, поможет сохранить поморский быт и культуру? Сейчас вот сам восстанавливает избу

начала двадцатого века. Тоже музей будет. Откуда он время найдет, чтобы о здоровье подумать?

Вмешался сам хозяин:

– Я здоров как бык. Именно потому, что не люблю о здоровье разговоры разговаривать.

Роман переглянулся с тетей Веней.

– А как в музее дела?

– Пока зима – тихо, а лето начнется, будет труднее. Он же даже по нашим местным меркам – вызывающе бескорыстен! Всё выделенное ему колхозом небольшое пособие тратит на помощников, когда в одиночку перестает справляться, а сам живет только на пенсию. В музее всех желающих принимает, но от денег отказывается, говорит: «это не мое, это – общественное. Мне почти все экспонаты принесли бесплатно».

Роман слушал Венеру Мефодьевну и думал о том, как же им повезло друг с другом. Прожили долгую, плодотворную жизнь, полную пользы, и прожили ее вместе, пройдя этот путь рука об руку. Двух детей замечательных вырастили. Как, наверное, они были счастливы вместе... Роман так никогда не смог бы. Да он и не хотел. Раньше. Но появилась Даша. И теперь он на всё начинал смотреть по-другому.

Позже Петр Прокофьевич проводил его в музей.

– Ты только взгляни как построен! – восхитился дядя Петя, когда они подошли к дому, – срублен, как в старину только умели. Угол в «чашку», сейчас уже никто так не строит.

Он нежно погладил почерневший от времени угол.

– Удалось всё сберечь почти в первозданном виде.

Вошли внутрь.

– Это старая поморская изба, последний дом в Варзуге. Сохранилось всё, как было при хозяевах: лавки, воронцы, (прим.: воронец – горизонтальный брус, врубаемый в избе в столб, поддерживающий матицу. Использовался в качестве балки, на которую опирали полаты) две русские печи, деревянные самодельные кровати.

Петр Прокофьевич указал на окно:

– И двор, и хлев, всё как было, когда построили.

– Да, не зря вы специальность получали. Как же здорово всё! Аж не верится...

– Не зря. Но так жизнь повернулась. Мне с молодости повезло с наставником. Строили ГЭС, я встретил мастера-«золотые руки». Довелось и бригадиром плотницкой бригады побывать в колхозе. А начинал-то с плотника. Но я всегда говорю, что по профессии я прежде всего строитель-реставратор.

Стали спускаться сумерки. Дошли до реки, Роман двинулся к церкви.

– А как игумен?

– Помогает мне с восстановлением. Или я ему. Тут не поймешь, кто кому больше. Сейчас вот прихворнул. Но рождественскую отслужит. Останешься?

– Не могу. Переговоры на субботу. Пропустить нельзя.

– Конечно! Куда же тебе, безбожник!

Дядя Петя толкнул его в плечо. Они улыбались друг другу.

– Помнишь ведь наверняка, как Митрофан говорит: тут у нас на четыреста пятьдесят жителей – четыре церкви, одна красивее другой. Рыбак, выходя в море, в помор, прощался каждый день навсегда. Он не знал. Он был готов. Поэтому разговор с Господом был для него горячий. Церквей потому требовалось много. Село росло. И безбожников в нем не было.

– Дядь Петь...

Тот не дал сказать. Рассмеялся:

– Да ладно тебе, Роман, я ведь так. Сам сызмальства не приучен ходить в церковь.

Петр Прокофьевич, будто извинялся.

– И сейчас для меня это неискренне будет. Я – член КПСС, и сегодня коммунистов поддерживаю. В их программе много общего с православием: не убей, не укради... У них, конечно, случалось всякое, но это остается нашей историей. А меня уже не переделать для церковных дел. Так что я тоже безбожник.

– Как же! А кто два храма восстановил?

– То – другое. Мне многие удивляются. Когда бывший председатель колхоза на старости лет принялся восстанавливать церкви и строить музеи, подсмеивались сначала. Потом поняли. Ведь Варзуга славится и храмами. Вот за эти самые святыни я и борюсь всю жизнь. И дальше буду. Столько, сколько отведено прожить дней.

Когда Роман дошел до Успенской церкви, он долго стоял, наблюдая немного издали. Храм стоял перед ним обновленный, как человеческая жизнь после озарения смыслом. Как она прекрасна, одноглавая... Зашел внутрь, поставил три свечи, как в детстве мать учила: первую – за упокой усопших – пусть земля будем им пухом. Она всегда говорила:

– Их души будут жить столько, сколько о них будет сохраняться память в наших сердцах.

Вторую свечу поставил за здоровье ныне живущих родственников. Их у него совсем не осталось. Вспомнились дядя Петя, тетя Веня, жена, и дочь. Третью свечку мама всегда говорила ставить за себя. Но Роман не смог. Он поставил за Дашу.

Выйдя на улицу, обнаружил, что стемнело. Жаль, что игумен болел. Они никогда не были близки, но всё же паломник посмотрел бы на отца Митрофана. Захотелось хоть один раз, но заглянуть ему в глаза. С детства запомнилось, что человек этот обладал какой-то магнетической силой: его взгляд пробирал до души. Видно, через него в собеседника так проникал Бог, которого в себе всю свою жизнь носил игумен.

Роман дошел до кладбища. Могилу матери искал недолго. После ее смерти он часто приходил сюда, и воспоминания снова всплыли – ноги сами принесли к нужному месту. Надгробный памятник побелел от стужи. Роман поднес к нему фонарик. Еле уловимым рельефом проступали буквы:

Чернышева Вера Семеновна, 1966-2003.

Когда мать умерла, ей было почти столько, сколько ему сейчас, тридцать семь лет. Глаза закипели.

Роман вытащил из кармана четвертую храмовую свечу, вкопал ее в снег у подножья памятника и достал спички. Погода была безветренная. Директор спецотдела по межстрановому взаимодействию корпорации СевМорНефть недвижно стоял и смотрел на пламя, пока оно не коснулось снега. Свеча сгорела дотла и ни разу не погасла.

Во время ужина снова долго разговаривали. Тетя Веня расцвела. Ей нравилось говорить о своем необыкновенном муже. Было приятно и ему, хоть и ворчал старик. Роман видел, что дяде Пете было дорого осознавать, как жена его ценит.

– Позапрошлым летом из министерства культуры приезжали специально, чтобы поздравить Петю с юбилеем. Не поленились пятьсот километров отмотать туда, а потом обратно. Тогда в первый раз обещали помочь с ремонтом храма, выполнить противоаварийные работы. И не подвели. А теперь вот миллион дали из областного бюджета. Второй храм, получается, Петя в селе спасает.

Она смотрела на мужа, улыбаясь.

– Люди всё спрашивают: зачем ему еще музей понадобился? А Петя им: как зачем? Люди придут, дети; пусть знают, как жили их предки. А для меня, говорит, жизнь продолжается в новом поколении.

Роман не мог уснуть. Он думал о своей жизни. О детстве. О первых шагах в нефтянке, когда оказался после школы в Мурманске вместе с отцом. Вспоминал, как стремительно мчалась вся его жизнь: будто подвижной состав с горы, а тормоза отказали...

И он думал о Даше, которая пробудила в нем это желание остановиться и... постоять в тишине, прислушаться к звукам собственного сердца. Он ведь забыл, что оно может звучать. Откликаться. Биться о грудные стенки от нахлынувших чувств. Шум двадцати минувших лет отвлекал Романа от биения собственной жизни. Последняя фраза Венеры Мефодьевны окончательно расставила всё по местам:

– А для меня, говорит... жизнь продолжается в новом поколении.

И Роман, сложив все фрагменты, наконец, понял, что так мучило его все последние дни. Он еще раз вспомнил несколько фраз, которые его бессознательно ужалили:

– Я не подумал как-то... Вам противозачаточные принимать можно?

– Они не понадобятся. Я бесплодна.

– Мне нужно то, чего вы не способны дать.

– А ты хочешь детей? Точнее, хотела бы?

– Какая разница? Я, Роман Сергеевич, не думаю о несбы-

Утром спросил у стариков:

– А как в Варзуге с рыбой?

– По весне идет семга. Но не так, конечно, как хотелось бы. В двадцатом году колхоз выловил менее одной тонны, всего триста особей! А тридцать лет назад, в бытность мою председателем, у нас было сто семьдесят тонн семги за сезон. Колхоз в тот год пропустил более девяноста тысяч рыб на нерест. Из моря в Варзугу сейчас заходит так мало рыбы, что наше стадо оказалось почти загублено. Я – местный житель, я всю жизнь прожил здесь и вижу, что пришла беда. Дикую семгу надо спасать.

Петр Прокофьевич вздохнул.

– Поморы ведь знали, когда ловить можно, а когда нет, какие снасти использовать, чтобы не навредить природе. У меня в музее в числе экспонатов есть макет поморского невода. Хитрая, скажу тебе, конструкция! Учитывает природные повадки рыбы, которая всегда возвращается из моря на нерест в свою реку. В течение веков это богатство бережно хранилось. И за какие-то три десятка лет мы умудрились всё это растерять! Мы же и жемчужную ракушку загубим, если так пойдет.

Роман вспомнил, как много её было в реке в его детстве. Ведь Варзуга не только семгой одной знаменита, но и жемчугом. Какая, казалось бы, связь между рыбой и ракушкой? А ведь самая прямая! Осенью, примерно в одно и то же вре-

мя, в сентябре-октябре, семга идет на нерест в реку, а ракушка-жемчужница тогда же откладывает личинки. Они попадают в межжаберные крышки к рыбе, когда та на дне реки зарывает в ямку икринки. И личинки живут там, пока не делаются самостоятельными и не уходят опять на дно реки, где только спустя несколько лет становятся взрослыми. Этот цикл может длиться почти сто лет. Так взрослая рыба семга служит для жемчужницы инкубатором, а ракушка для рыбы – природным фильтром. Ведь малек семги выживает только в кристально чистой воде.

Петр Прокофьевич продолжал свою мысль:

– Помнишь, ведь я тебе рассказывал, что по данным исследований Российской академии наук, которые проводились еще в девяностые, в реке Варзуге обитало сто сорок миллионов особей ракушки-жемчужницы. Ученые тогда доказали всему миру, что эта экосистема существует тысячи лет. Поморы знали: туда, где есть жемчуг, в избытке любит заходить семга. Они поняли, что рыба и ракушка зависят друг от друга.

Старик снова вздохнул.

– Одно радует: хоть промышленный лов семги запретили. Но поморы трубят: сроки лицензионного лова совпадают с временем нереста. А их голосов пока никто не слышит. Раньше, в советское время, реку надолго закрывали для туристов, так уловы сразу стали быстро увеличиваться! Последний богатый – был в восемьдесят седьмом. А при перестройке реку

открыли, снова туристы со всей страны повалили. Сплавлялись в том числе. Не разбирая, где на реке места нерестилища. Хорошо, что сейчас сплав опять запретили.

– А как с браконьерами?

– Сейчас в Мурманской области нацпарк создают – «Герский берег». Мы ядром станем. Надеемся, это позволит решить много проблем. В том числе и с браконьерством. Пока – беда...

С рассветом Роман стал прощаться со стариками.

– Поеду, дядь Петь, тетя Веня. Хочу пока светло хоть немного на родные края по дороге полюбоваться. Спасибо, что приютили кочевника.

– Ты мне главное скажи: у тебя в голове прояснилось?

Это была тетя Веня. Роман ненадолго завис.

– Не смотри так. Не зря же приезжал?

Он улыбнулся:

– Да, тетя Веня, прояснилось.

– Вот и хорошо.

И она поцеловала его в лоб.

Роман обнял Петра Прокофьевича:

– Жаль прощаться. Но безбожнику по-другому никак.

Дядя Петя усмехнулся.

– Ты – стал большим человеком. Но человеческого облика не потерял. Значит, на своем месте.

Они стояли, обнявшись. У Романа защемило в глазах. Он расплакался.

37. Четвертые четыре дня без Даши

Рождество он встретил в полном одиночестве. Хотя нет, как он мог забыть о елке? Она, подруга, теперь всегда была рядом. Стояла, отбрасывая поганое желтое свечение от своих отвратительных гирлянд. И мерзкий красный переливчатый блеск от цветков рождественских звезд. Ну ничего, Роман ее скоро выкинет, и тогда уж точно останется один. Если только Даша не надумает вернуться. Ведь надумает же? Должна же его упрямая девчонка, наконец, осознать, что теперь без него не может? Должна. Роман был уверен в этом. И считал дни до долгожданного звонка. Пока шел седьмой...

Встречи прошли в штатном режиме. Оказалось, что кроме него в этом безумном городе нашлось еще как минимум два идиота, которые на Рождество Христово изобрели для себя очень интересную праздничную программу: лучшего времени для обсуждения дел они выбрать не могли...

Разведчик молчал, поэтому в воскресенье Роман позвонил ему сам.

– Как там?

– Никаких новостей. Ваш клиент в больнице. А девушка безвылазно сидит дома. У себя, на Ходынке. Даже к отцу ни разу не съездила.

– И что, вообще не выходила? Неделя ведь прошла!

– Ни одного раза.

– Так, может, вы её просвистели?

– Нет. На дежурстве сменяем друг друга. Теперь проще, остался только один объект. Она там. Часто подходит к окну. А позавчера вообще прямо на подоконнике уснула. Удобно, даже подниматься проверять не приходилось.

– А что она ест?

– Сам задался этим вопросом. Всех доставщиков проводили. Один к ней приходил. Четвертого днем. Принес много.

– Хорошо. Держите в курсе.

После этого звонка Роман понял, что рассчитывать на завтрашний выход Даши на работу было почти бессмысленно. Шансы, конечно, оставались, но очень эфемерные. Он позвонил рекрутеру и попросил прислать хоть какую-то секретаршу. Пока без языков, чтобы было кого посадить на звонки. Но таких, как Даша, в природе не существовало, и Роман отлично понимал, что с одним только списком его контактов новая сотрудница будет разбираться не меньше недели, если вообще не месяц. А за это время он был твердо намерен вернуть свою разбушевавшуюся зазнобу. Тем не менее что-то делать было надо, поэтому девушку заказал. Да, он опять взялся за старое. Девушек тут заказывает... Пока мечта всей его жизни вот уже неделю отсиживается в бункере практически без еды и питья. Что такое пару пакетов от доставщика? Разве они что-то кардинально изменяют в голове его запутав-

шейся женщины? Наверняка ведь всё равно почти ничего, дуручка, не ест. Потому что за ней пригляд нужен. Он, Роман, должен приглядывать. Постоянно. И кормить. Кто же еще, если не он?

И всё же директор спецотдела принял решение дать ей это время. Даша должна сама разобраться в своих чувствах. Он не станет ей мешать, так будет лучше. Пока.

Утро понедельника наступило утром в понедельник. По дороге в офис Роман ехал в офис. В приемной секретаря сидел секретарь. Девушка была как девушка.

Даши не было.

Остальное было не важно.

Раз Даши не было, значит, не было и остального.

Роман еще никогда не чувствовал своего пребывания в этом кресле таким бессмысленным. Раньше никогда. А сейчас от этого ощущения снова захотелось завывать...

Он вспомнил, как впервые увидел Дашу утром в понедельник. Это случилось здесь, в данной точке земного шара, пятого декабря, один месяц и четыре дня назад. И насколько же сильно за столь непродолжительное время изменилось его восприятие! Роман больше не чувствовал своей значимости. Он вспомнил слова Даши:

– Не люблю напыщенных людей, мнящих себя пупами земли.

А ведь он, и правда, мнил себя именно этим самым местом! Еще совсем недавно, даже когда уже почти месяц знал

Дашу. Что-то в голове Романа забрезжилось лишь когда она произнесла ту речь:

– Мне ненавистна их манера общения. Претит их отношение к себе, к своей стране, к людям, которые в ней живут. Это – их страна, а собственных сограждан эти люди ни во что не ставят. Считают их быдлом. Полагают, что им всё позволено. Вести себя с «населением» как заблагорассудится. Это ведь плебс. Мы все. Мы только плебс для них всех. Для вас, Роман Сергеевич. Вы ведь не исключение.

Он только тогда впервые подумал о том, что, и правда, мнит себя значительным. А сейчас, девятого января, когда прошло всего десять дней с того момента, Роману казалось, что он всю свою жизнь всё понимал. Просто не хотел задумываться. А еще вернее, ему нравилось то состояние, в котором он пребывал. Ведь ощущать себя пупом земли очень здорово. Пока тебе не объяснят популярно, что на самом деле ты обычное чмо.

Роман вздохнул. Он хотел было вызвать новую секретаршу по внутренней связи, но остановился. А ведь действительно чмо! Даша же во всём была права! У него новый сотрудник, а он прошел мимо, не поздоровавшись. И сейчас даже зада от кресла оторвать не хочет, чтобы поприветствовать девушку, которая вот вообще не виновата в том, что он в таком настроении от того, что собственноручно сделал со своей жизнью! Роман встал и прошел в приемную.

Вполне себе миленькое создание лет тридцати-тридцати

пяти сидело на месте его женщины и выглядело там жутко кощунственно. Но он не подал виду.

– Доброе утро, извините, что не представился. Роман Сергеевич.

– Доброе утро, меня предупредили, как вас зовут. Ничего страшного, с кем не бывает в понедельник? Да еще после праздников... С прошедшими вас.

– Спасибо. И вас.

– О-о, меня не стоит... Не с чем. Гораздо приятнее выйти на работу.

Еще одна альтруистка по типу Ларисы, подумалось Роману. Но вполне достойно держится. Она же не виновата в том, что не Даша? Так что на нее за это злиться? Нечего. Тогда зачем альтруисткой с первой секунды окрестил? Злость, неудовлетворение... Что не будет у него больше ежедневного секса прямо на рабочем месте. Да, юмор на месте. Хоть это радует. Может, тогда ему удастся раскочевать хотя бы за неделю?..

Понедельник протянулся как хвост кота, за которого того тянут. Больно, мучительно, долго. Роману показалось даже, что почти всю его жизнь. Но в том, что эти восемь рабочих часов, как минимум, превосходили по времени тот срок, что он знал Дашу, сомнений не было. Тот месяц пролетел стрелой. Как тогда Роману дотянуть хоть до следующего своего дня рождения? Такими темпами он ведь успеет вконец состариться...

Во вторник была конференция, что помогло ускорить течение рабочего дня. В этом был плюс. Но они на том заканчивались. И ленивый не поинтересовался, где Дарья Игоревна. Даже, сука, монтер, которого вызвали для наладки нерабочего кабеля, не поленился это сделать! Роману захотелось выброситься из окна... Но он терпел. Кто же тогда позаботится о Даше? Больше никому. Последнему маньяку, интересовавшемуся его женщиной, он сломал обе руки. Теперь приходилось взвалить обязанность по заботе о зазнобе на себя. Что делать, ему не привыкать к тяжелым и ответственным проектам...

Дома Романа одолела грусть. Даша вчера вышла на новую работу, разведчик отчитался. Не зря она тогда что-то лепетала про конверсасьён жанвьёр. Объясняла, что поговорит об этом в январе. И поговорила.

Это был не корпоратив. Естественно! Его женщина всегда говорила как есть. Ей была противна офисная работа. Поэтому она устроилась переводчицей. К каким-то чёртовым французам, что б им... Вот уродит же мать земля таких на свет! Хотя зачем им здесь быть? Только чтобы Даш у Романов отнимать. Теперь-то он уже не был уверен, что так нужен своей зазнобе. А вдруг ошибся? Вдруг она больше никогда ему не позвонит? Да, первые сомнения зародились еще в понедельник, когда Роман узнал о новой работе Даши. А сегодня, к вечеру вторника, они уже дали всходы. Роман снова вспомнил о коньяке.

38. Пятые пять дней без Даши

В среду утром, едва раскрыв глаза, директор спецотдела потянулся за таблеткой, приготовленной им заранее еще с вечера. Она, родимая, лежала на прикроватной тумбе рядом со стаканом воды. Принял. Только после этого прислушался к ощущениям. Голова болела. Не так, правда, как несколько последних раз, но и выпил Роман значительно меньше. Еще одно доказательство Дашиной версии и его собственных наблюдений: головная боль появлялась после принятого накануне алкоголя, а ее сила и продолжительность зависели от количества выпитого. Нет, вчера Роман точно пил в последний раз. Он не будет больше этого делать, по крайней мере, постарается.

Пропущенных не было. Он позвонил Пинкертому.

– Никаких новостей, Роман Сергеевич. С утра доехала до головной конторы, пробыла часа три, потом уехала на квартиру. Всё основное время работает там. Видимо, внештатная.

– Понял. А к отцу не заезжала больше?

– Так понимаю, что встреча с милым на кладбище ее очень напугала. Она не знает, что тот в больнице. Старается лишний раз из дома не выходить.

– Ясно. А как выглядит?

– Да обычно. Только бледная немного.

– Не хромает?

– Нет, вроде не замечал.

– Давайте так. До конца недели ее доведите, потом отпущу вас. Основная угроза снята, но мне всё равно как-то волнительно. Дома сидит. Не жрёт ведь ничего, упрямая!

– Хорошо. Давайте до конца недели. Я уже к ней привык. Жалко мне ее, Роман Сергеевич.

Да что б вам всем! Когда все вокруг успели стать такими милосердными?

– Не стоит. О ней есть кому позаботиться.

– Да понял я. Вы уж позаботьтесь.

И скинул вызов! Нет, это просто невероятно! Что за хрень вообще происходит вокруг???

В офис Роман прибыл злым как никогда. Досталось всем, кто попался под горячую руку, а их в четверг было много. Первым номером огребла секретарша. Да и пофиг на нее, как-нибудь переживет... Потом под раздачу попал Летучий. Потому что вечно его нет! Вот, и впрямь, говорящая, блин, фамилия! Где только черти носят его жирную тушу? Не такую уж, правда, и жирную... Но вот что плотную, это точно. Как же он достал со своим Уренгоем! Никак проблему решить не может. Теперь перенес ее в новый календарный год. Будто у Романа и без того в этом году мало проблем...

Следующим на очереди был Семен. Тот получил за то, что из рук вон плохо провел вчерашнюю конференцию. Или по-

завчерашнюю... да какая, блин, разница?! Плохо же провел? Вот! Значит, и получил за дело. А что Роман немного в днях запутался, так это вообще не существенно.

Потом получила Элла. За то что уже задолбала со своими обедами и балансовыми нестыковками. Ей еще в начале декабря нормальные люди объяснили, что у Романа Чернышева нет времени на подобную мелочевку. У него другой масштаб! И расписано всё! Даже на январь! Тем более теперь, когда и секретарши нормальной нет, чтобы график как положено выстроить. А как он может с кем-то встречаться, если не знает точно, есть у него на это время или нет? Вдруг свободные окна закончились? Правильно, никак! Что тут непонятного? Поэтому он вообще ни с кем встречаться не будет. А потом, к концу месяца, когда внезапно случится полный абзац – он просто уволится. И поедет на Соловки. Будет туда к ним в монастырь проситься. В монахи. Если, конечно, его, такую вонючую мразь, примут на поруки. Возможно, даже соловецкие суперправедники не пропустят его по нормативам мерзости. Тогда Роману ничего не останется, кроме как вернуться в Варзугу и начать помогать дяде Пете восстанавливать храмы и строить музеи. В те периоды, когда он не будет бухать.

Но в четверг вечером пока всё еще директор, Роман продержался и не выпил ни капли. Лег. Сон не шел. Он позвонил дочери.

– Привет, пап!

– Здравствуй, Адик! Ты как? Еще не спишь?

– Нет. С Маринкой болтаю по второй линии. У тебя что-то срочное?

Роман помолчал. Чертов ком в горле.

– Нет. Просто хотел спросить, как вы доехали тогда.

Пауза. Голос Ады:

– Ты немного с этим припозднился.

Он засмеялся:

– Да уж, Адик... Я вообще сильно со всем припозднился.

Видимо, тугодум.

Она помолчала. Роман решил опередить дочь и сказал:

– Ладно, беги, возвращайся к своей Маринке, пока не за-
свербело. А я спать пошел. Спокойной ночи!

Снова пауза. Потом голос:

– Пап, ты прикольный стал. Ты это, звони мне, ладно?
Спокойной ночи.

Он так и не уснул. Решил сразу ехать на работу. Прибыл на место уже в шесть. Пришлось Сашу дернуть пораньше. Хотя тот привык, что мог понадобиться в любое время дня и ночи. Ей-богу, деньги не пахнут... Ну и работенка у парня...

Незадолго до девяти Роман спустился вниз, купил коробку конфет. Вернулся и положил ее на стол секретарше. Как ее звали? Екатерина? Елизавета? Он всегда путал эти имена. Как у русских императриц. Даже Лиза и Катя отличить не помогали. Зашел в кабинет, заглянул в резюме: Екатерина

Бодрова. Катя, значит. Вспомнилось:

– Просто не люблю, когда работодатель не может вспомнить как меня зовут, хотя у самого на столе именем наружу лежит мое резюме. Думаю, что теперь запомните.

А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!!!! Люди добрые!!!!!!! Верните ему его Дашу! Как же он без нее сможет к людям начать по-другому относиться, имена их с первого раза запоминать? Только она может его этому научить! Исправить Романа Чернышева, человеком сделать. Хорошим, ну или хотя бы нормальным. Это имя он с первого раза запомнил! Пусть объяснит ему, как теперь этот номер повернуть с другими!? У нее получится. Если она, конечно, вернется...

Но Даша не возвращалась. Уже неделю работала на французов. И не собиралась возвращаться. Теперь Роман склонялся к этой версии.

Когда секретарша пришла, сразу увидела конфеты у себя на столе. Зашла к нему. Улыбнулась.

– Не стоило, Роман Сергеевич. Всё в порядке.

– Я вчера на вас незаслуженно сорвался. Извините.

– Почему незаслуженно? Я знаю, что справляюсь значительно хуже своей предшественницы. Понимаю, какой для вас это контраст. Как тут не сорваться? Почти целую неделю держались. Но спасибо вам за понимание, я постараюсь сделать что смогу, чтобы всё было быстрее.

– А что вы слышали о вашей предшественнице?

Молчит. Глаза потупила. Дашу сейчас чем-то напомнила.

Но не в первые дни, а потом, когда у них уже... началось всё это безобразие...

– Да так...

– Говорите, не стесняйтесь. Мне вы можете сказать.

Екатерина немного улыбнулась.

– Не сомневаюсь. Но... Почему не сказать? Тут нет никакого секрета. Я так понимаю, что это самая обсуждаемая тема текущей недели.

– Какая именно? Что я влюбился в свою секретаршу, а она от меня ушла?

Екатерина слегка покраснела. Но осталась стоять молча.

– Да не переживайте вы так, Катенька! Это правда. Только не совсем.

– Что не совсем? Не совсем правда?

– Не совсем влюбился.

Она медленно кивнула.

– Понятно. Теперь всё ясно.

– Что вам ясно, милая?

Роман сделал паузу.

– Я люблю ее. Так яснее?

Он еще раз помолчал.

– И вы им сегодня во время обеда так прямо и скажите. Чтобы сменить ракурс темы, которая станет самой обсуждаемой на следующей неделе.

Екатерина стала пунцовой.

– А еще лучше, мы с вами вместе спустимся в буфет и

расскажем. Не представляете, как это льстит мужской гордости, когда понимаешь, что являешься главным нюсмейкером компании.

Секретарша робко посмотрела на Романа.

– А сейчас идите работать. Я буду вам очень признателен, если вы действительно сделаете всё, чтобы ускориться в работе. Объем большой, я знаю. Но другого у меня для вас нет.

Получилось немного сдавленно:

– Да, Роман Сергеевич. И-извини-ите, пожалуйста...

– За что? Не вы же автор этих сплетен! Тем более, народ обычно знает, о чем говорит. Дыма без огня не бывает, так ведь?! Но хочу вас предупредить. Если вы собираетесь зацепиться за это место, то не стоит поддерживать сплетни обо мне. Не забывайте, что вы всё же мой ассистент.

– Я и не поддерживала.

– Вот и хорошо. Идите работать. На обед сегодня спущусь с вами. Чтобы наши чайки вас от работы больше не отвлекали.

Она вышла.

Роман сдержал свое слово и впервые за полгода в обеденный перерыв спустился в буфет. Вместе с новой секретаршей. Но прббыл недолго. На месте они разделились: Екатерина встала в очередь на раздачу, а Роман остановился возле окна, достал телефон, и создал себе прикрытие: он вроде бы до кого-то дозванивается. Так со своего наблюдатель-

ного пункта он и смог идентифицировать стол, за которым расположилась ассистентка Эллы. Она, как казалось Роману, была одной из местных любительниц перемыть кости. Дождавшись, пока девушка и несколько ее подруг из бухгалтерии, славившейся в СевМоре, как штаб-квартира сарафанного радио, займут место за столом, директор спецотдела подошел, придвинул от соседнего стола свободный стул и сел. Девушки начали тайком поглядывать на него еще из очереди. И не одни они. Сам факт появления Романа Чернышева в буфете уже стал сенсацией года, хоть тот еще и не успел начаться. Но когда он подсел к бухгалтершам, атмосфера в помещении стала твердеть на глазах и вскоре превратилась в бетон.

– Привет работницам финансового фронта! Вы же, если мне память не изменяет, на этом направлении воюете?

Смолкли все и разве что усилители звука не врубили.

– Или вы всё же по другому участку боевых действий? Девочки, что так побледнели? Кусок в горло не лезет?

Молчание.

– Ничего. Я подниму вам аппетит. Вы у меня очень спросить о чем-то хотите? Прямо спать по ночам не можете, как вам это нужно знать? Так спросите, я перед вами! Отвечу честно. Сразу и сон вернется, и аппетит появится. Если только на всю жизнь не пропадет.

Молчание.

– Клариса, тебе повезло, я помню твое имя. Посмотри на

меня.

Молчание. Глаза в пол.

Роман стал терять терпение. В его голосе зазвучала сталь:

– Посмотри на меня!

Она подняла на него взгляд.

– Запомни. Дарья Игоревна здесь больше не обсуждается.

Это закрытая тема. Не знаю, насколько Элла довольна твоей работой. И надеюсь, у меня не возникнет желания это узнать.

Он встал. Уже уходя, добавил:

– И Екатерину в покое оставьте. Вы теперь за мою новую секретаршу взялись? Угломонитесь.

И он ушел.

Вторая половина пятницы прошла в разъездах. Домой, к счастью, вернулся за полночь. Лег спать и уснул. Сразу. Пожалел, видно, Бог.

Утром съездил к Софье. Привез торт, в этот раз нормальный. Ее любимый. Аде просто дал денег. Сама разберется на что потратить. Пили чай. Долго. Втроем. И уже менее натянуто, чем в прошлый раз. Он сказал:

– Я в Варзугу ездил. Перед Рождеством. У мамы был.

Софья резко перестала жевать.

– Сейчас? Там же полярная ночь!

– Она самая.

Помолчал.

– Летом поеду. Надо памятник новый поставить. Этот со-

всем уже не смотрится. В заполярье даже камень вымораживает. Решил – гладкую мраморную плиту поставлю. Ничего вызывающего, но, чтобы хоть имя разобрать было можно. Чтобы люди проходили мимо и читали. Раз меня там не бывает.

– Не понимаю, что тебе до людей?

– Мама говорила, что души умерших будут жить до тех пор, пока о них кто-то вспоминает.

Софья вообще перестала двигаться. Она замерла так надолго, что Роману показалось, ее отключили от питания. Но нет, он ошибся. Ее голос всё же прозвучал:

– Ром, что с тобой? Ты совсем, что ли... Это...

Дочь поддержала:

– Вот-вот, мам, я ему так и сказала. Ты только его не трогай! Он такой прикольный стал! Вдруг опять что-то нарушишь?

И откуда в этом ребенке в двенадцать лет столько иронии? И прямо ведь в точку! Может, все-таки его гены сказываться стали?

– Ладно, девочки... С вами хорошо, но надо собираться. Поздно. Поехал.

И он ушел.

Дома снова встретила елка. Роман постоял застывшим, а потом, неожиданно для самого себя, набросился на нее и повалил на пол. Теперь она горела... лежа...

Сон не шел. Гулял во дворе. Или под елкой прятался. Утро так и настало. Только тогда Роман заснул, но ненадолго. Он встал в одиннадцать, позвонил сыщику и начал с места в карьер:

– Через час будете свободны. Деньги перечислил, если что ещё насчитали – напишете. Я к ней еду. Не могу так больше.

И сбросил. Разведчик не перезвонил. Значит, ничего важного, что можно было сообщить или добавить к сказанному, у него не было. Хоть какие-то хорошие новости за последние две недели.

Роман собирался как на свадьбу. Он не помнил, когда в последний раз так тщательно мылся. В одежде – решил быть неформальным. Даша ни разу не видела его ни в чем, кроме костюмов и рубашек. Он надел белую майку и джинсы. Тщательно причесался, один раз брызнул парфюмом и, бросив на себя последний взгляд в зеркало, вышел.

39. Даша

Всю первую половину вторника, на следующий день после того, как Роман разбил руку, Даша занималась организацией его командировки. Он должен был улететь в ночь со среды на четверг. У нее даже не было времени мысленно вернуться ко вчерашней сцене. Она и так целую ночь провела за этим занятием: перебирала в памяти каждый момент, разбирала отдельные жесты, взгляды, вложенный в них смысл. Роман ведь искренне перед ней извинился, Даша чувствовала, это не было фальшивкой. Но на работе у нее не было ни минуты, чтобы подумать об этом снова. И хорошо. Он и так занимал все ее мысли, надо же было хоть когда-то отдохнуть от этого наваждения.

Когда в дверях появились оба, водитель и его шеф, и первый поздоровался, Даша бессознательно посмотрела на Романа. И тут же устыдилась этого: человек с ней здоровался, а она пялилась на его босса... Но что же ей было делать, если она даже контролировать себя не могла?..

А он, босс, заметил, что Даша покрасилась и распустила волосы. Она очень хотела, чтобы заметил, и когда это произошло, сердце заколотилось будто в паническом приступе. Роман улыбнулся и сказал:

– Привет, Даша.

И она больше не смогла на него взглянуть. Голос еле слу-

шался:

– Здравствуйте, Роман Сергеевич.

А он всё стоял. И, наверное, продолжал улыбаться. Даша еле сглотнула, горло не хотело смыкаться, совсем пересохло. Наконец, Роман ушел. Или бы она больше не выдержала. Но вскоре после ухода Саши он позвал ее в переговорную. Даша напряглась, сделала глубокий выдох и прошла туда, а там...

Она была... нет, не удивлена. Это был шок. Полнейшая неожиданность. Восемь лотков с разной едой, прекрасно сервированной даже на полистироле. Устрицы, рыба, лангуст, салат из листьев и помидоров черри, какой-то изысканный суп, жульен из креветок, картошка с розмарином и маленький кусочек торта. Всё сочеталось и было идеально подано.

– Мне не нравится, что ты не ходишь обедать. Но если Магомед не идет к горе, то кто-то когда-то может притащить гору к Магомеду. Садись и ешь, звонки подождут. У тебя обед.

Даша не верила своим ушам. Она не ожидала, что Роман Сергеевич вообще способен на такие жесты, а уж что он начнет совершать что-то подобное в отношении нее, так вообще было какой-то фантастикой.

– А вы?

– Хочешь, чтобы мы вместе пообедали?

Она вдруг резко смутилась. Ее вопрос, и правда, прозвучал так, будто она его просила о компании. Господи, вот же

дура! Даша почувствовала, что начинает густо краснеть. Но Роман вдруг подошел, взял за руку и усадил за стол. А сам сел на корточки так близко, что Даша уже просто не могла дышать.

– Я бы от такого не отказался. Только тебя смущать не хочу. Боюсь, что опять испугаешься... что приставать буду.

Волнение зашкаливало. Даша не могла взглянуть на него и просто сказала:

– Так не приставайте.

– И не собирался.

Тогда она, наконец, заставила себя посмотреть на него. Роман спросил:

– Пообедаем вместе?

Кивнула. Ну конечно! Если вы так хотите, Роман Сергеевич! А она тут сейчас пока просто от счастья сдохнет! Потихому, не привлекая внимания.

Роман слегка улыбнулся:

– Хорошо.

Сел рядом.

– Ты сегодня очень красивая. Делай так почаще, пожалуйста.

Да, он заметил. Выходит, не зря старалась... Только как вот теперь есть...

Но как-то ела. Думая в основном о том, как бы вилку из рук не выронить. Или по зубам себе ею не захватить. А он смотрел. И она тоже. Тайком. Боже, красивый такой, как на него

не посмотришь? Но пару раз он ее всё-таки поймал. И улыбнулся. Как мальчик.

– Я угадал с едой?

– Да, спасибо. Всё было очень вкусно.

– Я рад. Но давай так: чтобы мне больше не приходилось угадывать, просто заказывай сама, что ты хочешь. Из любого ресторана. Если в буфет не спускаешься. Картой отдела оплачивай. Но я хочу, чтобы ты обедала. Договорились?

– Элеоноре Андреевне это не понравится.

– Элла уже всё поняла. Все поняли, Даша. Так что ты зря. Да что же он сегодня такой... прямолинейный! Как ей теперь устоять? Кивнула. Сказал:

– Хорошо.

– А вы?

– А что я? Я без еды привык. Но если захочешь компании – всегда составлю. Лишь бы ты ела.

Подняла глаза. Почему он так себя ведет? По лицу не поймешь ничего. Как всегда, загадка повышенной сложности.

– Зачем вы это делаете, Роман Сергеевич?

– Что именно? Пытаюсь быть милым?

– Если хотите, называйте это так.

– Ты же пока мой ассистент. Ты нужна мне здоровой, Даша.

– А если нет?

– Если нет что?

– Если не буду здоровой?

– Значит, будем лечить. Где же я еще такого ассистента раздобуду?

Как она уснула этой ночью? Таблетки немного начали действовать, но эти переживания опять заставили всё внутри гореть. Вскоре проснулась. Нет, так не пойдет. Встала, приняла снотворное. Еще только середина недели, надо было хоть немного выспаться.

В среду Роман Сергеевич появился после обеда. И она сразу поняла, к чему было это:

– Даша...

– Роман Сергеевич, весь день телефон не замолкал...

– И что? Конференции на этой неделе не будет, со сделкой всё решили, уж могла бы как-нибудь найти время. Собирайся давай.

– Куда?

– Обедать поедем.

– А звонки?

– Их не будет. Я проверил по телеге, всё важное раскидали. Остальные подождут. Давай, времени мало. Нам еще по документам с тобой пройтись нужно. Летим ночью, как всегда.

– Летим?

– А ты как думала? Я же тебе еще при Павле Петровиче всё русским языком объяснил. Летим вместе. После Рима

я теперь на мероприятия буду ездить только с тобой. Вдруг опять размякнут? А ты сразу как возьмешь, как подставишь плечо...

Он подмигнул. Даша совсем растерялась. Как это она полетит вместе с ним? Как она вообще теперь сможет летать с ним рядом??? Или сидеть... стоять... лежать... Так, стоп. Это уже было вообще лишнее...

– Даша, я серьезно, времени в обрез. Давай собирайся.

– Так... Я не поняла... а домой? У меня же при себе вещей нет.

– Заедем после ресторана. Не волнуйся. Я не маньяк. Квартиру выслеживать не буду, если ты беспокоишься. Могу даже на соседней улице тебя высадить для перестраховки. Если хочешь, конечно.

И они заехали. Сначала в ресторан, а потом на Динамо. Даша не боялась засветить ему эту квартиру, так как больше здесь практически не жила. А о Ходынке Роман не знал. Собралась быстро, спустилась к машине и там он ее огорошил:

– Сейчас поедem ко мне, надо поработать над документами.

Даша сглотнула.

Когда ехали в лифте, Роман, видимо, почувствовал ее мандраж и сказал:

– Не бойся. Приставать не буду. По крайней мере, поста-

раюсь. У нас не так много времени осталось до вылета, мне тебе многое нужно из документов показать. Так что это рабочий визит. Деловой. Поняла?

Кивнула. Но посмотреть не смогла. Так и ехала, уткнувшись глазами в пол. А тот был красивый. Разноцветное мраморное панно.

Но оказалось, ей не о чем было волноваться. Стоило им пройти в кухню, как Роман снова схватился за бутылку. Даша не выдержала и влезла туда, куда не стоило. И зря, что, в общем-то, было вполне ожидаемо. Он ее сюда привез трахаться, а не трахать ему мозг. При первой же попытке с ее стороны сделать второе – отпало желание в первом. Его настроение изменилось настолько сильно, что Даша это почти осязала. И ей снова стало грустно: нет, всё было как всегда. Он хотел лишь секса, но впускать кого-то в свою жизнь не планировал. И четко дал ей понять это сразу, как только Даша попробовала совершить первую попытку. Что же, второй раз ей объяснять не придется, она старается всё усваивать без повторений.

После трех часов работы над бумагами, он сказал:

– Идите прилягте, до вылета еще восемь часов, есть время поспать.

– Так вы же сказали, что вылет ночной?

– Я вас обманул, Дарья Игоревна. Иначе мне бы не удалось

уговорить вас приехать сюда, так ведь? А мне надо было отдохнуть и восстановиться, для этого требовалась домашняя обстановка. Но сейчас вы за свое здоровье уже должны быть спокойны. Так что терять время на поездки домой и обратно нет смысла. Вполне можете остаться здесь. Идите, ложитесь.

И Даша ушла. Она умела всё понимать с первого раза. Без повторений. Прошла в ванную, почистила зубы, смыла косметику и легла с краю, не раздеваясь. Лишь слегка прикрылась покрывалом. Но не могла уснуть, в голову лезли мысли о том, что она снова позволила себе пустые надежды. Ей показалось, что Роман почувствовал к ней что-то большее, чем половое влечение. Но всё было не так. И осознание этого снова разбередило душу.

Он пришел нескоро. Бухнулся на другой край кровати прямо в одежде и почти сразу уснул. И как это получается у мужчин? Может, и правда, волшебное действие коньяка? Так, возможно, ей тоже стоит начать пить?

До звонка будильника Даша проспала всего несколько часов, и, едва услышав сигнал, встала, чтобы занять ванную первой. Когда проходила мимо комнаты, увидела Романа. Он сидел на краю постели. С головной болью, это было без сомнений. Вот же упёртый баран! Она покачала головой и прошла в кухню, чтобы не мешаться под ногами. Когда он зажег свет, Даша обернулась. Ей хватило и одного взгляда, чтобы понять, как она его сейчас раздражает. Похоже, конфетно-букетный закончился. Теперь Роман потерял к ней инте-

рес даже в плане секса. Быстро. Как, впрочем, она и ожидала. Даша сказала:

– Роман Сергеевич, я тогда пошла одеваться. Не буду вам мешать, подожду на улице.

И вышла.

Больше они не сказали друг другу ни слова до самого отеля. Даша поднялась в номер и буквально свалилась в постель. Она почти не спала ночью, без сна прошел и полет. Сейчас у нее было еще около часа до выезда из отеля, и она предпочла потратить его на сон.

Разбудил внутренний телефонный звонок. Посмотрела на часы. Странно, еще рано.

– Еще раз доброе утро, Дарья Игоревна! За вами подъехала машина.

– В смысле? Какая машина?

– Водитель от СевМорНефти. Ждет вас внизу.

– Не поняла... Хорошо, сейчас уточню у руководителя.

Но Роман не снял ни мобильный, ни телефон в номере. Даша немного привела себя в порядок и дошла до его двери. Позвонила. Еще раз. Ответа не было. Странно. Тогда она спустилась в лобби. Ее действительно ждал человек, по виду – типичный компанейский водитель.

– Здравствуйте. Вы ко мне?

– А вы Дарья Чернова?

– Да.

– Тогда да, я за вами. Там в офисе незапланированный визит с утра, надо подготовить. Потребуется ваша помощь с языками. Анатолий Денисович попросил Романа Сергеевича, чтобы тот отпустил вас пораньше. А ваш шеф чуть позже подъедет. Пойдемте!

И указал в сторону выхода.

Даша немного подумала. Выходило складно. Отчего это она стала такая подозрительная? Хотя, было понятно отчего... Поработаешь месяц в таких условиях, в каких работала она – вообще пациентом психиатрической сделаешься.

– Хорошо. Только в номер поднимусь за вещами. Сейчас буду.

Вначале Даша ни о чем не подозревала. Ее голова опять была полна грустных мыслей о Романе, и она долго не обращала внимания на то, что при других обстоятельствах бросилось бы в глаза гораздо раньше. Как, например, то, что ехали слишком долго. Нет, конечно, не по меркам Москвы, но в Мурманске совсем другие расстояния. Или на то, что выехали за пределы города. Ведь офис находился в городской черте, Даша прекрасно знала об этом, как и о том, что никаких выездных загородных встреч в программе мероприятий не было. Но и на это она сначала не обратила внимания, а когда заметила, было уже поздно трепыхаться, потому что времени на то, чтобы досоображать эту мысль до конца и что-то придумать, не осталось. Да и потом, что бы она сделала? Вы-

прыгнула из машины? А дальше? Пустилась на утек прямо в сапогах на каблуках? В лес, в неизвестной местности? Нет, это была бредовая идея, так что по факту, может, было даже лучше, что Даша опомнилась уже почти возле самых подъездных ворот: она не успела нормально испугаться и сделать каких-нибудь глупостей. Зато разозлилась. Очень. Всё, что связывало ее с Романом Чернышевым, несло для Даши какие-то негативные последствия. Так сложилось, что даже охота, которую на нее открыл Андрей, совпала с появлением в ее жизни этого человека. Она просто устала от нервов, боли, неуверенности. Устала бояться его и саму себя. Наступил предел. И всё это обрушилось на Ивана Белова.

Даша не успела спросить, куда ее везут и что вообще происходит, потому что к моменту, когда она уже была готова это сделать, машина остановилась. И Дарья Чернова не стала ни о чем спрашивать. Временно место гнома в чулане стало вакантным. Но ненадолго. Ему на смену заселился дракон. Главные ворота разъехались, и машина оказалась на территории большого лесистого участка. Водитель вышел и открыл дверь.

– Приехали, Дарья.

Она смотрела исподлобья. Взгляд ее был... недобрый. Водитель даже немного смутился. Но Даша не стала заставлять ждать тех, кто поджидал ее в доме. Надо было быстрее познакомиться, чтобы закончить, наконец, весь этот кордебалет.

Она вышла и решительно направилась ко входу, не ожидая приглашений. Дверь открыли изнутри, привратником поработал мордovorот внушительных габаритов. Достигнув двери, Даша остановилась возле входа, полезла в сумку и стала в ней копать. Водитель подошел и застыл за ее спиной, она слышала, как тот почти дышал ей на ухо, заглядывая через плечо в попытке понять, какой вид оружия она собирается извлечь из сумки.

– Что ищете, Дарья?

Это был голос того, что находился за спиной.

– Не волнуйтесь так, базука у меня в лифчике, ее сейчас неудобно доставать. Деньги ищу.

Молчание. Сбилась программа. Пытается наладить. Чтобы не пришлось ресётить, Даша пояснила:

– Отблагодарить хочу за труды.

Привратник посмотрел ей за спину. Видимо, переглянулся с водителем. Наконец, Даша нашла косметичку, в которой обычно держала деньги, расстегнула ее и медленно, чтобы не схлопотать по рукам, вытащила две однотысячные купюры. Первую всучила водителю, вторую подала привратнику.

– Сдачи не надо.

И прошла внутрь. Эти остались обтекать. Но, видно, в домике, помимо первых двух, такие водились еще. Ее приняли буквально через несколько метров еще двое мордovorотов. Судя по виду, выпускались на одной фабрике. Даша не стала ждать, пока ее возьмут под белы ручки и, подойдя на рассто-

ание вытянутой руки, сказала:

– Салют, ребята! Простите, но на всех не хватит. Столько денег у меня нет, так что ведите сразу к главному. Я поблагодарю и его, а потом поеду. У меня ну совершенно нет времени с вами здесь тусоваться.

Двое переглянулись, один, у которого айкью, вероятно, был положительным, улыбнулся.

– Проходите, Иван Анисимович ждет в кабинете.

Кабинет был рядом. Двери открыты. Со второго этажа спускались еще двое мухоморов. Да, раньше о подобном Даша только слышала. Она не была любительницей такого рода искусств, поэтому не видела даже в кино. Просто знала, что во времена отцовской молодости такое явление, как ОПГ существовало. Оказалось, существует и до сих пор. И у Даши снесло крышу. Она не стала дожидаться подмоги этим двоим в лице тех двоих, сбросила шубу прямо на пол, сунула сумку одному из конвоиров, всё равно ведь отберут перед входом в святыню, и влетела в кабинет несколько быстрее, чем того требовали обстоятельства. Но думать она уже не могла.

Даша не успела даже толком осмотреться, так как цель она увидела сразу. В кресле за письменным столом сидел дородный седовласый старик с красным лицом и заплывшими глазками. Она остановилась в центре кабинета, не доходя до цели метров трех. Ближе всё равно привратники не подпустят. Шаги сзади стихли. Неподалеку от нее застыли мухоморы. Даша начала с места в карьер:

– Милый швейцар у вас! Дорого берет? Я ему тыщу дала за услуги, надеюсь, не обидела?

Цель пригляделась к ней повнимательнее.

– Вахтеров благодарить не стала, столько не зарабатываю, решила, что экономичнее будет сразу дойти до самой большой шишки. Так понимаю, шишка передо мной? И это у вас в Мурманске считается за самый большой размер? Так я что, фóрму потеряла, и на меня перестала клевать самая крупная рыба в заводи?

Нижняя губа цели стала медленно опускаться на первый этаж. Стояло гробовое молчание. Даше надоела эта пауза, с Романом уже вдоволь в них наигралась, так что она уже собиралась продолжить, но всё же ее опередила проснувшаяся цель:

– Ты что, баба, белены объелась?

– А вы что, деда, меня за сиреневый лютик приняли? Так немного ошиблись! Я вам что, полевая трава, чтобы вот так, без разрешения, принимать меня прямо из отеля и вести... Бл...ь, что это вообще за место такое? Вы что, Али-Бабу ограбили? Так сейчас уже не принято, примите к сведению.

Цель настолько офигела, что опять потеряла дар речи. Даша продолжила:

– Если у вас было ко мне какое-то дело, то в следующий раз имейте в виду: я всегда доступна по телефону. За бесплатный трансфер, конечно, спасибо, но на будущее: лучше звоните, записывайтесь на прием. Будет настроение, может,

заеду на чай с баранками, ну а нет – пишете письма до востребования. Но вот так прѳосто хватать меня и притаскивать за шкуру как последнего бѳобика, это, нахрен, была плохѳая идея...

Даша резко выхватила из кармана пиджака телефон, который положила туда еще в отеле, когда одевалась. Ее давняя привычка держать его при себе, а не в сумке, сейчас сработала... за или против? На этот счет единого мнения существовать не могло... Стремительным броском, она запустила его прямо в цель. Правда, несмотря на возраст, реакция у той еще присутствовала. Видимо, давал о себе знать род деятельности. Нервная работа всегда держит в тонусе. Цель пригнулась, и телефон врезался в спинку огромного кресла, в котором та сидела. Аккурат в районе яблочка. Если бы цель не пригнулась, мало бы не показалось.

На Дашу тут же накинудись сзади. Она увернулась, сгруппировалась, и, вытянутым указательным пальцем ткнула в глаз тому, что был слева. К сожалению, немного промахнулась. Новая цель инстинктивно зажмурилась, и палец угодил лишь в самый угол глаза. Тут же ее скрутили. Она продолжала трепыхаться, когда до нее донесся звук раскатистого хохота. Видимо, пришла в себя первая цель.

Один из мухоморов спросил:

– Иван Анисимович, что с ней делать-то?

Сквозь раздражающий душу хохот-свист послышалось следующее:

– Под крышей ее закройте! В гладильной. Только вытащите сперва оттуда всё тяжелое и острое...

Даше смешно не было. Но и страшно тоже. Ее всё достало. Она просто отключилась и ни о чем не думала. Без телефона и наручных часов было трудно сказать, сколько она просидела запертой. Ощущение времени, вероятно, было ею утрачено. Но это точно не было несколько часов.

Наконец, клацнул замок, дверь открылась. На пороге стоял... Роман Чернышев собственной персоной. Он держал ее шубу и сумку в одной руке, свой портфель в другой. Бросив на нее долгий и какой-то немного обалделый взгляд, он сухо произнес:

– Пошли.

Ну пошли, так пошли. Она встала и вышла.

Появление Романа не было воспринято Дашей как акт спасения. Слишком многое она пережила, и слишком мало он походил на спасителя. Даша просто устала от всех этих людей с их альфа-замашками. Посадить бы их всем скопом на корабль, и отправить в открытое море. И Чернышева туда же. Он ничем от них всех не отличается. Даже видимости не попробовал создать, что ему интересно, как она. Его ведь совершенно не волнует, что Даша чувствует! Опять злится. Конечно, всё утро пришлось возиться с ней, как с писаной торбой, столько времени драгоценного потратить! Чему тут радоваться? Ее чудесному спасению? А надо оно ему? И ведь

не подумал даже, что именно из-за него ее увезли незнамо куда в логово к какому-то бандиту, родом из перестройки. Другая на ее месте бы просто не доехала. Сдохла со страху еще по дороге. Но Роману Чернышеву пофиг на людей. И на нее в том числе. Вдруг раздался его хмурый голос:

– Останови!

Роман вышел и вызвал ее. Даша не размышляла. Как только оказалась на улице, шеф потащил ее в сторону от машины.

– Ты что, с ума сошла? Ты хоть понимаешь, с кем ты себя так вела? А?

Она отвечала ему про себя: «Мне плевать». Но он не слышал. Зато, наверняка по лицу догадывался.

– Это же палач! Монстр, понимаешь ты это? Они же тебя прямо в лесу закопали бы, даже далеко от дороги не отъезжая!

Да пошел ты! Правда, это снова было про себя. Он по-настоящему разозлил Дашу. Стряхнула его с себя, как что-то омерзительное, пошла к машине. Схватил, от земли оторвал. Даша пришла в ярость, стала отбиваться. Поставил на ноги. Крепко, гад, держал.

– Господи, Дашка, да что же ты делаешь всё время? Стоит на минуту отвернуться, как на тебя тут же коршуны слетаются!

Обнял. В волосы опять зарылся, чертов землекоп. Но сейчас не сработало. Даша была слишком рассержена.

– Из Москвы пришлось увести, чтобы в мое отсутствие

Моргунов тебя не слопал, так сию секунду здесь объявился кандидат ещё похлеще! А ты им всем... дерзишь... Телефонами бросаешься, дура ты шибзданутая. Нашла в кого! Ну что мне с тобой делать? Наручниками, что ли, к себе прикопать? Дождешься ведь, что однажды кто-нибудь тебе голову оторвет!

Да пошел ты! Пока про себя. Но скоро Даша не сможет сдерживаться.

– Отпустите меня, Роман Сергеевич.

Сбавил обороты. Даша оттолкнула его и ушла в машину. Через минуту он тоже сел. Тронулись. Долго ехали молча. Потом вдруг проснулся, соображалка года:

– И какой черт тебя дернул сесть в незнакомую машину? Ты что, маленькая? Тебе простые вещи непонятны?

Он бесил Дашу. Таких тупых вопросов ей давно никто не задавал.

– Меня вызвали со стойки регистрации. Сказали, что подъехала машина от СевМорНефти. За мной.

– И тебя ничего не смутило?

– Смутило. Позвонила вам. Не ответили. Набрала в номер. Не сняли. Дошла, постучала. Никого. Спустилась вниз. Водитель сказал, что я должна подъехать раньше, чтобы помочь провести какую-то встречу, и что вы в курсе, но подъедете позже.

Отвернулся. Продышался. Сразу бы так. Пусть еще на воркаут сходит. Может, соображалка лучше работает.

– Даша... .. Прости меня...

– Да пошли вы, Роман Сергеевич. При всём моем к вам уважении.

Простонал. Долго так, протяжно, мучительно. Правильно, пусть помучается. И желательно подольше.

– Правильно, Даша. Так меня.

Больше ей не хотелось с ним общаться, поэтому на протяжении всего дня Даша старалась избегать разговоров напрямую. Роман целый день смотрел на нее. Она видела, куда опять было направлено его сексуальное начало. Так всегда было у нее с мужчинами: взрывались, стоило Даше проявить немного больше интереса к той части их жизни, которая была скрыта от посторонних, и мгновенно мобилизовывались, стоило ей показать им свое кино. То самое, которое крутилось для посторонних ею самой. Парадокс. Даша была для них такой же посторонней, как и они для нее, только вот себя в этой роли мужчины представлять не хотели, а для нее оставляли лишь эту роль.

В баре настроение стало еще хуже. Все эти напыщенные болваны из МурманскСевМоря вели себя так вызывающе стыдно, что Даше хотелось отойти подальше, чтобы никто не подумал, что она с ними. Милый барчик-рюмочная, который она присмотрела, когда Яндексила в Москве, показался им ниже их сиятельных достоинств. Не важно ведь, что место – теплое и атмосферное, если ценник ниже рубля, то заходить

на порог запаadlo. Даше так опостытели все эти снобы! Когда она не соприкасалась с ними нигде, кроме официальных мероприятий – это было одно, но вот такое, неформальное общение, при котором на поверхность всплывала вся степень загаженности их мозгов, перенести было уже почти невозможно. Или Даша перенапряглась и у нее просто всё накопилось. Сначала Роман с его притязаниями. Будто она вещь, а не женщина. Потом Андрей. Потом сегодняшний бандит. И теперь вот эти... представители рода человеческого... И она еще была вынуждена улыбаться...

Правда, позже, когда все перепились, оказалось, что ничто человеческое им было не чуждо, но от этого если и стало легче, то немного, ведь Даша никогда не могла понять, почему некоторым людям для того, чтобы снова стать людьми, непременно требуется принять на грудь. В общем, утренний запал тоже прошел. Теперь ей снова просто было грустно.

К Роману она ничего не чувствовала. Была только одна пустота внутри. Поэтому, когда он позвонил ей в номер спустя всего десять минут после их возвращения в отель, даже не напряглась. Да пофиг.

– Можно войти?

– Зачем?

– Скажу когда войду. Не хочу делать это на пороге.

Пропустила. Но пошла переоделась в ванной, чтобы не стоять перед ним в халате.

– Вы что-то хотели, Роман Сергеевич?

– Ну вообще-то я всегда хочу одного. Ты же знаешь. Того самого.

Ухмыльнулся. Скалитесь тут стоит, гад. Дашу опять стало накрывать волной ярости.

Вдруг он резко поднял ее в воздух и стал кружить. Она даже понять не успела, что произошло, настолько стала дезориентирована в пространстве. В следующий раз поняла, где находится, только когда уже лежала, прижатая к постели.

– Дашка, не могу без тебя! Ты меня бесишь, убить готов иногда, но не могу без тебя. Нужна.

И поцеловал. Даша замерла, пытаясь понять, что чувствует. А она определенно что-то чувствовала. Ощущение пустоты опять отступило. Как она ни пыталась побороть в себе привязанность к мужчине, который сейчас ее целовал, ничего не выходило. Временами ей удавалось преуспеть лишь частично. Но вскоре тело тут же брало свое. Вдруг Роман сказал:

– Нужна мне.

И снова поцеловал.

– Ты... – продолжал он, целуя, – мне... – и опять начинал целовать, – нужна.

И тут же набросился, более не сдерживаясь. Даша не могла не ответить.

Его руки были горячие и нежные. Роман занимался любовью, будто это было магическое таинство: медленно, затем

быстро, нежно, затем неистово, чередуя горячие и холодные волны, как контрастный душ. Он был прекрасный любовник и точно знал, что и когда нужно было сделать. Роман чувствовал всё интуитивно: если пережимал, то тут же ослаблял и заглаживал вину лаской, если был слишком нежен, и Даша начинала терять остроту ощущений, то тут же добавлял немного огня.

В эту ночь он впервые полностью раздел Дашу. При свете лампы, будто хотел изучить досконально. Она не сопротивлялась: если хочет, то пусть смотрит. Стеснение никогда не было ей свойственно. Как только одежда осталась лежащей на полу, Роман приступил к своим ласкам. Он вел руки медленно, оставляя после волну мурашек, изучая реакцию Даши на свои прикосновения. Будто программу будущих мероприятий составлял, запоминал, что и как здесь работает. И смотрел... Всё время, безотрывно, затуманенным взглядом, будто был пьян. Но Роман сегодня не пил, Даша это заметила. Его опьяняло ее тело. Это очень льстило, но одновременно еще сильнее отдаляло от него морально, ведь являлось очередным подтверждением того, что Романа привлекает только ее женская сексуальность. В душе он всё еще оставался закрытым. Это разбивало сердце, ведь она-то влюбилась по самые гланды, и тогда Даша, тело которой так сильно отзывалось на его ласки, окончательно закрылась морально, блокируя наступление высшей точки. Романа это лишь раззадорило. О да, она видела этот азарт и понимала, с чем

именно он был связан: спортивный интерес мужчины-победителя, который старался теперь лишь сильнее. Правда, не целовал. Никуда ниже шеи. Будто у Даши, и правда, была гонорея. Хотя забыть о презервативе это ему не помешало. Вспомнился Андрей, и она, подумав, что в этом они с Романом были похожи, снова откатилась от оргазма. А он всё продолжал и продолжал. Наверное, до самого утра, Даша не смотрела на время.

Она должна была признаться себе, что это была самая лучшая ночь в ее жизни. Даша боялась ее и одновременно хотела, чтобы она наступила. Близость с Романом не принесла разочарования даже несмотря на то, что он так и не добился от нее финального отклика. Ощущения от его пребывания были сродни какой-то мифической химии, о которой только рассказывают, но которую так никто никогда и не видел в лицо: Роман будто был встроен в стенки Даши, как тот самый пресловутый и такой пошлый болт, наворачивающийся на не менее пошлую гайку: комплиментарность, достичь которую возможно лишь в лабораторных условиях. Их выпиливали на одном и том же производстве. Друг под друга. Но только физически. Морально он ей не принадлежал, и Даша это прекрасно понимала. А она продалась ему с потрохами. Поэтому эта ночь прошла для нее под девизом единства и борьбы противоположностей, когда «и хочется, и колется, и мамка не велит». И с этим «хочется» надо было что-то делать. «Колется» и «мамка не велит» перевешивали.

Двое как двадцать. И все против одного.

Утром проснулись вместе, Роман все ещё не ушел. Он потянулся, чтобы поцеловать, но Даша не ответила. Она не любила невымытых утренних поцелуев, это никогда не казалось ей возбуждающим. Как и завтрак в постель с нечищеными зубами. Фу, какая дурная романтика! Точнее дурно пахнущая.

Кончилось тем, что Роман поцеловал ее в щеку.

– Потихоньку собирайся. Не стал будить тебя раньше времени. Уж слишком мирно ты спала. Такой тебя редко увидишь, драчунья. Решил не упускать момента.

И так до безобразия мило улыбнулся, что Даша чуть не забыла обо всех тех установках, которыми пыталась напичкать свою голову всю прошедшую ночь. Чтобы, когда он охладает к ней в следующий раз, всё же не броситься под поезд.

– Хорошо, Роман Сергеевич.

Тем не менее прозвучало нежнее, чем следовало. Он нашел ее руку и поцеловал, не переставая смотреть в глаза. Когда за ним захлопнулась дверь, Даша громко выдохнула и бросилась на подушку, уткнувшись в нее лицом.

Как только прилетели в Москву, он первым делом купил ей телефон. И вдруг, когда сели в машину, и Даша уже собиралась сказать ему всё, ведь она приняла решение, Роман ее опередил:

– Даша, вечером – корпоратив. Стартуем прямо из офиса.

Надо быть не позже шести.

– Я не пойду, Роман Сергеевич.

– Почему?

– Сегодня мой последний рабочий день. Так что корпоратив ко мне никакого отношения не имеет.

Бурной реакции не последовало, но Даше показалось, что Роман побледнел.

– Даша...

– Роман Сергеевич...

– Даша, ваш первый рабочий день какого числа был? Припомните, пожалуйста.

Роман озадачил ее. Она ожидала всего, чего угодно, от того, что он возьмет ее прямо в машине, до того, что откроет дверь и предложит самой добраться до дома, но только не такого варианта развития событий.

– Пятого вроде.

– Вот именно. Пятого декабря. А сегодня какое? Тридцатое. Вы еще не отработали причитающегося мне по контракту месяца. Он кончится только четвертого января.

– Так праздники же...

– У кого? Директора спецотдела по межстрановому взаимодействию? Вы серьезно? Да у меня начало января еще хуже, чем конец декабря! Год откроется, а вся страна гуляет. Я один на посту и буду. А мне одному быть никак нельзя. Тут же трудоспособность снизится. Даже коньяк не поможет. Так что без вас никак.

Врёт ведь опять, гад, врёт и не краснеет! И милый такой, подача мягкая, что аж поверить хочется...

– И вы меня правда после четвертого отпустите?

– Слово джигита! Так что корпоратив этот пока еще к тебе... к вам... имеет самое прямое отношение.

И пока она собиралась с мыслями, Роман не дал ответить ему отказом:

– Только оденься поприличней. Не подводи меня.

И она готовилась. Долго. Будто к ночи, когда девственности собирается лишиться, хотя Роман Дашу уже раз десять как ее лишил. Вот какой же гад! Ну как он ею манипулировал! А она-то, считающая себя не самой наивной и простой, с каким наслаждением она манипулировалась! Одно только платье начала выбирать еще в машине, сразу после того, как дала свое молчаливое согласие. Еще до дома не доехала, а уже прикидывала, что и с чем надо будет надеть.

Даша сделала смоки айс, разогрела плойку, уже покрывшуюся, наверное, плесенью от того, как часто хозяйка ею пользовалась, и под большим углом от корней, делая причудливую накрутку, уложила пряди, прикалывая каждую шпилькой к корням. Пусть остынут, тогда залачит, и можно будет тротуары подметать, а укладка никуда не денется даже через сутки.

В зале они ненадолго разминулись. Роман разговаривал по телефону, а Даша переобулась, сдала вещи в гардероб и

прошла в туалет. Ей нужно было еще раз посмотреть на себя в зеркало, прежде чем появиться в зале. Она хотела ему понравиться.

Когда Роман увидел ее, на его лице снова появился тот взгляд. Как в момент, когда они с водителем вошли в приемную пару дней назад... У Даши ноги подкашивались, пока она шла к нему и ловила на себе этот взгляд.

– Ты прекрасна.

– Спасибо, Роман Сергеевич.

– Что будешь пить?

– Бокал шампанского выпью. В честь праздника.

– Какого? Для тебя праздник, что ты от меня уходишь?

– Я вам сразу сказала, что это точно только на месяц.

– Помню. Но думал, что останешься. Со мной. Даша.

– Роман Сергеевич...

– Да, он самый. И я всё еще здесь. И жду твоего ответа.

Почему, Даша?

– Что почему?

– Почему ты так старательно пытаешься от меня убежать?

– Мы с вами, Роман Сергеевич, из разных миров.

– Не заметил такого.

– Возможно. Но это не значит, что это не так. Мне такая жизнь не подходит.

– Какая, Даша?

– Я не люблю корпоратив.

– Зато он тебя, похоже, любит.

– Нет. Это ложное впечатление.

– И отчего же ты его не любишь?

– Просто не люблю.

– Нет, Даша, не пытайся юлить. У тебя ничего просто так не бывает. Почему ты не любишь корпоратив?

– Не думаю, что вам стоит об этом знать.

– Скажи почему.

– Вам не понравится.

– Я переживу.

Нет, Роман Сергеевич, такое даже вы не переживете, подумала Даша про себя. Но вдруг решила, что так, наверное, даже будет лучше. Она ведь так хочет, чтобы Роман оставил ее в покое, значит, надо выложить ему буквально всё, тогда уж точно оставит. И она выложила...

По мере того, как Даша говорила, лицо Романа постепенно менялось. От выражения непонимания в первые секунды, до удивления и недоумения, как только он осмыслил значение первых фраз, и неприятия, когда она и его причислила к тем, о ком шла речь. Потом на лице его появилось что-то вроде огорчения, позже разочарования, недружелюбия и отторжения. А затем всё сменилось абсолютно бессмысленным выражением. Пустота. Даша как раз договаривала:

– Трудно быть мамонтом, а уж осознавать себя рудиментом – вообще вердикт. Я лишняя на этом пире во время чумы.

Но Даша снова недооценила его непредсказуемость. Вместо того, чтобы развернуться и тут же уйти, как это на месте Романа сделал бы любой другой человек, он потащил ее танцевать и устроил очередную сессию ада. Так всё перевернул, что еще умудрился ее сделать крайней. Сердце Даши так долго тарабанило о другие внутренности, что как будто уже привыкло, но сейчас вдруг показалось, что оно больше не выдержит и вот-вот остановится. Роман утвердил Дашу в ее мысли. Когда она спросила, чего он от нее хочет, в голосе директора впервые за вечер прозвучала злость:

– Я тебе сразу сказал чего хочу. В первую же пятницу, в лифте. А чего хочешь ты? Скажи. Здесь и сейчас. Тогда я подумаю, отпускать мне тебя или нет. Но до этого не отстану, даже не надейся. До могилы тебя доведу, но не отстану.

– Я не могу сказать...

– Можешь. Говори. Что тебе нужно Даша?

– Мне нужно то, чего вы не способны дать.

– Это не ответ. Я хочу знать, чего именно.

– Отпустите меня, пожалуйста.

– Отпущу. Четвертого после полуночи будешь свободна как ветер. А теперь пошли, мне здесь надоело. Унылая какая-то пирушка.

А потом была крыша, с этим невозможным:

– Ты не можешь знать, что я способен дать, а что нет. И ты не можешь за меня решать.

А потом он вообще добил. Этим:

– Жить хочу, понимаешь? И романтических свиданий тоже хочу. И встречи дурацкого Нового года. Елку эту тупую, колючую. Чтобы все руки себе ободрать. И чтоб воняла на всю комнату, чтоб ей. Поехали елку покупать, а? И мандарины.

И Даша впервые при нем не смогла сдержать слез.

– Ты что, дура? Даша? Ну что ты плачешь? Я же серьезно!

Конечно! Серьезно он! У него всегда всё серьезно! Пока... длится момент. А что там будет дальше – не важно. Но она-то это уже проходила! Стоит ей только снова отпустить какое-нибудь замечание, которое ему не понравится, и настроение Романа опять сменится за секунду. Да так, что он будет готов выдворить ее на улицу. И даже если Даша проявит чудеса дальновидности и провернет самовывдворение на минуту раньше него самого, то мысль остановить ее и откатить всё обратно в голову к Роману всё равно не придет. А что делать ей? Опять под поезд? Локомотив, управляемый гномом, засевшим в ее голове? Окончательно сорвавшимся с цепи?

– Вот зачем вы это делаете? Почему не можете просто меня отпустить?

– А почему сама не уходишь? Я бы не смог удержать, если бы ты всерьез захотела. Но ты ведь не хочешь. Признайся!

– Не хочу. Но, если бы вы мне не мешали, то смогла бы.

– А я буду тебе мешать, поняла? Потому что нечего тебе за

меня решать, как я к тебе отношусь. К людям, да, ты права, возможно. Но это неточно. Просто жизнь у меня такая. Но к тебе – нет. Я с первого дня отношусь к тебе не как ко всем. Потому что ты – не все. Выходит, не такая я уж и вонючая мразь. Как заслуживают, так и отношусь.

Даша не знала, что ему ответить. Возможно, Роман и был прав. У них с ним просто всё с самого начала было не по-людски. Но даже сквозь толстую пелену наветов, которой она отчаянно пыталась застелить свои глаза, проступало понимание того, что с ней он вел себя неординарно даже для себя самого. Роман старался. И слабые сигналы об этом прорывались даже к сознанию, загнанному в угол гномом. Каждый раз этот дьявол во плоти, добивался результата в том, что умел делать лучше всего: искушать. Даша давала заднюю, и Роман складывал каждую новую Дашу в кучу своих трофеев. Покорял. Снова и снова. Уже должен был удовлетвориться, настолько часто ему удавалось ее подчинить: у него уже из Даш должна была целая гора образоваться. Но Роман продолжал, и Даша не понимала, почему эта игра до сих пор не успела ему наскучить. Тогда бы ей удалось уйти. Возможно.

Потом была елка.

И мандарины.

И секс, много секса.

И он опять добился своего. На минуту Даша даже снова была готова кинуться в пучину пустых надежд, но... Это со-

стояние продлилось недолго.

Той ночью Роман снова удивил. Она уже решила, что никогда не почувствует его поцелуев на своем теле ниже шеи, но на этот раз он попробовал ее всю. И даже ни разу не взял, пока не добился своей цели – довести ее до оргазма. Ну или почти ни разу. Однажды всё же не сдержался, но и тогда умудрился доставить ей удовольствие, хоть Даша и не была фанаткой оральных ласк, а просто делала это для того, чтобы доставить партнеру удовольствие. Нереального энтузиазма она при этом никогда не испытывала. Но с этим мужчиной, который был выпилен под нее в том же цехе, где на десять лет позже пилили ее, с ним и этот вид ласк доставил Даше удовольствие. Ее темный дух оказался сладким. Всё, как и полагается искусителям.

Роман же попробовал ее буквально всю! Каждый сантиметр кожи. Его губы побывали повсюду, даже в таких местах, о существовании которых, возможно, Даша раньше и не знала. Ну или не предполагала, что кому-нибудь придет в голову мысль о том, что они могут быть предназначены для поцелуев: между пальцев рук, на сгибе запястья, когда предварительно кисть согнута под внешним углом. Оказалось, что именно в таком положении это место обнаруживало способность испытывать острые ощущения. Или под лопаткой, когда рука заведена назад. Или в прямке подвздошной кости, если ноги согнуты в коленях и отвернуты в сторону. Это был дьявол секса. Огромный опыт сочетался в нем с природным

чутьем, и эта смесь поистине была потусторонней.

А еще он говорил. Даша никогда не любила мужчин, любящих потрындеть во время секса. Это ведь ужасно! Всегда либо пошло, либо невпопад, либо вообще глупо. Но это был Роман. Он ничего не делал глупо, пошло и невпопад. Наоборот: попадал прямо в цель и там, где не срабатывали пальцы и губы, он доводил дело до конца шепотом, на ухо, обжигая при этом дыханьем:

– Даша, ты нереальная! Никогда не было так хорошо! Ни с кем, слышишь?

Интересно, это был эксклюзив? Или отточенное годами мастерство вешать женщинам лапшу на уши? Но даже если и второе, Даша была готова душу ему продать еще раз, ведь та и так ему уже принадлежала, чтобы его слова оказались правдой.

Когда же Роман водил своими мягкими ладонями по животу, спине, груди, а потом прикивал губами, играя с самыми чувствительными частями ее тела как с детскими побрякушками, но медленно, без фанатизма, делая перерывы и перемежая нежными дуновениями, и тут же следом поднимался к уху, в котором раздавался шепот:

– Давай, Даша, давай же! Ну еще немного, Дашенька, я всё равно не отстану! Только распалишь сильнее, до вечера тебя буду мучить, давай, милая...

... то Даша едва не поднималась туда, к самой вершине горы. Но тут же притормаживала, напоминая себе о том, что

всё это снова лишь его сексуальное желание. Сегодня объект этого желания – Даша. А кто будет завтра? Она не должна влюбляться сильнее, и так уже дальше некуда. Ведь Роман ни разу за вечер не произнес ничего, что воспарило бы над призраком похоти, неустанно висевшим над ними и не дававшим ей разглядеть в этом мужчине чего-то большего.

Но она сломалась. Блокиратор устал. Даша билась за то, чтобы не кончить так долго, что от напряжения стало сводить мышцы. В какой-то момент она упустила контроль. Роман сразу почувствовал приближение развязки, и тут же сделал последний шаг. Труба... Теперь это было неизбежно...

Всё произошло как тогда, в их первый раз. Только спазмы наслаждения были гораздо более продолжительными. Даша билась в его руках как пойманный зверь, не готовый отдать свою жизнь охотнику-палачу. Это были не крики, не стоны, это была исповедь самой себе. Она безумно любит этого мужчину, сделавшего с ней всё то, чего она никогда не намеревалась позволить ни одному человеку. Он сломил ее сопротивление и в последнем, заставив кончить, доказав, наконец, самому себе, что он может добиться от нее буквально всего, чего только пожелает его пропащая душа. Даже после всего, что между ними было.

– Теперь так будет всегда. Даша. Поняла? Скажи, хочу услышать твой голос.

– Да, Роман Сергеевич.

Усмехнулся:

– Какой я тебе теперь Роман Сергеевич? Рома. Скажи... Скажи это, ну же!

Даже последнего кусочка свободы не хочет ей оставить...

– Сейчас выйду, у тебя две секунды. Скажи.

Но Даша не сказала. Не могла. Не понимала. Ничего не понимала. Совсем запуталась в своих больных чувствах.

– А теперь пошли есть по-настоящему. Я проголодался. Ты мне все нервы вымотала, от этого всегда хочется есть.

После ванны Даша надела его рубашку. Не в вечернем же платье ей есть! Прошла в кухню, встала возле холодильника. Вообще без задней мысли, просто чтобы не мешаться под ногами. И вдруг... на нее снова налетел шквал. И она хотела его. Снова хотела. А он... Лучше бы он молчал... На языке опять был один только секс, а что у пьяного на уме, то у трезвого на языке, как известно...

– Дашка, ты просто ходячий секс! Никак не могу тобой насытиться... Маньяка из меня сделала какого-то сексуального... Ведьма, ты, Дашка...

Дальше ванная. Снова кухня. Снова постель. И эти его проблески сознания.

– Тебя что-то беспокоит? Что такое? Скажи.

– Ничего, Роман Сергеевич.

– Ты из-за бесплодия переживаешь?

Телепат проснулся... Лучше бы спал...

А как можно не переживать об этом, когда ей встретился

такой, как он? Как можно не думать, не беспокоиться? Когда она больше всего в жизни хотела бы от него ребенка!

– Даша, меня это совершенно не парит. Я всё равно не планировал больше заводить детей.

Лучше бы он молчал... Почему, каждый раз открывая в такие моменты рот, Роман лишь добавлял страниц к ее и без того увесистому альманаху сомнений?

– Ты – классная. Брось об этом сокрушаться! Жизнь продолжается.

Легкомысленный. Живущий сегодняшним днем. Несерьезный и... не созданный для семьи. Вот все выводы, которые сразу напрашивались после этой попытки Романа ее утешить. Результат обратный. Альманах скоро треснет. Количественно не выдержит содержимого.

Но Роман не остановился на достигнутом:

– А как это произошло?

– Что именно?

– Что бесплодной стала.

И Даша рассказала. Не знала зачем, ведь уже почти не сомневалась, что это была их последняя ночь. Но всё же рассказала.

Тогда Роман помог ей поставить окончательную точку:

– А ты хочешь детей? Точнее, хотела бы?

– Какая разница? Я, Роман Сергеевич, не думаю о несбыточном.

– А у меня вот с детьми не очень удачный опыт. Так что

повторять как-то не хочется...

– Почему? Вы не любите своего ребенка?

– Я ее не вижу, в основном. У меня никогда не оставалось времени на семью. Дочь выросла без меня. Сейчас уже трудно что-то изменить.

– Просто вы одиночка. Вам никто не нужен.

– Ты мне нужна.

– Нет. Вы просто меня хотите.

Даша застыла на миг, сердце в груди перестало биться. Если у них и есть шанс, то сейчас станет ясно, да или нет. От ответа Романа зависело ее окончательное решение. И он последовал:

– Да, хочу. Очень.

И дальше снова был секс. Ее потолок. Выше Даше никогда не подняться. Она всё решила.

Сразу после она уйти не могла. Нужно было дождаться подходящего момента. Всю ночь она думала. Тело ныло и молило о пощаде: «сдайся, Даша, сдайся, прими свою судьбу, быть его любимой куртизанкой, когда Роман того пожелает. А бросит? Не ты первая, не ты последняя. Будешь жить дальше». Но Даша не могла себе этого позволить. Она должна была вытравить его из своего тела также, как уже какое-то время вытравливала из души.

Она заснула лишь в тот момент, когда Роман встал. Не

могла абстрагироваться от своих мыслей, пока чувствовала его руки на себе. Даша решила дать себе немного поспать, или бы просто не доехала до дома. Разбудил сигнал звонка. Это был ее телефон. В первые секунды она напряглась. Андрей? Нет, она же разослала резюме и как раз оставляла этот номер. Но звонок в субботу, тридцать первого декабря? Странно. Всё же решила снять трубку. С ней поздоровались по-французски. Да, это были одни из ее списка. Предлагали работу. Вот же нашли время, ненормальные! Попросила перезвонить в январе.

Вошел Роман и застал часть разговора. Дождался, когда она закончит.

– Даша, я спущусь ненадолго. Там по делу ко мне подъехали. Не теряй меня. Скоро вернусь.

Вовремя французы позвонили, подумалось... Деньги бы сейчас не помешали.

– Хорошо, Роман Сергеевич.

Долго смотрел, будто чувствовал, что она всё решила. Ушел.

Вслед за ним, собрав вещи, ушла и она.

40. Столкновение с Дашей

Раздался звонок в дверь. От неожиданности Даша резко дернулась. Это Андрей... Он нашел ее... То-то она радовалась, что вроде бы он отстал, уже больше двух недель от него не было ни слуху ни духу, а он просто играл с ней, как кошка с глупенькой мышкой, чтобы бдительность потеряла...

Она тихо подошла к двери, посмотрела в глазок... и оторопела. Это был Роман Сергеевич.

Он позвонил еще раз. Даша задумалась, открывать ли. Но быстро приняла решение: она не собирается от него прятаться. Раз нашел ее и приехал, значит, хочет о чем-то поговорить. Что ж, так тому и быть, они поговорят.

Даша открыла дверь. Роман смотрел серьезно, наверное, даже вдумчиво, если такое выражение применимо к лицу человека. Через несколько секунд он сказал:

– Привет, красавица...

Всё, как всегда, в свойственной ему манере. Поступает в соответствии со своим сиюсекундным настроением, не важно, насколько оно кажется уместным собеседнику. Романа такие мелочи никогда не волновали. Пусть они не виделись больше двух недель, пусть Даша постаралась попрощаться с ним официально, пусть планировала всё оставить именно так и ни в коем случае снова не переходить на панибратство, Романа Сергеевича Чернышева это не трогало. Какое дело

ему было до ее желаний или моральных терзаний? Он вообще догадывался о них? О том, как тяжело ей давалось оставить всё как есть, не сорваться, не позвонить ему, не приехать ночью. И как от этого его «Привет, красавица» у Даши сейчас чуть ноги не подкосились... Нет, Романа это не трогало. Человек соскучился по сексу, и, наверное, сегодня ему захотелось именно ее, вот и приехал. Возможно, он сразу перейдет прямо к делу, зачем тратить время? Его у него никогда не было в избытке, чтобы заниматься такими глупостями.

– Я зайду?

Она отмерла и отошла в сторону, Роман прошел в прихожую, тогда Даша закрыла дверь и двинулась внутрь квартиры. Осмотревшись, гость прошел следом. Дойдя до центра гостиной, она остановилась, повернулась к нему лицом и посмотрела в глаза. Безэмоционально, как всё последнее время их общения. У Романа внутри всё скрутилось. Боже, как он по ней соскучился! И какая же она все-таки красивая женщина! Настолько с ног сбивает, что он не удержался даже, и назвал ее так, когда дверь открыла, хоть и не планировал фамильярностей. Смущать лишний раз не хотел. Но так вышло, не устоял... Никогда никого красивей не видел. А он-то уже стал об этом забывать...

– Возвращайся!

Безэмоциональность медленно сменилась изумлением.

– Что?

– Мне без тебя совсем плохо. Выходи завтра на работу.

Даша обалдела. Такой наглости она точно не ожидала.

Ему мало было приехать за одноразовым сексом? Он намерен вернуть его в постоянный режим? На нее стала накатывать злость.

– Так вот зачем вы приехали? Снова захотелось регулярного секса прямо на рабочем месте? Что, других кандидаток на примете не появилось? Больше на такое никто не соглашается?

Теперь обалдел Роман. Он совершенно не ожидал такого поворота.

– Даша, да ты что?

– Что что? Не ожидали, что меня это может возмутить?

Раньше ведь на всё была согласна, да?

Он подошел, протянул к ней руки.

– Не трогайте меня! Больше никогда, вам понятно, никогда до меня не дотрагивайтесь!

Роман потерялся. Он не мог оставлять всё так. Не мог сейчас уйти, потому что просто не представлял себе, что будет дальше делать без нее. Но совершенно не понимал, что ему сделать, чтобы остаться.

– Прости меня, Даша. Прости за всё. Я всё время всё делал не так. Понимаю, почему ты злишься на меня, я это заслужил. Но я не хотел, чтобы всё так вышло, оно само собой как-то каждый раз получалось... не так. Дело во мне...

Даша усмехнулась и перебила его:

– Да причем здесь вы? Дело всегда было во мне!!!

Ее голос прозвучал так надрывно, что это было душераздирающе. Даша резко перешла на плач.

– Я никогда никому не буду нужна!!! Разве чтобы пару раз трахнуть! Я – сосуд для семяизвержения, очень удобный сосуд! Хоть беспрерывно кончай, никогда никаких последствий! Алиментов, нервов, пеленок, адвокатов по бракоразводным процессам... Зато удовольствия – море, даже презерватив не требуется! Идеальная подстилка! Правда, один изъян всё же имеется: недолговечная. С высокой степенью износа. Распадаюсь на части прямо на глазах!

Роман остолбенел. Он стоял с открытым ртом не в силах что-либо произнести. Из ее горла раздался длинный стон, и Даша разрыдалась.

– Кто я для всех вас? Никто! И никогда кем-то значимым не стану. Ни женой, ни матерью, ни даже любовницей постоянной. Кому нужна больная женщина? Любовница должна вами любоваться, а не по врачам бегать и таблетки горстями глотать.

Роман подошел и попытался ее обнять.

– Даша, Дашенька, да ты что?

Но она резко дернулась в сторону. И вдруг успокоилась. Отошла и встала лицом к окну.

– Для чего я хожу по этой земле? Для кого? Для таких, как он, который сделал меня бесплодной? Таких, как вы, который забрал последнее, что у меня оставалось – самоуваже-

ние?

Она резко повернулась к Роману и впервые с начала истории посмотрела в лицо. Он перемещался взглядом от радужки к радужке, пытаясь понять, что ему делать и как ее утешить, но в глазах Даши не прочел ничего хорошего. Она была во власти нервного срыва.

– Что вы чувствуете, когда кончаете в меня? Радость победы? Собственную значимость? Нет, объясните, я, правда, не понимаю вас до конца. Что, наконец, заставили маленькую дрянью ответить за все те дерзости, которые она вам наговорила? А еще? Что-нибудь еще, Роман Сергеевич? Кроме похоти и злорадства? – каждое слово Даши хлестало Романа по лицу, словно плетка. Он вмерз в пол, тело будто окостенело. – Возможно, жалость? Вы случайно не из жалости меня трахали? Чтобы хоть немного утешить стерилизованную потаскуху, доставив ей хотя бы... радость близости с таким мужчиной, как вы. О котором такая, как я, может только грезить. Так вот радуйтесь! Вы достигли цели. Я, правда, грезила. И сейчас продолжаю. Нет, не думайте, это не ирония, я совершенно серьезно. Как только увидела вас в тот день, сразу грезить начала. Даже забыла о том, кто я есть. Правда, ненадолго, вы быстро напомнили. И я вспомнила и очень вам за это благодарна. Потому что теперь уже больше никогда не забуду.

Язык Романа словно зацементировали, он не мог выдавить из себя ни слова. Так вот как Даша думает он к ней от-

носитеся? Ее глаза снова налились слезами, припухшие губы задрожали, и слова стали слышны сквозь рыдания.

– Вы заставили меня осознать, для чего меня создал Бог. Я до вас заблуждениями страдала, что и у таких, как я, может быть достоинство, что и такие, как я, заслуживают хотя бы уважение. – По ее щекам текли реки слез. – Но теперь я поняла: судьба моя такая, просто ноги раздвигать. Всегда была, со всеми. Но вы хотя бы были честны – предупредили сразу, что спрашивать не станете, дали шанс уйти. Сама ведь осталась. Вы и не стали спрашивать, сразу поняли, что влюблена. А раз я грежу о вас, значит, можно просто подойти и трахнуть. Без предупреждения, в любом месте, в любой час. А влюбленная дурочка-недоделка, она ведь всё стерпит, всё равно никуда ведь не денется. Потому что для нее даже вашей временной подстилкой побыть – это высшее счастье!

Она скатилась в рыдание.

– Звездный час! Который она будет пытаться продлить как можно дольше. Хоть и знает точно, что вам всё это скоро надоест...

Роман прижал ее к себе и стал целовать. В щеки, виски, голову. Он даже Дáшу до сих пор так не целовал, что уж говорить о других. А она сорвалась на крик, стала вырываться и бить его кулаками, куда придется:

– Потому что вы ее не полюбите! Никогда не полюбите, просто не за что ее любить! Вы вообще никого полюбить не можете, но, если и сделаете исключение, так уж точно не для

нее! И никто ее не полюбит такую... Грязную, жалкую, большую потаскуху!

Роман уперся лицом ей в макушку и стал гладить по голове, одновременно с тем пытаюсь успокоить разбушевавшееся в его руках тело.

– Давай, Дашенька, говори... Всё говори, не держи в себе больше...

– Мерзкую, отвратительную дрянь, которая с мужиками потными по туалетам обжимается!

– Еще, Дашенька, еще! Давай, девочка моя, всё доставай из себя...

– Чтобы только забыть, как вы при ней трахались! Вам только надо было сделать это прямо на ее столе! Какая же вы всё-таки сволочь!

Роман нервно рассмеялся.

– Да, хорошая моя, говори! Всё мне скажи, что обо мне думаешь! Тебе надо выговориться.

Она рыдала. Просто задыхалась от рыданий.

– Сколько их у вас было, ответьте честно? И сколько будет после меня? Хотя почему после? Кто вам мешает и сейчас спать с другими? А потом просто взять и прийти сюда, потому что сегодня вам опять меня захотелось. И привести с собой еще кого-то, я же и на такое буду согласна! Мерзкая, безвольная дура, съехавшая идиотка!

– Говори, что еще тебя мучает? Говори, а мы потом разбираться с этим будем. Вместе.

– Потому что вы никого не любите! И никогда полюбить не сможете! И я не полюблю! Никого, никогда. Мне нельзя!

Роман, наконец, заставил ее замолчать. Он поцеловал настойчиво, по-хозяйски, и сжал ее в объятьях так сильно, что Даша даже трепыхаться перестала. Она будто выдохлась. Истерика стала отступать. Тогда Роман обеими руками взял ее за лицо и отстранился. Она еще всхлипывала.

– А теперь послушай, дура ты заблудившаяся! Не любит она никого... Ты меня любишь! И сама мне только что об этом рассказала. И притом очень убедительно. Я – поверил. Скажу честно, сомневался. Чувствовал, что вроде бы да, но ты меня здорово за нос водила. Так что хорошо, что хоть с этим разобрался. А теперь давай по мне пройдемся...

Она смотрела вниз. Сказала тихо:

– Зачем? Всё и так ясно. Вы хоть что-то обо мне знаете? Кроме цвета нижнего белья и глубины промежности? А хоть пытались узнать? Нет. И никто не пытался.

На нее снова начинали накатывать слезы.

– Потому что нормальному мужчине не нужна такая, как я! Расползающаяся на куски инвалидка, проститутка и бесплодная дрянь!

Роман крепко обнял ее и погладил по спине.

– Ну что ты такое говоришь...

– Ведь и проституток иногда кто-то любит. А меня... совсем не за что...

Даша снова расплакалась, но больше не сказала ни слова.

Просто стояла, вцепившись руками в его плечи и содрога-
ясь от рыданий. Роман думал, что сейчас у него остановится
сердце. Господи, что же он натворил... И как ему теперь всё
исправить...

41. Полнолуние Даши

Когда любимая успокоилась, Роман сказал:

– Нам в любом случае надо нормально поговорить. Согласись, Даша. Если после этого ты захочешь вернуться сюда – привезу. Если же наш разговор сложится по-другому, тогда будем что-то думать. Это самое взвешенное решение. Я тебя в таком состоянии одну не оставлю. Поэтому я сейчас принесу тебе шубу и сапоги. Помогу одеться. И мы поедem в... Можешь место предложить сама. Я считаю, что подойдет «Потемкин». Всё... отпускаю...

Роман разомкнул объятия, прошел к вешалам, которые заметил, когда вошел в квартиру, сдёрнул шубу, поднес к Даше. Он долго стоял с распахнутым пальто в руках и ждал Дашиных действий. Она не двигалась. Тогда Роман медленно подошел, накинул шубу ей на плечи, а затем продел руки любимой в рукава. После – подвел Дашу к дивану, усидил. Принес из коридора сапоги. Поочередно надел их на нее, взял за талию, помог подняться, застегнул шубу.

– Я привезу тебя сразу, как поговорим. Но здесь у тебя для этого пока неподходящие условия. Ты не ешь ничего, как всегда. Я хочу тебя покормить. Пойдем. Давай, Дашенька, потихоньку. Пойдем...

Роман вывел ее на лестничную клетку, вытащил ключи – они так кстати торчали из внутреннего замка – закрыл квар-

тиру. Положил связку в карман Дашиной шубы и, взяв ее за плечи, повел к лифтам.

Уселись на заднем сиденье, вместе. Роман обнял и взял ее руки в свои. Так они и ехали вплоть до «Потемкина».

В ресторане их проводили в самый дальний кабинет с большим окном. Роман усадил Дашу за стол, сам сел на соседний стул, взял любимую за руку, прижал к лицу, затем поцеловал ее. Даша всё время смотрела мимо него. Роман отпустил руку. Та медленно опустилась на стол.

– Будешь суп? Дашенька? Ты мало ешь, суп как раз подойдет. Ну что молчишь? Ладно, молчи если хочешь, я за тебя буду говорить. Суп берем. И салат тот, помнишь, тебе понравился? Ты его весь съела. И рыбу возьмем. Красную. В ней много витаминов и аминокислот. То, что нужно для твоего здоровья. А хочешь, я тебе водки возьму? Или «Мартини» какого-нибудь? Нет, не хочешь, по глазам вижу. Ты же шампанское тогда так и не выпила, помнишь? В честь праздника... Тогда его и возьмем. Чтобы на всякий случай было. Если захочешь.

Она молчала. Тогда Роман сделал заказ.

– Пока будут нести еду, я тебе немного расскажу, как дела, хорошо? В офисе по тебе все скучают. Нет ни одного человека, кто бы не заметил твоего отсутствия. Даже Элла, представляешь? Она мне тут в четверг выдала, что пора мне завязывать с этой фигней и брать тебя обратно, а то весь офис теперь страдает от перепадов моего настроения. У Моргунова

вообще стресс, что он так и не смог с тобой пообедать. В буфете твой уход от меня – это самая обсуждаемая тема. Подмочила ты мне, конечно, репутацию. До тебя от меня по собственному желанию еще никто не уходил. Вот и судачат понемногу... Мне прислали новую секретаршу. Вполне сносная. Но попросила меня недавно, чтобы я не злился, что она не ты. Я и не злюсь. Понимаю. Работаем, срабатываемся понемногу... Электрику тебя очень не хватает. Мне кажется, он в тебя влюблен. Но больше всех скучает Летучий. Ты ему очень понравилась. Это по работе. Теперь по более трудному участку... Второго января я поехал к жене. Извиниться за то, что использовал ее, чтобы заставить тебя ревновать.

Даша впервые посмотрела ему в глаза. Роман продолжил:
– Купил ужасный торт, самый большой, и ужасного медведя, тоже самого большого. Сама понимаешь, каков размер вины, таким по размеру должен быть и подарок... Вместе пили чай. Потом дочь приехала. Сказала, что я странный и смешной, и пришла перед сном ко мне в кабинет. Сказку дурацкую какую-то читали. А утром я сжег сырники и у меня убежало какао. Но всё же они это съели. И выпили, что осталось. Потом в «Остров мечты» поехали. Там чуть не утонули в реках народа. Ада за три с лишним часа всего пару раз прокатилась. Не везет мне с Новым годом, Дашенька... А твою елку я разбил. Недавно, только вчера. На полу так и осталась валяться. Ждет пока ты ее спасти приедешь. Только на тебя надежда.

Теперь Даша периодически бросала на него непродолжительные взгляды, но потом снова начинала смотреть в сторону. Роман взял ее руку и еще раз прижал к лицу.

– Холодная... Ну ничего, сейчас поешь и сразу согреешься.

Он приложил ее к губам и стал согревать своим теплым дыханием. Потом, так и не отпуская руки, продолжил:

– Четвертого января ночью я прилетел в Мурманск. Оттуда поехал в своё родное село. Оно на речке стоит, Варзуга называется. Я там пять лет как не был. Сходил на могилу матери, свечку поставил. В церковь зашел, которую с детских лет помню. Там тоже поставил свечки. Третья была за тебя, Даша.

Она снова посмотрела. Теперь уже дольше.

– За твоё здоровье, Дашенька. Чтобы ты долго жила и всех вокруг радовала. Тогда я тоже буду рад.

На ее глазах показались слезы. Даша снова отвела взгляд.

– Очень хочу, чтобы летом ты со мной туда съездила. Это удивительное место, там так красиво, не представляешь. Тебе точно понравится.

Даша стала тихо всхлипывать.

– Я тебя с дядей Петей познакомлю. И тетей Веней. И скажу им, что не зря тогда, в начале года приезжал. Что во всём разобрался, всё понял. И привез им свою ненаглядную женщину, чтобы они тоже на тебя посмотрели. Ведь теперь, когда родителей больше нет, эти двое для меня самые близкие.

И ты. Поэтому я очень хочу вас познакомить.

Даша закрыла лицо руками и уронила голову на стол. Ее тело стало часто содрогаться от тихих рыданий.

– Я очень много думал, пока тебя не было. Очень много думал о тебе.

Роман погладил Дашу по голове. Ее тихая истерика продолжалась.

– Если не хочешь возвращаться на работу – не надо, паши на своих дебильных французов, но, пожалуйста, переезжай ко мне, ладно? Если так сразу не готова, подумай. Но прошу тебя, только недолго, я так устал без тебя.

Даша вдруг подняла голову и спросила:

– Откуда вы знаете про французов?

Роман был настолько серьезен, что даже не успел надолго зацепиться мыслью за то, что он, наконец, заставил свою любимую выйти из этого ужасного немомого оцепенения. Он просто сказал:

– Даша, я всё о тебе знаю.

На ее лице застыло выражение непонимания.

– Я не планировал тебе когда-либо об этом рассказывать, но сейчас понимаю, что это необходимо. Иначе ты так до конца мне и не поверишь. Ведь ты же не веришь? До сих пор сомневаешься, я вижу. Поэтому я тебе сейчас всё расскажу. Только ты... держи себя в руках, пожалуйста. Всё же мы в приличном заведении...

Даша всё еще ничего не понимала. Роман сделал глубокий

выдох и начал:

– Если честно, я такими вещами никогда не занимался. Просто ты сразу меня заинтересовала. В общем... Я с первой недели держал тебя в поле зрения.

– В поле зрения? Это как?

– Выражаясь русским языком, я всё о тебе узнал.

Ее глаза расширились, и Роман впервые подумал о том, что нормальная Даша возвращается. Его любимая ненормальная Даша.

– Но о бесплодии не знал, пока ты мне не рассказала. Иначе... Не повел бы себя как скотина в тот день.

– И как же, выражаясь русским языком, вы обо мне всё узнали?

– В четверг, сразу после того случая, ну, с гонореей, вызвал к себе Ларису. Она мне всё рассказала.

– И вы знали о болезни?

– Да, еще с первого четверга.

– И делали со мной такие вещи?

– Да, Даша. Всё делал ужасно не так. Ревновал.

Теперь глаза Даши округлились до такой степени, что, казалось, стали занимать пол-лица.

– К кому???

– Ах, да, ты не знаешь... Я ведь не говорил тебе, что это ты у меня в тот день сигарету просила. Возле клуба.

– Возле какого клуба?? Какую сигарету?? Вы надо мной издеваетесь?

– Если бы, Даша, если бы. Тогда, возможно, у нас с тобой всё сразу по-человечески бы сложилось, но... В пятницу после встречи группы я поехал за тобой. В клуб.

Брови Даши съехались к середине лба. Она моргала, пытаясь осмыслить услышанное.

– То есть как поехали за мной? Вы что, за мной следили?

– Да, Даша. Именно так это и называется.

На ее лице сейчас было выражение неприятия: эту информацию Даша принимать не хотела. Но ей пришлось, потому что Роман добавил:

– И я слышал твой телефонный разговор.

Внесли первые блюда. Вовремя, подумал Роман. Пусть она немного переварит, а то еще без размышлений как возьмёт и сорвется с места. Тогда придется за ней гоняться по всему ресторану. А потом тащить обратно, брыкающуюся. Чего доброго, еще в полицию загремят... Хотя нет, управляющий рестораном, если что, Романа прикроет.

Когда официант ушел, он продолжил:

– И я сорвался, Даш. Всю ночь представлял, как ты с ним спишь. Злился ужасно. Хотел тебя безумно. Всё смешалось, в общем. Если бы я за тобой тогда не поехал, то у нас всё с самого начала было бы иначе. Я ведь уже тогда был в тебя влюблен.

Даша нервно усмехнулась.

– Это правда, Даша. Я в тот момент, конечно, еще не осознавал, насколько всё серьезно. Но совершенно точно уже

был влюблен в тебя. Сейчас я это понимаю.

Она снова посмотрела. В глазах любимой было неприятие.

– Влюбленный человек так себя не ведет. Вам было наплевать на меня. Вы просто каждый раз подходили и брали, не задумываясь даже, как это может на мне сказаться. О какой влюбленности вы говорите? Тем более, если к тому моменту вы уже знали, что я больна.

– Я не знал, что твоя болезнь так серьезна, Даша. В начале вообще на эту информацию внимания не обратил. Все болеют чем-нибудь. Ты выглядишь совершенно здоровым человеком. Да еще дерзкая такая... что ну совсем как-то с болезнью не ассоциируется, но зато окончательно крышу сносит. И так желание всё время зашкаливало, так ты еще своим поведением постоянно меня провоцировала. И потом я же чувствовал, что это было обоюдно! У меня нет привычки зажимать по углам женщин, которые ко мне равнодушны. Ты меня так же, как и я, безумно хотела. Я ведь тогда, в понедельник, заранее решил, что с тобой пересплю, чтобы отомстить тебе за то, что после моего предложения встречаться ты тут же к любовнику поскакала. Но я зарекся сделать это только один раз. Пока произошедшее между нами всё не изменило. Я... Ох, Дашка... мне даже теперь вспоминать об этом страшно... я так мерзко сорвался, как какое-то животное... раздербанил тебя всю, даже тошно от самого себя стало... А ты, блин, еще взяла и при этом кончила... Мне потом в

кабинете застрелиться захотелось. Даже несмотря на то, что ты за свое поведение всё это, возможно, заслужила.

Раздался монотонный голос:

– Ничего не было.

– В смысле?

– Я не смогла.

– То есть как?

– Отменила. Поехала домой. О вас грезить.

Роман застыл на месте, переваривая услышанное. Затем приложил руку к лицу и покачал головой. Послышался его тихий протяжный стон.

– А-а-ах-а-а!..

Услышанному просто не хотелось верить. Господи, ну почему у них всё всегда шло наперекосяк?!

– Собиралась часа три, наверное... Вырядилась, как дура... Понравиться вам хотела. Да так сильно, что даже не поняла сначала, насколько всё, что произошло, было мерзко. Как больная, кончила даже. Мне к врачу надо. Еще к одному. А то у меня их и так мало.

– И ты понравилась, Даша! Я, наверное, еще тогда в тебя окончательно влюбился. А то, как всё случилось... Да, мерзко. Но это всё перевернуло. Я так хотел выбросить тебя из головы... Ну откуда мне было знать, что ты всё отменишь? Я был уверен, что к нему поехала. И что в следующие выходные это повторись. И что ты вообще постоянно с кем попало трахаешься, вот о чем я тогда думал, понимаешь? О

том, что впервые в жизни влюбился в женщину, и умудрился выбрать такую, которая с кем попало трахается. Зверел просто от этих мыслей, уничтожить тебя хотел за то, что так меня... угораздило. Но когда всё случилось – я просто очумел. Меня потом неделю стояк мучил, но я не хотел никого, просто не мог. Одна ты перед глазами стояла. Ты что думаешь, я просто так, что ли, дошел до такой степени унижения, что с нелюбимой женой... у тебя на глазах... Не от хорошей жизни, я тебе скажу. Я ведь Софью никогда не впутывал, это ниже моего достоинства. Было. До тебя. А как ты появилась, тут же пришлось забыть о таких мелочах. Я избавиться от тебя хотел, как от наваждения! Любыми способами, понимаешь? Но каждый раз только хуже становилось. Когда мы с ней там...

Роман мучительно выдохнул, закрыл глаза и покачал головой.

– В общем, нифига мне не полегчало.

Теперь они оба молчали и смотрели друг на друга. Вдруг она сказала:

– А я вам той же монетой отплатила, Роман Сергеевич.

Он рявкнул:

– РОМА! МЕНЯ ЗОВУТ РОМА, ДАША, РОМА, ПОНЯЛА? КАКОЙ Я ТЕБЕ В ЖОПУ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ?

Глаза Даши расширились от неожиданности, и она натянулась как струна. Вдруг Роман смягчился, так же резко, как только что вспыхнул:

– Прости... Ну я прошу тебя, пожалуйста, прекрати так меня называть!

Даша немного расслабилась. Но ненадолго. Потому что Роман уже снова говорил:

– Я знаю, как ты мне отплатила. Своими глазами видел. Так что после этого уж точно должен перестать быть для тебя Романом Сергеевичем.

Если до этого он и думал, что уже видел ее глаза в максимально распахнутом состоянии, то ошибался. Даша вскочила со стула. Послышался спокойный голос Романа:

– Сядь, Даша.

Она замерла.

– Сядь, я сказал. Как и обещал, я не стану тебя удерживать, если захочешь уйти. Но только когда мы закончим.

Она стояла.

– Мы всё еще не закончили, Даша. Сядь.

Она стояла.

Роман снова рявкнул:

– Сядь!!!

Даша медленно опустилась на стул.

– А ты не задумывалась, почему всё снова случилось в следующий понедельник? Особенно после того, что я тебе рассказал выше. И почему я всё время срывался? Почему всё делал не так? Мучил, доставлял боль, хотел унижить? Потому что ты успела проделать всё это со мной пёрвая! Пони-маешь? Я тебя каждый раз растерзать был готов. Но только

в своих мечтах. Потому что стоило к тебе прикоснуться, как другая волна поднималась. Хотел, чтобы... в общем... тебе было со мной хорошо. Даже несмотря на то, что еще, наверное, неделю перед глазами стоял зад мужика, забивающего в тебя свой член. Так что, Даша, ты запиши к своему врачу и меня. Вместе будем ходить. Но, скорее всего, такое не лечится.

Они снова долго сидели в тишине и смотрели друг другу в глаза. Прервал молчание Роман:

– Суп сейчас остынет. Съешь его прямо сейчас. Потом продолжим.

– А будет еще продолжение?

– Да, Даша, будет. Ешь, я сказал.

Она взяла ложку и стала быстро закидывать жидкость себе в рот. Будто назло ему делала. Роман даже грустно улыбнулся. Он не представлял, чем закончится этот разговор.

Внесли смену блюд.

– Так, а теперь давай салат ешь. Дальше – посмотрим.

С такой же недовольной миной Даша начала пожирать салат. Другое слово к этому процессу было неприменимо. Роман снова грустно улыбнулся.

– Какая же ты всё же сучка, Дашка... И как же сильно я тебя люблю.

Она замерла. Посмотрела.

– А ты что, даже после всего сказанного выше еще сомневаешься?

Даша опустила глаза и продолжила есть, но теперь уже в немного более человеческой манере. Потом вдруг отшвырнула вилку и вскинула руки к лицу. Раздался порывистый вздох:

– Вы это видели! Боже мой... Вы там были!

– «Ты», Даша. «Ты видел».

– Какой позор! Этого ведь ничем не исправить...

Она замерла, закрыв лицо руками.

– Я это уже пережил. Потому что понимал, что тобой двигало.

Даша убрала руки. Голос ее прозвучал обреченно:

– Это всё равно ничего не меняет. Хотя вы и сделали то же самое прямо на моих глазах, и я лишь ответила вам той же монетой, сама я никогда не смогла бы сделать этого при вас. Просто не представляла бы, как потом смотреть вам в глаза. Вот и не представляю теперь.

– Расслабься, Даша. Ты же не виновата в том, что сделала из меня маньяка? Правда, каждая слезка за тобой кончалась для меня катастрофой... Поэтому тот раз был последний. Так что можешь со спокойной душой трахаться с кем угодно. Меня рядом не будет.

Она бросила на него гневный взгляд. Нет, всё же Роман мастерски умел вывести ее из любого ступора. В его руках Даша была податлива как прибрежный песок.

– Вы что дурак?

– «Ты», Даша. «Ты что дурак».

Нет, он ее всё равно достанет! Уж на то, чтобы зазноба разучила его имя у Романа как-нибудь хватит терпения. После того, как хватило на всё остальное.

– Нет, правда, вы больной?

– «Ты больной».

– Вы что думаете, после всего того, что вы заставили меня пережить, в моей голове сейчас есть место для мыслей о сексе? Да я лет десять теперь ни с кем трахаться не буду, пока курс таблеток не закончится! Чтобы затащить боль обратно под половик мне теперь как раз десять лет и понадобится!

А ведь она таким образом дает понять, что верна ему! Безотчетно, конечно, и сама, возможно, не понимает, что в голове. Но она принадлежит только ему. Как же приятно было это услышать! И Роман подумал, что этот разговор закончится хорошо.

– «Ты что думаешь, после всего в моей голове есть место для мыслей о сексе». Правильно, Даша. Тебе и не надо сейчас думать о сексе. Тебе надо думать о еде. Доешь, пожалуйста, салат. Скоро горячее принесут, а я тебя сразу предупредил, что пока не накормлю, домой не отвезу. Буду всячески создавать видимость того, что с некоторых пор твое здоровье мне небезразлично. Вдруг мне удастся запудрить тебе мозги, и тогда ты всё же согласишься переехать ко мне? Ну или не поэтому. А потому, например, что тебе понравится есть со мной. Вдруг каждый раз будет так вкусно, что ты станешь готовой заплатить за это небольшую цену? Продать мне свою

свободу.

– За еду?

– А если это будет очень вкусная еда?

– Подгоревшие сырники и убежавшее какао?

Роман улыбнулся.

– Значит, внимательно слушала, а делала вид, что в отключке... Хитрая девочка!

– Не надо пытаться сгладить юмором впечатление от всего того, что здесь происходит.

– Это не юмор. Это я просто так внимательно за тобой слежу. Бессознательно, кстати. За тем, что говоришь, как реагируешь на мои слова. За тем, как меняются эмоции в твоих глазах. Потому что всё, что здесь происходит для меня жизненно важно, как и для тебя. Ты ведь точно так же за мной следишь, Даша. Вижу, как до сих пор сомневаешься. Уже не знаю, что мне еще тебе такого рассказать, чтобы, наконец, заслужить твое доверие.

– О каком доверии, Роман Сергеевич, может идти речь...

– Рома, Даша. Меня зовут Рома.

–... после всего того, что вы мне рассказали.

– «Ты рассказал». А что такого страшного я тебе рассказал?

– Вы шутите?

– «Ты шутишь».

– Расспросы Ларисы, преследование на машине, подсматривание, подглядывание...

– Ты можешь разбить одно понятие хоть на сорок, но от этого оно не размножится. Слежка, Даша, всё это входит в понятие «слежка». И я тебе еще в начале разговора сказал, что с первой недели стал собирать о тебе информацию. Потому что понял, как всё серьезно. Не спору, что это выглядит несколько нездорово, но только на первый взгляд. Как ты думаешь, стал бы я так возиться, если бы меня интересовал только секс? Ты ведь так обо мне думаешь? Ты же сегодня сама мне об этом сказала у себя дома, что меня к тебе привлекает только секс. Включи мозги, ты иногда можешь, если сильно припрёт. Я никогда ни за кем не следил. И в будущем такого больше не планирую. Но я должен был узнать о женщине, в которой у меня впервые в жизни возникла потребность, хотя бы фундаментально важные вещи. Например, правда ли у тебя гонорея. Нет, я в это, как только пришел в себя, ни одной минуты не верил. Но проверить-то надо было! Ты бы на моем месте не проверила?

– Это какое-то извращение...

– Возможно. Но ты, кстати, всю эту информацию, которую я на тебя сегодня вывалил, достаточно спокойно приняла. Не заметила? Потому что опять бессознательное за дело взялось! Ты даже внимания не обратила, насколько быстро всё это приняла и перестроилась. А знаешь почему? Потому что в основе всех наших с тобой проблем всегда лежала твоя убежденность в том, что меня к тебе привлекает только секс. Ты была уверена, что я о тебе ничего не знаю, и очень стра-

дала от того, что и не пытаюсь узнать. А теперь вдруг выяснилось, что я давно всё о тебе знаю. И уже даже консультировался с некоторыми своими знакомыми по поводу того, как тебя можно лечить. Почему, думаешь, я тебя упорно морепродуктами кормлю? В них йод. А рыбой? В ней вообще вся раскладка чисто под твою болячку.

Снова помолчали. Даша моргала.

– Тебе жрать нужно, Даша! Чтобы таблетки переваривать. А ты не ешь нихрена. И на подоконниках спишь, дура. Это в твоём-то состоянии! Тебе в постели мягкой спать надо, скелет расслаблять, а ты подоконники по ночам протираешь!

Она опять несколько раз моргнула.

– Вы же сказали, что тот раз был последний...

– «Ты же сказал». И верно сказал. Был последний. Теперь за тобой присматривает специально обученный человек. А не любитель, вроде меня, который столько глупостей наделал. Был бы он и в тот день рядом, не пришлось бы моей женщине прятаться за членом этого киборга от своего напрочь отбитого дружка.

Даша покачала головой. Она медленно сомкнула веки. Ресницы ее дрожали.

– Господи, вы и об этом знаете...

– «Ты знаешь». Я тебе сразу сказал, что следил. А ты как себе до этого слезку представляла? Как это делал твой псих-неудачник? Я и без посторонней помощи о тебе к концу недели знакомства знал больше, чем твой родной отец, а

уж когда спеца подтянул... Ты просто должна понять, что я знаю всё. И принять это. Тем более, что самые спорные моменты из твоей жизни мы здесь уже обсудили. Если я даже твой секс на моих собственных глазах переварил, то поверь, меня от тебя уже ничто не оторвет.

У Даши опять покатались слезы.

– Вы сумасшедший...

– «Ты сумасшедший». Я – сумасшедший. Ты меня сумасшедшим сделала. Даша. И хватит плакать. Ты из меня сегодня и так всю душу вытрясла своими слезами. Прекращай. Нам с тобой еще детей рожать. По крайней мере, пробовать. Так что жри давай, пока я не рассердился.

И любимая стала есть. А потом он разлил по бокалам шампанское. Выпил из своего, не чокаясь, чтобы показать пример и при этом не смущать ее. Даша к своему бокалу так и не притронулась. Роман спросил:

– Вот объясни мне, что ты делала на подоконнике? А? И как на нем вообще можно спать?

Она помолчала. Потом всё же ответила, так и не взглянув в глаза:

– Было полнолуние.

– И что?

– Волчье. Январское, первое в году. Оно так называется. Мне не спалось, я об этом в интернете прочитала. Оно выпало на два часа ночи на Рождество. А волчье потому, что ночной хищник, воющий на луну, считается проводником в по-

тусторонний мир. И, кстати, пик волчьей активности приходится как раз на полнолуние первого месяца. Они тогда даже для людей наиболее опасны. Говорят, что это может быть связано с периодом максимального подъема энергии, причем проявляться как в позитивных эмоциях, так и в негативных...

Роман прервал:

– Даш, ты что в подъемы энергии веришь? И в полнолуния?

Она посмотрела.

– А как не верить? После того, как с вами познакомились...

– «После того как с тобой познакомилась».

– Вы же как...

– «Ты же как».

–... как... собирательное понятие ночи, что-то магнетическое. От чего невозможно оторвать взгляд. Как полнолуние.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДАРЬЕСТОЯНИЕ

Отчего-то они никогда не могли встретиться.

Гонялись друг за другом день и ночь.

В любую погоду.

В каждый день года.

*Но солнце упорно продолжало вставать по утрам,
а луна восходить в небо ночью.*

*Как же их тянуло друг к другу! Неужели то были пустые
мечты?*

...Но однажды они всё же встретились, верно?

Невозможно.

Предопределено.

А. Кимова

1. Первое «я» на суше Земли

Двор. Лавочка. Старушка.

В руках у Даши конфетка на палочке. Или без? Просто свистулька: дунешь в нее сверху – снизу раздается веселый звук. Сладкая и пахнет клубникой. Странная, таких Даша больше никогда не видела. Может, она это просто придумала? Нет же! Она уверена, что нет. Это и было ее первое воспоминание из детства.

Старушка тоже была не простая, как и конфета. Потому что звали ее тетя Паша. Их соседка, наверное, но больше Даша ее никогда не видела или об этом просто не осталось воспоминаний. Такого женского имени, как и свистульки на палочке (или без), Даша тоже больше никогда не встречала.

Тетя Паша спросила, что это у Даши? Девочка посвистела. Бабуля рассмеялась. А Даша взялась маленькой ручкой за подол и стала раскручивать черную сильно расклешенную юбку вокруг своего тельца. Сверху же ее платье было в тонкую вертикальную черно-белую полоску. С широкими черными резиновыми подтяжками. Красивое. Даша запомнила его навсегда. Прямо с того самого дня, первого воспоминания из детства о себе, Даше Черновой, в этом дворе и мире. Как платье у нее появилось? Неизвестно. Это же был первый день, который она помнила!

Качели во дворе. Много детей. Даша делает «солнышко». С того дня все друзья зовут ее «Солнышком». Потому что кроме Даши больше никто «солнышка» не делал. Девочка не понимала почему: ведь это так весело! Все же всегда смеялись, и она, и те, кто собирались вокруг. Но никто не делал так же. Странные.

Вскоре эти качели убрали. Они оставались еще с советских времен. Повесили дурацкие на цепочках. На них «солнышка» теперь не поделаешь.

Подвал дома. Она забралась в окошко, где натянутая на него проволока порвана. Там внутри на песке, под четвертым подъездом, свалена гора из игрушек. Они с несколькими детишками чувствуют себя как на охоте. Как в мультике «Маугли», том, который советский. Даша смотрела его буквально вчера:

– Удачной охоты!

Вот-вот, охота прошла удачно. Ни одной кошки Даша не нашла, но зато нашла гору игрушек. Правда, ничего интересного там не было. Лучше бы нашла кошку.

Через неделю подвал заколотили. Изверги. Борются со всем интересным, чем могут заниматься нормальные дети. Хотят, чтобы и оставшиеся – по домам засели в компьютерах. И так у Даши всего две подруги, с которыми можно по подвалам полазить. Остальные выходят во двор только с мамами. Скучные роботы.

В аллее поймала одну кошку. Сейчас наглядит ее вдоволь. Та вырывается. Глупая, не понимает своего счастья. Даша держит ее двумя ручками под передние лапки – та тяжелая. Кошка висит в воздухе, спиной к Даше и вдруг от нее поднимается струйка. Сначала вверх, потом вниз по дуге. Все дети вокруг смеются: кошка хотела в туалет!

Ходили на стройку в соседний двор. Там в подвале окошко еще не было заколочено. Внутри лежали куски разбитого стекла, но большие. Принесли к себе во двор. Даша вырыла ямку, уложила на дно листья, потом композицию из цветов. Накрыла стеклом, края вкопала в землю и только потом набросала земли и сверху. Вот бы маме показать! Но ее нет, она в командировке. А папа на работе. Ничего, покажет бабушке Вале.

– Бабушка!

– Да, Дашутта!

– Посмотри!

Даша подвела ее близко.

– Ничего не видишь?

Бабушка наклонилась и присмотрелась.

– Нет, а что? Земля как земля!

Одним пальчиком Даша стерла со стеклянной поверхности тонкий слой грунта, открыв глазам подземную картину.

– Ого! Красиво, Дашутта!

Даша победоносно улыбнулась. Но радовалась недолго.

– А где ты такой кусок стекла взяла? Та-ак... Опять на стройку ходила? По подвалам лазила? Дашка! Я отцу пожалуюсь, он тебя выпорет, дождешься!

Море. Болгария. Крыша гостиницы, белое ограждение. Даша кладет на него свои ручки – что-то липкое? Ладонки покрылись желтыми пятнышками.

– Папа? Что это?

– А вот, смотри!

Он зовет ее к себе – сам стоит рядышком. Даша подходит. Всё ограждение густо облеплено маленькими божьими коровками. Местами они сидят даже одна на другой.

– Вот это да!!!

Даша и папа улыбаются.

Вечером они идут в ресторан. Даша, папа и мама. Но папу Даша помнит, а маму нет, но точно знает, что она вместе с ними. В зале темно, столы стоят близко друг от друга, посередине – сцена, на ней музыканты играют и поют. Даша поднимается на сцену и начинает танцевать. Дяди на сцене улыбаются, один, наверное, самый главный, ей подмигивает: ты, девочка, всё делаешь правильно. И Даша танцует как умеет, не стесняясь. Она никому не мешает, просто делает то, что любой не смог бы не сделать, когда так весело и красиво во круг. Но никто почему-то не делает. Глупые? Нет, просто, наверное, заняты. Не могут же все быть глупые!?! А вот быть

заняты – могут. Папа и мама ведь всё время заняты. Да и у нее тоже всегда какие-то важные дела. Это только сейчас Даша свободна, потому что на отдыхе.

Зима. Двор. Мусорный бак. Даша копается внутри, ищет трофеи, оставшиеся с Нового года. Это – лучший период для трофеев, ведь именно в это время они самые блестящие. Нашла на трех выброшенных елках несколько обрывков разноцветного дождя – запутались в ветках. Фиолетовый, ее любимый цвет – самый длинный, удача! Синий – покороче, зеленый – такой же, малиновый – самый короткий. Теперь у нее коллекция!

Гаражи. Шапки снега. Сугробы внизу. Залезли, смели снег с покато́й крыши одного самого любимого гаража – который сразу за голубятней – своими попами, когда скатывались вниз и приземлялись в сугробы. Как же здорово! Долго катались, наверное, целый час. Не надоело!

Дача. Папа поехал почистить снег и взял ее с собой – не с кем было оставить. Зашли в дом к бабушке Матрёне, которая живет там круглый год. На их улице дачников больше никто не живет там круглый год. У бабушки только недавно окотилась кошка – осталось двое котят, остальных раздала. У первого что-то с глазиком, играл с братиком и тот когтем задел. Второй здоровенький и очень красивый – от позвоночника

елочкой плавно расходятся цвета: черный в темно-коричневый в коричневый в светло-коричневый. Дымка. И мордочка красивая.

Сели в машину – папа сказал пора ехать, и так задержались: дал Даше поиграть с котенком. По щеке слеза катится. Жалко уезжать от котика. Папа вздыхает, барабанит пальцами по рулю. Хлопает дверца – вышел. Вернулся. Вручил кота:

– Ладно, только не ной! Надоела со своими котиками...

– Папа, папочка!!! Спасибо! А мама? Не разрешит. Ведь у меня аллергия.

– Будешь чихать – обратно его привезу. А мама... Она редко бывает дома. Так что, когда не разрешит – уже будет поздно.

Не повезло малютке с именами. У бабушки Матрёны его звали Франтиком. Папа сказал, что такое имя – только через его труп. Что это значит, Даша еще не знала, но поняла, что кота так звать не будут. Назвали Фунтиком, чтобы было похоже на старое имя. Через три месяца дядя Володя, гость мамы, объяснил, что оно тоже не подходит. Потому что Фунтик – кошка. Называть бедняжку в третий раз было странно. Осталась Кисей.

Вскоре летом на даче Кися окатилась. Хорошо, что в тот момент она уже не была Фунтиком. Было бы неожиданно.

Через месяц папа отвез котят в деревню и там раздал. Всех разобрали. Котята получились того же окраса – очень красивые.

Даша живет на даче с тётёй Маргаритой. Та варит обед и рассказывает об институте благородных девиц – что девушка должна держать осанку. Примерно так: макушка в космос – подбородок в горизонт, плечи назад – грудь вперед, живот в себя – взгляды мужчин на себя. Даша смеется. У нее никогда не было живота. Он у нее к спине прилип при рождении. Но Маргарита Васильевна была очень красивая. И много знала о том, как должна вести себя девушка. Потому что она – гувернантка.

На выходные приезжает папа. И вот одной ночью вдруг будит Дашу и несет ее к окну. В небе висит огромных размеров шар цвета румяного пирога только что из духовки. Тетя Маргарита такие печет.

– Смотри, Данька, какая луна! Ты такой, может, никогда больше не увидишь!

И Даша, еще не проснувшись до конца, смотрит. И просыпается. И удивляется:

– Ой, пап, правда! Вот это луна!

– Полнолуние! Только всходит. Красавица.

И Даша помнит ее, эту луну. Навсегда запомнила.

Приехала мама. Даша ее не узнала и расплакалась. Подумала, что маму украли, и это какая-то совсем чужая тётя,

которую ей привезли вместо мамы, чтобы Даша не заметила пропажи. Но потом всё же что-то вспомнила. Голос вроде бы был похож на мамин. Позже стало ясно, что просто Даша и мама долго не виделись. Куколка, которую та подарила, была красивая. Вскоре мама снова уехала.

Кися ходила кругами и мяукала: плакала, что забрали котят. Через несколько дней ушла и не вернулась. Тогда заплакала Даша. Второй раз кошки ей не видать...

2. Школа

Двор. Теплая погода. Прыгают со школьного крыльца, кто дальше. Даша зацепилась за ограждение петлей от шнура и рухнула навзничь. Ничего не помнит.

В следующий раз открыла глаза когда? В медпункте? Возможно, но этого тоже не помнит. Точно знает только одно: физкультурник усадил ее к себе на плечи и понес домой. Это помнит. Дом был совсем рядом, но дома никого не было. Вскоре примчалась мама. Впустила их с физкультурником. Напоила его чаем. Даше он не понравился. Не чай, физкультурник. Как-то на маму смотрел, да и та улыбалась. Даше казалось, что так улыбаться не следовало.

Папу почти не видела. Много работал. Маму не видела никогда. Мама вообще была редким явлением в жизни Даши. Она дома только ночевала – уходила рано, приходила поздно, часто уезжала на длительное время, а когда появлялась, рядом всё время появлялись какие-то незнакомые мужчины. Даше они не нравились. И мама не нравилась. Потому что не надо им так улыбаться. Папа ведь не улыбается так другим, только ей и маме. Раньше маме. Сейчас они друг другу не улыбаются.

Утром – школа. Папа будит, вместе завтракают, уходят.

Днем – домой. Школа рядом, Даша ходит сама. Вечером за ней присматривает бабушка Валя, соседка. Она – донская казачка, самая интересная, кого Даша знает. Делает с ней уроки, играет в игры. Сколько же игр она знает! Никто столько не знает, Даше так повезло с бабушкой!

Берет лист бумаги, пишет: «А», потом черточка, черточка, черточка, и так по количеству букв, и последняя буква тоже «А». Спрашивает: какая буква? Даша говорит: «В»! Неправильно, – отвечает. За это Даша отчитывается, как дела в школе. И так постепенно разгадывает слово. А потом бабушка долго рассказывает ей про сорт яблок – «Афродита». Когда собирали урожай, что готовили из яблок и как от колхоза возили их на ярмарку на продажу.

Потом играют в «Города», и бабушка рассказывает о тех городах, о которых Даша не знает. Она ни о каких не знает, поэтому играют долго, ведь почти о каждом бабушка рассказывает. Интересно. Даша слушает, открыв рот.

А потом они сумерничают: сидят на диване в темноте возле незашторенного окна и смотрят на улицу. Даша мечтает, а бабушка ностальгирует.

После – домой. Там – уроки, телевизор, компьютер. Или в обратном порядке. Иногда без первого пункта. В последнее время всё чаще.

Вечером – папа приходит с работы. Делают гречку или картошку. Папа жарит мясо.

В школе все мальчики – дураки. Вовка Смирнов кинул шапку под кран. На улице был мороз. Шла без шапки. Вспомнила, что в ванной в шкафу у папы стояли чернила. Взяла один флакон – папа не заметит. Пришла пораньше. Сердце бьется. Но это как-то... скорее волнительно. Страха нет. Вовка вошел в класс, кинул портфель на пол. Даша открутила с флакона крышку, взяла в руки свою тетрадь, подошла к его месту. Уронила тетрадь, наклонилась, чтобы поднять, и незаметно бросила флакон в портфель.

Когда прозвенел звонок, Вовка всё обнаружил.

– Кто это сделал? – прозвучало на весь класс.

Тишина. Голос Даши:

– Шапка. Как только высохла – смоталась за чернилами.

– Ты что дура???

– Сказала же – шапка. Я похожа на шапку?

– Я тебя убью, глиста!!! – и кинулся на нее.

Как только подбежал, полез драться. Страшно всё еще не было. Наоборот, стало весело. Даша засмеялась. Вовка как-то немного одумался.

– Еще раз так сделаешь – убью!

– Ты ко мне больше не подойдешь. У шапки еще много чернил дома.

Норматив по бегу на тысячу метров ходили классом сдавать на пруд. Даша прибежала первая среди девочек, опередил только Смирнов. Физкультурник похвалил. Больно нуж-

но! Лучше бы в тот день маме не улыбался: Даша разозлилась. Вовка косо посмотрел. Что-то хотел сказать, но сдержался. Тогда сказала Даша:

– Правильно, шапку лучше не злить, поэтому помалкивай.

– Глиста дернутая.

Даша запела:

– Ой чернила, вы чернила, вы чернилушки мои...

– Чеканушка.

– Очерните вы дебила, эй, дебилко, отвали.

Смирнов бросился на нее прямо при физруке.

– Заткни свою хлебрезку!

– А ты свою почаще открывай, дебилоид!

Они дрались. Учитель растащил.

– Вы что, с ума сошли? А ну отпусти ее, Володя!

– Дура конченная!

– Ты что несешь, Смирнов? Девочку разве можно так называть?

– Она не девочка, она – глиста дернутая.

До директора в тот раз не дошло. Дошло в этот:

– Глиста! – Смирнов прошел мимо Даши и пнул ногой ее портфель.

– Глиста! – через пять метров развернулся, снова прошел, снова пнул.

– Глиста! – и опять.

– Глиста! – он так и ходил туда-сюда, постоянно пиная ее

портфель.

– Что молчишь, глиста? У шапки чернила закончились? – снова пинок.

– Глиста! – и опять удар в бок портфеля.

– Я с дебилами не общаюсь. Поговори с моей шапкой.

– Забились!

И отвалил.

После уроков в кармане куртки шапки не нашлось. Даша проверила в той раковине, куда Смирнов бросил ее в прошлый раз. Она была там. Насквозь мокрая. Портфель был весь грязный от следов ботинок дебила. В этот раз Даша по-настоящему разозлилась.

С утра перед первым звонком Смирнов повторил свой футбол с ее портфелем. Над ней смеялась уже половина класса. Даша молчала. Когда первый урок был в разгаре, она вытащила из портфеля еще один пузырек с чернилами, открутила крышку и, дождавшись, когда училка повернется спиной, тихо метнулась к месту Смирнова и вылила тому синюю жидкость прямо на голову.

– Чернова! Ты что офонарела? У меня таких случаев за всю практику еще никогда не было! Я даже не знаю, как на такое реагировать! К психологу, что ли, тебя к школьному отправить? Что за агрессия? Как можно было ни с того ни с сего такое вытворить?

– Он первый начал. Я – девочка, что мне было делать?

– По поводу? Ты же на него просто так накинулась! Вообще без всякой причины!

– Он два раза топил мою шапку. На улице мороз. В первый раз я кинула чернила ему в портфель и предупредила, чтобы отвязался. Не понял. Стал мой портфель пинать. Каждый день пинает, а в классе смеются. Я худая, не могу же я с ним драться? Так что буду так отвечать. У меня еще много чернил.

3. Спортшкола

– Ай да молодец, Чернова! Ай да умница! Какой высокий винт ты мне нарисовала в тройном прыжке!

Даша улыбалась. Да, после стольких тренировок, наконец, получилось. Целый день накануне просматривала видео своей любимой прыгуньи – Людмилы Борисовны Шпигель – на чемпионате мира девятьсот девяностого года в Германии. Она в тот год стала абсолютной чемпионкой.

– Но про расстояние между стóпами забываешь. Если мы с тобой хотим на городе показать им всем, кто в доме хозяин, то про стопы ты не должна забывать.

– Не больше одной стопы между стопами, помню.

– Вот и не забывай. Зато оба твистá вперед – идеальные. Умница, Даша.

Даша не может с уверенностью сказать, что помнит свои детство и юность на батуте досконально. Нет. Всё это было так стремительно и бурно, что многое утерялось из памяти, многое смешалось. Но свое состояние, которое она испытывала, когда парила, помнит отчетливо. Эйфория и волнение одновременно. Страх не было никогда. Только здоровый мандраж. Основная масса спортсменов обычно концентрировалась на обуздании страха или даже его преодолении. Даша, наоборот, раздувала мандраж как костер, направляя

всплеск эмоций в нужное русло: он тут же превращался в дополнительную энергию и помогал ей допрыгнуть туда, куда она раньше еще не подлетала.

Было так: Даша не сомневается, что чего-то не сможет. Она об этом не думает. Просто делает. И всё получается. Потому что она пришла в зал за победой. Не важно, когда победа придет. Может в ноябре, на городе, может, позже, зимой, после сборов. Может, еще позже, через пять или шесть лет. Но она победит. Никаких сомнений. И будет побеждать снова и снова. Потому что не бывает случайных побед. Потому что Бог дал Даше больше, чем всем остальным, и еще потому, что она много работает, тренируется. Значит, будет и победа.

Травмы. Они были. Но ведь и без спорта люди также травмируются, болеют. Так устроена жизнь. Поэтому Даша не помнит о травмах. Они ее никогда не волновали, не останавливали. После восстановления лишь, наоборот, появлялось желание быстрее наверстать упущенное время. Они закаляли и несли важнейшее знание: опыт. Тот самый, который помогал предотвратить повторение травм.

Боль. Она была. Но Даша не относилась к ней как к врагу. Скорее, наоборот, как к подруге, не стесняющейся быть откровенной. Боль помогала познать себя, границы своих возможностей, закаляла и несла ещё одно важное знание: чело-

веческий организм хрупок и недолговечен. Это знание помогло Даше с ранних лет стать ответственной за свое тело и свою жизнь. Самостоятельной.

А еще всегда рядом была человек-глыба – Людмила Борисовна.

Сильная, громкая, порой даже грубая. Но справедливая. Всегда.

– А-а, господин Садовский? Вы-таки соизволили почтить нас всех своим драгоценным присутствием? Ну проходите, скорее, пока мы все тут от радости не обоссались... Давайте-давайте, не стесняйтесь! Только имейте в виду, что с такими представлениями о пунктуальности город вас нихрена не ждет.

Неисправимая сентиментальная. Иногда.

– Да вы что, ребята?! С ума сошли, что ли? – плачет. На юбилей родители молодых спортсменов скинулись и подарили ей стиральную машинку. Людмила Борисовна часто забирала вещи учеников из неблагополучных семей, она на протяжении всей карьеры брала таких ребят к себе в секцию, договаривалась, чтобы для них занятия были бесплатными. Часто стирала им вещи не только из зала, но и повседневную одежду. Как-то обмолвилась, что стиралка работает из рук вон плохо. – Ну вы даёте... Я хорошо зарабатываю, купила бы сама... – махнула рукой, порывисто вздохнула, отвернулась и совсем расплакалась от нахлынувших чувств. Дети

подошли и стали обнимать. Разом, все вместе.

Добрая, чуткая, отзывчивая. До последнего дня жизни.

– Дашенька, ты не бунтуй. Понимаю. Тебе сложно. Развод родителей в таком возрасте – врагу не пожелаешь. Но жизнь ведь – она полосатая. Не бывает в ней однородности. У всех проблемы в семьях, поверь, – подлила Даше чаю. Они сидели у тренера дома на ее маленькой кухоньке. – Я вот всю жизнь только со спортом наедине, и ничего, как-то справляюсь с эмоциями. Нельзя так нервничать. Ты молодая, будешь позже от этого болеть. Тебе оно надо? Но молодец, что срываешь всё в спорт. Точно чемпионкой будешь. Именно такие побеждают. Но доведи и это дело до конца: срывай только в спорт. В жизни научись держаться. Добей характер до идеала. Цены тебе не будет, ласковая моя.

Любовь тренера – почти материнская. С детства лишенная заботы матери, Даша нашла в Людмиле Борисовне свою мать. Секция Шпигель – родной дом, с третьего класса любимое место. Приходила после уроков, тренировалась. Приходили победы.

Даша – самая перспективная из учениц своей наставницы, заслуженного тренера России, окончившей карьеру на самом пике по состоянию здоровья. Спецы поговаривали, что девочка превзойдет мать. Так оно и должно было быть. Но после третьей чемпионской звезды на молодом небосклоне Даши – он навсегда потемнел. Выключился.

4. Гром

Вполне рядовое обследование. Что-то вроде диспансеризации. И вдруг... гром среди ясного неба.

Первые вопросы возникли у ортопеда. Даша помнит этого молодого мужчину. Аспирант, вероятно. Въедливый как вишневое пятно на белом платье. Он-то и раскопал. Сначала не понравились Дашины стопы: плоскостопие, наросты, что-то вроде пяточных шпор, но на внешней стороне пяток. Потом осмотрел кисти. Верхние фаланги тоже не понравились. Стал смотреть внимательнее: сгибать пальцы, но не внутрь, а наружу. Покачал головой. Опять что-то не то. Осмотрел суставы. Правая коленка тоже не впечатлила.

– Не болит? – спросил.

– Бывает. Я же прыгаю.

– Травмы были?

– Не без этого. В пределах нормы.

– Это я уже сам, позвольте, решу.

Даша про себя усмехнулась. «Позвольте». Забавный мужичок.

– Вот направление на рентген. Спускайтесь прямо сейчас, сделал отметку о срочности. С результатом сразу обратно ко мне.

Даша удивилась. Отметка о срочности? Она умирает?

Фыркнула. Но на рентген спустилась. Она – спортсменка.

У нее скоро самый главный чемпионат в жизни. Со здоровьем шутить нельзя. Вдруг, и правда, что-то не так? Таблетки попьет, подлечится, пока еще есть время до чемпионата. Чтобы там на месте потом не было никаких новостей. Она должна его выигрывать. Без сюрпризов.

– Вы в курсе, что у вас артрит?

– Артрит? У меня ничего не болит.

– Болит. При такой рентген-картине не болеть не может.

Просто внимания не обращали.

– Ну... Коленка побаливает иногда. Правая.

– А рука? Палец? Указательный, на правой?

– Ну... Разве что чуть-чуть совсем... Да нет, ерунда какая-то... Я просто пишу много. Школа, понимаете ли.

– Понимаю. У вас колено и палец преартрозные. Завтра-послезавтра – это уже артроз. Вам спортом высоких достижений заниматься нельзя. Станете инвалидом.

Бледнеет. Она чувствует, как бледнеет. Кровь от лица просто вся отливает. Разом. Будто нет головы, тело само в пространстве стоять осталось, без управления. Садится. Точнее, оседает. На стул. Или табурет, что у него там. У аспиранта.

– Как-то вы так... круто взяли. Может, по одному рентгену рано пока такие выводы делать?

Сует ей снимок прямо в лицо:

– Вот, смотрите: здесь истончение хряща – хрящевая си-

новиальная оболочка уже начала разрушаться. Да, еле заметно, но не забывайте, сколько вам лет. Вот сужение суставной щели. Я его еще при пальпации стал подозревать. А вот ваши пальцы...

Снова сгибает указательный палец наружу. Тот натягивается по дуге буквой «С». Аспирант всё тянет и тянет, а дуга всё усиливается. Даше даже показалось на миг, что она скоро сомкнется. Показалось. Не сомкнулась, слава богу.

– Не больно?

Что такое боль? Даша к ней привыкла. У нее своеобразное представление о выходе за пределы болевого порога.

– Ну... Как вам сказать. Так, чтобы я назвала это болью – нет. Ну неприятно немного. Может, чуть больно.

– Понятно... В общем так. У вас гипермобильный синдром. Это когда суставы излишне подвижны. Я бы оценил на семь баллов из десяти. Шесть с натяжкой.

– Я – гимнастка. Акробатка. Мы все хорошо гнемся. Иначе не было бы результатов.

– Не путайте. Это совсем другая гибкость. А в сочетании с уже вполне обозначившимися проблемами с суставами – вообще вызывает у меня большую тревогу.

– Вы не понимаете. Я – чемпионка. У меня на носу главные соревнования, к которым я шла всё это время. Я их выигрывать должна. Какая тревога? То, что вы говорите – это катастрофа. Если всё подтвердится.

– Тут подтверждать нечего. У вас артрит. Практически

уже артроз. Множественный. Правая стопа – точно, правое колено – точно, правый указательный палец – точно. Левое колено под вопросом, левая стопа – тоже. У вас гипермобильный синдром. Это говорит о склонности суставов к потере упругости и чревато вывихами. Дальше надо обследоваться, сдать анализы, посмотреть ревматоидный фактор, «ц»-реактивный белок. Острого воспаления пока нет, но, возможно, есть подострое, а, может быть, и хроническая форма. Надо исключить дисплазию соединительной ткани, аутоиммунные заболевания, в общем, вам сейчас не к чемпионату надо готовиться, а широкомасштабное обследование проходить. На предмет того, что могло спровоцировать такую болезнь в столь раннем возрасте. Очевидно, что профессиональный спорт в вашем случае всё только усугубляет. Возможно, не займись вы гимнастикой, ничего бы пока не возникло. Возможно, возникло бы и так. Здесь однозначного ответа вам никто не даст. Одно скажу точно: артрит обычно – это болезнь людей старшего возраста. Он, конечно, сейчас сильно помолодел, но в таком возрасте почти ни у кого не встречается. Значит, в вашем организме есть что-то, что запускает этот процесс. И это что-то надо срочно искать. Иначе с такой динамикой – вы не жилец. Я серьезно. Подобная степень разрушения так рано – это очень плохой сигнал. Надо искать. А пока точно исключить спорт. Выбирайте, что вам важнее – стать чемпионкой, или сохранить дееспособность на какой-то более-менее долгий срок жизни. Ведь если вы-

яснить, в чем причина, и начать адекватное лечение, то, возможно, этот процесс удастся остановить. Ну или хотя бы заморозить. Но гимнастика – точно нет. Это для вас приговор.

5. Гном

Слышали, что такое гном? Нет, это не оговорка, так и задумывалось. Именно, «что такое». Это существо. Они разные бывают. Добрые и злые, милые и смешные, приятные и отвратительные. Кто-то из них хранит под землей сокровища и распевает песни, кто-то, кузнечных дел мастер, выполняет оружейный заказ для богов. Или демонов. Ходят сквозь стены, растворяются в воздухе и делают еще много чего другого волшебного. В общем, они бывают разные. Как и люди. У Даши тоже был свой гном. И это было вредное существо.

Маленький, очень назойливый карлик, с темным лицом, в потертой одежде, с гадкими глазками с масляным взглядом, с мерзкой седой бородой, он – провокатор, и хитрый как лис, главной задачей которого было сделать жизнь Даши как можно сложней. Это ему удавалось.

Почти всегда. Работал так:

Вначале возникал миллиметрового размера. Там, за лесом, еще даже не на опушке. Потом начинал медленно ползти. Под землей, чтобы точно никто не догадался, что он уже здесь. И, ползя, постепенно увеличивался в размерах. Сначала проникал в подвал. Осматривался, привыкал, зараза. Сливался, так сказать, с окружающей атмосферой. Постепенно смешивался со стенками и тогда начинал разрастаться. Рос в высоту, гадюка, знал свое дело. На первый этаж – в пред-

банник подсознания. Потом на второй – день через день ночевал там на коврике. Третий этаж – присутствовал в полном объеме и, наконец, четвертый – был замечен уже даже на уровне сознания. Так Даша и познакомилась с ним впервые: она почувствовала, что в ней что-то живет. Почти осязаемое – протяни руку – потрогаешь.

Цель существа: вывести Дашу из состояния равновесия, до которого ей теперь, после прогремевшего грома, и без гнома было как до Китая. Но Даша боролась. Она сильная, она сможет. И смогла. Точнее, могла. Периодически. Если бы не странная судьба, постоянно подбрасывающая дровишек в и без того полыхающее пекло, наверное, смогла бы и насовсем. Но судьба – она злодейка. Всё, что не делает нас сильнее, нас убивает... Тьфу, наоборот. Что обычно пишут на дверцах холодильников? «Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее?». Но у Даши плохо с холодильниками. И с тем, что там пишут. На дверцах. С дверцами у нее тоже плохо. И вообще плохо. Даше просто постоянно плохо.

Но она не сдавалась. И со временем даже выдрессировала гнома. Но иногда тот всё же путал ее мысли. Как в этой главе, в этом абзаце. Полный абзац. Полный гном.

Что он нашёптывает?

– Милая Дашенька, Дашенька-душка, ты так красива, но очень больная, так ты всем нравишься, хоть и худая, папочка любит, но мамочку больше, мамочка душка, но только предатель, спорт – это жизнь, но не для тебя, ты – победитель,

но неудачник, судьба виновата, но нету другой.

И далее по списку в этом духе и разрезе. Гном всегда метит в единственное и фундаментальное добро, которое способно спасти жизнь Даши – в ее уверенность в себе. И Даша начинает сомневаться в том, что справится, что ей есть для чего жить и за что бороться, и что она когда-нибудь кому-нибудь станет нужной. Тут же – нервы, тут же боль. Это новое начало, которое сильно отличалось от той боли, что плотно вошла в жизнь Даши со спортом под ручку, было совершенно иного рода. Та боль была неизбежным спутником успеха и побед, эта – похоронным звоном.

6. Боль

Первые предвестники прозвучали сразу после масштабного обследования. Дали о себе знать нервы. У Даши заболели все подверженные артриту суставы.

Результаты анализов не пролили света на ее состояние: ревматоидный артрит исключили, как и аутоиммунные заболевания, дисплазия осталась под вопросом. По факту она тоже не подтверждалась, просто один врач был уверен в том, что она есть. Но бездоказательно. Даша давно не обращала внимания на пустые домыслы. Раз нет подтверждения – нет и болезни. Но конечный вердикт был беспощадный: Даша и спорт – это два несовместимых понятия.

Отец настоял. На чемпионат она не поехала. В школу тоже ходить перестала. И в обычную, и в секцию Шпигель. Людмила Борисовна была в шоке. Она переживала страшно, будто сама получила такой приговор.

Несостоявшаяся чемпионка почти всё время лежала. Несколько недель, не вставая. Пока она ходила по врачам, еще оставалась какая-то надежда, подпитывающая энергию, но как только процесс обследования был окончен, Даша мысленно умерла.

И тогда началось. Точнее, продолжилось. Началось-то с суставов, пока она еще ходила по врачам. А дома, из-за ужасного стресса, впервые возникли дичайшие боли в мышцах.

Казалось, что по венам течет кислота, а не кровь. Она проникает в мельчайшие сосуды – капилляры, и распределяется под кожей равномерно по всему телу.

Болят всё: пальцы рук, запястья, руки, плечи и предплечья. Шея. Грудь. Спина. Ноги. Проще сказать, что не болят икры и попа. Да, еще голова. Остальное болят.

Боль невозможная. Нет, от нее не умрешь, будешь жить, продолжать ходить по земле, мучиться и влачить жалкое существование, но уж лучше сдохнуть.

Боль неострая, сильные приступы – лишь временами. Обычно тупая, ноющая, но достаточно громко для того, чтобы было слышно даже соседям. От нее просыпаешься ночью, потому что, стоишь перевернуться во сне, мозг получает сигнал и будит тело: АЛАРМ! Что-то не так, не пора ли тебе сдохнуть?

Не пора. Вдруг, так же неожиданно, как и появилась, она проходит. Утро – и тишина. Всё двигается, ничего не болят. Побаливает, конечно, – такого, чтобы ничего не болело вообще, как это было раньше, до встречи с суженым аспирантом, у Даши больше не будет никогда. Фон остался на всю жизнь. Но с ним хотя бы можно полноценно жить. Спать, ходить и даже, как выяснится позже, танцевать и заниматься непрофессиональным спортом.

Боли нет неделю. Потом вдруг снова волна. Две недели ада. Или три, четыре. Может, два-три месяца боли. А потом снова утро – и тишина. И так полгода. Или полдня.

Так и живет Даша Чернова. Зависимость четкая: нервы равно боль. Боль равно горсти таблеток. Горсти равно новые нервы. Новые нервы равно новая боль. Порочный круг – идеальная среда обитания для гнома.

А он в эйфории: Дашенька, Даша, солнышко, зайчик, ты потерпи, ведь недолго осталось, скоро подохнешь и будет всем счастье. Громкий праздник жизни на твоих похоронах.

Но Даша понимает, что так нельзя. И борется. С болью, с гномом, с собой. И вдруг появляется подмога. Всё же судьба-злодейка не любит Дашу: не даёт умереть быстро смертью отважных, хочет помучить ее подольше.

7. Друзья

Паша Рябков, живущий через этаж, как-то обо всем прознал. И стал захаживать. Вначале приходил один раз, по вечерам. Позже стал появляться и днем. А как-то раз в дверь позвонили еще с утра:

– Здравствуйте, дядя Игорь! Можно?

– Доброе утро, Паша, конечно, проходи.

Даша еще в пижаме. Она лежит. Вошел. Посмотрел.

– Привет.

– Привет.

– Я тебе диски принес, как обещал. Вчера только на Горбухе был.

– Тащи их сюда.

Раскладывает компакт-диски на одеяле. Это – новинки «Эйфории». Транс. Психоделический. То, что нужно. У Даши как раз сейчас транс. Психоделический.

– Только я тебе еще кое-что от себя посмотрел.

Как мысли ее читает. Добавляет:

– А то, мне кажется, тебе сейчас такое музлю противопозказано. Ха́уза тебе подкупил. Но, чтобы ты меня сразу с лестницы не спустила, элэктрохауза. От прогрэссива пока воздержался. Но всё равно я тебя на него подсажу. Это топчик.

– Давай, выкладывай и его. Я послушаю.

– Так я же сказал, что пока воздержался!

– Ага, ты на Горбатую прямо каждую неделю гонять будешь... Выкладывай, давай.

Он улыбается.

– А ты, кстати, возвращаешься, Чернова. В курсе? На, держи.

И выкладывает еще пять дисков.

– Я – в школу. У меня всё еще нет уважительной причины, чтобы косить. И у тебя, кстати, тоже ее больше нет, мне подсказывают. А как прогрессива послушаешь – вообще оживешь! Так что давай, начинай топать на плантации. А то нашла же тоже одна такая эксклюзивная на районе! Скоро кто-нибудь побьет из зависти. Давай, чавки-какавки!

Чмокает в щеку.

Даша стала потихоньку выползать. И всегда вечерами ее ждала бессменная тройца: Паша, Сережа и Игорек. Заноза притаскивал бумбокс, и они вместе слушали музыку. Игорек писал песни, и иногда, наступив на горло своей скромности, позволял себе немного расслабиться: давал им послушать. У него, кстати, получалось вполне сносно.

Вчетвером им хорошо. Даше кажется, что, может быть, она им нравится. Даже, возможно, всем троим. Но на их отношениях это никак не сказывается.

Ни один из друзей не проявлял излишней прыти, они просто общались по-дружески тепло. И Даша постепенно согревалась. Именно эта тройца вывела ее из депрессии. Даша по-

шла в школу.

8. Явление безбожной скотины

Андрей Подколзин, чемпион Саратовской области по прыжкам на батуте, переехал в Москву для того, чтобы перевестись в первое училище олимпийского резерва. Поселился молодой да подающий надежды в соседнем с Дашей доме. Район всегда был центром притяжения для прыгунов на батуте, ведь секция Шпигель – одно из самых желанных мест в городе Москве для спортсменов-батутистов.

И он сразу положил глаз на Дашу. Даже еще не зная ее истории. А когда узнал, вообще прохода не стал давать.

Для того, чтобы добавить веса своим притязаниям, он задружбанился с Рябой, Занозой и Музыкантом. Те не особо сопротивлялись – Подколзин мог быть очень обаятельным, если хотел кому-то понравиться.

Даша только полноценно вернулась к жизни, приняв, наконец, тот факт, что спорт остался в ее прошлом, как на горизонте возник Андрей. И очень вовремя: в этот самый чувственный период, самый чувствительный к романтике возраст, тем более у Даши, в которой огонь зажегся от рождения и будет гореть беспрестанно до самого последнего вздоха.

Андрей – красивый, даже, пожалуй, до невозможности. Губы, глаза, волосы, тело. И смотрит так... пожирающе нежно. Долго, внимательно, безотрывно, вот и мурашки побежа-

ли. Вроде по-дружески до руки дотрагивается – Даша сердце перестает контролировать: тук-стук-тук-стук. Бежит, беззащитное, и правильно: убежать пытается. Только Даша еще о том не знает. В смысле, что правильно. Откуда ей знать? Подколзин только два месяца, как переехал. А что там у него в Саратове было, о том история умалчивает...

Ухаживает долго. Ходит, круги вокруг наворачивает, как катер пограничников в территориальных водах: выйти за пределы не может – закон не позволяет, но на месте устоять никак не получается. Подрейфуешь тут расслабленно, когда такая субмарина перед глазами всплыла! И мозолит их, мозолит... Уже на правой руке мозоли. Чай не Саратов, тут он надолго, надо следить за репутацией, так что пока не разгуляешься. Да и вдруг в морду кто даст? Еще местных обычаев не изучил, а морда ему дорога – чемпион всё же. Не пристало ему подбитым ходить. Тем более, что он и сам кого хочешь отметелить может.

И Даша каждый раз стояла с ним рядом едва дыша. Или ходила, ногами переступала, когда они впятером летние пешие прогулки совершали. Она потихоньку расцветала: всё еще была слишком худая, но красиво оформленная грудь и рельефный зад немного спасали положение. Ногам еще было далеко до тех высот, которые они наберут позже, лет через семь, когда станут как греческие колонны. Тогда это на-

турально будет ее гордость, но пока... Так, спички. Спасибо попа посередине болтается. Хоть есть за что взглядом зацепиться. А личико милое: губки-носик-глазки-бровки. Третий сорт не брак.

Но Андрею хватило и этого. Он выбрал именно Дашу. И добился. Она устала страдать и решила позволить себе немного жизни. Как у ее сверстников. Чувства, любовь, секс. Это ведь главные темы для обсуждения, когда тебе семнадцать. Она отдалась. Это было... как и всё у нее. На пределе.

– Я не хочу в постели.

Андрей был так возбужден, что немного разозлился. Что еще за фортели? Сейчас начнется обычная песня, «я не я и киска не моя». Предвестники отказа. Он сейчас к отказу вообще не готов. Но и скандалы ему не нужны. Тем более Даша оказалась не какой-то скромницей-малолеткой, от такой потом и огрести можно. Надо быть поосторожней. Но отказа всё равно не примет. Посинел уже, пока ходил за ней.

– А где ты хочешь?

Даша потянула за руку. Отвела в соседнюю комнату – гостиную. Андрей специально снял двушку, не привык по однокомнатным мыкаться. Довела до центра комнаты, отпустила руку, легла на пол. И раскрыла платье. Андрей офигел. Бля-я, вот это тёлка! Нравится она ему, всё же, эта Даша. Семнадцать лет, а уже такая сучка! Предвкушение толь-

ко усилило и без того нереальное желание. Он стал лихорадочно дергать за пластик, пришлось даже помочь зубами: наконец, вскрыл, достал презик.

Она вскрикнула и впиалась ногтями в спину до боли. Показалось, даже, что дó крови. Андрей тоже впился в нее. Чуть губу не прокусил. Даша издала тихий, долгий, вибрирующий горловой стон. Всё... Крышу снесло... Аккуратно не получилось. Он стал вбиваться в нее и вскоре иссяк. Пипец оргазм, просто пипец... А она улыбалась. На ковре была кровь. Как теперь отмывать... Да похрен... Вот это тёлка...

9. Дурные предчувствия

И всё же что-то было не так. Да, они встречались, да секс был регулярный, вряд ли у него оставалось много свободного времени помимо тренировок и отношений для того, чтобы смотреть на сторону. Возможно, он даже и не смотрел. Но что-то было. Может, гном?

Даша ревнует его? К спорту? В другим батутисткам? Нет, вроде. Но не точно.

Его взгляд... Только на долю секунды, но всё же цепляется за проходящие мимо юбки. Это неуловимо, но именно поэтому так Даше и не нравится: нет ничего дурного в том, чтобы интересоваться противоположным полом. Это нормально. Такова природа людей. Дурно им не интересоваться. Она и сама, когда видит красивого парня, с удовольствием смотрит на него, может даже ему улыбнуться. Или сказать: какой красавчик! И подмигнуть. Но ничто из этого никогда не перейдет в другую плоскость. Констатация красоты парня, который красив – это лишь честность. По отношению к себе, к нему, да и к жизни. Странно – отворачиваться от красоты и делать вид, что ты ее не видишь или к ней безразлична, если на самом деле это не так. Вранье, самообман, манипуляция, Даша ненавидела все эти три ипостаси обмана. Нет, только не она. Даша не будет скрывать своих мыслей.

А если парень зацепится и постарается развить ни к чему не обязывающий флирт, она быстро объяснит, что это глупое занятие. Она лишь равнодушна к человеческой красоте. Но Даша уже и так встречается с самым красивым парнем. Так что с ней ловить нечего, она уже поймана. Вот как это будет, если, конечно, случится. Что вряд ли. Обычно парни всё правильно понимают. От Даши не исходит прошений о помиловании. У нее уже есть милый.

Но у Андрея всё по-другому. Даша видит, что он также безразличен к красоте девушек, как и она к красоте парней. Но только ее парень всё время пытается это скрыть. Не к добру, она чувствует. Не к добру.

А еще он постоянно настаивает на незащищенке. Даша не хочет. Она знает, чем это чревато для женского организма. Перед глазами был пример родной матери. До Даши долетали слухи: спортивная среда не терпит тайн, она ими питается. Молва молвила, а, значит, наверное, так оно и было. Но всё же... Даша сдалась. Один раз. Захотела приятное сделать. Чтобы дать Андрею не только то, чего он так от нее добивался, и не столько именно это. Она хотела показать, что доверяет ему. И доверилась.

Он был в восторге. Тот секс запомнился ей навсегда: бурный, долгий, разнообразный. Андрей горел, почти как в самые первые недели. Это было волшебно, значит, наверное,

было не зря. Всё же доверие дорогого стоит! Оно стоит дорого.

10. Разрыв

После универа и подработок стало оставаться совсем мало времени. Даша начала плотно заполнять свою жизнь. Она готовилась уйти в большое плавание: замаячила возможность поработать за границей.

Как только стало ясно, что со спортом покончено, а здоровье более-менее удалось устаканить – если не нервничать, то даже таблетки шли лесом – Даша решила пойти в ИнЯз. Ей нравились иностранные языки, один английский она изучила почти без посторонней помощи еще за школьные годы, просто слушая песни на английском и роясь в словаре. Нет, она, конечно, позанималась немного с училкой, но это была капля в море. И французский, который в их школе, начиная с конца средних классов, давали вторым языком, она схватывала на лету: и весьма скромной школьной программы хватило для того, чтобы она могла немного балакать с французами, когда оказывалась за границей. Способность к языкам была очевидна. Даша решила не экспериментировать.

Андрей пропадал на сборах, карьера его шла в гору, они встречались совсем редко. Вскоре Даша к нему совсем охладела: вконец захватила учеба, новые лица, ставшие чуть более близкими по сравнению с первыми месяцами институт-

ской жизни, да и поведение Андрея после ее открытого жеста несколько Дашу к нему не расположило. Он не изменился, остался таким же скрытным. Она чувствовала, что ее парень с ней не откровенен.

Нет, Даша погоревала. Было. И не так мало. Она мучилась от осознания несоразмерности своего к нему отношения. Но это продлилось недолго. Даша боец – она по жизни не привыкла долго горевать и быстро утешилась универом, а потом и профессией. Живая, подвижная работа с языками ей очень нравилась. Горечь утраты первой любви, которая на поверку оказалась поверхностной и малозначительной, быстро рассеивалась: перед Дашей открывался большой новый мир, полный грёз, удовольствий и... будущих побед. Даша приняла приглашение брата своего однокурсника – поехать на лето на практику в Рим. Большая контора набирала на работу стажёров. Практически за еду. Оплачивались только билеты и проживание. Зато это был шанс показать себя, попрактиковать язык в естественной среде, а не рыскать здесь, в Москве, в поисках быстрых непостоянных проектов, которыми обычно довольствуются студенты.

Даша полетела в Рим.

11. Рим

Он покори́л с первого взгляда. Даша гуляла по узким улочкам и у нее затекла шея: не смотреть наверх было просто невозможно. Господи, какая старина! И какой вкус, чувство прекрасного! Итальянцы всё же – непревзойденные мастера.

Пол-лета прошло в густой чаще искусства и красоты. В свободное от работы время, конечно. В Ватикане – она каждую неделю. Но самым незабываемым оказался первый визит: доехала на метро – какое оно всё же допотопное по сравнению с московским – вышла, опять шея напряглась. Тут же. Это уже происходило самопроизвольно. Прошла на территорию города-государства. И стоило ей дойти до самой центральной точки, откуда она планировала подробнейшим образом и не торопясь обозреть всё вокруг, как...

Будто из ниоткуда налетает дождь-шквал. Или не так, скорее тропический ливень. Мелкодисперсный, не потрогать руками, просто каждый атом воздуха вдруг заполняется влагой. И Даша – мокрая за один миг. Под ногами – реки, ручьи, потоки. Сразу, моментально. Туфли – оранжевые замшевые балетки – полностью погружены в воду. Платье – белое, полупрозрачное, легкое как воздух – тяжелеет и льнет к телу. Волосы мокрые, по лицу стекает влага. И Даша только

теперь начинает бежать. Прошло-то всего несколько секунд, она даже состояния своего понять не успела!

Не одна такая: бегут все, задорно, с выкриками, воздух помимо влаги наполняется мелодичным звучанием итальянского. Даше этот язык всегда нравился. Он – для ее уха, на ее вкус самый благозвучный. Крики, веселье, мелодия дождя, бурные потоки и мокрые балетки. И тепло. Нет, не жарко. Жарко было до этого. А теперь тепло. И влажная нега. Красота! Упоение...

И вот – Даша внутри собора святого Петра. И видит ее... До того только слышала. Боженька, Господи, ты ведь для всех един... Почему тогда в одно человеческое существо порой ты можешь вложить столько... необъятности? Непостижимо.

«Пьета» покорила с первой секунды. Микеланджело Буонарроти. Гений чистой красоты, как говаривал ещё один такой же. В горле защипало, созрела новая влага. Даша и так мокрая повсеместно. Так что слез никто не разглядел. Так она плакала только в России, любуясь невозможными красотою своей обожаемой родины, слушая музыку, читая произведения соотечественников. Размах, загадка, масштаб. Но итальянцы покорили. В архитектуре, живописи и скульптуре они, пожалуй, нас превзошли. Хотя по живописи... оставались сомнения. Даша любила русскую живопись. В ней жила душа. Другая, не итальянская, русская. Да, они разные, срав-

нить нельзя. Да, мастера с Апеннин опередили на несколько столетий. Но у нас и тогда тоже уже была иконопись. Утраченная ныне, о тех мастерах теперь никто не вспомнит. О них остается лишь читать. У Лескова, Аксакова. А европейцы умеют себя любить. И ценить по достоинству, сохраняя наследие предков. Нам бы у них поучиться...

Снова улица, опять Ватикан. Туфли мокрые, ноги немного оранжевые – такого дождища не выдержали даже дорогие туфли. А платье уже почти сухое. Снова развевается на ветру, как и волосы. Даша снова призывает к себе итальянцев. То и дело раздаётся:

– Ciao, Bella!

или:

– Belissima!

Такие они болтуны, эти итальянцы! Даша улыбается, серьёзно не относится. Это всё театр, подмосточный жанр. Но приятно. Делает атмосферу.

На работе – большие успехи, она – передовая стажёрка. Прогулки по городу не проходят зря: Даша много общается с римлянами, болтает о разном, заглядывает в словарь. Как услышит незнакомое выражение – обязательно спрашивает, что оно значит. И итальянцы самозабвенно объясняют. С энергией, которой подивишься, с терпением, которому позавидуешь. Но громкие как галки! Даша быстро от них уста-

ет. По-доброму, конечно, без злости. Но они ее утомляют. Всё же нигде не бывает так комфортно, как там, где родился. Там пригодился. Только там. Она работать за рубежом не сможет, если ей не хочется остаться навсегда даже в таком милом сердцу Риме. Это только период. Пока так надо.

12. Москва

По окончании практики в Риме Даше предложили место. Она осталась на год. В институте оформила академ. Но по истечении года вернулась в Москву. Рим надоел, ей надо было сделать передышку.

Последний курс не прошел, он пролетел. Даша устроилась на постоянную работу и совмещала с ВУЗом. Было трудно, но это подстегивало. Даша привыкла так жить – чем цель кажется более труднодостижимой, тем приятнее прокладывать к ней путь.

Еще в Риме, когда там узнали, что она всё же уходит, ей предложили работу в корпоративе у одних из их многочисленных партнеров, занимающихся интерьерными решениями – французов. Один из офисов был в Москве. Даша пошла. Но смогла проработать лишь год, настолько сильно ее тошнило. Она выросла в атмосфере спорта высших достижений. Да, там тоже хватало и сплетен, и подлости, люди везде одинаковые, но всё же тот уровень лицемерия, который Даша обнаружила в корпоративной среде, оказался просто запредельным. Она привыкла всегда говорить то, что думает. Нет, не лепить правду-матку, конечно, – элементов мозга всё же никто не отменял, их можно применять и оставаясь откровенной. Тем не менее Даша была скорее прямолинейной, чем скрытной. И этот новый мир был не для нее.

Сердце покоряли разные дива дивные. Например, внутренняя переписка, доступная глазам всех сотрудников компании:

– Дорогие, – этот укоренившийся корпоратский стайл, еще одна Дашина любовь с первого взгляда – официальное обращение ко всем и вся – «Dear» (прим.: дорогой/гая/гие, англ.), не важно, насколько этот «дорогой» – мерзкий человек, и как сильно ты его ненавидишь.

Итак,

– Дорогие,

Обращаю Ваше (обязательно с большой буквы, ведь здесь так ценят человека как понятие и уважают каждую отдельную личность) внимание на то, что в отделе административного персонала участились случаи невыдачи писем отделу закупок в своевременном режиме. Так, на прошлой неделе наш отдел получил три письма от поставщиков позже на три дня. Это неприемлемо. Считаю своим долгом обратить внимание всех сотрудников компании на этот факт на случай повторения столь вопиющего нарушения сроков доставки корреспонденции. Информация проверена по журналу регистрации входящей почты административного отдела, задержка была связана именно с несвоевременной разноской почты. Курьерская служба доставила вовремя. С уважением, Акимова Светлана, ассистент отдела закупок.

Далее следовал ответ. Естественно, также на обозрении трех сотен сотрудников:

– Дорогая Светлана! Хотелось бы уточнить, когда именно, помимо вышеописанного случая, Вы (с большой буквы) ещё недополучали почту или Вами были зафиксированы нарушения сроков. С уважением, Анна Заборская, старший администратор.

– Дорогая Анна! Вести учет постоянных нарушений со стороны сотрудников административного отдела не входит в мои обязанности. Если бы я занималась и этим, то у меня вряд ли осталось бы время на выполнение собственной работы. С уважением...

– Дорогая Светлана! Я не тот человек, который будет напоминать Вам о Ваших обязанностях, наверное, сейчас не они стоят на повестке обсуждения. Хотя это под вопросом. Так, согласно вышеуказанному журналу регистрации административным отделом входящей почты, ниже в нем стоит отметка о том, что письма были переданы в отдел закупок тем же утром. Дата – четвертое октября. По общей базе компании не составляет труда проверить, что это была за дата. Следующий день после дня Вашего рождения. Вы, если мне не изменяет память, пришли в тот день на работу на четыре часа позже. Хотя отслеживание дней рождения сотрудников компании тоже не входит в мои обязанности. Если я буду заниматься подобными вещами, на исполнение моих прямых обязанностей мне тоже не хватит времени. С уважением...

И так далее...

или:

Даша в конце коридора, рядом с кухней, пьет чай, у неё перерыв. Идут две девушки, одна навстречу другой. И улыбаются. Так обаятельно улыбаются, что просто дух захватывает! Поравнялись друг с другом. Раздается теплое:

– Привет!

Тут же следует не менее располагающее:

– Привет!

Миновали друг друга. Та, что осталась лицом к Даше закатывает глаза и произносит одними губами:

– Сучка!..

Такая вот жизнь. Каждый день. Не для Даши. Точно.

Но когда она сообщила о своем уходе с работы, и ей в ответ было предложено скататься в Париж, где требовался внештатный сотрудник, Даша не стала сомневаться. Из корпоратива надо было рвать когти, однако... Чтобы начать заниматься любимым делом и настроить собственную жизнь так, как Даше бы того хотелось – ни в чем себя не ограничивая – надо было немного потерпеть. Ей требовалось поднять на хороший уровень самый слабый на тот момент из своих основных языков – французский; испанский и португальский пока совсем негодились и были почти утрачены. Париж – идеальное место для достижения поставленной цели.

13. Цифра тринадцать – не зря чертова дюжина

Но за тот год в Москве произошло еще кое-что. Тогда Даша еще до конца не осознавала, насколько это событие сильно повлияет на весь последующий ход ее жизни.

По возвращении из Рима за ней снова стал увиваться Андрей. Даша не хотела. Он стойко ассоциировался с прошлым. Но Андрей был очень настойчив.

Однажды в дверь позвонили. Пришел Паша Рябков. И рассказал всё. Оказывается, уже все близлежащие деревни знали, что у этого недоноска гонорея. Стольких, видимо, он перетрепал, что пошла молва. Даша сильно насторожилась.

Вот уже год как появились какие-то внутренние боли. Значения не придавала. Привыкла как-то к подружке. К тому же сейчас основная боль почти отступила, эпизоды – редкие и непродолжительные, анализы Даша сдаёт регулярно, контрольный рентген делает раз в полгода, а в последнее время даже раз в год. Динамики или нет, или она незначительная. Но всё же Даша остаётся больной девушкой и понимает свое состояние, поэтому внутренние боли не вызвали у нее никакого волнения. Последний секс был в Москве, с Подколзиным. Он вообще оставался единственным на тот момент

мужчиной, с которым она была. В Риме Даша никого к себе не подпускала, было как-то совсем не до этого, время постоянно расписано поминутно, поэтому она в последнюю очередь подумала бы на что-то венерическое. Предполагала, что это какие-то новые формы течения ее болезни. Но этот разговор с Пашей сильно взволновал. У Даши появились предчувствия.

Обследование выявило гонорею. А Даша ему доверилась...

Лечение было долгое, перебрали несколько групп препаратов, ничто не брало эту заразу. Только через год, перед Парижем контрольные анализы – отрицательные. И всё это время Андрей преследовал. Даша хвалила себя за дальновидность: никому из друзей не рассказала, куда устроилась на работу.

Чтобы он отстал, решила переехать на съемную квартиру. Тем более и так уже было пора. Даша могла себе позволить снять квартиру, так зачем обременять папу? Пусть, наконец, поживет себе в удовольствие. И так с ней настрадался. Всю жизнь посвятил больному ребенку. Настал её черед платить ему той же монетой.

Переехала в центр, ближе к офису. Андрей момент отъезда пропустил. Отвязался. Но к отцу теперь не поехать. Ни-

чего, будет каждый день звонить.

Так и прошел тот год. Съемная квартира. Одиночество. Удушающие объятия корпоратива. Лечение от гонореи. Чудо, а не год. Век бы так жила. Спасибо, что хотя бы на нервной почве не вернулась боль. Даша тогда параллельно начала прием таблеток от своей болезни. Перестраховалась. Пронесло.

Еще был непродолжительный период хождения по любовникам, который начался сразу после того, как она вылечилась, но на нем можно особо не останавливаться, настолько это было незначительно и недолго. В душе Даши те несколько недель не оставили никакого следá. Так, попытка вытеснить из себя присутствие Андрея. Она не хотела, чтобы накануне отъезда в другую страну, где Даша пробудет неизвестное количество времени, тот оставался последним, кому она принадлежала.

А потом она улетела в Париж.

14. Удушающие объятия Парижа

Вот, казалось бы, раз ей так понравился Рим, с Парижем должно было быть тоже самое? Но нет.

Интерьеры не нравились. Прованс навевал тоску. От дворцового несло чрезмерностью. Это вам не итальянский расцвет, где мастера умудрялись не переборщить даже в барокко. Как им это удавалось, Даша и сама до сих пор не понимала. Впитанное нацией с молоком матери-земли чувство меры. Да и нормандский стиль здесь, во Франции, вечно оставлял ощущение незаконченности: Даша бы всё сделала по-другому. Нет, они не сходились с Парижем.

Музыка не нравилась. Если из итальянцев были те, кто трогали в разной степени интенсивности, от Адриано Челентано до Андреа Бочелли и Лары Фабиан – которая, хоть по большей части и пела на французском, но до мозга костей в своем искусстве была итальянкой, ведь происхождение не пропьешь, – а уж про оперных звезд и говорить было нечего... то французская музыка не откликалась в душе вообще ничем. Мирей Матье, Шарль Азнавур, Патрисия Каас – даже к таким глыбам Даша была равнодушна, тогда что говорить про современников... Ей нравилась только Далида. И то, наверное, потому, что, как и Лара Фабиан, не была француженкой. Итальянская египтянка, вот кто она. Оттого и было в ней столько непознанной никем страсти. Разве могла

она стать счастливой в Париже? Нет, невозможно. Только не в «городе любви». Ей следовало уехать в Рим, попробовать себя в Барселоне, а еще лучше – добраться до Москвы. Хотя как же? Такой утонченной женщине и к этим проклятым коммунистам? Злобным убийцам, поганым мучителям? Верно, Москва – тоже не вариант. Хотя даже там (со злобными мучителями) шансы были бы. Но не с французами.

Женщины не нравились. Миф о невообразимой красоте французских женщин действительно оказался мифом. В массе своей они были просто страшные. Или никакие. Даша не знала даже, что хуже. Привлекать внимание своей негативной несуразностью, или не привлекать его вообще, будто тебя и нет. А Даше порой за целый день было не за кого зацепиться взглядом.

Мужчины были высокого о себе мнения, часто не совсем релевантно, часто совсем нерелевантно. Возможно, так было только в Париже, в той среде, в которой она вращалась, ведь и в Москве Даша часто сталкивалась с подобной неадекватной картиной осознания некоторыми людьми своего реального места в мире. Но там это хотя бы были соотечественники, им можно было кое-что простить за то, что это, пусть и неидеальные, но всё же свои люди. А здесь все черты становились выпуклыми как скальная порода на закате солнца – каждая выемка просто кричала: «я здесь!».

Дух Монмартра тоже не впечатлил. Опять мимо сердца. Ни еда – эти вечные круассаны, которые были хороши толь-

ко в первые две недели, – ни атмосфера, ни люди. Всё это оказалось совсем не для Даши. Не потому, что плохое, дурное или нелепое. Просто не её.

После Москвы всё здесь выглядело как-то мелко. Даже хваленая французская кухня: в столице её родины в ресторанах подавалась выжимка из всего лучшего, что было создано в мире, и порой даже французские блюда там начинали играть такими доселе невиданными красками, что сами родоначальники удивились бы. А уж подача, сервис и всё остальное – об этом вообще лучше умолчать. Даже здесь, в самом сердце Европы, такой уровень сервиса и не снился. И разнообразия. И современных решений. Москва поистине за последние годы превратилась в один из лучших городов мира. В бытность спортсменкой, Даша успела поехать по миру, ей было с чем сравнить. Париж же сильно отставал даже от Рима. Но это было лишь её частное мнение. Многим здесь нравилось. Но она искренне не понимала почему. Разве что погода для теплолюбивых. Но Даша ужасно скучала по русской зиме. Так что и в этом смысле впечатлена не была. Европа хороша. Но лишь для непродолжительного путешествия. Жить Даша предпочитает только в Москве. Ну ничего, осталось немного потерпеть.

В массе люди здесь были очень приземлены: в них не чувствовалось размаха, образование не дотягивало, на их фоне Даша даже себя, вчерашнюю студентку ИнЯза, ощущала ме-

га-интеллектуалом, хотя не кончала ни МГУ, ни Бауманки, ни Плешки и не имела за плечами десятилетий наработанного опыта и поглощенных знаний. Ей всё время было душно. Просто не с кем адекватно поговорить: нет глубины общения. Оставалось плавать на мелководье.

Корпоратив, даже будучи внештатной, в таких условиях Даша бы просто не осилила. Если в Риме поддерживал Рим, своей располагающей её к себе атмосферой, в Москве поддерживала Москва, где несмотря на трудности, которые ей принес последний год, грели родные стены, то здесь зацепиться было просто не за что. Язык еще не на уровне, возвращаться не время. Надо было найти другой вариант трудоустройства.

Но этому процессу на какое-то время помешала уханьская крылатая. В тот момент Даша даже впервые порадовалась, что работала в корпоративе. Пандемию она пережила спокойно. Сидеть за работой дома в одиночестве оказалось не сильно хуже, чем работать в атмосфере, которая её удручала. Заодно Даша заполнила личные пробелы в образовании: поработала над тем, что сама считала важным. Читала много художки, слушала классику, разбиралась в истории. За те полгода она сильно взлетела интеллектуально.

С середины мая Франция стала понемногу выходить из

пандемийного карантина, и у Даши появилась возможность попробовать что-то изменить в своём трудоустройстве. Летом поехала на побережье. Там хоть немного выдохнула. Проехалась по прибрежным городкам.

Много недвижки на продажу или аренду – последствия пандемии. И ни одной русской надписи на рекламных растяжках. Нашла офис эстейтчиков, позвонила, предложила услуги. Отказались. Но идея уже работала. Даша встала на перспективную дорожку. Третьи – одни из самых крупных застройщиков на побережье – согласились встретиться...

Даша, наконец, покинула злой корпоратив. Последующие три года она плавала как рыба в своей отдельной заводи, да, в воде неподходящей температуры, но всё же это хотя бы была отдельная квартира. Дела понемногу налаживались. Личная жизнь на какой-то срок наладилась совсем: на нее положил глаз сын владельца. Всё, как всегда, у Даши – постоянно ухаживали руководители. Обычно она держалась прохладно, ведь не собиралась надолго связывать свою жизнь с другими странами, но в этот раз сдалась. У нее так долго не было секса, что это уже было просто ненормально. К тому же надо было окончательно вытравить из себя присутствие ее первого мужчины. Он не заслуживал столь почетного звания. И Даша ответила на ухаживания согласием.

В какой-то момент всё стало совсем серьезно. Как это про-

изошло? Заговорили о детях. И Даша решилась: она всегда хотела семью. Не факт, что ей ещё хоть раз на жизненном пути встретится мужчина, который будет готов принять её со всем багажом. Она не была влюблена, но в целом он ей нравился. Даша посчитала, что ребенок важнее всех прочих условностей.

Пробовали полтора года. Не кончилось ничем. Он не был готов заводить семью без детей, и Даша его полностью поддерживала. Наконец, пришло понимание: Андрей Подколзин, вероятно, оставил в её жизни гораздо более глубокий след, чем она предполагала. Даша знала, что такое развитие событий было возможно, её предупреждали. Теперь всё подтверждалось опытным путём. Что же, такова её судьба. Вечно быть никому не нужной.

Гном нашёптывал громче грома. Возможно, она горячилась чуть больше разумного. Или сильно больше. Но... Даша поставила на себе крест. Гномик окончательно закрепился в весовой категории гномаща. Оно теперь жило на всех этажах Даши.

А потом она вернулась в Москву.

15. Москва «долгожданная»

По возвращении в родной город Дарья Чернова, внештатный сотрудник инвестиционного холдинга ФранМакс Консалт, испытала большие трудности с поиском работы. Их договоренность годичной давности с господином Турнэ, главой компании, сводилась к тому, что Дарья станет руководителем представительства ФранМакс в России и займется организацией офиса в Москве. Но Даша постоянно чувствовала, что что-то не так. Был во всем этом какой-то подвох.

В связи с санкционной войной, объявленной России объединенным западным миром, дела на ниве недвижимости во Франции шли из рук вон плохо. Экономика упала до невиданных низот, уровень жизни стал съезжать следом, и людям в массе своей стало не до недвижимости. Даша чувствовала, что ей готовится роль «козла отпущения»: как только она станет во главе представительства, на нее можно будет списать некоторое количество неудачных проектов, ведь в штате появится новый крупный подписант. А это уже пахло экономическими преступлениями, которые по мере наказания иногда не уступают поножовщине. Даша не была уверена в том, что всё именно так, но предчувствие не покидало. Решила не рисковать. Едва шасси коснулось родного Шереметьево-2, Даша отказалась от дальнейшего сотрудничества с

ФранМаксом.

Закрепиться в Москве на том же уровне, к которому она привыкла в Париже было невозможно. Во-первых, не самое подходящее время, во-вторых, Даша работала в сегменте люкс – в основном занималась реализацией инвестпроектов в пригольфовой недвижимости. Дóма, где не требовались ее языковые навыки, сейчас, когда основными покупателями становились соотечественники, ведь Европа пока опустила железный занавес, все ячейки этой ниши были заполнены под завязку. Даша съездила в Moscow Country Golf Club, пообщалась и с представителями City Golf клуба, сделала срез компаний, которые реализуют похожие проекты за пределами Москвы и области, и поняла, что ей там ловить нечего. Хлеба не хватало даже на своих, что уж говорить об иностранцах.

Стало очевидно: или надо откатываться к другим зарплатам, или смещаться в сторону работы непосредственно с языками и точка. Этого Даша не хотела. С её теперешним опытом превращаться в банального переводчика было как-то... стыдно; становиться обычным агентом недвижимости – еще хуже. Тогда что? Полностью менять сферу? А образование? В Европу сейчас не поехать, да Даша и не хотела. Не для того она возвращалась в любимую страну, чтобы опять начинать смотреть на дверь. Работа же с языками

непосредственно из России, на иностранцах романской языковой группы – французах, итальянцах, испанцах и португальцах – теперь была или невозможна, или сильно сократилась в объемах. Да и своих специалистов там хватало. Конкуренция сейчас как никогда. Даша не боялась конкуренции, она привыкла быть лучшей и побеждать, поэтому не сомневалась в успехе. Она работу найдет. Не сегодня, так через месяц. Но на ремонт квартиры ушли все запасы, а предложений о работе так и не поступало. И маленький червячок всё же пролез Даше в череп. А с учетом того, что там его поджидал гном, маленького червячка оказалось достаточно. Дарья Чернова стала переживать о своем будущем.

16. Долгожданная Лена

С девочкой она познакомилась в свой прошлый приезд в Москву. Эта была последняя подопечная Людмилы Борисовны. Мать Лены пила, отца не было, как и особых денег в семье. Но девочка была очень уравновешенная и волевая, Дашу эти черты сильно расположили. Ребенок обладал как раз тем, чего ей самой всегда так не хватало: самообладанием на вершине горы. Даше оно тоже было не чуждо, но во главе всегда стояла её величество «Эмоция». В Лене, которой было еще так мало лет, присутствие высокой степени взвешенности Дашу просто покоряло. Она влюбилась в ребенка будто это была ее собственная дочь.

Наверное, Даша так сильно заинтересовалась жизнью этого маленького существа отчасти потому, что ей самой родить ребенка было не суждено, отчасти же после смерти Людмилы Борисовны, скоростижно ушедшей из жизни в прошлом году из-за последствий коронавируса. Теперь, когда Лена лишилась главной своей благодетельницы, которую Даша давно воспринимала почти как мать, этот пост должна была занять она сама. Просто обязана. В честь памяти об этой невероятной женщине, покинувшей мир так рано. От чего самые достойные часто уходят первыми? Такие, например, как Подколзин, наверняка проживут долго, предвари-

тельно перепортив много таких как Шпигель, Чернова и иже с ними. Чтобы те смогли отправиться к Харону пораньше, место разгрузили для таких, как Подколзин.

За первые два месяца в Москве Даша сильно помогла Лене. Купила новую одежду, обновила форму, давала деньги на продукты. Лена брала. Опускала голову вниз и брала. Ей это не нравилось, но нужда подвигала гордость. Самообладание на вершине горы. Скоро должны были начаться важные старты, и для успеха девочке надо было сконцентрироваться на важном. А важными были: еда, теплая одежда и новая форма. И она брала. А Даша радовалась, что ей досталась не она сама, а гораздо более вменяемое существо. Хоть и не менее достойное: да, Лене не нравилось принимать деньги от чужого человека, ведь, по сути, Даша всё ещё была для неё чужой, но она понимала, что сейчас это было важнее того, что о ней подумают. И брала. Даша бы не взяла. А потом, например, в те дикие тридцатиградусные морозы просто подмёрзла бы где-то и заболела. Или, на другой пример, от недоедания ослаб бы иммунитет. Или, на третий, ещё что-нибудь в этом роде. Что в итоге? Даша тире Лена могла бы показать плохой результат на соревнованиях и потерять льготное место в секции, ведь Людмилы Борисовны не стало. Но Лена была не Даша. В своем возрасте девочка уже была гораздо более зрелой, чем она сама, и не могла позволить себе действовать так необдуманно. Даша зауважала ребенка сильнее.

Но потом у нее кончились деньги. Слава богу, успела хотя бы купить ей подарок на день рождения. Тут уж решила разориться – поехала в «Детский мир». Всё равно на последние шесть тысяч ничего путного теперь было не купить. Разве что еду несколько раз. Но если Лена станет совсем голодать, то позвонит ей, и Даша что-нибудь придумает, так они договорились. А вот в том, что Леночке никто никогда не дарил красивых платьев, не было никаких сомнений, поэтому Даша решила распорядиться последними деньгами, которые она могла позволить себе выделить на ребенка, более эффектно. Она купила ей очень красивое платье. Не зря. Девочка, когда развернула обертку, расплакалась. Даша никогда не видела Лену плачущей. Значит, она всё сделала правильно. Иногда эмоция и для голодающего стоит дороже еды даже в том случае, если у него самообладание на вершине горы. Главное только не превратить девочку в себя. Пусть эти слезы будут в порядке исключения.

17. Долгожданное предложение

Опять корпорат... Да что ж такое... На роду, что ли, у нее это написано? Но делать было нечего, на ниве работы стоял мертвый штиль. Или на море вакансий – полный сезон. Опять работа гнома. Мысли путаются. Мёртвый сезон. Полный штиль. Появление красноколпачного на территории своих размышлений Даше не понравилось. Он никогда не вылезал к добру. Нет, точно не надо ей на эту работу. Все приметы сходятся в недоброй точке. Но всё же главенствует первая примета: если в кошельке нет денег, привяжи ты к заду веник...

– Дáнюшка! Кого я вижу! Ну, привет!

– Здравствуйте, Ларочка! Я так рада вас видеть, не представляете! Единственный вменяемый человек в жизни моей не сильно вменяемой матери...

– Ну что ты, разве так можно о родной маме?

– Не знаю, Лариса, может, и нельзя. Я об этом как-то никогда особо не думала. Так же, как и она не особо думала обо мне. Мы отвечаем друг другу взаимностью.

– Ты зря это. Она тобой очень гордится. И, кстати, отчасти это ты ёй можешь быть признательна за данное предложение, ведь именно от Жени я и узнала, что у тебя пока с работой не получается.

– Это, кстати, вам.

Даша протянула торт.

– Спасибо. Ты проходи!

Лариса пригласила Дашу внутрь. Она не стала отпираться.

Немного времени еще было.

– Только благодарить особо не за что. Я так понимаю, это немного не твой уровень.

– Нет, Лариса, неправильно понимаете. Если я вот уже четвертый месяц не могу найти работу, значит, надо еще подумать кто и для кого не тот уровень. Что-то, выходит, с моим уровнем не так.

– Просто сейчас время такое. Я вот тоже полгода назад еле работу нашла, хоть и думала, что после Романа Сергеевича у меня таких проблем возникнуть не должно. И опыт, и знания, и рекомендации. Его слово в этом городе не последнюю роль играет. Но тоже два месяца устроиться не могла. Так что не наговаривай на себя. Сейчас всем сложно.

– Я просто совсем не гожусь для корпоратива. У нас с ним клеточная несовместимость. Не знаю, насколько месячный срок контракта устроит вашего начальника, ему ведь, наверное, постоянная ассистентка нужна. Человеку его уровня как-то не пристало каждый месяц париться из-за поиска новых сотрудниц. Поэтому я несколько удивилась, когда узнала, что мои условия приняли. Была уверена, что как только узнают об обозначенном мною сроке действия контракта, мою кандидатуру сразу отклонят.

– Ему сейчас не до чего. Год закрывается, там такая вакханалия начнется... А обычную ассистентку он брать не хочет. Привык к хорошему, да и всю работу уже так настроил, что без языков его помощнице теперь никак. Так что я совершенно не удивлена, что Роман Сергеевич согласился и на месячный контракт. Вдруг вы друг другу понравитесь, сработаетесь и он решит тебя оставить?

– Вы не поняли, Лариса. Мне фиолетово, что он решит. Я не останусь больше, чем на месяц. В корпоратив не вернусь. Лучше туалеты мыть пойду. Но, надеюсь, до этого всё же не дойдёт.

Лариса долго и внимательно смотрела. Изучающе. Даша даже немного напряглась. Станный взгляд. Что-то он значит. Еще бы понять, что...

18. Совсем не долгожданный Андрей

Появился. И надо же было ему! Только вчера встречалась с Викторией, недобросовестной ассистенткой нового начальства, так неосмотрительно сломавшей руку и все его планы... да уж, судя по общению сначала с Ларой, а теперь и Викторией, Даша уже предвкушала... Доковылять бы теперь до зарплаты... А то ей бы очень не хотелось отработать полсрока бесплатно, чтобы потом не выдержать и свалить... Так вот буквально только вчера, в субботу, встречалась с горе-ассистенткой, посмеившей покалечиться в столь неподходящий для её шефа момент – нашла когда, дура – как на следующий день во дворе дома Дашу отловил Подколзин.

После того, как на чемпионате мира трехлетней давности Андрей оставил на матах мениск, он второй год работал на какой-то французский концерн и жил во Франции. Об этом Даше рассказал Ряба. Она даже немного насторожилась: почему именно во Франции? Опять поближе к ней? А она даже и не знала. Но нет. Паша объяснил, что это домыслы. Подколзин работал в Лионе. Как его туда занесло, никто толком не знал, да и Даше, если по чесноку, это было не интересно. Андрей вот уже на протяжении двух лет приезжал в Москву

два раза в год – в середине лета и под Новый год. Ту квартиру, в которой, по версии Даши, она навсегда стала неполноценной, Андрей выкупил, поэтому останавливался там.

Вот потому-то он ее и выловил. На дворе стоял декабрь. Он приехал в Москву, как и было запланировано. Их встреча – чистая случайность, и через месяц он уедет обратно. Господи, хоть одна хорошая новость! В ее жизни больше не будет этого упыря. Даже в моменты, когда Даша станет приезжать навестить отца. Но пока он здесь – надо рвать когти. На всякий случай. Его еще только не хватало для полного счастья...

Даша зашла в квартиру и крикнула:

– Пап? Ты дома?

– Данька, я тут.

Это прозвучало из глубины квартиры. Папа, как всегда, сидел за компом. Даша прошла к нему. Поцеловала. Обняла. Крепко-крепко. Теперь нескоро снова обнимет. А он-то еще не знает. Но как почувствовал что-то:

– Данюш, ты что?

– Андрей нарисовался. Я быстро уезжаю, пока он не наострил лыжи за мной следить по-серьёзному, рву когти куда-нибудь в хостел, в центр. Он через месяц отвалит, тогда вернусь.

– Ты что, ненормальная? Ты собираешься месяц от него

прятаться?

– Пап, прости, времени нет, убегаю. И да, я тут это... предупредить хочу, что сейчас симку новую куплю...

– Да-аша-аа...

– Всё, всё, молчи. В общем, никому моего номера не давай. Как куплю – позвоню тебе с него. Я на работу завтра выхожу, так что звонить буду редко. Но как смогу – наберу. Не переживай, так надо. Я за сумкой забежала, даже переодеться не буду. Как-нибудь потом заеду. Сейчас мне бежать надо.

19. Хостел, мать её, недолгожданный

Чуть не сел телефон. Как назло, в машине барахлил провод. Надо купить новый. Но сесть постылый не успел, доехал-таки до пяточкá в двести двадцать.

Перебрав пять мест дислокации, последнее всё же оказалось итоговым. Даша внесла оплату за маленькую комнату с собственной ванной за пять дней.

Поставила телефон на подзарядку, снова спустилась в город.

Добрела до круглосуточного. Купила чистящих. Вернулась. Битый час драила всё: стены, полы, унитаз, раковину, душевую. Больше всего именно с последней провозилась – столько там было всяких выемок и подтеков. Всё же ей придется здесь пожить какое-то время, должна же она хотя бы мыться в относительном комфорте? Наконец, закончила, открыла дверь в ванную, распахнула окно в номере, но ненадолго – на улице сильный мороз. Теперь еще долго будет запах выветриваться. Ну ничего, после окна – дверь в коридор откроет. Зато она сможет ходить по ванной босыми ногами.

На комнату сил уже не хватило. Завтра. И попросит, чтобы не убирали. А ещё лучше, чтобы вообще не заходили. То-

гда она и по комнате сможет ходить босиком. Какая-то отдаленная имитация дома. Месяц-не месяц – Даша не уверена, что она продержится так долго – а хоть на неделю-то её хватит. А теперь спать. Завтра новый день и новая пища.

Но сон не шёл. Шли мысли о матери. Поток. Прямо из космоса, мать его. Точнее, мать её. Она же её мать, всё же, Дашина, какая бы ни была. Вчерашняя встреча с Ларисой разбередила ей душу.

Даша думала о том, что самое последнее место в её воспоминаниях всегда отводилось матери. По факту той там просто не было. Видимо, Даша вытеснила эту женщину не только из собственной жизни, но даже из своей памяти. Потому что всё, связанное с ней, было по-настоящему больно. Гораздо сильнее физической боли, с ней Даша научилась справляться.

Единственное отчетливое воспоминание, которое Даша так и не смогла вытеснить – их последняя относительно длительная встреча. Кратковременные случались и позже, но Даша никогда не смотрела этой женщине в лицо, не останавливалась на ней взглядом. Поэтому не помнила: что, где, когда и как именно. А та встреча врезалась в память. Мать хотела забрать ее с собой после развода с папой. Даша была совсем маленькая. Она смотрела в лицо главной предатель-

нице своей жизни и думала лишь об одном – как её ненавидит. Она не понимала, как у матери хватило самомнения для того, чтобы подумать, что Даша хотя бы мысль единую допустит о том, чтобы остаться с ней. Это в голове не укладывалось, даже в такой маленькой, какой была Дашина в тот момент. Но предатель не может понять верного. У них разные системы координат. Несоприкасающиеся. А Даша была самой верной в жизни дочерью своего отца. Даже до сих пор.

Да, она часто и подолгу жила вдали от него, да, они могли редко созваниваться, но он всегда неизменно жил в её сердце и всё, что Даша делала, всегда было будто с оглядкой на него: а как бы папа поступил, что бы подумал, был бы он горд за неё? И отец это знал. И никогда не предъявлял ни за что претензий. Они просто любили друг друга. Без отчётов и обязательств. По-настоящему.

Позже ненависть к матери прошла. Осталась только недоброжелательная пустота. Это когда на человека в целом наплевать, он для тебя пустое место, но осадочек от того, что в этой комнате на стенах повсеместно плесень – остался. И Даше было всё равно, что это не по-христиански. Так она чувствовала. А любое лицемерие было противно её сущности.

Этой ночью Даша попыталась вспомнить лицо матери.

Тщетно. Она так и заснула. Без лица. Перед глазами стояла лишь комната, стены которой густо покрыты плесенью.

0. ВОДОРАЗДЕЛ – нулевая отсечка жизни

СЕВМОРНЕФТЬ

1. День первый.

Понедельник, пятое декабря

Пришла рано. Первый рабочий день всё же.

Паспорт предъявила, пропуск уже заработал, значит, её оформили.

В здании была ещё в субботу, когда Виктория передавала дела. Ничего нового. Лифт. Десятый этаж. Переход. Отдельный отсек. Дверь в приёмную закрыта на ключ. Забыла...

Снова спустилась на пост. Получила ключ. Поднялась. Открыла. Всё красиво, со вкусом, это ещё в субботу заметила. Сегодня присмотрелась внимательней: очень дорого-богато. Но красиво. Интерьерщики, скорее всего, были из Италии. Ну или немцы, как это ни странно. Но для немцев немного слишком изысканно. Сдержанности не хватает. Нет, всё же итальянцы. Красиво.

Бли-ин... Про кофе-машину Викторию не спросила... Ладно, попробует разобраться сама...

Разделась, переобулась, оставила вещи в шкафу-купе возле входа. Здесь прихорашиваться не хочет, неизвестно, какие у шефа привычки в плане прихода на работу, а быть пойманной за этим делом как-то не воодушевляет. Дурной тон. Включила компьютер, разложила списки контактов – главная цель на ближайшие дни. Вышла в коридор. Надо поискать...

кать туалет.

Нашёлся. В конце коридора. Там сделала причёску – высокий пучок, протерла лицо – освежила после мороза. Минуты две заняло от силы.

Вернулась. Шеф на месте – дверь открыта, в кабинете шуршания. Что же, ждём-с до первой звезды.

Ждать пришлось недолго. Вскоре звезда вызвала к себе. Вошла. Блиии-яяя, в общем, очень захотелось перейти на старославянский... Это точно не то, с чем Даше стоит сталкиваться так близко... Нет-нет, точно не то... Даша, делай ноги, пока не поздно, особенно вкупе с тем, что ты слышала от Лары и Вики... Одного взгляда на её нового шефа оказалось достаточно, чтобы констатировать факт смерти:

красивый – всё же шло на первом месте. Но не приторно-вязкий как патока, а сталелитейно-огнедышащий как то самое варево. Абсолютно демоническая физиономия. Будто только что из центра Земли поднялся.

высокомерный – это бесспорно шло вторым по значимости. Самомнение – зашкаливает. Прямо печать во лбу выбита: гляньте, как я хорош, и как я знаю, что вы все меня хотите.

жестокий – возможно, даже следовало поставить вторым, но пусть остаётся третьим, разница небольшая. Сталь в глазах и подвижность ноздрей – лучшие свидетельства того, что у данного экземпляра человеческой расы напрочь отсутствует и малейшее понятие о таких вещах как жалость или со-

страдание. Если только не использовать их в шуточном контексте.

вероятно, не лишенный ума – но это надо было проверить. Что-то подсказывало, что смесь первых трех ингредиентов могла привести к отказу четвертого.

ВЫВОД: это был наименее подходящий экземпляр человеческой расы на пост начальника Дарьи Игоревны Черновой. В лучшем случае они не сработаются и всё просто кончится плохо. В худшем – поубивают друг друга. Даша решила, что не будет ни в чём себе отказывать. Пусть сразу решат, насколько ему нужна такая ассистентка, как она...

Первый же разговор вывел из состояния равновесия. Даша... не то чтобы была в гневе, нет... Просто захотелось дать ему по морде. Но она это прекрасно умеет и без кулаков. Вот и продемонстрировала. Он тоже немного... разозлился. Даша это видела. Возможно, по морде дать не хотел, хотя в этом уверенности у неё не было, но что-то нехорошее он бы с ней сделал с удовольствием. Попрощалась. Нет, надо валить отсюда. Вышла, быстро покидала всё в сумку, направилась к шкафу.

Касание руки. За запястье взял. Неожиданно абсолютно. Бесшумно двигается. Точно. Оттуда. Люди – так тихо не ходят. Обернулась.

Лицо. Ну как бы помягче выразиться... волнующее очень. Магнетизм нереальный. На всех так влияет, без сомнений. И знает об этом, оттого и борзбметр сломанный. Смотрит. Не

мигая. Рот слегка приоткрыт. Из-за губ зубы видны нижние, ровные. К стоматологу небось в утробе матери ещё был записан. Глаза большие, кристаллические, чем-то на её похожи. Лдины плавают, как в заполярье. Цвета не видно, свет слишком блёклый. Видно, что не темные, иначе лдин бы не было.

Останавливает. В кабинет приглашает. Чем заниматься там планирует? Неужто прямо здесь и сейчас? Немного ведь рановато. Всего пять минут знакомы. Но она совершенно точно не одна сейчас об этом подумала. Или он всегда и со всеми в таком стиле работает? Самому пофиг, а окружающие на месте подышают? Этого снимать со счетов тоже нельзя. Может быть просто такой магнетизм. Дашеньке нужно валить...

Второй разговор вышел несильно лучше первого. Не-е-е-тушки, братики, сестрички, Дашеньке не показалось! Может, конечно, у него такая манера со всеми секретаршами, в конце концов, они обычно – не самые страшные представительницы прекрасной половины человечества, но то, что он хочет её прямо здесь – это факт. Возможно, кабинетный рефлекс. Или секретарский. Или кабинетно-секретарский. Да, он вполне может просто автоматически срабатывать на ассистенток. А что, надо же как-то расслабляться на работе? Зачем ждать завершения рабочего дня, когда можно всё сладить прямо на месте? Очень возможно. Тем более, что двух своих предшественниц Даша видела воочию. Обе весь-

ма привлекательны. Можно сказать так: если бы сама была женщиной, то поиметь не отказалась бы. Но то, что в данный момент времени и в этом самом месте у человека напротив на неё, Дашу, практически стоит – это факт. Вот это она понимает, форма так форма! С утра, при головной боли, которая очевидно считывается, наверное, приполз на работу после внушительной попойки – немного доносились ноты алкоголя – и не успел проснуться, а уже готов к труду! Дашенька, делай ноги...

Не дал. Велел работать. Что же, она поработает. Пусть даже не сомневается...

Ушла в работу, не заметила даже, как время пролетело. Обеденный перерыв наступил. Сегодня обедать некогда. Надо с контактными листами завязывать, иначе она просто утонет в массе имен и фамилий. Наклеила на зеркало – вертикально удобнее сопоставлять. Никогда не любила горизонт. Зачем столы, когда есть маркерные доски? Но здесь маркерной доски нет. Зато есть зеркало. Пойдет...

Работает. Уже закончила с первыми восемью блоками контактов. Вышел. Вопрос задал. Дебильный. Всё равно ведь не поймёт, что она делает, даже если Даша объяснять возьмётся. Не ответила. Так проще. Время экономит. И себе, и ему. Благодарен быть должен. В отражении между листами что-то мелькнуло: подходит. За спиной встал. К уху наклонился. Дыхание теплое. Вопрос повторил. Настырный. Назад сдала на полметра. От греха. Ответила. Ничего не понял.

А сразу это ясно ему не было? Ручной тормоз? Не похож. Тогда что? Опять утро хочет повторить? Близость протестировать? Понять, насколько стоит оно того, чтобы дальше заходить? Даже не представляет насколько! Так что лучше не пробовать. Кончится плохо.

Понял, возможно. Назад откатил. С темы её уха постепенно стал переходить на тему обеда. Хороший мальчик. Не сразу, конечно, как без ухмылочек и перегибков? Объяснила, что обедать нет времени. Посмотрел. Долго, внимательно. Льдины туда-сюда погонял. Ретировался.

Выдох. Можно продолжать работать...

В переговорной познакомилась с бухгалтершей. Здесь для пафоса зовут финдиректором. По факту бухгалтершей и осталась. Рожа квадратная, но впендюрена в дорогой костюм. Натурально объяснила, что трогать Чернову не надо. С первой попытки не дошло. Ручной тормоз. Ничего, надо будет – объяснит повторно.

Шеф смотрел с прищуром, как в императорской ложе Коллизея. Зрелище ему, видно, понравилось. А зря! Теперь будет хотеть только сильнее. Но рожа красивая, знает, гад, что хорош. Вот пусть с бухгалтершей дальше и рисуется.

После встречи с партнерами назад долго не возвращался. Даша закончила работу со списком. Всех разобрала, с Викиными записями сопоставила. В общей сложности пятьсот персон получилось. Остальные – не пришей к письму рукав. Из них по факту человек семьдесят центровых окажется. Это

уже было легче. Завтра утром через программку Паши Рябова пропустит – вот и можно будет начинать работать. Сегодня на звонки не отвечала, только записывала тех, кто звонил. Завтра с утра их отработает. Прямо старший оперуполномоченный.

Созвонилась с Викой. Попросила дать доступ к материалам с прошлых видеоконференций. Та обещала вечером выслать файлы – у нее дома на компе копии сохранились. Тоже предусмотрительная. Спустилась в архив и подтянула те материалы, что дали здесь. Стала разбираться.

Шеф пришел ближе к шести. Думала, сразу отвалит. Но сидел до половины девятого. Даша уже решила, что не пересидит его. Пересидела. На десять минут. Уходя, задержался в проходе, постоял, посмотрел. И чего высматривает? Непонятно. Попрощался. Ушел...

Вернулась в хостел. Вымыла полы в комнате, протерла подоконник. Постель вроде чистая – вчера так устала, что и внимания не обратила.

Села за документы – Виктория свои копии прислала. Разбиралась долго. Выделила нужное, сформировала файл, допечатала вопросы, которые сама бы добавила. Скинула на флешку – завтра на работе распечатает. Перенесла установочный файл туда же. Всё, пора спать. И так уже три ночи.

Легла. Устала очень. После работы ещё за ковриком электрическим моталась к чёрту на куличики. Ближе места не нашла. Но без коврика – работать никак. Холодно как в склепе.

Нет, температура приемлемая, но по полу тянет. Коврик эту проблему решит.

Глаза закрыла. Попыталась вспомнить лицо матери. Не вспомнила. Так и заснула. С лицом. Романа Сергеевича Чернышева. Так, кажется, зовут её нового шефа? Так, Дашенька, не притворяйся! Имя ты прекрасно запомнила еще с субботы. Даже фамилия – говорящая. Подходит как нельзя лучше.

2. День второй. Вторник, шестое декабря

Проснулась в шесть тридцать. Быстро оделась – слава богу, застиранное платье успело высохнуть. Перекусила хлопьями с молоком и глазированным сырком. Лучше прийти на работу раньше – много дел.

Включила комп, разделась, переобулась. Причешется позже, еще совсем рано. В такое время господин Чернышев точно еще спит. Разложила вещи, вытащила коврик из пакета. Та-ак, что тут у нас с розетками... Сняла туфли, чтобы не сбить прекрасные идеально заостренные носики, полезла под стол. От стены тянулся удлинитель на пять разъемов, четыре из которых были заняты. Отлично, ей как раз хватит последнего оставшегося. Вылезла обратно, взяла коврик, уложила на пол прямо под ноги, развернула проводом к удлинителю. Полезла включать... Да уж, кто бы мог подумать, что это будет целый квест... Коврик – китайский, как и всё сейчас, в комплекте идет переходник с китайской на европейскую розетку, но он такой плотный, что еле влезает даже в обычную, нормальную, среднестатистическую розетку. А удлинитель был необычный. Разъемы в нем тоже были слишком плотные. Плотность на плотность даёт мегаплотность. Даша чуть пальцы себе не сломала. Уже появи-

лись мысли, что гиблое это дело, как вдруг... Кашель. Ироничный такой, вызывающий. Роман Сергеевич как-никак... Даже покашлять по-нормальному не может, и тут надо выпендриться...

Но у Даши с самообладанием порядок. Нет, про себя она, конечно, сейчас весь трёхэтажный словарь вспомнила, но виду не подала. Теперь хочет-не хочет, а дело надо заканчивать. Иначе будет как-то... позорно, что ли... И она закончила. Палец вывихнула, но закончила. Выдохнула, включила коврик – проверила, работает ли. Работает. Только тогда она вылезла из-под стола.

Стоит. Возле стены. Корма не прóсит. Даша на него сейчас смотреть не может, и так неловко до жути, но виду не показывает. И без взглядов чувствует, что смотрит. Уже до хребта досверлил. Или куда поглубже, туда, где пониже. Там ему будет поинтереснее, вряд ли его Дашин скелет так волнует... Но она держится. Виду не подаёт. Не подаёт виду.

Немного пришла в себя, датчику контроля шелбан отвесила, чтобы переставал барахлить. Посмотрела. Стоит, улыбается. Расслабленный такой котяра. Надо его немного подсобрать, а то к работе совсем не годен. Она же теперь его ассистент. Кто ж за ним присмотрит, если не родная секретарша?

Подсобрала. О конференциях напомнила. А то он ей греться предлагает! Будто она и без намеков не понимает, о чем он думает. Ухмыльнулся. Не понравилось, что Даша

его о стенку приложила. Пусть слегонца, старалась, конечно, быть нежной, но, видно, и к такому не привык. Ничего, дело наживное. Человек ко всему привыкает.

Кофе попросил. Так и знала, что без проблем не обойдется... Эх, кофе-машины... Ладно, посмотрит в интернете. Сейчас только марку в поиск вобьёт... Та-а-ак, как тут это работает? Опять нарисовался. Ни минуты без нее прожить не может!

Издевается. Ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Подошла, загрузила капсулу, нажала на кнопку. Ни. Фи. Га...

За спиной встал. Сразу даже не почувствовала. Но еще со вчерашнего дня запомнилось, как бесшумно он к ней подбирается. Ночной зверь нашёлся. Показал. Налил кофе. Опять подтрунивает. И снова та же тема. У него всегда юмор на этом сосредоточен? Или у кого что болит? Вдруг резко сменил юмор на раздражение. Не доволен ее работой. Решил напомнить о её месте в этом заведении. И в его жизни. Она – секретарша. Вот пусть и работает. Что же, она поработает. Пусть не сомневается. А то думает, наверное, что напугал. Наивный.

Через час подала на стол, что просил. Не ожидал. Точно, он ее хотел об стол приложить, не одной же ей его по стеночкам размазывать? Не вышло. Еще один шварк об стену. А Дашино нежное личико к такому не приспособлено. Но ему-то откуда знать? Он пока ее просто хочет, но еще не зна-

ет, во что ввязался. Что же будет, если узнать вознамерится? Страшно представить...

Шеф обалдел. Нет, он, конечно, держался изо всех сил, но всё равно было видно. Точно не ожидал такого поворота. Улыбнулся. Смотрел долго, даже дольше обычного. И продолжал улыбаться. Пришлось даже прервать идиллию. Чтобы чего вдруг не вышло. Отпросилась к переводчикам. Отпустил, но хотел зажилить список. Нет, у Дашеньки с памятью полный порядок, как и с выдержкой. Долго стояла, мебелью притворялась, но голоса не подала. Сам не выдержал, заметил всё же, что она еще тут. Типа до этого впал в беспмятство. Список отдал. Опять по эротике прошелся. Нет, не к добру всё это... Ведь Даша тоже не против...

Всю вторую половину проторчала у переводчиков. Перезнакомилась со всеми. Самый нормальный отдел. Хорошо, что звонков почти не было. Было хоть полдня, чтобы нормально словарь подтянуть.

Вечером вернулась после шести. Шефа не было. Уехал в командировку. Завтра будет еще один день спокойной работы.

3. День третий. Среда, седьмое января

Целый день была то в архиве, то у переводчиков. Поработать удавалось лишь урывками. Было много звонков, из телеги вообще не вылезала. Так пойдет – ей и двух недель не хватит, чтобы языки подтянуть.

Вчера занималась с французским – полдня хватило. Сегодня начала с итальянским, но уровень немного подсел. Дня может быть недостаточно. Тогда придется продолжить завтра.

Звонки шефу – отдельная история. Почти все, кто звонил, так или иначе дали понять, что заметили появление очередной ассистентки. Пришлось разъяснить, что её это как-то не колышет. На всякий случай, чтобы не было заблуждений.

Видимо, шеф разводится – стало ясно по обрывкам из разговоров сначала с адвокатом, потом с женой. Такой экземпляр выходит на рынок вакансий, как бы последний не обвалился... Вот кому-то повезет! Это же на всю жизнь подарочек...

С Римом совсем достали. Никто нормально объяснить не может, что хочет. Одна вообще даже представиться не умеет так, чтобы можно было разобрать. Как работать в таких условиях?

Под занавес бухгалтерша нарисовалась. Просто вынь да положи её шефа на блюдце. Будто она здесь одна такая умная. Ничего, Дашенька злопамятная. За вчерашнее поведение постаралась отшлепать директоршу. Вышло не до конца. Но идею та уловила. В следующий раз подумает, как с Дашей разговаривать. Если Дашу к тому моменту не уволят. Что возможно. Шеф вряд ли обрадуется, когда узнает.

Да пофиг.

4. День четвертый.

Четверг, восьмое января

Половину рабочего дня снова провела на третьем этаже. Звонков было не меньше. Много времени уходило на их обработку. Но потихоньку дело шло: языки – подвижная штука, стоит немного сместить с налёженного места, и дальше всё просто начинает двигаться самостоятельно. Новая терминология будто сама собой стала нанизываться.

Сегодня важный день. Нельзя пропустить обследование. Удача: командир в командировке. Отсутствия не заметит.

Ушла раньше, чтобы был запас. Доехала на машине, здесь было рядом. По плану – МРТ, УЗИ и кровь. Всё сдала. И ухнула. Прямо вниз головой. МРТ – первые за пять лет выраженные изменения. Теперь совершенно точно артроз обоих коленных суставов. Правое колено – близилось ко второй степени. Щель сузилась сильнее. А палец на правой руке – артроз второй степени. Таким макаром скоро даже готовить будет трудно. И так уже иногда кисти сильно болят, когда овощи режет. А писать вообще мучительно больно. Не всегда, конечно, но случается. Да уж, так себе результаты, если откровенно. И это еще кровь не подошла. Надо будет посмотреть, не вылезет ли что-то и там...

На работу вернулась без настроения. Вообще. Спустилась

в архив, с переводчицами сейчас общаться бы точно не смогла. А так хоть с бумагой время проведет. Она бессловесная, жаловаться на перепады не будет. Просидела до шести. Хватит пахать. Не факт, что еще кто-то оценит. Лучше раньше вернуться и нормально поспать. Если получится уснуть после такого.

Вспомнила о Романе. Он к ней клинья понемногу подбивал. А она, хоть дистанцию и держала, но понять давала, что в принципе не против. Это если быть честной. До конца. И что дальше? Секс? Так он – дело нехитрое. Отношения? Точно нет. У таких, как Роман, отношения развиваются ровно до состояния секса. А теперь плюсом еще шли Дашины анализы. Такая она ему точно не понадобится. Надо заканчивать всю эту бодягу с переглядками и прибаутками. С этой минуты – строго официальное общение. Даша стала забывать, кто она, а ей этого делать не следует. Отработает месяц, получит зарплату и пойдет искать другую работу. Подходящую. И снова начнет пить глюкозамин. Чтобы хоть немного нарастить хрящ. Если она еще хоть на йоту в это верит. Не верит, если честно. Но глюкозамин пропьет. Хуже точно не будет, а если будет хоть на один процент лучше, значит, это будет не зря. Вот о чем ей надо думать, а не о Романе Чернышеве, с которым вот уже третью ночь засыпает. Развстался перед глазами, скоро рассядется, а потом и разляжется такими темпами. С ним Даша засыпает, с ним Даша просыпается. Этого еще не хватало. Нашла о ком грезить. Дура набитая.

Поднялась в приемную. Стала сумку собирать. Голос из кабинета. Товарищ командир вернулся. Звать изволит. Зашла. Посмотрела. Красивый, до дрожи в коленках. Лесом пусть идёт, ей нельзя. Глаза опустила. Всё равно всё будет так, как решила. Не позволит Даша себе больше дерзости в сексуальные игры играть. Ей не до секса. Надо лечением снова заниматься. Возможно, обследование более подробное проходить. Может, в департамент здравоохранения обращаться, чтобы ее в программу какую-нибудь включили, исследовали вдоль и поперёк. Кому-нибудь диссер, а ей не расколоться на бисер...

И почему-то именно сейчас товарищ решил до нее докопаться! Лучшего времени он выбрать не мог... Злость стала подниматься просто самопроизвольно. Дерзить не соби-ралась. Наоборот, дерзость – это последнее. Она его только распаляет. Но он сам напрашивался. Выдержать невозможно. Не выдержала.

Вдруг набросился. К стене прижал. В глазах демоны пляшут, чего доброго, сорвётся. Нет, твою мать, только не сейчас! Вот вообще не время, понимает он это или нет?!

На́ ухо прошептал. Носом в висок уперся. Дышит, хочет. Нереально хочет. Сглотнула. Он, и впрямь, серьезно настроен. Глаза закрыла. Это, блин, просто какая-то шутка... Почему у неё всё всегда именно так? Невовремя. Не с теми. Не так. Ярость подняла голову как кобра.

Даша открыла глаза.

Этот смотрит стоит, что высматривает? Что ты пялишься, сперма в башку ударила? Смотри, чтоб аневризма не лопнула!

Наклонился вплотную к лицу. Скользнул губами по щеке. Мочку нашел. Дышит. Коснулся.

Ужалил. Пробрало до самого спинного мозга...

Такой потребности в ком-то Даша еще не испытывала. Хотела до примитивности: просто осязать его в себе. Хотя бы раз. А он руками прокладывал себе дорожку в рай. Только не знал еще, глупый, что это был ад. Ее, Дашин, персональный ад. А она несильно горит желанием вариться в котле. Так что ему тоже отсыпет, не пожадничает. Прямо в морду наглуую зубами вцепится, главное кусок щеки не вырвать. Всё сделает, лишь бы оставил ее в покое. Насовсем, чтобы никогда больше так не прикасался. Не пробуждал желания всего недоступного для нее. Не поднимал на свет пустых надежд, когда она уже всё решила...

Он смотрел словно дикий. Бегал, не мог решить, где остановиться взглядом. От зрачка к зрачку, потом губы, снова глаза. Долго, мучительно, что в них высматривал? Снова губы, шея, волосы. Снова глаза. Снова вопрос. Что непонятного? Даша хочет, чтобы он оставил ее в покое. Вроде видит, но остановиться не может. К волосам прицепился. Важное дело! Как будто нельзя трахнуть так, без распущенных. Лицом зарылся. Дышит. Готов. Если сейчас не остановить, то будет поздно...

И она остановила. В глазах Романа мелькнуло сомнение. Значит, Даша нащупала точку. Нажала повторно. Сработало. Он сломался. Нет, физика еще работает, но морально он уже отъехал. Теперь не вернуть. Он никогда не побывает в ней. Так странно, но от понимания этого стало больно. Хотя, если бы всё произошло, было бы больнее. Так что так лучше. Сместилась влево, отпустил, выползла из-под него. Медленно двинулась к приемной. А там еще один подарочек, сегодня просто день сюрпризов! Мужик какой-то. Офигел.

Да пофиг...

Переделалась в туалете на финансовом этаже. Застала разговор двух перепёлок. За две минуты напели столько – за целый день весь лес вместе взятый не перепоеёт. Вышла. Познакомилась. Офигеть, какое приятное знакомство! Всю жизнь мечтала о подругах на работе. И чтобы именно так их и завести.

Да пофиг...

Хостел накрылся медным тазом. Нет, туда она больше не поедет. В этом платье теперь будет тесно. Надо переодеться.

Выкурила еще одну. Поднялась. С папой неожиданно разоткровенничалась. Надо было. Причем давно. Просто грузить его не хотела. Папа – лучший человек на всем свете, его разгружать надо, а не загружать.

Собрала вещей на неделю, теперь долго не получится приехать. Надо еще поднажать на поиск работы. Не факт, что она доработает этот месяц...

Накрыло только дома. Даша уже не думала, что накроет. Как-то слишком легко пережила случившееся. Оказалось, не пережила. Как же она могла так... влюбиться...

5. День пятый. Пятница, девятое декабря

Всё же она не могла так уйти. Это было бы недостойно. Объяснилась. Он отшучивался, конечно... что ему оставалось... но по глазам Даша видела: понял. Последняя фраза убила: он без нее, видели ли, уже бы начал скучать... С ним каждую секунду нужно быть осторожной. Очень изощренный товарищ. Задурит кого угодно. А она уже и так летит с крыши вниз головой.

Уйти? Надо. Но, во-первых, пока некуда. Во-вторых, здесь в конце месяца будут очень хорошие деньги. Почти как те, к которым она привыкла. Сейчас в Москве, если с работой не сложится, ей за такую зарплату придется работать несколько месяцев. Вспомнилась Леночка. И ее самообладание на вершине горы. Надо было задвинуть эмоции и подумать о важном. А самым важным сейчас было что? Деньги. Особенно, если придется еще и обследоваться.

Да, всё это были причины для того, чтобы остаться. Но Даша призналась себе: главной был он.

Не хотела уходить. Надежда – неистребимая суть человеческая, всё же начинала изводить гнома со свету...

Появился вчерашний мужик. Какая удача, это оказался первый зам! Лучше не придумаешь знакомства! А этот убил

во второй раз: так Дашу представил, что она чуть не задохнулась, забыв, что иногда надо дышать. Нелепая была бы смерть... А он смотрел. Прямо в глаза, серьезно. Нет, на секретарей, предназначенных только для секса на рабочем месте, так не смотрят. Будто решал: работу предложить или под венец позвать. Игра? Снова путает? Может быть. Надо быть осторожной...

В обеденный перерыв подвалила перепёлка. Зовут Кларисой. Странное имя для курицы. А мозгов там, судя по их разговору – не ума палата. Всё же в жизни есть много вещей, которые Даша никогда не сможет понять. Если он, ее шеф, такой страшный, что же некоторые в скобках почти все так языки свои поганые распускать пораспустились? Но не Даше сматывать их обратно. Хочет – пусть сам на досуге занимается.

Позже была встреча группы. А до нее их ужин. А до него машина. Воздух вибрировал всю дорогу. Как завибрировал телефон у нее в кармане. Кто звонил? Непонятно. Андрей? Возможно. Какая Даше была в тот момент разница? Когда она ехала с ним. В одной машине. Как уйти? Непонятно. Но надо. Такой любви Даша еще не испытывала. Если она обрушится всем своим весом на ее хрупкое тело, то просто расплющит. Понимание было. Не было воли всё прекратить. Зато была надежда. Росла с каждой минутой: Роман продолжал меняться на глазах. Будто прекращал быть собой и становился обычным человеком, но всё же оставаясь при этом Рома-

ном Чернышевым. Такое возможно? Влюблялся? В неё???

Как поверить? Никак. Невозможно. Но надежда – настыр-ная штука...

Разговор в кабинете ресторана лишь усугубил. В конце Роман спросил, почему она пришла. Имел в виду, почему не убежала после вчерашнего. Сверкая пятками. Даша поняла, что имел в виду. И он понял, что Даша поняла. И так ждал ответа, что показалось даже, от этого зависело что-то важное в его жизни. Нет, не игра, такое сыграть невозможно. И Даша ничего не выдумала, всё становилось серьезно. Без сомнений. Надежда уже горн доставала. Гном уменьшился до размера наперстка. В последний раз таким маленьким был только в момент рождения.

Потом танец. Роман просто смотрел. Будто что-то решал. И решился. Кем оставил? Секретаршей? Любимой женой?

Серьезный. Он сегодня весь день серьезный. Стал таким сразу после того, как закончил шутки с утра. И от этой серьезности Дашу пробирало. Никогда на нее никто так не смотрел.

Во время танца Дашу всю вывернуло, размотало. А потом скрутило обратно. Не понятно было, что ей чувствовать дальше, радость или всё же... любимую боль-подругу. Ведь Роман ничего о ней не знает. А что будет, когда она расскажет? Долго ли после этого продлится их танец, если он, даже ничего не зная, так мучительно решает кто она для него? А ведь он видит ее обычной здоровой женщиной, созданной

для удовольствий. Ее собственных и его, такого избранного, прекрасного. Под стать Роману должна быть и его избранница. Горн на глазах стал покрываться коррозией. Гном снова пошёл в рост.

Потом был лифт. И это «давай попробуем с тобой по-другому»... Даша думала, что не довезет слезы до дома. Довезла. Только не знала от чего ей плакать, от счастья или безысходности. Поэтому она просто поехала танцевать. А потом – вытравливать Романа из своей души. Только это заранее было обречено на провал. Так, тщетная попытка, для успокоения себя. Она же попробовала? Не получилось. Самообман... В глубине души Даша понимала, насколько это было нелепо. Она всё равно не доехала бы до любовника. Потому что просто не смогла бы ощутить в себе никого другого, кроме Романа Чернышева. И промечтала о нем все выходные напролет...

6. День восьмой. Понедельник, двенадцатое декабря

Платье сидело прекрасно. Даже талия Дашу не раздражала своей чрезмерной тонкотой, она ещё сильнее акцентировала переход к выпуклости и поэтому особенно здорово в этом наряде смотрелся зад. Сама бы от себя не отказалась, если бы была мужчиной... Редко, когда Даша себе так сильно нравилась.

Решила прибегнуть к тяжелой артиллерии: подвела глаза. И почему, когда женщина красит глаза, у нее открывается рот? Часто в жизни приходилось слышать этот глупейший вопрос. Да потому! Голову ведь приходится почти запрокидывать. Натягиваются шейные и лицевые мышцы, что и приводит к самопроизвольному раскрытию рта. Подите попробуйте натяните шею, запрокиньте голову и не откройте его при этом! И что всех мужчин так озадачивает? Ведь девушка, красящая глаза с открытым ртом, выглядит о-о-о-чень сексуально. При этом занятии закрытый рот ей был бы даже как-то ни к лицу. Да-а, ну и мысли! В них опять один секс... Возможно, не стоит? Возможно... Но невозможно.

Додумать до конца не успела, в отражении появился он... Рука задрожала, карандаш чуть не сломала, пока колпачок пыталась обратно нацепить ... В косметичку сунула, может

не успел заметить, что она тут для него драгоценного прихорашивалась? Успел, наверняка... Ох, неловкая ситуация, еще волнительнее теперь, как в глаза ему посмотреть...

Подняла взгляд. Роман на зверя похож лесного. Смотрит, как не совсем здоровый. Исподлобья слегка, дыхание частое. Рукава закатывает. Будто на части кого-то рвать собирается. Сердце тук-стук, тук-стук. Боже, какой он... Сексуальный? Не то слово. Астральный, потусторонний. От одного вида дух захватывает.

Вдруг набросился. Снова, как тогда, у стены. Потянул за волосы, небольно, это он так рубильник желанья поднял.

В шею впился. Электрический стон через весь скелет пронесся и в мозгу разрядился. Везде мурашки. На ладонях что, тоже волосы растут? Может нет, но муравьи, оказывается и там живут. Просто редко на работу ходят. Сегодня первый рабочий день, видимо. Нереальное ощущение...

Застонала. Даже сама ухом за свой стон зацепилась. Возбудительно вышло...

Зарычал. Схватил за плечи. К себе лицом развернул. Губы... дикие, как у зверя. И всё чаще дышать начинает. Злой, беснующийся – целует. Будто хочет губы ее пожрать. Руки – плети: хлещут, а не ласкают. Но муравьям вообще безразлично. Слишком долго под замком сидели, обратно теперь и плетями не загнать. Кожа превратилась в один сплошной муравейник.

Жмёт и месит руками, еще немного и сосуды полопают-

ся. Больно. Здорово. Бешеное вожделение! И целует. Беспреданно. Люто. Боже-Господи, какой же он долгожданный! Если можно сказать – вечножданный. Невозможно такого дождаться.

Дождалась! Он зашел – Даша вышла. Прямо отсюда, с десятого этажа. И через пять секунд полета достигла асфальта. Кончилась жизнь. Даша кончила. Всё теперь в прошлом. Жизнь прежней уже не будет. Будет новая. Какая? Что об этом думать? Сейчас вообще нельзя ни о чем думать. Нет ни мыслей, ни мудрости, ни отобранных за десять лет стратегий. Гном нервически докуривает в подвале под плинтусом. Перечёркнуто всё. Остались только ощущения. Такие не повторяются.

И его дыхание в волосах. И его запах. Чистоты. Кожи. И легкий шлейф парфюма. Пахнет травами и немного древесной корой. Он из леса. Всю ночь там бродил, напивался. Под луной, если только сам не луна. Только дыхание и выдает, что можно до него дотянуться – тепло излучает. А так не подумаешь... Решила бы, что недостижимый небесный фонарь.

Боже, как же давно это было... С мужчиной... И оба не последние ведь были экземпляры. Сексуальные, ее хотели, она их тоже. Точнее, ей так казалось. Всё – фанера, набитая опилками. Это было не желание, а так, сиреневый лютик. Что такое хотеть – стало ясно только сейчас. Это когда между жизнью и смертью выберешь смерть, лишь бы почувствовать

хоть раз то, что только что произошло. Прикоснуться к потустороннему миру. Пусть для этого придется вскоре стать его частью. Примерно так, наверное, чуть не опростоволосился дядя Фауст, изрекая: «Когда воскликну я «Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой!» – Тогда готовь мне цепь плененья, Земля развернись подо мной! (прим.: Иоганн Вольфганг фон Гёте «Фауст», отрывок, перевод Н. Холодковского). Только он смысл жизни искал, а не удовольствий. Но то, что творилось в этой точке планеты между Дашей и ее Мефистофелем тоже было гораздо глубже, чем просто удовольствие. Такие ощущения невозможны без познания смысла. А чувственная сторона этого знания – лишь одна из форм. Всё серьезно. Между ними теперь никогда не будет как прежде. Потому что они и сами не думали, что такое возможно. Он ведь тоже не думал, ее Мефистофель... Или Фауст? От кого она примет смерть? От дьявола? Или возлюбленного?

Включилась. Открыла глаза. Безотчётно, потому что Роман отстранился. Быстро, стремительно, будто бы даже отшатнулся. Мозг заработал в ту же секунду.

Спрыгнула, вытащила салфетки. Туда-сюда, туда-сюда, движения машинальные. Мысли – дурные предчувствия. Но еще не оформились, пока только созревают.

Вышел, забрал шмотки, открыл дверь и... умотал восвояси, отчетливо хлопнув дверью. Ширинка застегнута. Всё благородно и чинно. Так, немного потрахался с утраца. Размялся, на рабочий лад настроился.

Да, именно так это и бывает в жизни. Секунда – эйфория, следующая – бобик сдох и уже никогда не воскреснет. Потому что воспоминание о том, как именно бедного Боба только что переехали бронетранспортёром, Даша никогда из своей души уже не вытравит. Всё как полагается: она же сама выбрала между жизнью и смертью смерть! Чтобы почувствовать его в себе хотя бы один раз. Почувствовала. Пора платить по счетам. Пламенный привет доктору Фаусту! Пусть ждёт в гости свою Маргариту. Она уже в пути.

Злость.

Злость, злость, злость, злость, злость.

Звонок. Идите лесом! Злость. Опять звонит. Телефон сейчас сломается. Случайно.

Внутренний вызов. Кофе понадобился. Крови ее недостаточно напился. Требуется еще питьё. Обезвоживание?

Обезбоживание. Безбожник. Ничего, она тоже не Пресвятая Дева. Хочет кофе – будет ему кофе.

Принесла. Поставила. Рука дрожит, чашка о блюде бьется. Кровь от лица отлила, Даша чувствует, какая бледная. Этот думает, наверное, что оно от переживаний. Пусть и дальше так думает, переубеждать не станет.

Злость.

Злость. Злость. Злость.

Конференция. Или переговоры? Может, встреча друзей после долгой разлуки? Ах, да... совещание. Какая, блин, разница, как назвать это собрание. Так бы на табличке перед вхо-

дом и написали: «сходка ублюдков». Ничего, у Даши терпения хватит. Его у нее закрома. Ещё не допёр, с кем связался.

Злость.

Злость.

Осознанность. Официоз.

Хотел секретаря – получит, блин, секретаря. Скоро Мурманск приезжает. А этот забыл предупредить, в каких позах те любят. Даша покажет им лучшие позы. До посинения здесь оторвутся.

7. День девятый. Вторник, тринадцатое декабря

Спала как ребенок. Снотворное убило. Даже боли от синяков по всему телу не чувствовала. Проснулась вовремя, с первым сигналом. Выбрала платье, чтобы следов не было видно: бежевое, бледное, Даша – поганка. Всё закрыла – шею, руки, ноги. И никаких пуси-муси деталей. Она – смерть, бескровная и злая. Не подходи, а то случайно сдохнешь, постояв рядом.

Этого нету. Весь день в разъездах. Звонков три штуки. Здравсьте-до свиданья. В телегу – азбука Морзе. Не поймёт – его проблемы. Пусть нанимает дешифровщика. Даша не парится о таких мелочах.

Весь день – звонки и подготовка к мурманской встрече. Ох, и покажет им Даша, хоть и не ваша.

Ассистентка Анатолия Маслаченко – дура-дурой. Разболтала лишнего – пишите письма в изолятор. В Мурманске вроде народ не болтливый. Видимо, она к ним забрела из Палермо.

Анатолий – лучший начальник на свете. Добрый, ласковый, пялит, наверно, душевно. Любит выпить. И баню, а, значит, – и девок. Секретарша, конечно, об этом не знает. Думает, видно, что окромя жены пялит Толик единственно толь-

ко ее.

Это в СевМоре распространенное явление. Просто в секретариатах распылили специальные средства из американо-украинских биологических лабораторий. Чтобы все бабы тире секретарши превратились в романтичных дур. Для увеличения производительности труда начальства. Кстати, она, Даша, нифига не исключение, так что нечего злиться на мурманчанку. За воздухом в родной приемной надо больше следить. И за своей капитально отказавшей головой.

Спустилась к Кларисе. Дошли до второй перепёлки. Должна же и от птиц хоть когда-нибудь быть польза? Кроме бело-серых блямб к деньгам на капоте и лобовом – знака, что скоро кто-то получит наследство от дядюшки Скруджа. Тот лично выдаст билет на посещение автомойки.

Информацию получила. Вернулась восвояси. Продолжать дышать специальными средствами. Только они больше не действуют. Потому что в голове теперь только мысли о том, как же приятно открыть головой гада пару окон. А еще лучше все окна в здании, и все его головой. Их здесь много, работы хватит как раз до зарплаты.

8. День десятый. Среда, четырнадцатое декабря

Всю ночь не спала. Радовалась приезду мурманских. Заранее. Заочно. Злорадно. Что у нас там еще на букву «З»? Слово «Завтра», точно. Завтра приедут мурманские. Зиг хайль! (прим.: Sieg heil!, – Да здравствует победа!, нем.).

Полдня радовалась. Предвкушала. Остальные полдня была конференция. Участвовала. Более-менее эффективно. Семен, второй зам, ответственный за это болото, пытался клеиться. Ага, Даше прямо до дрожи хочется всем им тут дать. Осталось только в холл спуститься и кинуть клич: эй, народ, здесь кому-нибудь еще секс нужен? Подходим, не стесняемся, занимаем очередь! Обслужим всех, только сперва составим график раздачи. Брюнетки, как гад – в левую очередь, блондины, как Семен – в правую. И отзывы не забываем в Яндексe оставлять. Волка ноги кормят, рейтинг сейчас – это наше всё!

Еле сдержалась, чтобы не дать по морде хотя бы Семену. За неимением возможности дать гаду. Точнее желания. Нет, он заслужил. Но это будет не Даша. Руки марать не хочется.

Смотрел. Всю конференцию сверло на своей спине чувствовала. Глаз не подняла. Никогда больше не поднимет. Хотя нет. Зарплату получит и поднимет. Один раз. Чтобы на-

метить цель, куда плюнуть. Попытка всё равно будет только одна. Поэтому надо не промахнуться...

Дома опять радость и предвкушение. Так, еще раз, что там на букву «З»?

Завтра.

Зрелищ и злаков.

Землесосам из зоомагазина.

Затем

Здравница

– зачистка зашлакованных.

От зрелищ и злаков.

Затем

– заутреня.

Даша надеется – ЗДОХНУТ. На букву «З» у нее всё.

Спала́ два часа.

9. День одиннадцатый.

Четверг, пятнадцатое декабря

Правильно, так гаду и надо. Пусть вообще сдохнет на рабочем месте. Даша с удовольствием поможет, если нужно. В косметичке – складной нож, можно просто отпилить голову. Тогда и болеть будет нечему – чем не решение проблемы? Вот какая степень милосердия: всё готова сделать для гада, лишь бы тот не мучился.

Массажистку ему, понимаете ли, надо! Даже в таком состоянии думает о сексе? Какую часть она ему там массировать будет? Ах, да, голову! И какую из них? Обе? Оптом ведь всегда дешевле? Или он на себе не экономит?

Гад ползучий. Гад. Чтоб он сдох. Алкоголик вонючий. Всю приемную ей за две секунды алкопарами провонял. Хоть бы дезодорант носил, что ли, за собой распылял, «сосновый бор», ну или там «ёлочка». Ни стыда, ни совести у хроника-бухало.

Секс с утра сегодня всё же не осилил. Видно, подизраховодовался, пока с бутылкой обнимался. Массажистка ушла. Этот всё сидит и ноет. Стоны аж до секретариата долетают, как девчонка, честное слово! Нифига работать не даст, достанет и глухого.

Встала. Взяла блистер из кармана шубы. Со вторника по-

ложила, на всякий случай. С таким начальством лучше пере-страховаться. Дошла до мученика. Ну просто жертва афтер-пáти! Чтобы ему каждый вечер так отрываться... Положила. Ушла. Звонит. Типа: что за колёса? Объяснила. Прищуршал. Типа: очень рады, не пошли бы вы на фиг! Объяснила: в этот путь-дорогу здесь пока собирается он один. Объяснять при-шлось популярно, потому что – ручной тормоз. А она еще в этом раньше сомневалась...

Таблетку всё же, видимо, выпил. Потому что через пол-часа стал хоть немного похож на человека. И перестал во-нять. Видно, носит с собой какое-то чудо зелье – выпил и тут же фиалками запа́х. Нет, он точно оттуда. Обычным людям такие фокусы недоступны. Переговоры провёл сносно. Как всегда. Никто не заметил, что накануне кто-то нажрался.

Закончили. Все разошлись. Даша материалы собирает. Этот не уходит, пялится опять, к бабке не ходи, хоть она и не смотрит. Не успело голову отпустить, как снова на секс потянуло? А тут как раз и секретарша подвернулась? Других ведь юбок на горизонте нет и не предвидится? А чтоб появи-лись – надо на лифте спускаться, ноги напрягать. И потом, перегрузки, опять же...

Ускорилась: не надо ей подарков от начальства. Думает, наверное, что один его взгляд, и она умрет от счастья. Нет уж, спасибо, пробовали, знаем. Сунул-высунул, ширинка на-верх, и кофе принесите. Боб всё еще жалобно скулит из-под бронетранспортёра. Напоминает о невыносимой жестокости

бытия.

Вышла. Вдогонку что-то типа, что благодарен. Очень рады. Вам того же. Носите на здоровье.

Дверь захлопнула. Пусть радуется дальше, у нее – работа. А радость предстоит единственный раз, когда зарплата.

С полдня приехал Мурманск, чуть ли не в полном составе. Да, как всё же ценят в спецотделе соратников по алкоголю! Не успел с утра подлечиться – как попёрлись за добавкой. Ничего, теперь колёсами вооружен, раз веселая компания – можно хоть цистерну вылакать. Очень рады, может, всё же содохнет? Завтра – подарок: пришла на работу, а тут выплата зарплаты. Спасибо, Дарья Игоревна, отработали на славу, но за неимением лица, в чьем лице представлено ваше начальство, получите, распишитесь, за труды вам благодарны. Посещение похорон – произвольная программа. Будете у нас на Колыме, то есть в Мурманске – (и то, и то ведь за Полярным кругом?) – милости просим!

Вечер. Пустота. Даже злорадства не осталось. Устала. Злиться, вытравливать гнома, мучить себя и бедного карлика. Он ведь не виноват, что родился уродом. Все вокруг Даши – уроды, кроме папы и святой троицы: Рябкова, Серёги и Игоряши. Как хорошо, что они скоро встретятся. Серёга бейс-клуб развил до Байконура, вот уже год как стал заниматься направлением по прыжкам с веревкой. На бейсе много не заработаешь, это только для своих, для экстремалов. Кто станет массово прыгать с парашютом с объектов ма-

лой высоты? Никто. Только фанаты. А вот роупджампингом и обычные люди занимаются, так что можно хорошо подзаработать. Наконец-то и она напрыгается в волю. Давно это было в последний раз. На веревке – самый мягкий для скелета способ покрутить четверное. Интересно, сможет? Ведь столько лет прошло... На батуте нельзя... А как бы хотелось...

Надо снотворное принять. Хоть выспаться по-человечески. Завтра ведь прыжок.

10. День двенадцатый. Пятница, шестнадцатое декабря

Ни одна собака из мурманской делегации не зашла и не поблагодарила ее за труды. Это, конечно, было просто свинство. Нет, Даша привыкла к тому, что в корпорате работают свиньи. Все они только о себе любимых думают, оставаясь уверенными в том, что остальные люди на планете пришли в этот мир только для того, чтобы обслуживать их поганые интересы, но с таким грандиозным свинством даже она со своим опытом столкнуться не ожидала. Стало обидно почти до слёз. Нет, она, конечно, плакать не будет, не дожидется, но настроение упало ниже плинтуса. Даже работать не хотелось. Точнее, почти не могло. Смысл был так выпендриваться? Три дня париться о меню, согласовывать сменность, организовывать выход передовых сотрудников под спецмероприятие, подтягивать все свои лучшие контакты, если никто этого даже не заметил! Проще было просто взять и вызвонить те кабаки, в которых обычно зависали Маслаченко с гадом, когда Мурманск приезжал в Москву. А если бы там оказался резерв, то просто подтянуть севмóровский список. Он ведь у Даши тоже давно был. Весь процесс занял бы у нее от силы полчаса. А так она занималась этим полтора дня. Какие же они все неблагодарные свиньи...

И полные кретины: не понимают, насколько сильно такое отношение демотивирует. А ведь это и им не идет на пользу. Потому что время они сто пудов провели прекрасно. И в следующий раз снова бы не отказались. Да вот только не будет этого. С таким отношением никто никогда не станет ради них запариваться.

Хотя... С чего Даша взяла, что это кого-то волнует? Никто не расстроится: у них и так уже отработана схема загулов, чем она плоха? «Подруга милая, кабак всё тот же, всё та же дрянь красуется на стенах, всё те же цены. Лучше ли вино? Не думаю, не лучше и не хуже...» (прим.: стихотворение И. Бродского). Да им пофиг, их всё устраивает! Они так десять лет приезжают, и еще десять лет будут приезжать. Нафига им разнообразие? Что, дофига развитые? Свиньи есть свиньи. Им главное – лужа. А состав грязи вообще по барабану.

О-о-о, какие люди! Гляньте-ка, гад припёрся! С эскортницей, видимо, больно первосортный у той вид... За талию держит. Даша, даже не бросая на них прямого взгляда, так, искоса, краем глаза видит. Пальто снять помогает. Витязь тридевятого царства тоже нашёлся... А какая чернобурка у нее на каракульче! Даша всю жизнь о такой мечтала, по сильнее даже, чем о Романе Чернышеве, правда, тогда о существовании последнего еще не знала...

А ведь это его жена... Даша по голосу узнала... Да, без иронии, нет настроения шутки шутить. Женщина потрясная. У него хороший вкус. Непонятно только, зачем с такой раз-

водиться. Чего еще этому странному мужчине в жизни не хватает? Может, просто секса на рабочем месте? Так пусть жену к себе в секретарши устроит, сразу проблема решится. Все будут счастливы. И в стране сохранится еще одна ячейка общества. Пусть почаще к Даше обращаются, она – кладезь восхитительных идей.

Попросил принести кофе. Встала, приготовила. Две чашки, по количеству персон. Зашла и... к полу присохла. Наверное, с полминуты не могла оторвать глаз. Сердце, зачем ты качаешь кровь? Останови бессмысленный процесс!

Роман Сергеевич обнимал жену, любовно сжимая одной ладонью голову, другой спину. Он держал ее бережно, осознанно и серьезно. Это Даша чувствовала даже на расстоянии. Его руки не впивались напряженно, как это было с ней. Они перемещались медленно, с умиротворением и лаской. Двое целовались.

Это было так красиво, что Даше захотелось заплакать. Она представила, как, должно быть, гадко та же самая сцена совместного поцелуя с этим мужчиной смотрелась у него с ней. Одухотворенное чувство и дурную похоть нельзя сравнивать. Это – экстремумы, настолько далекие друг от друга, что один в другой никогда не превратится.

Даша донесла чашки до стола и поставила их на стол. Не производя ни звука, она вышла и закрыла за собой дверь. А дальше начался ее персональный ад...

Нет, никаких пошлых выкриков, стонов, шлепков о ко-

жу, скрипа мебели. Этот человек всё умел делать красиво. Даже вынимать сердце из ее груди и пожирать чайной ложкой по маленьким кусочкам. Эстетика каннибализма, непревзойденное мастерство... Они спали друг с другом, в этом не было никаких сомнений. Это стало понятно по слабым отголоскам ее шепота из-за закрытых дверей, паре вырвавшихся возгласов, которые было невозможно сдержать. И по едва уловимому хрипу Романа – вероятно, так он всегда кончал. Конечно, это всё еще могла быть ошибка, вдруг Даше просто послышалось, но... тихое восторженное журчание смеха его жены не оставило никаких сомнений: за закрытыми дверями кабинета только что произошла близость между мужчиной и женщиной. И близость эта была прекрасна. Звуки порой красноречивее слов. Они рассказали об этой паре всё.

Даше захотелось умереть. Нет, не фигурально, в прямом смысле. Чтобы у нее просто остановилось сердце, и она, безжизненная, упала на свой секретарский стол. Слез не было. Было ощущение, что ее только что... растоптали. Пустота. А в ней нет места ни для чего, даже для слез.

И Дашу озарило: она любит этого человека. Вот как это называется. Злость, злословие, злорадство и что там ещё есть в словаре от слова «зло», ирония, сарказм, бесовство, которые все эти дни владели ее сознанием безраздельно, всё это были лишь средства и методы скрыть разочарование от того, что Роман так с ней поступил. Попытка бегства от себя. Способ уйти подальше от той черты, возле которой лежала

наущная реальность: она любит его, а он её лишь попользовал.

Но всё это можно было пережить. Роман продолжал смотреть на Дашу, она чувствовала его взгляды, а, значит, и интерес к себе. Да, пусть лишь сексуальный, но это было хоть что-то. Ведь она всё еще оставалась последней в его списке. А, может, и первой. В общем, других там не было. До этого момента, который всё изменил.

Реальность, которую Даша только что практически видела своими глазами, была неумолима. Она не долетела до нее в виде каких-то слухов, людской молвы, черного гона. Нет. Даже сделай он это на ее столе, возможно, впечатление было бы меньшим. Роман выглядел бы мерзко. Но таинство, произошедшее только что за этими самыми дверями, оставившее полную свободу для ее фантазии и, таким образом, делавшее всё происходящее там чем-то почти сакральным, произвело на Дашу самое сильное впечатление в ее жизни. Это переплюнуть было невозможно.

Двери раскрылись, женщина выплыла. Даша уткнулась в монитор. Она не сдвинула зрачков ни на микрон. Косые взгляды тоже остались в прошлом. Даша умерла. За монитором сидел труп. Роман вышел вслед за женой и проводил ее к лифтам. Вернулся. Немного медленнее обычного прошел через холл приемной, дверь кабинета оставил открытой. И всё смолкло. Полная тишина. Даша не помнит, как она работала до четырёх.

Очнувшись в десять минут пятого, она поняла, что так больше не может. Еще минута, и что-то случится. Если она тут же не встанет и не уйдет отсюда, с ней буквально физически что-то произойдет.

Вошла. Глаза в пол. Не может на него смотреть.

Сказала. Спрашивает. Не понял ещё, что это бесполезно? Если она в первый раз не ответила, то не ответит никогда. Снова спрашивает. Отвернулась. Вернулась к себе за стол.

Подошел. Снова тот же вопрос. Объяснила: ответа не будет. Моралист проснулся. Неприемлемо она себя ведёт. В чем же это выражается? Даша трахается у него на столе со вторым замом, пока он сам себе готовит кофе, потому что она, его секретарша, не умеет? Ах, нет? А ей казалось, что неприемлемо – это что-то в этом роде. Спать с другой у нее на глазах после того, как недавно он делал это с ней. Но о чем она? Ему можно. Во-первых, он здесь босс, с кем хочет, с тем и спит, к тому же это его жена. Во-вторых – он мужчина. Для них спать со всеми подряд – почётное дело. Это женщине так делать не пристало. Тут же превращается в шлюху.

Даша устала. Она посмотрела ему в лицо и сказала ВСЁ. Роман замер. В глазах мелькнуло что-то вроде... обиды? Разочарования? Ей это снится? Этот зверь в человеческом облики еще на нее обижается? Ему психиатру не пора показаться? Нет, поздно, такая форма – это хроническое.

Невозможно поверить. Нет. В степень глубины размера форм человеческой неадекватности порой просто НЕВОЗ-

МОЖНО ПОВЕРИТЬ!!!!!!

Отпустил с работы. Как отчеканил. Нет, реально, он здесь и есть обиженка! Даша даже анализировать не стала. Просто встала, тут же, не раздумывая, и начала собираться. А этот всё стоит. Хлеба не просит. Так и будет смотреть, как она одевается? Да, пожалуйста, ей не жалко, пусть смотрит. Наклонилась, застегнула сапоги. Принялась за шубу. Стоит. Повернулась. Посмотрела. Нет, и правда, просто интересно, что происходит в этом помещении... Он жену только что при ней отымел, а теперь стоит здесь столбом и в глаза ей заглядывает?! Еще только собачей преданности во взгляде не хватает! Для того, чтобы до конца отдавало Сальвадором из дальней Дали́. Может, это ей показаться психиатру? С ней точно что-то не то всё последнее время. Лет так эдак двадцать шесть без малого. Ведь если ты всю жизнь – красotka, а все вокруг – неадеквататы, то, скорее всего, неадекват здесь как раз именно ты.

Ушла. А он так и остался на том же месте. До утра понедельника стоять собирается?..

Поехала обедать. Поздний полдник. Голодная. Даже странно почему, ведь только что умирать собиралась. И даже, возможно, была мертва какое-то время. Ничто воскрешения не предвещало. Но странное поведение этого перепадошного пробудило исследовательский к жизни интерес. Нет, Даше точно еще рано уходить с этого света. Если и она не сможет разобраться, какого фи́га здесь творят люди, то то-

гда уже никто не сможет... Ни о чем думать сейчас не хочет. Просто поест, а то совсем оголодала, и поедет к своим любимым ребятам. Слава богу, остались последние пережитки адекватности на этой земле. Трое в одной лодке, не считая ее, собаки...

Как же ласково... Эти объятия... Будто в шелк укутали, мышцы сразу расслабились. Смех, такой искренний, ни намека на фальшь или натянутость. Как дома. Даша снова дома. Как же она по ним соскучилась!

Было еще несколько человек из Серёгиного бейс-клуба. Но троих, среди которых была она сама, пропустили первыми, как только отсняли контент-ролик для зимнего сезона. Даша прыгнула два раза.

Это было так:

Поток хлестал морозом по щекам.

Сгруппировалась: тело помнит, ему всё равно, сколько лет прошло, и как болезнь прогрессирует. Оно всё еще вечно молодое, вечно пьяное. Его прёт от удовольствия контроля и управляемости.

Или это ощущения мозга? Оттуда сигнал? Тогда вообще порядок, то место единственное у нее не болеет... Хотя тоже вызывает сомнения. Даша в последние недели успела заболеть и там. Вот даже во время прыжка опять на секунду мыслями к нему вернулась. Когда успела? Ведь только тре-

тый оборот проворачивает. Концентрацию потеряла, четвертый не докрутила.

А потом она повторила прыжок. Мыслей не было. Все ушли в первый выброс. А сейчас осталась голая эйфория. Ощущение свободы, полёта.

Закрутила. Вот винт. Вот вам сальто. Раз, два, три, вот и в четвертый заходит. Есть, четвертый!

Сверху и снизу крики. Радуются... Будто за себя самих... Милые ее ребятки... Больше всех голосил, конечно, Ряба...

Стравили. Отстегнулась. Обнялись. Пашка рад как ребенок. Будто от этого четвертого оборота что-то зависело. Полноценность ее, что ли. Возможно, так и есть. Но она точно рада тоже. Обняла крепко. Какая нега по телу!

Спустился Серый. Подмигнул. Подколол. Всё же он навсегда ее заноза. Ущипнула за щеку. Жёны – дома, ревновать некому, можно Даше поластиться к трем ее мушкетёрам.

Поехали в клуб, куда обычно. Сели, еды заказали. Никто из четверки не пьёт, а стол надо отбивать, поэтому ели много.

И Даша вспомнила про новый альбом Игоря. Тот в последние годы круто поднялся в плане музыки. Песни его даже брали в ротацию радиостанций. Даша не слушала радио, но его песни хотела, поэтому спросила у Рябы. Тот дал названия трех последних. Игорёк даже на английском стал пи-

сать. Даша скачала и... заслушалась! Это было так круто, так мелодично, а в текстах столько тайного смысла! Какой же он, тихоня, оказывается, стервец, талантливый! А ведь так никогда и не скажешь! Решила сделать ему сюрприз: пригласила на танец всех троих. Серега отказался, остался стол сторожить. Подошла к диджею и заказала: Cruel Intentions. Но предупредить не стала, что автор здесь, в зале. Иначе Игоря порвали бы на части. А он такой скромный, что был бы не в своей тарелке.

Когда услышал, что заиграла его песня, вдруг улыбнулся так по-домашнему уютно, что Даше показалось: они все не расставались, так до сих пор и гуляют по ночному московскому бульвару...

Когда песня кончилась, ребята стали прощаться. Нет, расставание всё же было. Она уехала, ребята остались. Женились, теперь все семейные. Счастливые люди! А она вернулась – никого рядом. У них свои жизни – у нее своя, которой нет.

Улыбнулась, хоть так хотелось заплакать. Но грузить трех самых близких и таких далеких не хотелось. Поцеловала каждого, а с Рябой долго обнимались. Ушли. Стол пустой. Она осталась. Идти некуда, не к кому, а, значит, не за чем. Будет танцевать сегодня до упаду.

Шея окружность очертила.
Руки сверху дождём выпали.

Корпус обвили. Ласкают.

Больше ведь некому. Сама себя ласкает.

Нога направо, воздух захватила.

В ускоренье закрутила –

на одной ноге закружилась вокруг своей оси.

Быстро. Вдруг остановка.

Ногу выбросила, к земле носком развернула.

Резко ко второй – обратно. Угловато. Прямолинейно.

Плечо вверх, второе вниз. Плечо вниз, второе вверх.

Ломаная линия. Диагональ.

Руки в космос. Руки-плети. Руки никогда в состоянье покоя.

Колено согнула, вниз за чашкой к земле поползло.

Рукой по ноге ласково провела, никто ведь ее не ласкает.

Между ладонями с силой бедра зажала. Проскользила.

Сама себя будет ласкать...

Вдруг... Нет, наваждение. Просто переволновалась сегодня... Нет. Не переволновалась. Андрей. Подошел. И сразу на близость переключился.

Противно. От прикосновений тошнота подступает. На ухо какие-то пошлости говорит, лишь отвращение усугубляет. Руки его с себя сбросила. Опять липнут, как сгнившие тряп-

ки. Даше кажется даже, что так же воняют.

На пределе. У любого ведь есть предел. Черта. Когда к ней подходишь – всё, конец, не вернуться обратно. Как сегодня, когда в офисе сидела. Четыре часа десять минут – черта. Если звякнет четыре одиннадцать, где-то в теле что-то лопнет, и оно уже не будет больше прежним. Вот сейчас – один в один. Если она не сделает чего-то, то произойдет непоправимое. Нет, она не знает, что именно. Понимает только, что назад дороги для нее не будет. Сердечный приступ, убийство человека, ограбление банка. Что-то случится. И она должна этому помешать.

Нашла решение. Вспомнила про того, кто больше всех на нее облизывался. Как кста́ти, что сегодня он оказался еще и самым крупным в зале. Андрей – кусок психа, к тому же любит помахать кулаками. С таким справиться сможет только кусок, сильно превосходящий его по размеру.

Нашла. Выцепила. Предложила. Согласился.

Двинулись. Вошли. Снял штаны. Вынул орган.

Дашу чуть не вырвало.

Нет, орган был нормальный. Ничего необычного. Ненормальная была она. Ее методы остаться в живых на этой планете стали сверхъестественными... И Даша больше не была уверена, что всё же осталась. Возможно, днём за монитором всё-таки уже сидел труп.

В дверях мелькнул Андрей, но тут же отскочил как об стенку горох. Медведь приложил Подколзина лапой, ему

сейчас всё было безразлично, Андрей, горох, стенка... кроме цели, которая находилась в Даше.

Вошел. Стал двигаться. Какая же она грязная сучка... Никому не нужная, кроме всякого человеческого сброда.

Жалкая. Злобная. Неудовлетворенная.

Всем миром недовольная. Все у нее гады.

Мелкая. Опустошенная. Несчастливая.

Оттого и такая злая.

Никому. Никогда. Ни на месяц.

Только...

на раз...

Даша не поняла, как заставила слёзы закатиться обратно. Или две всё же вылетели, когда незнакомец в последний раз вколотил в нее унижение. Наверное... ведь слезы заволокли глаза, значит уже отделились. А по щекам не покатались, видимо, ударились о стену напротив места ее падения. Там пролились. Вот и хорошо. Нельзя показать Андрею слабость. Он как зверь, понимает только силу. Если зачует слабинку – разорвет ее на части. А она и так уже порвана настолько, что обратно не сшить.

Продержалась. При нем выглядела торжественно спокойной. Он оплатил: теперь переезжает в Москву и больше уже никогда не оставит ее в покое. Прекрасно! Только его она и заслуживает! Достойное завершение самого потрясающего

дня в ее жизни!

Слезы полились еще в машине. На подъезде к дому она уже полноценно плакала. В лифте началась истерика. Только перешла порог дома – захлопнула дверь и сползла на пол.

Так она еще никогда не рыдала.

Это был бурный неиссякаемый поток. Казалось, что всё тело объято огнем. Сердце бесновалось. Дышать нормально не получалось – будто весь воздух кто-то уже передышал, а ей оставил жалкие остатки, минимум для поддержания процессов в организме. Тело ломило, пальцы ныли, стопы резало от боли. Плечи пульсировали горячей лавой, в груди стонало. И голос. Он трансформировался в передатчик боли. Прорывался сквозь горловые спазмы и воспроизводил странные звуки: не то стоны, не то шипение. Вся ее боль, казалось сейчас была заключена в этих звуках. Прерывистая. Непостоянная. Но такая невыносимая, что каждый ее крик отдавался нестерпимыми сигналами нейронов прямо в центр земли – в ее мозг. Невероятно, но факт: человеческое создание действительно может терпеть беспредельную боль. Организм перестраивается и наступает привыкание. Правда, некоторые не выдерживают и у них останавливается сердце. Но только не Даша, у которой нет порога боли. Она его еще в детстве в поле потеряла. Шла, в фартуке несла и уронила. Где теперь то поле? Даже захочет найти – не разыщет. Будет жить. Так как есть. Сколько ни рыдай и ни катайся по полу.

Встала. Господи, как же всё-таки больно! Опять вернулась ее лучшая подруга! Даже ноги переставлять – мучение. Всё болит, каждый член, каждая клетка. Анатомию можно не учить. Она о себе каждую секунду напоминает.

Где таблетка... А, вот... Здравóво, гномик! Давно тебя не было слышно! Заходи, садись, гостем будешь... Вместе будем трындеть о невыносимой жестокости бытия. Ты – урод, и я – урод, мы с тобой как брат и сестра. Располагайся... Хотя, ты ведь давно уже здесь... Это я только сегодня заметила...

Всю субботу провалялась в постели. Таблетки – по будильнику. Три раза в день. Вечером доползла до холодильника. Там был творог. Съела. И выпила сок.

Снова диван. Снова слезы. Тихие. Уже без истерик. На последнюю тоже нужны силы, а их в Даше совсем не осталось.

Заснула. На снотворном, конечно. Проснулась. День. Глаза открыла – вспомнила, кто она. Снова слезы. И так почти до вечера. Стало темнеть – кончилось. Всё когда-то заканчивается. Ничего в душе не осталось. Даже слёз. Пустота. И боль, только фоном. Два дня приема таблеток сделали свое дело. Пустота. Безысходность. И боль. Невозможность изменить хотя бы что-то. Андрей из Москвы не уедет. Работу Даше так и не предложили. Хоть недавно еще раз резюме разослала. В СевМоре осталось ровно две недели. Зарплата. Поезд? Другой город?

Не дождутся. Какая им разница? Она всё равно уже труп. Даже для секса негодна. Могут проверить, сразу желание

пропадёт. Отработанный материал. Такой даже трахать никто не станет. Так что нет, она оставит всё как есть. Получит расчет, забурится к себе в берлогу и продолжит отсюда искать работу. Выйдет на новое место – тогда будет что-то решать с Андреем. Прятаться от него вечно не станет. Но всё по очереди. Сначала работа, потом Подкожин. Вначале надо уйти из СевМоря. Там проблема на порядок страшнее Андрея. И решать всё это одновременно у Даши просто не хватит сил.

11. День пятнадцатый.

Понедельник,

девятнадцатое декабря

Утром ничего не произошло. Пришла на работу. Боль фонила, но двигаться не мешала. Роман Сергеевич пришел как обычно. Приступили к работе. Готовились к Риму. Телефон не смолкал. До половины четвертого было много встреч, сплошные хождения в кабинет и обратно. Обед опять пропустила. Достала из сумки булочку – утром купила в круглосуточном. Съела, запила водой. Теперь нельзя пропускать еду, таблетки ведь принимает. Иначе еще желудок посадит, единственный здоровый орган. Только этого еще не хватало.

Папа названивает. Опять. Так весь день. Ведь она за выходные даже ни разу ему не позвонила. Не смогла бы разговаривать, потому что как только услышала бы родной голос, тут же разрыдалась бы. А он бы забеспокоился, чего доброго, еще приехал бы. И так еле за выходные собрала себя по кускам, так если бы еще и папа нарисовался, совсем страшно себя жалко бы стало. И тогда к утру бы точно не успокоилась. А так вроде ничего, сойдет. Будто ничего и не случилось. Стол, компьютер, Роман Сергеевич. Стол – с мраморной поверхностью, компьютер – последней модели, Роман Сергеевич – тоже. Хотя нет, таких моделей не производят. Он единствен-

ный на планете. Красивый, безжалостный, недостижимый. И хорошо. Так всё останется еще на две недели. А потом Даша уйдет, и он примет на работу следующую секретаршу. И всё у него начнется заново. А у Даши уже кончилось. И хорошо. Хоть какая-то определенность в жизни.

Решила всё же позвонить папе. Нельзя так с ним. Он не виноват в том, что у нее вдруг вся жизнь сломалась. И знать ему об этом – лишнее. Но надо успокоить единственного в целом мире родного человека.

Нашла узенький коридорчик – давно присмотрела. Там в конце – в тупике, возле технички – узкое окно от потолка до пола. Даша всегда любила окна в полный рост. Из него вид на Москву. Туда, в горизонт, в бесконечную жестокость бытия.

Набрала номер. Взглянула на небо. Оно пёстрое, красивое. И не подумаешь, что на кого-то вроде нее может навевать такую тоску. Папин голос. Он раздражен. Волнуется.

Стала оправдываться. Хотя... Как тут оправдаться можно? Что, у нее не было ни одной свободной минуты за все выходные? Бред. Он понимает. Она понимает. Но оба делают вид. Потому что понимают друг друга. И знают. И любят. Так бывает только, когда есть любовь.

Вдруг тепло за спиной. Резко обернулась. Оторвала телефон от уха, вызов сбросила. Он. Близко. Сантиметров пятнадцать между ними. Сердце тук-стук, тук-стук... Ну как так? Почему каждый раз непослушное? Выдает ее с головой. Что она любит его безумно и ничего поделать с собой не может.

А он видит – и топчет, наслаждается. В какую немислимую дуру превратилась?

Отодвинула. Хотела между ним и стенкой просочиться. Схватил за запястье. Господи, как одно прикосновение жжёт! Ладонь – тёплая, а от тела пахнет всё также. Будто по лесу гулял всё утро, а не переговоры переговаривал.

Сглотнула. В шее пульсирует, в горло отдаёт. Голос бы послушался... Твёрдости в тон напустила. Вроде естественно вышло. Попросила отпустить. Шёпот на ухо. Боже, как же он это делает? Одной фразой пустые надежды воскрешает. Будто она ему всё еще интересна. Мурашки. Сейчас себя окончательно выдаст.

Не успела. Отпустил. Вышел. Дождлся. Вспомнил, что она секретарша, главная обязанность – это кофе. Что ж, так и есть. Кофе так кофе. Прошла за ним. Приготовила. Отнесла. С ним в дверях разминулась. К столу вернулась. Замерла на секунду, не дойдя пары метров: на крае ее стола сидит. Смотрит. Как всегда. Как тогда. И тогда. И тогда. Что в глазах? И какого же они всё-таки цвета? До сих пор так и не поняла. Будь, что будет. Всё равно, если падать, то только с ним...

Но сегодняшнее падение с Романом стало еще одной точкой на прямой, обрушивающей ее вниз. Еще вчера Даше казалось, что падать ниже было уже некуда. Но оказалось, что это только казалось.

Механическое. Без чувств. Она – тренажёр для разгрузки.

Усадил. Задрал. Сдернул.

Расстегнул. Вынул. Начал.

Бедра сжал. В глаза смотрит. Даша ничего не чувствует.

Схватил за волосы. Оттянул. Снова боль начала стекать

вниз по мышцам...

Вдруг остановка. Неужели что-то забрезжилось? Звери в образе человека тоже иногда что-то улавливают?

Развернул спиной к стене. Впечатал.

Руки сковал своими. Ладони горячие.

Весь горит, а так не скажешь. Роботы ведь обычно холодные, металлические.

Продолжил. Теперь стало больно. Все мышцы заныли.

Отвернулась. Начала вырываться. Взял за плечи.

Потом за подбородок. К себе лицом развернул. Смотрит.

Непонимание в глазах. Действительно, что тут происходит? Он – мечта ее жизни. По виду и поведению Даши, конечно, догадался. Потому что сколько ее ни унижай, она всё равно придет на работу. Потому что Роман с ней может делать всё, что душа пожелает, а она подчинится и стерпит. Ведь у Дарьи Черновой в жизни осталась одна радость – побыть при нем хотя бы еще две недели. В любом качестве, коврик, подстилкой, влажной салфеткой. А сегодня вот резиновой женщиной. И это, конечно, очень странно, что при этом она не кричит от восторга. Удивляет его этим очень. Вот и смотрит, никак вкурить не может, что происходит.

Точно, именно так всё и оказалось. «Ты же хочешь», гово-

рит. «Не обманешь». И продолжает, настырно, как свай забивает. В висок уперся, дышит, да что же ему так небезразличен ее висок? Может, это фетиш такая? Специализируется по вискам? На секунду показалось даже, что поцеловал. Будто чувствует что-то, призрак бесчувственный.

Замер. Стоит. В висок дышать продолжает. В плечи вцепился. Забыл, что надо отпустить. Даша ждет. Сколько нужно. Пять секунд, десять. Про себя считает, когда кончится эта мука. Полминуты. Всё тело болит, каждая мышца ноет. И плечи под его руками как будто сейчас разорвутся. Она терпит. Зубы сжала. Ждет, пока отпустит. Минута прошла. Хватку ослабил. Тут же выскользнула. Где здесь салфетки для салфетки? Роман ею подтерся, она – ими. Круговорот салфеток в здании СевМорНефти.

Ушел. Но тут же вернулся с салфетками. Напомнить ей, кто она всё же такая. Не стоило, она сама прекрасно помнит. Что же, пусть стоят, хлеба не просят.

Опять ему кофе. Сделала. Принесла. Огробла еще больше. «Пей таблетки» – говорит, резиновая кукла...

Как до дома? Когда? Во сколько? Ванна. Вода. Но как можно от такого отмыться? Та, кто стала шлюхой однажды, останется ею навсегда.

12. День шестнадцатый.

Вторник, двадцатое декабря

Даша даже не может вспомнить, что там было утром. Одна суматоха. Один Рим у всех на устах. Это спасло. Помогло забыться.

День пролетел как минута. На Романа ни разу не взглянула, они были заняты разными делами. Он – из кабинета не вылезал, она не слезала с телефона. Из состояния забытья ее вывел щелчок дверного замка. Посмотрела на часы. Прислушалась. Тишина. Видимо, из кабинета Романа все давно ушли. Подняла глаза.

Смотрит. Как вчера. Понятно... Надолго о том, кто она есть, Роман ей забыть не даст.

Встала. Подошла к стене. Закрыла глаза. Всё равно ничего изменить нельзя. Всё тело болит, она сейчас не в том состоянии, чтобы сражаться с демоном.

Ждет. Подошел. Прикоснулся. Боже, как нежно! Никогда так не прикасался.

Распустил волосы. Нет, у него точно фетиш! Без этого не стойт? Нет, у него всегда́ стоит, он таким из матери вылез. Тогда что ему надо от ее волос?

Руками провел, макушка мурашками покрылась.

По шее. По ключице. Везде мурашки. А Даша уже дума-

да, что после всего, что было, она никогда не сможет откликнуться на него муравьями.

Поцеловал. Боже, как чувственно он это сделал! Словно любит ее, словно всю свою жизнь только Дашу одну и ждал! Захотелось заплакать.

А он продолжал целовать. Это был самый прекрасный поцелуй в ее жизни.

Развернул ее лицом к стене. Прошелестел вниз по платью. Медленно, нежно, едва касаясь. Ноги под юбкой обнаружил. Их стал любовно исследовать. Мурашки уже жили своей отдельной жизнью. Как же Даша снова его хотела! Даже боль почти ощущать перестала.

Роман уловил и пошел ей навстречу. Он же – даритель надежд, исполнитель желаний. «Я непредсказуемый, но так тоже умею», прозвучал его шёпот. Он – мерзавец, который, наверное, каждую свою любовницу заставляет чувствовать то, что сейчас было с Дашей. Верить, что она – и есть та самая. Как тогда, с женой. А теперь здесь, с ней. Человек-настроение. Сегодня – оно романтическое. Даша резко открыла глаза. Оргазм был уже на подходе. Был да сплыл. Роман кончил.

Он долго не разжимал объятий. Ладонь скользила по ее ноге, потом спине; тихое дыхание блуждало где-то в ее волосах. И мелкие поцелуи. Ей казалось, что это были поцелуи. Нет, не казалось: Роман добрался до шеи, носом сдвинул волосы и приник к еще вибрирующей жилке. Последнее прикосновение стало самым чувственным даже в этой сцене. Он

сделал глубокий вдох, а потом его голос слегка завибрировал на выдохе. Роман разжал руку, которой всё еще обнимал Дашу за ногу, поднял ее и убрал оставшиеся возле ее шеи волосы. Поцеловал еще. И еще, и еще. А потом прочертил на этом месте что-то своим пальцем. Даше показалось, что это была первая буква ее имени. Она сглотнула и отвернулась. Момент кончился. Роман понял это и выскользнул. И ушел в кабинет.

Даша быстро собралась и покинула приемную, чтобы больше его сегодня не видеть...

Ночь прошла в терзаниях. Терзала боль. Терзали сомнения. Но больше всего терзала злодейка-надежда, так и норовившая поднять свою голову. Неоднократно отрубленную ранее. И приставить ее к телу Даши, находящемуся на последнем издыхании.

13. День семнадцатый. Среда, двадцать первое декабря

С утра он подбросил лесопилку в топку ее разгорающейся надежды. Чуть ли не с порога налетел как шквал. Замер. Взял за подбородок, посмотрел. Такими взглядами Романы не балуют, самомнение не разрешает растрачивать их впустую. И сегодня он потратил один такой на нее. А потом поцеловал. Поздоровался так. Думает о ней, видите ли! И снова улетел. Но ненадолго. Кофе опять ему понадобился. Нашёл себе тоже любимый напиток. Второй после коньяка.

Принесла. Встал, прижал к себе. И опять поцеловал, только... в щёку! Настроение, говорит, хорошее. Ей это только что приснилось? Роман Чернышев поцеловал ее вот так просто, как это делали только Рябя и Серёга? Даже Игорёк так не делал. И улыбнулся. Широко, беззастенчиво. Какие красивые у него всё же зубы... О чём вообще мысли, Даша проснись!

И глаза. Наконец, она цвет разглядела. Впервые окно так близко и свет достаточно яркий. А то они же с ним всё время только в темноте всё делают. Ночная всё же он сущность. Луна.

Синие. Они синие. С льдинками. Роман Чернышев – Заполярье.

Летучий явился. И тут вообще просто цирк начался. Нет, этот человек никогда не перестанет ее удивлять...

Ушла. Работать надо. А невозможно ведь теперь. Улыбка на лице. И это после всего того, что он с ней делал всю последнюю неделю? Как возможно? Она больная? Точно. Причем неизлечимо. Опять о нем мечтает. Прямо здесь. Вместо мыслей о работе. Сидит и мечтает. И улыбается. Неиссякаемый источник жизни человека – надежда, снова бейсбольной битой громит гнома по его жестокосердному тельцу. Которое опять сделалось таким маленьким, что лишь волшебная сила надежды умудряется не промахнуться по объекту такого ничтожного размера. Как же всё же сильна в Даше потребность быть счастливой! И желание жить.

Они переглядывались весь день, когда видели друг друга. Это случалось нечасто, конференций на этой неделе не было, совместных совещаний сегодня – тоже. Но Даша снова стала на него поглядывать. В основном, когда он не видел. Роман улыбался одними краешками губ. Как будто знал, что она смотрит. А два раза ее поймал. И улыбнулся сильнее. А раз – подмигнул. Надежда – компас земной.

14. День восемнадцатый. Четверг, двадцать второе декабря

Ночью немного удалось поспать. Мешали мысли о Романе. Точнее, мечты о нем. Мышцы опять жгло. Непретворённое в жизнь желание. Оно медленно сжигало изнутри.

Утром пришла как обычно. Роман Сергеевич в офисе не появился. Весь день шефа прошел в разъездах.

По телефону только слышала его голос. Один раз он назвал её Дашенькой.

Когда Даша не видела его, было гораздо проще начать с собой договариваться. Гном тут же перешел в наступление: мечты – пустое, болезнь – сущное. Мышцы болят. Уже все мелкие суставы крутит. Если этот нервный котел, в котором Даша варится вот уже три недели, продлится еще хотя бы в течение нескольких недель, то организм просто не выдержит. Еще немного и снова заболят колени. Роман Чернышев – недостижимая вершина для таких, как Даша. Ему никогда не будет нужна больная женщина, его окружает достаточное количество здоровых и успешных. И Даша прислушалась. Всё же гному всегда хватало рассудительности. В отличие от нее самой. Дарья Чернова была слишком эмоциональна.

Вечером встретилась с Леночкой. Еще одно полено в

нервный костерок. Даша чуть не расплакалась от того, как ее тронула эта встреча и реакция на ее подарок обычно такой сдержанной Лены. Эта скотина Подкожин даже без физического своего присутствия умудряется подпортить ей жизнь. Из-за него Даша вынуждена столько времени избегать встреч с Леной, с отцом, обречь себя на одиночество и постоянные мысли о Романае, от которых и отвлечься стало нечем. А теперь Андрей вообще взял и нарисовался. Даша его чуть не убила, когда он завёл свою шарманку прямо при ребенке. Никаких у него представлений о совести нет. И граней. И пределов. Потому что он – беспредельщик. А такие плохо кончают. Однажды и на него найдется беспредельщик покруче. Очень возможно даже, что это будет она сама. Но не сегодня. Сейчас ей уже надо возвращаться, скоро вылет, а еще нужно собраться. Спасибо, что успела перед встречей с Леной и Подколзиным забежать к отцу. Хоть поздоровалась, вещи какие-то еще в машину покидала. Так она незаметно и переезжает на Ходынку. Постепенно.

Уехала, как только дождалась, что Леночка в подъезд зашла. С места рванула, чтобы не догнал. Не успел.

Ночь прошла в самолёте. Рейс был на стыке дней. Роман прикоснулся к щеке, считая, что она спит. Спарринг гнома и надежды теперь превращался в еще одну норму жизни Даши. Будто и без того в ней не хватало проблем.

15. День девятнадцатый. Пятница, двадцать третье декабря

Ночью снова почти не спала. Воспоминания обо всех последних днях так будоражили, что были несовместимы со сном. Даже снотворное принимать не стала. Вряд ли оно бы подействовало. Даша совсем запуталась...

Она хотела Романа. Но не должна была. Каждый новый эпизод между ними эмоционально заводил во всё большие дебри, и она понимала, что эта связь, которая возникла внезапно и так ее подавляла, была опасна не только морально, но и физически. Она могла усугубить ее болезнь. Ведь когда-то раньше Даша не представляла себе жизни без спорта. Его оторвали от нее варварски, выкорчевали из души, оставив там на всю жизнь невосполнимую рану утраты. Но Даша смогла это пережить, хоть тогда ей и казалось, что это никогда не будет возможно. Врач объяснил, что она должна выбрать, что важнее – сохранить дееспособность или стать чемпионкой. По сути, тот же выбор стоял перед ней и сейчас: жизнь без Романа или медленная, мучительная, но неизбежная смерть. От перепадов его настроения. От непостоянства, ветрености. Тотальной занятости. Он ведь посвятил себя работе, ничто в его жизни никогда не выйдет на первый план. Женщины – приходят и уходят, но бизнес остаётся неизмен-

ным. А с той степенью плотности событий, как всё развивалось у них, тут и по срокам оставались вопросы. Если это будет продолжаться также стремительно и душераздирающе, то смерть Даши может приблизиться гораздо быстрее. У нее уже стали поднывать коленные суставы. Нет, они еще не болели. Тем не менее это был буквально следующий этап.

Но как ей справиться с собой, если каждое новое прикосновение Романа поднимает такую ответную волну, что это невозможно скрыть, а он, чувствуя ее реакцию, лишь удваивает старания? Всё, что она может – лишь бездействовать, но даже это удается делать всё реже и реже. Роман прекрасно видит, как Даша горит, и не оставляет попыток упрочить своего положения в ее сердце, чего вообще-то не требуется. И так везде один сплошной Роман Чернышев. Возможно, он всё еще этого не понимает или сомневается? Оттого так и старается проникнуть в ее душу еще глубже? И что с этим делать? Когда желание любви разгорается с каждым днем всё сильнее, а его настойчивость ломает и самые толстые стены, которые Даша пытается выстроить.

Ответа не было.

Тупик. Капкан. Лабиринт.

И хочется, и колется, и мамка не велит...

Утром он пригласил Дашу к себе в номер, чтобы они поработали. Посмотрел опять, еще даже на порог не зашла, а опять этот взгляд. Совсем... нерабочий.

Прошли в комнату. Опять сзади подкрался. За шею взял. Что он к ней привязался? С первого дня в самую точку попал. Шея – один из эпицентров Даши. Как ему это удастся, считывать ее, будто встроенным датчиком, реагирующим на инфракрасное излучение? Наперед знает, откуда у нее сильнее свечение исходит. Вибрации улавливает.

По животу заскользил, к себе развернул. Хочет. Видно, такое не скрыть. Поцеловал. Даша ответила. Но лишь на встречу раскрылась. Она обещала себе, что не будет активно его поощрять. Хотя бы это слово, данное самой себе, надо было держать. Или совсем в омут сорвется.

Остановился. Смотрит, наверное. Она не знает, потому что сама уперлась взглядом в пол. Просто не может ему в глаза заглянуть. Утонет в льдистой воде, захлебнется от счастья. Но голос Романа не предвещает добра. Напряженный, уставший. Терпение теряет. Не нравится, что в нежность заигрался. Много времени на нее тратит. Натура полезла. Спрашивает: «почему она не отвечает?». Да уж, действительно... Еще несколько дней назад он ею полы вытирал. Только пару дней как вдруг впал в другое настроение. Решил облагодетельствовать. А она, неблагодарная, доброты не понимает. Кочевряжится. Надо же было сразу ему на шею броситься? После первой же перемены настроения господина Чернышева? Ноги ему целовать за щедрость натуры? Что соблаговолил к ней нежно прикоснуться, хоть она, подстилка, для этого изначально и не была предназначена.

Настроение Даши полетело вниз со скалы. Наверное, его отголоски отразились у нее на лице. Потому что Роман снова озверел...

Ужасно... Это было просто душераздирающе. Каждый раз этот вандал в образе человека, забравшего ее сердце, наносил Даше еще более глубокую рану, чем прежде. И каждый новый удар оказывался неповторимым. Она постепенно становилась коллекционером издевательств над собой. Было невозможно представить, чтобы Роман смог переплюнуть себя самого в степени унижения Даши и того ущерба, который ему уже удалось ей нанести. Но он был лидер во всем. Ему каждый раз удавалось и это.

Отвернулась. Чтобы не расплакаться. Не дал. Вернул голову в прежнее положение, смотреть заставил. А в глазах у него, Господи, да какая разница? Что она себе всю душу каждый раз вытряхивает, пытаясь разглядеть там хоть что-то человеческое? Ищет нежность, любовь, или что там еще хочет найти? И находит ведь! Всегда и всему оправдания. Роман – смотрит, Роман – внимателен, Роман – нежен. Что следующее? Он ее любит? Может, грезит ночами об их совместной жизни? Хочет семью и детей, как минимум десять, и все от нее, красавицы-Даши? Что за бред? Почему она постоянно выдумывает то, чего не существует? Ведь никогда же такими вещами не занималась! Она была трезвой, разумной и адекватной. Что с ней сделал этот человекообразный зверь? Где критичность мышления, где взвешенность, логика, в конце

концов? Почему все свои выводы о нем Даша делает на основании каких-то там взглядов? Ей всё время что-то кажется. Потому что хочется, чтобы так было. Но во все времена реальность – единственный аргумент. А в реальности он ее просто пользуется. Причем делает это очень цинично и больно.

Только боль.

В мышцах, суставах, сердце, душе.

Ничего кроме боли.

Вот что этот страшный человек привносит в ее жизнь.

А она всё никак не может от него оторваться.

Нет.

Стоп.

Не дождется.

Она не заплачет.

Он ее слез не достоин.

Кончилось. Ушел. Вскоре вернулся.

Встала. Подмылась. Дошла до комнаты.

Окно. За ним – ее обожаемый Рим. Разве могла она когда-то представить, что этот благословенный город явится в ее жизнь в облики такого монстра-разрушителя?

Небо хмурое. Скоро дождь...

Ушла к себе. Пролистала первые три страницы. Невыносимо. Нет, правда, хоть из окна выбрасывайся...

Вроде в отеле был бассейн. Переделась, надела халат...

Плавала долго. Без остановки. Быстро, порывисто. Ей бы багут...

Помогло. Всю боль из себя выдохнула в воду. Теперь там пусто. Во всяком случае, прошло желание выброситься. Это было хоть что-то. Скоро переговоры. Истерику надо гнать из себя хоть палкой. Спасибо, что подвернулся бассейн.

Вернулась. Приняла душ. Долго мылась. Хлорку с себя смывала, без сомнений, ее, родимую. Долго ведь плавала, вся пропиталась. Уже три недели как погружена в химикаты.

Одевалась долго. Точнее, медленно. В косметичке тот карандаш. Не сломала. С того дня ведь так и не проверила. Подвела глаза. А то бледная как поганка. Даже страшно от собственного отражения в зеркале. Волосы оставила распущенными. Ровно два. Звонок. Он.

Молчание. Вышла. Дошли до лифта. Стоит и смотрит. Даша отвернулась. Но знает, что он смотрит. Не отрываясь. Что-то хочет сказать? Так за последнюю неделю всё, что можно – сказано. И даже всё, что нельзя. Осталось только выкинуть Дашу из окна. Разве что это он ей еще не договорил...

Лифт открылся. Даша встала справа. Он к левой стене прижался. Молчит. Доехали. Вышли. Где-то здесь переговорная. Яркая роза Виттория с порога встречает комплиментом. Ах, итальянцы! Даша уже забыла, какие они. Шумные

и эмоциональные. Ничего не стесняющиеся. Кто из русских встретил бы ее словами «Какая она прелесть – невозможная красавица!»? Нет, Даша знает одного. Себя. Она так делает. И ее никто никогда не понимает. Мужчины считают, что это она так клеится, женщины – принимают за лесбиянку. Нет, они, конечно, улыбаются, но по глазам видно, какие мысли их при этом посещают. Но Даше всё равно. Если она хочет сказать человеку, что он красив, то просто делает это. А что он при этом думает? Да пофиг. Здесь, в Италии, ей будет проще. Переговоры даже могут ее захватить. Это было бы здорово. Надо отвлечься. Любыми способами. Переговоры – лучший из них.

Долгие и очень трудные минуты. Быстрые умозаключения, как всегда, всё решают секунды. Контракт подписан, не стоило тратить на это часы. Даша вспомнила, кто она. Всем в зале пришлось это принять.

Лестно? Нет, Даша всегда знала, кто она.

Приятно? На фоне последних событий как-то потерялось. Она горда? Ей всё равно. Боже, как хочется спать...

Хорошо было бы, если бы ночью она просто тихо умерла. Заснула и не проснулась. Всем бы от этого стало легче. Роману, ей, отцу, Андрею. Разве что три белых коня будут горевать. Но у них жены, так что это не продлится долго. А

отец, единственный, кто действительно будет потрясен, обдумав всё хорошенько, придет к законному выводу: так лучше для всех. И для Даши, и для него. Так легче. А, значит, он это примет. Всегда дружил с головой. Но сама она сделать этого не может. Характер. Поэтому просто помечтает. Говорят же, что мечты сбываются...

Семен не дал поспать. Был бар, где Даша, наконец-то, нашла ответ на главный вопрос, который всё время не давал ей смотреть на происходящее трезво: все взгляды Романа – только о похоти. Просто ее передают разные краски. Он же не собака примитивная, чтобы раскрашивать желание одним цветом. Нет, в глазах то пляшут черти, то сияют звезды, то расцветают фиалки. Но все эти оттенки говорят об одном явлении. Они не о разном, как Даша думала раньше. Вот что ее так смущало и путало. Она думала, что черти – это о страсти, звезды – о романтике, а фиалки – о любви. А на поверку вышло, что всё об одном. Похоть – вот главное божество Романа Чернышева. Он возвел ее на трон и короновал. И вся та нежность, которую он исповедует в последние дни, перемежающаяся отголосками внимания и даже, подобием любви, всё это просто сопровождающие похоти. Ее оруженосцы. Как он сказал? «Не видишь, как я отношусь к тебе? Уже и спать не могу, если не был с тобой. Хочу тебя постоянно. Никого так не хотел». Какая поэзия! А каким голосом сказано! Если не вслушиваться в смысл, то можно даже подумать, что он

руку и сердце предлагает. А как в волосы при этом дышит! Будто и у него душа на части разрывается! Но!! Стоит лишь вдуматься в слова... в их значение... реальное... как все сомнения отпадают. Похоть и ничего больше. А всё остальное – лишь декорации. А как же голову дурит? Ведь за всеми этими украшениями Даша умудрилась упустить из виду самый смысл! Трудно его разглядеть, когда он сер и непригляден, а декорации – столь пышны и грандиозны. Даша очень устала. Видимо, он понял. И отпустил.

16. День двадцатый. Суббота, двадцать четвертое декабря

В номере приняла снотворное. Вскоре уснула. Не помнила как. В голове – ноль мыслей. Пусто. Предел? Нет, это состояние было пройдено еще в тот день, когда она пала в туалете клуба. С тех пор столько воды утекло, что, казалось, и Ниагара снова прошла полный круг. Обновилась. Пока Дашу продолжало стремительно нести к горизонту падения водопада... после которого – конец, обрыв, камни. Но чувств не было. Одна усталость.

Проснулась рано. Роману, видимо, тоже не спалось. Позвонил, едва она закончила сушить волосы. Опять головная боль. У Даши оставалась последняя таблетка. Что ж, отдаст ему. Ей-то зачем? В стенах ее тела всё равно больше уже никто не живет, а так хоть человеку какая-то польза будет. Взяла блистер. Пошла.

Он удивился. Даже показалось, что завис. Неужели доходить что-то стало? Да, Роман Сергеевич, Даша не та, за кого вы ее приняли. Только снаружи кажется, что это тело приспособлено для того, чтобы им каждый день пользоваться. А на самом деле оно – организм, на котором паразитирует болезнь. И уже даже для секса стало почти непригодным. На столько, что и до ручного тормоза долетели какие-то отго-

лоски. Так что похоть скоро придется направить на другой объект. А Даша поможет ускорить этот процесс.

– Я бесплодна.

Пихнула блистером прямо в живот.

– Таблетки возьмите!

Даше показалось, что она так громко это прокричала, что было слышно даже в лобби отеля. И откуда в ее голосе опять взялось столько страсти? Ведь в этом теле уже больше никто не живет? Или всё еще кто-то остался? Так и сидит с чемоданами у порога... Присел на дорожку... И передумал, не смог уехать. Откуда в ней каждый раз берется столько сил для того, чтобы цепляться за жизнь, пусть даже вот такими средствами – криками, яростью, слезами? Это ведь тоже лишь способы борьбы за существование на этой земле. Смерть – она другая. Апатичная. Пустая. Как вчера.

Летели молча. Она отвернулась к окну. И весь полет пыталась разобраться, действительно ли еще что-то чувствует. Или всё. Камни.

Предложил подвести. Нет уж, спасибо, она как-нибудь сама. Скорей бы домой. Там – диван.

Едва зашла в комнату – отключилась. Даже не умывалась, просто сразу легла.

17. День двадцать первый. Воскресенье, двадцать пятое декабря

Проснулась рано. Снова сработал внутренний будильник. Сегодня была годовщина. Ровно год, как не стало Людмилы Борисовны. Слеза навернулась. Даша смела ее.

Встала, позавтракала. В холодильнике оставался холодец – купила перед Римом, чтобы притормозить процессы в организме. Надо было не допустить, чтобы заболели колени. Этот этап был отправной точкой для организма, после него запускались глобальные процессы разрушения, сразу начинали обрушиваться показатели в анализах. Нет, за колени надо было побороться.

Поехала на кладбище. Не доходя двадцати метров до могилы, увидела... Что она там вчера о пределе соображала? Что уже прошла эту отсечку? Тогда, с Подколзиным? Видно, он теперь всегда будет ассоциироваться с новыми отсечками... На могиле Людмилы Борисовны стоял Андрей. Ждал ее, Дарью Чернову, в этом не было никаких сомнений. С самого утра, психопат отмороженный. Он знал, что Даша не сможет не приехать, ведь и так пропустила похороны. Контракт в тот день подписывала, никак не смогла вырваться. И он сразу ее увидел.

Развернулась, пошла прочь. Догнал.

– Куда это ты, мадемуазель? Что, даже память не почтишь?

Руки потянул. Даша размахнулась и ударила его по лицу. Увернулся. Ударила еще. В этот раз попала. Отшатнулся, отпустил. Немного сдал назад, но она чувствовала, что продолжает идти за ней.

Вышла за ворота, направилась к машине. Почти бегом. Ярость, сестра боли, и вторая подруга Даши, стала медленно разрастаться в теле. Очень странное чувство.

Зрение притупляется. Объекты вокруг начинают выглядеть слегка размытыми. Медленно. Настолько, что мозг не успевает понять, что что-то происходит. Будто всё, как и было, но только состояние уже измененное.

Небо постепенно темнеет. Даже в самую ясную погоду. Мозг опять не поспевает, это же может быть неожиданно откуда-то взявшаяся туча, ведь так?

Голова тяжелеет. Наливается теплом. Медленно, сверху вниз. Будто в макушке просверлили дырку и через нее стали заливать теплую воду. Лоб, виски, носогубные складки, скулы, подбородок, шея и так ниже. Заполняется.

Но всё происходит за секунды. Как в замедленной съемке. Это только кажется, что процесс долгий. Ложный эффект.

И вдруг просыпается зрение. Как только тепло заполнило тело. В глазах холодеет, словно их иглы прошили, зрачки фо-

кусируются, видно каждую деталь. Приглашение: вот цель, смотри, не промахнись! И Даша не промахивается. Никогда. В голове тут же калейдоскопом проносится вся история:

Детство – бросок, и чернила стекают по голове Смирнова. Пятна на парте, стуле, полу. Синяя одежда. А недавно еще была коричневой.

Евгения Анатольевна – монолог, что она предательница. Там словами обошлось. Хорошо, что камня под рукой не оказалось.

Рим – пьяный итальянец в сквере. Удар ребром ладони по шее. Лежит на земле, корчится.

Москва – настойчивый приятель ее босса на корпоративе. В туалет проводил. Зажал. Его яйца зажала. Ударил. Сжала сильнее. Крик. Оттащил кто-то. Кастрировала бы иначе.

Ницца – фанатичный дальтоник. Не разглядел, что лютик не сиреневый. Ночью, пока купалась, решил, что так будет проще до нее добраться. Не пострадал. Приступ прошел до того, как успела нанести увечья. Сам остыл. Отвалил.

Четвертый рабочий день у Романа – тогда всё развивалось не по сценарию. Почему, Даша и сама не понимала, наверное, к чувству ярости примешалось неконтролируемое желание, и эта смесь оказала на мозг какое-то другое воздействие.

И вот, новая история. Когда Андрей схватил Дашу, в ней

врубился тяжеловес. Она отбилась достаточно быстро. Отскочила, осмотрелась. В этот раз камень всё же оказался под рукой. Лежал посреди дороги прямо как приглашительный билет. Судьба. Часто в Москве сейчас камни на дорогах встречаются?

Пригнулся. Выпрямился. Побледнел. Да пофиг. Она уже в машине закрылась. Только когда тронулась, и он стал преследовать, увидела, что стекло лобовое ему подрихтовала. Хорошо. Хоть какая-то польза. Но всё равно несравнимо. Не поставить знака равно между исковерканной жизнью и разбитой лобовухой.

На перекрестке в него кто-то врезался. Приступ стал отступать. Доехала до отца.

Боже, как Даша любит этого человека! Его прикосновения всегда были как лекарство.

– Данечка, Данюша, Дашундия... Спи, Дашендóра, спи, моя кровь. Ни о чем не думай. Всё пройдет. Перемелется, мука будет. Тч-ч-ч-ч. Тч-ч-ч-ч. Тч-ч-ч-ч. Ты всё перемелешь. Славная Дашендора. Вечный боритель. Мой лучший проект...

А потом она проснулась. Папа сделал чай. Посидели, выпили. Положила голову ему на колени. И он снова гладил по голове. Но нужно было ехать, ведь скоро мог появиться Андрей, а после произошедшего Даша с ним теперь точно встречаться не хотела, даже случайно. В этот раз от отца уез-

жала надолго, поэтому под завязку забила машину вещами. Взяла почти всё, только вечерние платья оставила. Они ей сейчас точно не понадобятся.

Вернулась домой и тут же приняла две таблетки. Они уже давно были на Ходынке, у отца не осталось. Постепенно начинали болеть колени.

18. День двадцать второй. Понедельник, двадцать шестое декабря

С утра оба сустава всё же скрутило. Даша вздохнула. Дело было плохо. Пришлось добавить второе лекарство и одеть наколенники. С постоянными притязаниями шефа к ее телу, надо было еще постараться выбрать такую одежду, чтобы их скрыть. Даша не хотела, чтобы он увидел. Чего доброго, еще жалеть начнет. Нет, спасибо, обойдется. Да, она больная. Но в жалости ни в чьей не нуждается.

Черные плотные штаны-шаровары справились с задачей. Под эти брюки всегда шла шелковая рубашка на пуговицах под самое горло. Вот и хорошо. Чем меньше будет видно ее тела, тем меньше вероятность, что у него возникнет желание. Оделась. Краситься не стала. Пусть, бледная, да пофиг. Она – больная. Всё равно подойдет. Какая разница, со стрелками или без.

На работу пришли одновременно с Романом. Ехали в одном лифте. Он опять смотрел. И молчал. Дошли. Даша шла первая, он за ней. Вытащила ключи, открыла дверь, разошлись по своим углам. Но он не стал закрываться. В последнее время всегда держал двери открытыми. Вскоре зазвонила АТС. На часах ровно девять. Кто это такой ранний?

Послышался голос секретаря бигбосса. Верховное божество просит их обоих зайти. Встала. Дошла до кабинетного проема.

– К господину Моргунову вызывают.

Бровью повел.

– Обоих.

Обе к центру сместились. Совсем. Красивые. С широкими головками и заостряющимися кончиками. Но не по-бабски, а как-то мужественно. Всё в нем мужественно.

Встал, подошел к ней. Даша не стала ждать, пока что-то скажет или сделает. Просто направилась к лифту. И он опять шел за ней.

Пока поднимались, всё же сказал:

– Даша, не отвечай ему ничего. Я сам всё скажу.

Она и не ответила. Ему. Роману.

Дошли до кабинета. Роскошный, как президентский номер в отеле семь звезд. Впервые увидела верховного так близко. В возрасте, но еще вполне в соку. Волосы с проседью, на лице небольшие морщины. Смотрит уверенно, даже как-то чрезмерно спокойно. Как будто на препаратах сидит успокоительных. Но легкий огонек интереса всё же выдает, что всё это только роль. Да, таких Даша навидалась вдоволь. Крайне опасный субъект, скрывающийся под маской... как бы выразиться точнее... смеси из сытой удовлетворенности и почетного христианства. Благочестие, в общем. Хрень собачья. Небось главный развратник в этой псарне. Именно та-

кие обычно больше всех остальных и отжигают на афтерпати.

Но он быстро перешел к такой теме, которую Даша проигнорировать не смогла: стал предлагать должность. Практически прямым текстом. Она должна была уцепиться за этот шанс уйти от Романа так официально и красиво. Хоть как-то реанимировать свое окончательно погибшее достоинство. В сказках же так пишут: побрызгал сначала мертвой водой, а потом живой, вот молодец и сбросил с себя оковы смерти. Вдруг у Даши с достоинством пройдет тот же номер?

Но Роман опять напомнил, что все ее схемы абсолютно не применимы к нему. Разрушитель мифов Дарьи Черновой. О каком еще достоинстве она вдруг вспомнила, когда всего лишь его трофеей? А ими не делятся. Даже с верховными божествами. Нет, он никогда не оставит ее в покое... Даша может только сама уйти от него. И то не факт, что это подействует. Роман не отпустит пока не захочет. История их взаимоотношений будет иметь только один конец, тот самый, которого она так фанатично и пытается избежать: он будет держать ее возле себя столько, сколько захочет. А потом выбросит. Но только тогда, когда придет время. А это, конечно же, решать только господину Чернышеву.

Поставив бигбосса на положенное ему место, видимо, только эти двое и знали, какое именно, Роман потащил Дашу к себе в логово. Дико заболели колени. Она еле шла, пока не оказалась у него на руках. Донес. И практически сразу пере-

шел к активным действиям. Но Даша ничего не помнит. Как только он подлетел к ней и схватил за плечи, новый приступ подруги-ярости стал поглощать ее сознание. Всё как вчера:

Помутнение, затемнение, теплая волна сверху вниз. Даша отбросила его руки и направилась к выходу из кабинета. Ей надо срочно убираться отсюда, пока она его не...

Но Роман схватил и оторвал от пола. А потом повалил ее на диван. В измученном теле Даши, доведенном почти до крайности всеми переживаниями последних недель, вдруг опять откуда-то взялось столько сил, что она отбивалась почти на равных с мужчиной. Но всё же интуитивно не так, как вчера с Андреем. Значит, сознание частично работало. Грани Даша не переходила, не хотела его изувечить. И он вдруг остановился. И она. Будто взрыв прогремел, а после, как только дым рассеялся, ничего не осталось, кроме тишины. И тогда Роман ее обнял. Так любовно, как еще никогда не обнимал. Тихо простонал, прижался лицом к коленям, погладил по ногам. Руки его дрожали. Вдруг напрягся. Даша сразу поняла, почему. Наколенники почувствовал. Собрал штанины, убедился, что не ошибся и простонал еще. Только на этот раз раненным зверем. Выпрямился, схватился за голову. Даша выбежала. А потом раненный зверь ранил себя в реальности...

Когда дверь была окончательно разбита, из кабинета вышла его жена. Она остановилась и посмотрела. Долго, изучающе. Потом ушла. И Даша вышла из оцепенения всех по-

следних дней. Или приступ ярости помог снова включиться, или просто настал момент, но она впервые за все эти недели почувствовала и себя причастной ко всем тем безобразиям, которые происходили между ними с Романом. В конце концов, она тоже его провоцировала. Но думала только о себе, не допуская и мысли о том, что в нем тоже может быть что-то человеческое – чувства, эмоции. Но произошедшее только что свидетельствовало об обратном. Роман был на грани, как и она сама. Не важно если причиной было лишь вожделение. Его одного хватило для того, чтобы он начал себя разрушать, как это делала Даша. А она любила этого человека, и не хотела, чтобы он разрушал себя. Даже несмотря на то, что сама на глазах разрушалась от этой любви. Он ведь не виноват в том, что Даша больна. Никто не виноват. Судьба-злодейка. Даша привыкла. А вот то, что происходило с Романом, очевидно, выходило за рамки. Он к такому подготовлен не был. И в Даше поднялась волна сочувствия. Она взяла аптечку и пошла к нему.

То, что произошло между ними, пока она перевязывала его руку, было невозможно описать словами. Таинство. Такое могут почувствовать только двое. И осознать, что происходит. Точно понять, без сомнений, просто познать это. В такие моменты для сомнений не остается места.

Он поцеловал. Трепетно. Это была любовь. Не такая, наверное, какую испытывала Даша. Человек напротив на подобное чувство способен не был. Но это определенно была

любовь. Его, Романа Чернышева, такая, как он умел. Даша знала, что это у него впервые. Видела. Верила. Чувствовала. И, стоило ему лишь раз попросить, сразу простила его. Потому что он сделал это искренне.

19. День двадцать третий. Вторник, двадцать седьмое декабря

Комбинированный прием препаратов стал оказывать действие почти сразу. Или после вчерашнего Даша немного выдохнула? Но во вторник с утра колени болели значительно меньше. Она будет продолжать носить наколенники еще неделю, а, может, и две. Они помогут притупить боль. Поэтому форма одежды на ближайшие дни – ее шаровары. А вот верх Даша будет менять. Она хочет нравиться ему. Да, пусть, глупо. Пусть люди над ней смеются. Но она хочет. И постарается. Будет гнаться за синей птицей. За мечтой. Несбыточной, и оттого такой больной. Но какая может быть мечта у больной женщины? Такая же, как и она сама. Тоже больная. Подобное – к подобному.

Даша долго раздумывала, что надеть. И решила всё же остановиться на черном. Светлые оттенки сейчас будут только сильнее подчеркивать ее бледность. А черный, что ж, чтобы он не превратился в похоронный, она кое-что добавит. Всё ведь в руках человеческих! Пока он жив и борется за жизнь и своё счастье – всё в его руках. И Даша достала своё любимое золотое ожерелье.

Подарок Ксавье. У него отличный вкус, в том ему было не отказать. Даша редко совпадала с французами, но Ксав был

одним из исключений. Наверное, поэтому он ее и добился. Даша всегда была эстетом до мозга костей и не смогла устоять. Ведь ей сильно не доставало огня в их отношениях, но он взял ее на понт: эстетический. И вот теперь от Ксава осталось всего несколько подарков. Колье девятьсот пятидесятой пробы было ее любимое. Даша пыталась вернуть ему все вещи при расставании, но он категорически воспротивился. Сказал, что это дурной тон, чем удивил еще сильнее: французы в большинстве своем были очень бережливы, и Даша не сомневалась в том, что ее любовник не будет исключением. Она не предложила бы русскому мужчине забрать его подарки. Большинство из них на такой выпад просто обиделось бы. Дурья русская душа необъятных размеров не в состоянии вместить в себя понимание того, как можно взять обратно то, что было подарено по зову сердца определенному человеку при вполне конкретных обстоятельствах. Забирать, чтобы потом подарить это кому-то другому, обычно кажется недалеким русским людям каким-то кощунством. Только себя уронить! Не всегда, конечно, и русские мужчины встречаются разные, но всё же как явление в России это не существует. Зато в Европе чаще всего чем-то постыдным такой поступок не считается. Даже наоборот, большинство почитает крайне непрактичным не забрать дорогие подарки у женщин, с которыми они расходятся. Это как оставить свои вещи квартирной хозяйке при переезде на другую жилплощадь. Кстати, Даша с таким явлением не сталкивалась нигде,

кроме России. Здесь это практикуется и даже не особенно редко. А вот в Европе невозможно. Сумасбродство? Нет, тут покрепче выражение. Скорее, проблемы с головой, требующие врачебного вмешательства. Вот и с подарками практически так же. Именно поэтому, зная особенности французов, она предложила своему мужчине при их расставании забрать всё, что он ей дарил. Тем более, что подарки эти были до чрезвычайности дорогие. Но Ксав показал себя более русским, чем Даша могла ожидать. Правда, он неприлично богат, может быть, именно это и явилось одним из факторов. И всё же она считала, что первопричиной был его характер. Просто он был щедр. Возможно, лишь с ней. Ему нравилось, что Даша никогда ничего не просила. Это давало ему стимул.

Всё утро вспоминала о Ксаве. Вот какую роль иногда могут сыграть подарки: человека уже давно нет в твоей жизни, а он продолжает дотягиваться до тебя каждый раз, как только ты берешь в руки его вещь. Интеллектуалам-бережунам такой примитивной истины не постичь, она им без надобности. Зачем оставаться в сердце человека, которого больше нет в их жизни? И правда, какие глупости... Загадочная русская душа! Нет, им никогда ее не постичь. Слишком разные системы координат.

Вспомнила о Романе. А кто он? Русский? Или больше похож на европейца? Скорее, второе. Даше казалось, что этот человек гораздо больший прагматик, чем Ксав, тот как раз

больше походил на русского. В Романе слишком много эгоизма и жёсткости, что делает его почти иностранцем. По крайней мере, широты души Даша в нем не усматривает. И вообще сомневается, есть ли у него душа. Если только в возрасте пожилой дамы, к тридцати шести годам уже состарившейся до восьмидесяти.

И всё же Даша влюбилась именно в этого бездушного мужчину. Вредно и нелогично. Но где она логика в любви? Все ее мужчины были так далеки от того образа, который она хотела бы видеть рядом с собой, но что с этим поделаешь? Даша всегда западала не та тех. Даже Ксав был вредный, что уж было говорить о Подколзине или тем более Романе Чернышеве... Даша не за ду́шу его полюбила, наоборот, за отсутствие оной. Он ведь ее Мефистофель, значит, такова ее доля, сгореть в этом пламени. Зато она будет чувствовать то, что ни с чем нельзя сравнить. Пусть лишь момент во Вселенной, но ее, Дашин. А дальше... Всё равно один фатум. Только он за нитки дёргает.

Накрасилась. Дрожащей рукой, но сделала-таки еще один шаг по направлению к обрыву, с которого так отчетливо просматривалась лава. Там, внизу, куда она собиралась прыгнуть. Прямо в своих наколенниках...

Когда Роман вошел и увидел ее, ему и одного взгляда хватило для того, чтобы понять, что она уже прыгнула. Дашу за-

трясло от предвкушения своей неминуемой смерти. А потом он позвал ее в переговорную. И там она вспомнила о своих утренних размышлениях... Нет, этот человек определенно обладал сверхъестественными способностями! Он считывал ее даже на расстоянии! Как возможно? Именно сегодня, когда Даша подумала о русской душе, неспособной когда-нибудь поселиться в этом мужчине, Роман тут же опять разрушил все ее представления о нем до самого основания. Нет, Даша никогда не сможет прочитать эту книгу. А вот он ее читает, будто она детский букварь. Удивительно. Даша никогда не считала себя настолько легкоусвояемым чтивом.

И вот между ними снова произошло таинство. Как вчера. Он тоже включился. Нет, без сомнений, не одна Даша сегодня так нервничала. Вибрировали оба. Причем так сильно, что, казалось, вот-вот разразится землетрясение. Удивительное чувство. Любовь-злодейка.

20. День двадцать четвертый.

Среда, двадцать восьмое декабря

Когда во второй половине дня он возник на пороге, Даша сразу прочитала его мысли: в отцы рódные набивается. Недоволен. Что непослушная. Не поела, указание не выполнила. Но ей отчего-то стало неловко. Будто она, и правда, сделала что-то нехорошее... Поставил перед фактом: они вместе летят в Мурманск и сейчас едут обедать. То есть как вместе? Это он тогда не шутил? В кабинете у distinguished христианина? Серьезно считает, что она в опасности? Неужели думает, что если Даша уступила ему, то теперь так будет со всеми? Вот же дурак! Да она руки на себя наложит, но никого до себя не допустит! Беспокоится. Какой же слепец...

А, может, Даша действительно нужна ему в Мурманске? Бред. Она прекрасно знает, ей там делать нечего. Нет, от верховного увезти хочет, причина одна. И что она чувствует? Это определенно приятно. Очень. Какая ласкающая лава! Гранд-отель де Терм! (прим.: один из лучших СПА-отелей Франции).

А домой заехать? Что ж, это не проблема. Она с удовольствием познакомит отца номер один с новым наклёвывающимся папочкой. Пусть совместно обсудят ее рацион. А про Ходынку Роман не узнает. Папа номер один не поставит в

известность новоиспеченного.

Обед прошел сумбурно. Она просто ела. Впервые Даша почувствовала себя спокойно в его присутствии. Потому что впервые он не был занят ею...

Когда доехали до дома, поднялась буквально на пять минут, не более. Там стянула с себя наколенники, бросила в сумку, надела длинную шубу – в Мурманске холодно, в этой она замерзнет, а черная канадская норка была теплее и с объемным воротником. В него можно было укутывать голову как в капор. Это был еще один подарок Ксава. Преподнес, когда она согласилась попробовать забеременеть. Знал бы тогда, насколько это бесперспективно...

Даша ни у кого не видела такой шубы. Она была великолепна. И вот сейчас как раз сослужит ей службу. Шапку тащить не придется. Даша никогда не любила брать с собой в командировки много вещей. Только минимум. Переложила таблетки из кармана коричневой шубы, у отца всё равно нет запаса. Надо купить, а то жизнь – как пороховая бочка, никогда не знаешь, что произойдет в следующую минуту. И передела свитер. Надела темно-синюю шерсть. Сверху – пиджак с плоскими карманами. Такой же, темно-синий, со слегка приподнятыми плечами. Нет, не такими, как сейчас модно, торчащими вверх как подагрические наросты. Ужасная безвкусица. У Даши он был элегантный, со сглаженными линиями, лёгкой баской. Красивый, ее любимый. Она его не забрала, потому что хотела сдать в чистку – здесь, в сосед-

ней подворотне. Там – проверенные люди, точно не испортят. Этот пиджак Даша никогда не отдаст. Классный. Что ж, не такой уж он и безобразный. После Мурманска обновит. А шаровары теперь ее униформа. Это надолго. Только надо термобелье пододеть. Заполярье – это всё же не Москва.

Сейчас она поедет к Роману домой. Предупредил. Перед фактом поставил. То есть перед фактом, оговорочка вышла. Ехала как на экзекуцию. Волновалась, будто перед соревнованиями. Хотя нет, она и перед стартами никогда так не волновалась. Такое впервые стала испытывать только с Романом.

В лифте он проинформировал, что попробует не приставать. В висках застучало еще сильнее... Ага, как же... Попробует он. Знает Даша, чего стоят его обещания. Пустые...

А потом всё пошло не так. Она зашла в зону отчуждения: ту часть его жизни, которая была сокровенной и ни для чьих глаз не предназначалась. Он ей живо указал на ее место, тем самым разом перечеркнув все романтические потуги последних дней. Даша знала, что значила такая реакция мужчин, она уже сталкивалась с ней ранее. Это была демонстрация того, что женщине никогда не стоит брать на себя слишком много. Она не должна забывать, что лишь его сопровождение. Даже если уже жена, даже если у них пятеро детей. Женщина – лишь временный объект в жизни такого мужчины, она при нем ровно до того момента, пока его устраивает. А это может закончиться в любую секунду, по-

этому ни Даша, ни кто-нибудь еще никогда не должны лезть к нему в душу. У них иное предназначение. Они рядом лишь для удовольствий и обслуживания, а всё серьезное, мужское – только его, и никого другого не касается. Широкая русская душа снова сиганула вниз с утеса. Но не разбилась, потому что до земли долетела только лёгонькая душонка. Перышком на поверхность опустилась. Прагматичным европейским перышком.

И Даша снова опустела. Только на этот раз уже окончательно. Теперь пустоту уже даже не предваряли душевные терзания. Нет, она просто поняла, что не ошибалась в мужчине напротив. Вчера она подумала, что никогда не сможет предугадать его действий, и сделала из этого неправильный вывод: что не может его прочесть. Это было ложное умозаключение. Предсказать его действия, действительно, было невозможно, никто не мог, не одна она была такая, но вот прочитала она его сразу же. С самого первого взгляда, тогда, в понедельник, стоило ей впервые зайти к нему в кабинет. Этот мужчина был не для нее, каким бы притягательным он не казался. У них разные ценности, разное отношение к жизни, и, если Даша всё же решит остаться, он ее этим отношением раздавит. Потому что Роман всё же ее подавляет. Но Дарья Чернова не сможет жить, если потеряет себя, утратит систему ценностей. Поэтому ответ стал очевидным: всё, что ей казалось в последние дни – ею выдуманно. Это – миф. А реальность осталась прежней: после завершения действия ее

временного контракта она уйдет. И Роман с Дашей больше никогда не встретятся. Потому что они – перпендикулярны.

Всё же у людей в целом плохо с геометрией. Пытаясь выразить, насколько двое могут не подходить друг другу, обычно все используют два термина: параллельные – то есть никогда не находящие точек соприкосновения, или противоположные, то есть развернутые друг от друга на сто восемьдесят градусов. Как же вы, люди, ошибаетесь! Быть параллельными – не драма. Можно лежать на одной плоскости, отставая друг от друга лишь на метр, и всю жизнь двигаться рядом, даже, возможно, держась за руки. Ну или хотя бы смотря друг другу в глаза. Да, так и не сойтись ни в одной точке, но ведь каждый человек – индивидуален, даже самые близкие люди почти никогда не сходятся. Но при этом так двое имеют возможность прожить жизнь совместно, бок о бок. Да и противоположности, как говорят, притягиваются. Существуют законы физики, благодаря которым даже два конца одной прямой, бегущие в разные стороны, когда-то теоретически могут сойтись. Минус на минус ведь в итоге дает плюс! Если теорема двух концов одной прямой еще не доказана, то это не значит, что концы эти перестают быть той самой пресловутой одной прямой! Они всё равно когда-то упрутся друг в друга. Закольцуются.

Самое же страшное, когда люди так сильно похожи, что представляют из себя почти одно и то же, за одним только исключением: их представления о жизни притом разнятся на-

столько, что двое эти двигаются перпендикулярно. Ничего нет ужаснее, чем сойтись с почти полным подобием себя в точке пространства, но только один раз. Чтобы после этого начать пожизненное друг от друга отдаление по такой траектории, которая гарантирует, что сойтись второй раз им точно не суждено. В этот вечер Даша вышла из этой точки.

Утро лишь дало подтверждение тому, что она права. Роман тоже стартовал от той же отсечки. Степень их отчужденности друг от друга просто зашкаливала. Они оба всё поняли.

Так началась их вторая совместная командировка. Снова молчаливая, как и первая. Только в этот раз молчание было уже совсем другого рода.

21. День двадцать пятый. Среда, двадцать девятое декабря

После обрывочного сна в номере голова Даши совсем отказывалась соображать. Какой-то всё же это странный инцидент... С водителем... И так совпало, что Роман не брал трубку. Но она решила, что излишне подозрительна. Слишком многое навалилось. Постоянно приходилось думать. И Даша решила расслабиться. Всё равно она ничего не может сделать. Раз Роман не отвечает, значит, не хочет ее слышать. Она это еще с утра на стойке регистрации в очередной раз уловила. Он вполне отчётливо дал ей это понять. И тут ее осенила мысль: так ведь всё сходится! Он не только не хочет ее слышать, но и видеть тоже не хочет. Господи, какая же она дура! Как же сразу не догадалась, это ведь так очевидно! Он намеренно заказал ей другую машину, чтобы не ехать с ней вместе! Роман Чернышев выбросил ее из своей жизни. Теперь он больше не будет хотеть ее даже физически. Мысль, промелькнувшая накануне этого озарения, о том, что надо позвонить секретарю Анатолия Маслаченко, или ему самому, чтобы узнать, действительно ли для нее подали отдельную машину, тут же улетучилась. Даша приняла решение, что больше никому звонить не будет. Разные машины – что ж, ей это тоже подходит. Она ведь еще вчера во всем разо-

бралась.

Но всё же ехала, погруженная в размышления. Так уж была устроена ее голова. Постоянно... думала. Непонятно только, зачем. Но она не спрашивала. Жила своей жизнью.

Очнулась Даша только на подъезде к усадьбе. И сразу всё поняла. Мгновенно, даже и объяснить бы себе не смогла, почему это произошло так быстро. И она разозлилась.

Но это был не моментальный приступ ярости, как те, несколько дней назад. Нет, это состояние – гораздо хуже и опасней. Контролируемая агрессия. Такое с Дашей случилось всего один раз, и закончилось тогда очень плохо. Спасибо, папа отмазал. Она тогда прогулялась по крышам нескольких машин во дворе. К сожалению, без свидетелей не обошлось, ее загребли. Отец надавил на жалость, что у ребенка крыша поехала оттого, что вместо чемпионского титула теперь таблетки горстями глотает. Только вот он забыл упомянуть, что к тому моменту прошло очень много времени, и ребенок, вполне уже оформившийся во взрослого, всё давно пережил. А с прогулкой по крышам и капотам – это он так Подколзина переживал. Скотину распоследнюю переваривал. И переварил ведь, помогло. Правда, досталось, как всегда, невиновным, а не самой скотине. Просто жизнь так несправедливо устроена. Не одной же Даше собирать урожаи несправедливости? Пусть и другие тоже немного поучаствуют.

Особенностью этого состояния было то, что в отличие от

припадка ярости, когда мозг не успевает сообразить, что с ним что-то не так, и не может адекватно обрабатывать сигналы, поступающие извне, при контролируемой фазе агрессии Даша отчетливо понимает, что происходит. Она знает, что за ее действиями последуют ответные действия и вполне способна оценить обстановку адекватно. Но в такие моменты ей это безразлично.

Да, привратник может ее скрутить, оглушить или просто больно ударить. Пофиг. Тогда и она не станет церемониться.

Да, ее могут оттащить на задний двор и отыметь как придется. Но если она останется в живых, им потом тоже мало не покажется.

Да, ее могут просто убить. Да пофиг! Она и так не особый жилец, а умирать – так хоть попробовав прихватить кое-кого с собой.

Да, она сама может кого-то убить. И тогда за это последует ответственность. Опять же – боль, издевательства. Пофиг. Не будет в ее жизни больше таких боли и издевательства, которые смогли бы перекрыть всё то, что она уже когда-то пережила. Нет, это невозможно превзойти. Даже если ей гвозди будут под ногти забивать, всё равно больнее уже не будет. И самая жестокая физическая боль никогда не сможет превзойти моральную. Даша знала это как никто. Пережила обе и осталась-таки в живых. Теперь ее уже ничем не проймешь.

Да, она может загреметь за свои действия в тюрьму. Что ж,

так даже будет лучше. Еще одна школа жизни. Квест. Сумеет пройти? Да без разницы. ПРОСТО ПОФИГ!

К тому моменту, когда открылась дверь, и она увидела Романа, приступ окончательно прошел. На его место, как и в прошлый раз, пришло опустошение. Одна форма пофигизма – воинствующая, перешла в другую. Исконно пофигистическую. Курящую бамбук. Но всё же недовольная рожа Романа Чернышева немного кольнула даже курителя. Еле уловимым разрядом нарождающегося раздражения. Отличная же у него реакция на всё происходящее! Ее тут чуть на лоскуты не порвали, а он, видите ли, недоволен! Нет, плюнуть в рожу не захотелось. Для этого мозг и все члены были слишком обессилены. Но Даша его реакцию заметила.

В машине сидели молча, пока Роман не придумал гениальное: Останови-выйди!

Вот в тот момент, на улице, когда отошли от машины, Даша уже чуть не плюнула в него. Она не помнила, когда кто-нибудь в последний раз так ее раздражал. Ах, да! Он-то как раз это и был! В день их знакомства, при первом разговоре. Но сейчас процесс усугубился всем тем нервным напряжением, апогеем которого явилась высшая точка, произошедшая буквально этим утром. Даша слушала его и не слышала. Нет, все слова до нее долетали, в головном мозге оседали, но ей так хотелось врезать Роману, что в смысле сказанного им она не разбира́лась. Просто хотела, чтобы он ее отпустил,

пока нафиг не сорвалась и не зафинделила.

Отпустил. Развернулась. Дошла до машины и села. В висках снова стучало. Опять приступ. Но несильный, стал быстро рассеиваться. Когда Роман сел рядом, пик агрессии уже прошел.

А потом он опять извинился. Но Даше было уже совсем всё равно. Она ему больше не верила.

В офисе, как и предполагалось, ей было делать абсолютно нечего. Роман постоянно смотрел на нее уже совершенно не таясь. Весь мурманский филиал до последнего уборщика просёк, что происходит. Только не очень своевременно. Несколько запоздало. Все они решили, что между ней и ее начальником происходит что-то значительное, серьезное. На самом же деле стоило употребить прошедшее время. Теперь между ними всё было кончено. Даже если сам ее начальник еще и не успел этого понять.

В стрелковом клубе дела пошли веселее, Роман хорошо продвинулся в паре важнейших договоренностей. В баре он довел их до логического завершения, в то время как Дашу активно тошнило. Как же было стыдно за поведение мурманского псевдобомонда! Очень хотелось, чтобы этот нескончаемо длинный день, наконец, закончился. Даша опять устала. Она хотела домой.

Когда Роман позвонил в номер, она ничуть не удивилась.

Слишком уж откровенно он на нее пялился весь день, было бы странно, если бы после этого не явился. Даша едва успела принять душ и стояла перед ним в одном халате. Нет, в таком виде она с ним точно разговаривать не станет. Отошла от двери, дала пройти, а сама вернулась в ванную, предварительно захватив свою одежду, пока он стоял спиной и не видел. Полностью одеваться не стала, даже белья не надела. Всё равно скоро обратно снимать. Долго Даша с ним разговаривать не намерена. А секса она не допустит. Не сможет же он всё время ее заставлять? Да, пусть раньше она не особенно сопротивлялась. Просто шла война внутри нее, и Даша никак не могла до конца определиться, чего же она на самом деле хочет. Сейчас всё изменилось. Она точно не хочет Романа. И не допустит их близости. Надо будет разбить о его голову отельную лампу, значит, разобьёт, но совершенно точно она не будет ему больше принадлежать. Пора было прекращать эту бадягу.

Первая же его реплика – и в Даше опять стал подниматься новый приступ. Очень кстати: когда она в измененном состоянии, откуда-то берутся силы на сопротивление. Нет, он точно не сможет ее заставить, даже если захочет. Для этого ему теперь придется ее убить. Но вдруг... Роман оторвал ее от пола и стал кружить. Перед глазами всё поплыло, потом появилась легкость. Она смешалась с волной ярости, которая уже была по пути к нижним конечностям, и теплая вода стала отливать от тела. В голове запорхали бабочки. А по-

том он прижал ее к себе и повалил на кровать. Обездвижил. Глаза – синие. Льдинки все потаили. Странно, но это произошло с Романом именно в родном Мурманске, да еще и во время полярной ночи. У него и у Даши, когда они вместе, всегда всё странно. Ее любимый Рим – стал для души крайним севером, а его крайний север – растопил в глазах лёд. И она опять поверила. Один случай из тысячи, а, может, и из миллиона. Статистическая погрешность. Даша даже мысли не допускала, что именно такой ничтожный шанс выпадет на ее долю. Она снова была во власти Романа Чернышева.

22. День двадцать шестой.

Четверг, тридцатое декабря

Это была удивительная ночь. Он брал ее, и снова, и снова. До самого утра. А она сопротивлялась и преуспела. Не отдала последнего. Своей души.

Первое, что увидела, когда открыла глаза, был его взгляд. Цвета глаз снова не разглядеть. Лыдины? На месте? Или так до конца и растаяли? Непонятно... Но выражение нежное. И улыбка, валящая с ног. Они, ноги, у нее прямо под одеялом подкосились, пока Даша лежала.

В щеку поцеловал. Каких-то глупостей наговорил. Кто бы мог подумать? Роман Чернышев – чемпион по произнесению глупостей! Всю ночь сыпал, без умолку... И утром продолжил... Но Даша всё равно души не отдала. Столько раз уже на одни и те же грабли наступала... Нет. Опять спектакль. Он ее главный мистификатор. Она всё решила. Надо уходить. Завтра – Новый год. В нем не должно быть места для этой больной любви, которая лишь усугубляет ее разрушение. Со всеми этими пафосными людьми, как во вчерашнем баре, перестроечными бандитами и прочей шушерой. Все они – жизнь Романа. В ней никогда не будет места ни для чего другого, действительно важного. Для настоящей жизни, например. Роман Чернышев живет, не живя, и, вероятно, о том да-

же не догадывается. Даша этого никогда не примет.

В машине сказала. Сразу после того, как телефон купил. Но он, как всегда, оказался на шаг впереди Даши: постоянно подавлял ее. С этим надо было заканчивать. Но, видно, немного позже. Отказать ему в этот момент снова не хватило сил. Тем более, что он был так... мил? Нет, не совсем... В общем, корректен и официален. Опять не то, чего Даша могла ожидать. Опять оказалась не готовой. И снова бросилась в погоню за своей несбыточной мечтой. Хорошо, что вечерние платья как раз оставила у отца. Даша не засветит Ходынку...

Когда он привёз ее, поднялась, забрала платье и выглянула. Уехал. Тогда заказала такси и отправилась домой, готовиться. Машина ведь так и оставалась там, возле подъезда.

То, что случилось на корпоративе, полностью деморализовало. Даша решила и сказала ему... всё. Абсолютно. Ни в чем себе не отказала. Она даже слов не подбирала. В какой-то момент ее просто понесло, и Даша углубилась в такие дебри, что даже не поняла, к чему она вообще это всё говорила? Про войну? Зачем? Причем там вообще был Роман? Она не знала. Просто почувствовала острую необходимость сказать ему и это. Даше даже показалось, что она просто не сможет дальше жить, потом, без него, если не скажет ему всего, что так давно накипело. Пусть невпопад, пусть никому не нужно, пусть все считают, что она ненормальная. Для

Даши это важно. И ей наплевать, кто что считает. Даже он.

Лицо Романа менялось. В конце он рассмеялся так горько, что ей захотелось закричать. Громко, как если бы она стояла в поле, одна, и могла это сделать, не сдерживаясь. Но она не была одна. И вокруг не было поля. Пафосные севморовские девицы, такие же, как в данный момент и она сама, рыскали глазами, с кем бы из генералитета потанцевать, часто спотыкаясь взглядами о Романа. О него вообще все постоянно спотыкались. Стоило этому человеку где-то появиться, как ему тут же было гарантировано внимание. Поэтому Даша точно знала, что они сейчас были в центре событий, хоть кроме него ни на кого и не смотрела. Представители же генералитета подбирали себе кандидатов для афтерпати. И как так вышло, что, будучи одной из них, Даша при этом оставалась настолько инбй, что никогда не смогла бы вписаться в рамки этого насквозь фальшивого мира? Непонятно. Наверное, шутки Всевышнего. Всем известно, что он тот еще юморист.

Горечь, с которой Роман теперь смотрел на нее, нестерпимо жгла изнутри, и Даша не смогла бы долго этого выдержать. А ведь он был прав. Если весь этот мир был так ей чужд, зачем она возвращалась сюда каждый день, зачем терзалась сама и терзала его? Ведь Роман же ничего не знал о ее переживаниях и действительно по-своему в нее влюбился. Как мог. Это было очевидно. Даша почувствовала себя глупой и непоследовательной сукой. И ощутила вину. Она ведь, и правда, его в себя влюбила. Зачем? Чтобы завести

всё так далеко, а теперь уйти? Но ничего исправить было уже нельзя. И она попрощалась. Надо было уходить прямо сейчас. Это было единственное правильное решение. Вспомнилось: «*Errone riconosciuto conduce alla verità*». «Признанная ошибка приводит к истине». Лучше поздно, чем никогда.

Но Роман вцепился в нее, как утопающий хватается за соломинку. И потащил на танцпол. Похоже, теперь о них с ним знали не только все сотрудники мурманского филиала, московский офис СевМоря тоже был осведомлён обо всём в деталях. Роман Чернышев спит со своей секретаршей. И девушка по этой части, видно, настолько хороша, что господин директор не боится проводить весь вечер только в ее обществе и даже танцевать у всех на глазах.

Но так всё выглядело только со стороны. Как же люди часто ошибаются в своих оценках! Они видят лишь то, чего сами хотят. Ну и, конечно, еще то, что им позволяют видеть. Но никто никогда не знает, что происходит между двумя людьми на самом деле. Реальность обычно сильно отличается от картинки, выложенной в Инстаграм. Если бы они только могли представить, какую муку Роман заставил Дашу пережить в момент их танца... Когда все вокруг обсуждали самую невероятную сплетню, какую себе только можно было представить: что Роман Чернышев влюбился в свою секретаршу.

Он не отставал. Хотел, чтобы Даша призналась. А она не могла. Потому что просто не получалось из себя это выда-

вить. Что она должна была ему сказать? Что мечтает о нем с первой минуты знакомства, даже понимая полную бесперспективность этого увлечения? Что точно знает, что никогда не сможет вызвать в нем ответного чувства, хоть сама чуть не умирает от любви? Что терпит всё его окружение лишь для того, чтобы еще хоть немного побыть рядом, продлить агонию корчащейся души? Да он бы ее за полную психопатку принял! Даша и так лишилась остатков достоинства, а теперь еще должна была предстать в его глазах какой-то фанатичной бесхребетницей? Нет, она не могла ему признаться.

Непонятым оставалось только одно. Почему он всё еще удерживал ее? Ведь после ее признания по всем канонам должен был тут же отшатнуться? Как от чего-то дурно пахнущего. Но он вцепился только сильнее. И не собирался отпускать. Даша опять ошиблась. Нет, он – ее крест.

А потом Роман повез ее на крышу. И снова внес смятение в ее и без того колеблющуюся душу. Он – паук, с каждым разом опутывающий ее всё более неразборчивыми чувствами. Снова сомнения...

Всю ночь, как только с украшением елки было покончено, они занимались сексом. Даша думала, что у нее не выдержит сердце. Но крепкое было, как на грех. За одну такую ночь можно было полжизни отдать. Да что там полжизни, в первый их раз Даша лишь за минуту близости с ним вообще была готова навсегда распрощаться с жизнью, а тут такой мара-

фон от Романа Чернышева... Но всё же ночь была омрачена окончательно оформившимся пониманием того, что Даша ни в чём не ошиблась. Роман – сластолюбец. Чем-то более значимым, чем источником удовольствий, ей в его жизни никогда не стать. А она – на последней стадии разрушения. Следующим этапом будет лишь обвал показателей крови. Нет. Эта ночь должна стать последней.

Даша почувствовала себя литературным персонажем. Есть такой образ – герой-сомневающийся. Кто бы мог подумать, что с Дарьей Черновой, самоуверенной и волевой, когда-то произойдет такое? Всё же на каждого самоуверенного всегда найдется своя управа.

У нее будто на одном плече сидел ангел, нашептывающий свою программу, а на другом – ее Мефистофель. В последние дни Роман слишком неожиданно раскрылся перед ней, Даша стала сомневаться. Он путал следы, и трудно было суметь до конца убедить себя в том, что для него всё происходящее несерьезно. А, как известно, любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого. Сон не шел, тогда Даша решила вспомнить всё. Все его слова до последнего. И разобраться, что же они значили. Трезво, без эмоций, с полной степенью рассудительности, как это всегда было свойственно ее аналитическому уму. Сейчас ей мешали эмоции, поэтому Даша путалась и не могла во всём до конца разобраться. Но ей надо отбросить эмоции. И она начала вспоминать.

Выходило следующее:

– Зачем вы это делаете, Роман Сергеевич?

– Что именно? Пытаюсь быть милым?

– Если хотите, называйте это так.

– Ты же пока мой ассистент. Ты нужна мне здоровой, Даша.

– А если нет?

– Если нет что?

– Если не буду здоровой?

– Значит, будем лечить. Где же я еще такого ассистента раздобуду?

Что это? Забота о ее здоровье? Или о себе любимом? Или просто юмор, задорное настроение? Какой напрашивается вариант ответа?

Ответ «а». Забота о себе. В начале года ассистентку найти, и правда, будет трудно.

Ответ «б». Юмор. Ни к чему не обязывающая шутка.

Ответ «в». Не существует третьего варианта. При всём своем желании Даша не может себе представить, чтобы Роман Чернышев стал заниматься ее здоровьем. Ну вот честно. Ведь бред же?! Просто спросил, почему колени болят. Интересно стало. Пытливый ум.

или вот это:

– Господи, Дашка, да что же ты делаешь всё время? Стоит на минуту отвернуться, как на тебя тут же коршуны слетаются! Ну что мне с тобой делать? Наручниками, что ли, к себе приковать? Дождешься ведь, что однажды кто-нибудь

тебе голову оторвет!

Что это было? Забота о ее здоровье? Или о себе любимом? Или юмор?

Ответ «а». Забота о себе. Точнее, реализация своего эго. Даже, возможно, намётки ревности. Любовь? Вряд ли. Эгоизм? Похоже. Собственничество? В точку. С другими делиться не хочет, пока сам её пользуется. Надоест – пусть забирают, а пока – альфа-печать с автографом Романа Чернышова. Похоже на любовь или заботу? Однозначно нет.

Ответ «б». Забота о ее здоровье. Возможно, он же не совсем животное! Ведь какое-то время ее уже пользуется: даже автомобилю положен техосмотр, а она – человек. Так что такого варианта отметить тоже было нельзя. Но и ставку на него, если бы играла в казино, Даша бы не сделала. Скорее всего Роман проявил бы заботу в какой-то более заботливой форме. Обнял бы, как только ее увидел, прямо там, еще в доме, куда ее увезли. Был с нею нежен, если бы, и правда, волновался. Ведь он умел быть нежным, если хотел. Так что его поведение скорее напоминало ярмарку эго, а не на заботу о Даше и ее здоровье.

Ответ «в». Не существует третьего варианта. Юмором там и не пахло.

Так, с заботой всё более-менее прояснялось. Ее не было. А если и была, то о себе любимом, не о ней. Теперь пришла очередь для самого главного. Того, на чем зиждились все их отношения, так уж повелось с первого дня. Что это было?

Влечение, или нечто большее?

Вспомнилось это:

– Вы что-то хотели, Роман Сергеевич?

– Ну вообще-то я всегда хочу одного. Ты же знаешь. Того самого.

Снова юмор? Или просто в некоторых шутках нет ни доли шутки? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что было дальше. А ведь вот что:

– Дашка, не могу без тебя! Ты меня бесишь, убить готов иногда, но не могу без тебя. Нужна. Ты мне нужна.

Красиво сказано, век воли не видать. А что дальше?

А дальше была их первая совместная ночь. Мурманск. Сразу после похищения.

Что это? Он переволновался? Наверняка. Ситуация всё же была не рядовая. Он хотел ее? Да, безусловно, он всегда ее хочет. За исключением вечера накануне. И утра. В котором у Романа для нее тоже не оказалось места. Да и той ночью ничего бы между ними не было, если бы не похищение. Даша вновь переключила его внимание на себя этой из ряд вон выходящей историей. Роман обожал риск, поэтому и отозвался. А дальше всё сработало по накатанной. Так что это было? Влечение? Или нечто большее?

Даша поставила бы на первый вариант. Он просто хотел ее, и это опять сработало. Но после событий накануне – вечера, их полета, приезда в отель, и утра – того, как он ее встретил у похитителей, Даша никогда не поставила бы на

то, что это было нечто большее. А слова? Они прекрасны, без сомнений, но, ничем не подкрепленные, всегда остаются лишь словами.

а это:

– Почему ты так старательно пытаешься от меня убежать? Ответь мне, Даша. Иначе я тебя прямо сейчас при всех поцелую. Быстрее, у тебя мало времени. Я долго сдерживаться не смогу.

Снова собственничество. И желание подчинить. Быстро сделай, что я хочу, или я сам сделаю, что я хочу. Я, я и еще раз я. Хочу, хочу, и еще раз хочу. Влечение? Да. Что-то большее? Ответ очевиден.

или это:

– Чтобы ты, твою мать, объяснила мне нормальным, человеческим языком, зачем ты всё это делаешь? Я тебе сразу сказал чего хочу. В первую же пятницу, в лифте.

Да, и в этом Даше тоже надо было разобраться. Чего же он хотел? Уже тогда, к первой пятнице их знакомства? И Даша стала вспоминать всё с самого начала.

Первые намёки последовали уже на второе утро их знакомства:

– Так заходи ко мне почаще, будем греться.

Он чуть не сделал всё впервые уже на четвертый день:

– Чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы я тебя прямо здесь трахнул? Так я с удовольствием! И даже с тобой не посоветуюсь.

Пятый день, на утро после того случая, первого тревожного звонка:

– Спасибо, Даша, что вы пришли. Я бы без вас, пожалуй, уже начал скучать.

Как она это только что назвала? Тревожным звонком? Сумасшедшая! Нормальные люди подобрали бы другое понятие, но сначала сделали бы ноги. А что же Роман? Он бы, пожалуй, начал скучать. Так вот что это было для него? Развлечение? Возможно, так это и начиналось. Но потом он тоже втянулся, Даша это понимала. И для него тоже всё стало на грани. Ведь на больного бешенством зверя он не похож. Или похож? Что вообще Даша о нем знает?

И вот, наконец, тот самый пресловутый лифт, пятый день знакомства:

– Ты очень красивая... Просто дурею, как хочу тебя.

Да, всё как обычно. Влечение. Желание. Хотение. Похоть. Хочу-хочу-хочу. Как было с Дашей всегда и у всех мужчин.

– Но трогать не буду. Давай попробуем с тобой по-другому.

– Вы по-другому не умеете.

– Никогда не пробовал. Стало интересно.

А на следующий рабочий день после его «стало интересно» и желания сделать всё «по-другому» произошло то самое событие, ставшее отправной точкой ее больной любви. Он взял ее как какой-то зверь. А потом попросил принести ему кофе, и неделю даже не смотрел в ее сторону.

А потом еще раз попросил принести ему кофе. Когда в том же месте в тот же час для разнообразия взял свою жену.

А потом попросил сделать кофе еще раз. Через несколько дней после жены. И снова отымел Дашу. Как резиновую женщину. На том же месте в тот же час. И вернулся, чтобы оставить подтирки:

– Не убирайте их, Дарья Игоревна. Теперь это будет происходить часто, а каждый раз бегать за салфетками в кабинет мне неудобно. Да, и сделайте-ка мне еще кофе. Тот уже остыл.

И Даша сделала ему второй кофе. И принесла. Чтобы услышать:

– И вам следует подумать о контрацептивах. Я же для вас чужак? К тому же из враждебного мира. Значит, с детьми не ассоциируюсь. Это подходит нам обоим.

А потом был еще один раз, но понежнее. На следующий же день. У Романа было такое настроение... романтическое...

А потом был не менее больной Рим.

Потом – третий понедельник, день после Рима, вызов к генеральному. И это:

– Что ты творишь? А? Что, я тебя спрашиваю?

Опять боль, опять борьба и это его:

– Что же ты за баба такая? Что за баба невыносимая? Влезла мне в голову, чтобы на ломтики там всё покромсать...

А потом разбитая рука. И первые извинения. И вроде всё,

и правда, постепенно стало двигаться к романтике, но Роман снова показал лицо. Тогда, с головной болью.

Но даже, если пропустить ту вспышку его злости, всё равно оставалось много «но».

Вот, например, это, безусловно, позитивное:

– Ты не можешь знать, что я способен дать, а что нет. И ты не можешь за меня решать. Даша.

О чем оно? О том, что всё решает только он сам. Снова эгоизм. Снова подчинение. Ведь эту фразу можно расслышать и так? Если отставить в сторону эмоции.

И даже это:

– Жить хочу, понимаешь? И романтических свиданий тоже хочу. И встречи дурацкого Нового года. Елку эту тупую, колючую... Поехали покупать?

Сейчас, в этой точке пространства, Роман хочет елку. А раз хочет, значит, всё сразу должно быть решено. Поехали?

Да что там, даже вот это можно расслышать без лишних эмоций, которые так мешают женщинам, с их вечными розовыми очками слышать мужчин, которые не склонны к проблемам со зрением:

– Я с первого дня отношусь к тебе не как ко всем. Потому что ты – не все.

Да, это правда. С первого дня не так. На четвертый – почти уже трахнул. Не отходя от кассы. А до конца довел уже утром следующей недели. Даша, и впрямь, была не как все.

И на закуску оставался чувственный блок их отношений.

Который даже и самым прожжённым индивидуалкам мог затуманить мозги.

– Даша, ты – нереальная. Никогда не было так хорошо. Ни с кем, слышишь?

Она верила, он говорил правду. Но о чем были эти слова? О влечении, а его наличия Даша и не оспаривала. К чему-то большему это не имело никакого отношения.

– Давай, Даша, давай же! Ну еще немного, Дашенька, я всё равно не отстану! Только распалишь сильнее, до вечера тебя буду мучить, давай, милая...

Спортивный интерес. Рекорд времени, скорости и расстояния. И он его поставил.

– Теперь так будет всегда. Даша. Поняла? Скажи, хочу услышать твой голос.

Подчинение воле. Он хотел, чтобы она подчинилась ему во всем.

– Какой я тебе теперь Роман Сергеевич? Рома. Скажи... Скажи это, ну же!

Снова то же. Похоже на нечто большее, чем влечение? Точно нет.

– Дашка, ты просто ходячий секс! Никак не могу тобой насытиться... Маньяка из меня сделала какого-то сексуального. Ведьма, ты, Дашка...

Опять голый секс.

– Ты – классная. Брось об этом сокрушаться. Жизнь продолжается.

Легкое отношение к жизни. Значит, и переменчивость, непостоянство. Забота? Нечто большее? На фоне всего вышеизложенного – точно нет.

И вишня на торте:

– Просто вы одиночка. Вам никто не нужен.

– Ты мне нужна.

– Нет. Вы просто меня хотите.

– Да, хочу. Очень.

О чем было дальше размышлять? Безоговорочное первое: просто влечение, пусть и экстраординарное. Но любое влечение проходит. И тогда она останется наедине со своей сердечной раной, а он... переключится на новый объект.

Больше так продолжаться не могло. С каждым витком их отношений Даша всё сильнее погружалась в трясину. Она должна была остановить это. Пока не сдохла от количества лекарств, которые принимала вот уже несколько недель.

Сразу после звонка от работодателя, Роман вышел на улицу. Даша, ни минуты не раздумывая, покинула квартиру следом. Через полчаса она была на Ходынке.

0. ВОДОРАЗДЕЛ – Еще один откат до нуля

Уход из СЕВМОРНЕФТИ

1. Первое января. День рождения. Первый день без Романа

Свое двадцатилетие встретила одна. Отцу пришлось наврать. Сказала, что мурманская командировка продлится неделю. Так выиграла немного времени. Ни о чем сейчас не могла говорить. Ни с кем. Даже на разговор с отцом настраивалась битых двадцать минут. Но всё же позвонила и постаралась состроить самый веселый голос, какой только была сейчас способна из себя выдавить. Другого выхода не было. Если отец что-то заподозрит и станет сомневаться, то собственноручно приедет и проверит. Этого нельзя допустить. Сочувствия сейчас не выдержать, оно окончательно раздавит. Тогда останется только помчаться напрямик к Роману. И погибнуть окончательно. Нет, нужно перетерпеть.

Папа перечислил денег. Как всегда. Некоторые считают, что такая форма поздравления говорит о недостатке любви и внимания. Не больно-то много они понимают! Вкус сформирован. Угодить трудно. И папа никогда даже не пытался. Всё равно бы не смог. Он далек от представлений о женских вкусах, зато знает, что деньги точно не станут лишними. Господи, а насколько не лишними они были сейчас! На карте – пусто, а наличных осталось буквально всего ничего. И эти двадцать шесть тысяч на двадцать шесть лет – как нельзя

кстати.

Вчера сразу после телефонного разговора с Романом приняла снотворное. Легла. Залипла на потолке. Из уголков глаз побежали струйки. По одной из каждого. Медленные, теплые, щекочущие. Доползли до кромки волос и, немного задержавшись на опушке, всё же нырнули туда, в лес. Первая достигла затылка. Вторая распределилась по коже на полпути. Размазалась. В горле жгло, сглотнуть невозможно. Прележала какое-то время. Бездвижно, опустошенно. Со спазмом, застывшим посередине шеи, в том самом месте, за которое так любил держать своей теплой ладонью Роман.

Такой любви больше не будет никогда. Тут без вариантов. Последний месяц стал самым ярким в истории жизни. Он затмил даже спортивный период. Но надо научиться жить перпендикулярно от Романа. Тогда, возможно, удастся прогостить на белом свете хоть какой-то значимый по времени период. А с этим мужчиной остаётся только сгореть. За год, или два, или три, сколько будет отведено.

Нет, слишком сильна любовь к жизни, чтобы принять такую судьбу. Слишком многое уже пережито. Нельзя перечеркнуть всё это ради сладкого саморазрушения. Зачем? Чтобы стать еще одной Маргаритой, чья жизнь будет загублена ненароком, невзначай? Причем кем? Мефистофелем? Нет! Самим ее прекрасным возлюбленным – доктором Фаустом! Кто бы мог подумать?

Так кто же он, Роман? Мефистофель, который всё же не

преуспел в своем деле? Или Фауст, желавший лишь познать истину, но сгубивший на этом пути столько невинных душ, одной из которых стала и его возлюбленная Маргарита? А ведь после ее смерти, как он ни страдал, но всё же развлекался с Еленой Троянской. Всё как в жизни. Величайший Гёте. Классику надо читать. Там всё написано.

Развернулась к спинке дивана и уснула. Горше дня в жизни не будет. Первое января, Новый год. День рождения. Идет второй четвертной. А сколько их будет, этих четвертаков? Удастся ли вообще добраться до пятидесяти? И нужно ли? Без Романа? Может, всё же лучше только три года... Но с ним...

Подушка вскоре стала совсем мокрой.

2. Второе января. День дивана. Второй день без Романа

Утро.

Какой сейчас год?

Две тысячи двадцать второй.

Можно, я еще в нем поживу?..

Истерика.

Не успела глаза продрать и накрыло...

Вчера ведь почти не плакала.

А сегодня так хочется подохнуть! Зачем ушла от него? Он же так обнимал! А слова... Какие слова нашептывал? В ухо всё время дышал... Будто не мог и минуты прожить без моего уха! И в волосы носом зарывался. Дыхание теплое... И за шею держал...

Отдайте мне моего Романа!!!! Роман Сергеевич!!!

Зачем жить? Зачем всё это? Убейте меня, ненасытные черти! Ну за какие грехи мне всё это прилетает? Сколько можно надо мной издеваться? Неужели в этом поганом городе нет более подходящих кандидатур?

Зачем я пришла в СевМоре? Какого черта меня туда ноги понесли?.. Дура, дура, самоуверенная... Так тебе и надо, всё

правильно. Это тебе за грех гордыни прилетело!

Опустошение. Слезы кончились.

Таблетку принять.

Надо.

Или... ну ее? Лучше быстрее подохну.

Нет. Так хоть буду подыхать без боли. Еще ее не хватало.

Вот.

Таблетка.

Где вода? Ах, да... Кран...

Поесть?

Это лишнее. Зачем есть, если надо быстрее подохнуть.

Диван, где мой диван?

Вот.

Истерика.

Подушка мокрая!!!! Сколько же во мне соплей!!!!

Ромочка, не могу без тебя! Подонок, ненавижу! Как же мне жить без тебя? Ну почему я не могу быть как все? Просто здоровой, полноценной? Ты ведь никогда меня такой не примешь! Не могу без тебя! Господи, Боже, как же мне теперь жить?

3. Третье января. День воспоминаний. Третий день без Романа

Утро. Колени болят.

Встала. Таблетку выпила. Доела холодец. Еще йогурт какой-то наскребла. Катался по нижней полке холодильника.

Есть хочу. Что еще поесть? Так, там сухари оставались. На подоконнике. Вот. Схрумкала.

Теперь до вечера аппетита не будет. Вопрос с едой решен. Больше в доме есть нечего, значит, хотеть есть я больше не буду. А когда захочу? Тогда и подумаю об этом.

Приняла ванну. Сколько я уже не мылась? Гадкая грязная бабища... Хотя, какая разница? Всё равно Романа рядом нет. Теперь можно вообще не мыться. Вот сейчас домоюсь, и больше не буду. Подумаю об этом, когда заведутся крокодилы.

А что у меня вообще было в жизни? Кроме него? Кто у меня был? Сколько их было? Не больно-то и густо. Мужчин – двое. Любовников – шестеро? Или семеро? Тогда, за те две недели, перед Парижем. Персональный рекорд – двое за один день. Первый – днем, второй – вечером. Так Подколзина из себя вытрапливала. И подумать страшно, что кто-то вот так живет всю жизнь. Как Роман, например. Это же ад!

Двух недель хватило, чтобы понять, насколько это не моё. Что ж, попробую вспомнить.

Первым был, наверное, всё же Владимир Смирнов. Скорее всего, это была любовь. Вероятно, обоюдная. Но скоротечная. Быстро переросшая в ненависть. А потом он перевелся в другую школу. Сразу после чернил на голове. Сколько раз его видела после? Два? Три? И один раз на чемпионате. Случайно там оказался. Брат со мной в одном отделении гастролировал. Лузер. А я уже тогда взяла серебро. На том Смирновская любовь и кончилась. Сломался. В глаза больше так и не посмотрел.

Интересно, а как бы повел себя Роман, если бы был на его месте?

Вторым был Подколзин. Нет, о нем вспоминать точно нечего. Просто желаю ему сдохнуть. Это будет по-христиански. Он ходить по земле не должен. Ей без него только полегчает.

Третьим был Олег Филатов с соседнего курса. Младше на год. Как же, мне казалось, я была в него влюблена! Брюнет с бирюзовыми глазами и слегка крючковатым носом, но мужественный. Из него пёрло. И он смотрел.

Знакомы мы не были. Подруга как-то решила помочь. Пока я болела, подошла и всучила ему листок с моим номером.

Рассказала потом. Перед фактом поставила. А я еще подумала, почему он так странно на меня посмотрел, когда я в первый день после болезни вышла? Да уж, помогла, подруга...

В следующий раз встретились в переходе между корпусами. Шли одной дорожкой, я – чуть впереди, он – сзади. Поравнялся, посмотрел, и роторный двигатель включил. А я, немного обдумав, побежала за ним. За несколько секунд он уже успел не хило так отдалиться. Снова поравнялась, за руку взяла, он чуть притормозил.

– Привет!

– Приве-е-ет?! ??

– Я – Даша. Тебе мой номер телефона давали.

Типа он не знал, чей ему номер давали...

– Ага! Я в восторге!

Сразу пронеслось в голове: «Мимо. Что я в нем нашла?»

– Я – тоже. Ну давай пока!

Развернулась и пошла назад.

Четвертым был еще один сокурсник. А теперь вот даже не помню, как его звали... Мы с девочками называли его электросудорожной терапией, ЭСТом, если короче. Блондин кареглазый. И почему-то тоже на курс младше. Странно как-то, обычно девочкам старшекурсники нравятся. Он с тусовкой всегда ходил. Главный у них был по тарелочкам. И как-то раз в буфете зацепились с ним взглядами. Он – в очереди, я – за столом. Стоячий такой, для быстрого перекуса. Он со

своими дружинниками, я – с девчонками. Стенка на стенку. Стоит и смотрит, типа главный по тарелочкам, или как мы у них там назывались. Типа вот, смотрите, кто здесь альфа!

Я подперла подбородок рукой и уставилась, не мигая. Простояли с минуту, наверное. Отвернулся. И больше никогда уже не смотрел. Да, институт явно был не для меня.

Романов там не было.

Пятым-шестым и седьмым – были итальянцы. Серджио, Марио и Джованни. Три товарища, прямо как три белых коня. С ними, как и с моей святой троицей, тоже всё больше походило на дружбу. Много флирта, много свиданий, но никаких активных действий. Устраивало всех четверых. Так они меня между собой делили. Как вкусный бутерброд, который гораздо веселее съесть компанией, чем заточить дома в одиночестве. Через минуту его не станет, а обсудить будет не с кем. Бутерброд, между прочим, такая постановка вопроса тоже вполне устраивала.

Всё же я выбрала Серджио. Но ничего не было. Вскоре уехала от своих платонических белых коней.

Восьмыми были любовники-двухнедельники. Но всех вспоминать нету смысла. Их было точно больше пяти. Шестеро, семеро или, может быть, восемь? В общем, много. Идея была – по одному в день. Но с некоторыми не удавалось договориться на нужные дни, и приходилось их миксовать.

Один день – пусто, другой – сразу двое. Оттуда и возник аларм-список. До сих пор несколько имён значатся под литерами аларм-Паша, аларм-Саша, аларм-кто-то там еще. На случай, если снова придется кого-то из себя вытравливать. Романа Чернышева, например. Коне-е-е-ечно, такого вытравишь всякими там мелкими алармистами!..

Поэтому можно считать, что восьмым всё же был Ксав.

Нет, и до него, и после, другие подбивали клинья. Раз десять. Всегда генералитет. Но меня такие мужчины никогда не возбуждали. До Романа Сергеевича.

Вот так. Даже этот метод не помогает. Всё равно постоянно мысленно откатываюсь к единственному, которого вообще стоило перечислить в этом списке. Только он один в сердце. Как теперь без него?

А Ксав, что ж. О нем и вспоминать не хочется. Настолько сейчас всё кажется мелким. Роман. Боль и любовь. Целая жизнь. А после – всё умерло. Ничто не радует. Снова слезы накатывают. И тело горит. До сосков не дотронуться. Кожа как нерв оголенный. Молит, чтобы вернули к хозяину. Не понимает организм, что ничего больше не будет. Как ему объяснить, если сама с собой до сих пор не договорилась?

4. Четвертое января. День вакханалии. Четвертый день без Романа

Утро снова началось с истерики. Плакала, наверное, часа два. Потом пошла умыться. На время сняла наколенники, а то ходила в них уже несколько дней. Надо было дать коленям передышку.

Дикий голод! Ужасный, бегемота бы съела! Заказала доставку. Принесли через час два огромных пакета.

Первым делом открыла красную рыбу. Прямо так, от куска, откусила. И еще. И еще. Почти всю съела. Вся рыха в жире. И воняет противно. Какая же я отвратительная!

Снова истерика.

Прямо так, рыдая, села на пол и стала рыться в пакетах. Достала банку с квашенной капустой. Вскрыла. Принялась за нее руками. Но: над пакетом, типа предусмотрительная. Всё же заставила себя встать и помыть рожу. И руки. И выпить таблетку.

Вернулась к пакетам. Достала печенье. Съела одно. Шоколадное. Вкусное. Но нет, не то. Лучше, конечно, было бы

цианида.

Опять реву. Да сколько же их во мне? Может, у меня мозги плавятся и через глаза и ноздри выходят?

Опять на пол села. Холодный, сволочь. Как Романово сердце. Почему он меня не нашел? Почему не приехал? Не забрал к себе? Или хотя бы один раз в машине по дороге не отымел? Прямо при водителе. Это же его никогда, наверное, не смущало! А потом просто к дому привез бы обратно и выкинул возле помойки. Потому что я ему не интересна! И никогда не была. Это просто был секс! А с этим у него проблем никогда не возникнет. Гадкий, отвратительный кобель! Ненавижу, чтоб он сдох! Где тут чипсы?

Открыла. Сожрала немного. Опять не то. Так, а что тогда? Точно! Мороженое! Шоколадное, вроде... Вот, нашла. Вскрыла. Точняк. То, что надо. Такое же холодное, как сердце Романа. И такое же сладкое, каким оказался на вкус этот подонок. Ненавижу! Пора опять идти ряху мыть...

Опустошение. Выдохнула. Посидела. Прямо так, прижавшись спиной к стене кухни. И опять накатило. Легла на пол и жалобно застонала.

Ромочка! Милый, дорогой, любимый! Как же я ужасно сильно тебя люблю!

*Сколько раз
Из ее постели
Ты на раз
Или на неделю
Сердце мне вынимал,
Только лишь вспоминал?
Вопрос!
Вся жизнь
В разнос...*

(прим.: стихотворение Анны Кимовой «Риторический Роман»)

И стала танцевать. И горланить. И рыдать. И смеяться. А потом снова села на пол и до конца сточила упаковку чипсов. Заела капустой. И печеньем. Сверху запила молоком. И снова стала горланить:

*Вопрос!
Вся жизнь
В разнос...*

Примерно так и прошел день.

Вечером всё же сварила картошку и пожарила себе курицу. Хорошо, что обустройство квартиры начала не с комнат, а с ванной и кухни. Благодаря этому сейчас могла здесь жить. Электрику две недели, как закончила. Иначе совер-

шенно непонятно, что бы делала. В таком состоянии к отцу было не поехать. Плюс Подколзин. А здесь могла творить, что душе вздумается. Вакханалить понемногу.

Приняла таблетку. Снова надела наколенники.

Последнее, что запомнила перед сном – мокрая подушка. Когда я закруглюсь с наматыванием соплей на кулак, надо будет ее сменить.

5. Пятое января. День матери. Пятый день без Романа

С утра слез не было совсем. Будто мозги, наконец, перестали плавиться. Видно, все вытекли.

В голове было пусто.

Встала. Умылась. Приняла таблетку. Сварила кашу. Поставила чайник.

Первый день – машинальные движения. Обычная размеренная жизнь, как всегда, по утрам.

Позвонила отцу. Постаралась, чтобы голос звучал не как у робота. Сообщила, что завтра типа возвращаюсь из командировки. И тут он выдал:

– Женя заходила.

Первый вопрос в голове: какая Женя? Ступор. Никаких сносных мыслей. И вдруг... Осознание. Женя может быть только одна. Молчание не нарушила. Папа сказал:

– На Рождество к себе приглашает.

– И что ты думаешь?

– Ничего. Она твоя мать.

– Нет. Ты моя мать. И отец тоже ты. Вы у меня в одном флаконе идете. Как шампунь и кондиционер. Пантин Про Ви. Помнишь? Реклама такая. У девушек еще волосы после него так блестят, как будто...

– Даша...

– Что папа? Тебе не интересно про шампунь? А мне казалось, я такую увлекательную историю тебе забубенила! Видно, рассказчик плохой.

– Она твоя мать.

– Нет, папа. Она просто дырка, из которой я вылезла.

– Прекрати! Не хочу такое слышать!

– Это правда. Я никогда тебе не говорила, а сейчас скажу.

Все воспоминания, которые может воспроизвести мой мозг, те, что из детства, о ней – все они связаны с какими-то левыми мужиками. Например, какой-то хрен, которого она припёрла, пока ты в командировке был. Что Фунтика нам в Кисю перекрасил. Кто это был вообще? А? Пап? Мой физкультурник, с которым она чуть прямо там, в кухне, не договорилась. Хотя, кто ее знает, может и договорилась, я же маленькая была, всего до конца не понимала. Просто чувствовала, что она ведет себя непотребно. Интуитивно, понимаешь? Я не помню о ее существовании в своей жизни. Не было ее никогда. А вот мужиков ее помню. Как такое возможно? И если ты на пике милосердия кризиса среднего возраста сейчас вдруг решил ее простить, то это твое дело. Ваши с ней дела. Если хочешь, можете хоть обратно пожениться. Я лезть не буду. Но на свадьбу не жди. Как и к себе в гости. Если только ты не будешь мне заранее на согласование график ее командировок высылать.

Молчание.

– В любых проблемах между мужчиной и женщиной, Даша, всегда виноваты только оба.

– Ага! Ты мне еще каких-нибудь истин прописных набросай! А то мне без них с утра пораньше плохо дышится!

– Всегда. Без исключения. Только оба, Даша. Запомни это.

– Что ты от меня хочешь?

– Ничего. Ко мне заходила твоя мать. Впервые за все эти годы. Пригласила на Рождество. Что я должен был сделать? Промолчать? Не рассказать тебе об этом?

Молчание.

– Я – рассказал. Вот и всё.

– Так-таки и всё? А зачем ты мне ее в матери записывать стал?

– Даша, я тебе тоже кое-что расскажу. То, о чем раньше никогда не говорил. Я сам за ней бегал. Влюбился. Ужасно, просто безобразно. Это были неуправляемые чувства. У меня, который год наперед расписывает. И тут такое. Я на стену без нее лез. Понимал, что не туда занесло, но поделаться ничего не мог. И стал бегать. Я же тебе никогда не рассказывал, верно? Так вот зря, Даша. Надо было. Это я ее под венец за-тащил. Понимаешь? Я!

– Ага! Прямо на цепи приволок! Это Евгению-то Анатольевну? Пап, ты мне что, мозги сейчас запудрить пытаешься? Ну хорошо! Я только не понимаю, зачем?

– Нет, Даша. Я пытаюсь тебе их распудрить. Потому что

жить с такой агрессией по отношению к собственной матери нельзя. Какая бы она ни была – это недопустимо. Да, считай, что на цепи. Она бы никогда за меня не пошла, если бы я не был так безобразно настойчив. Я не нравился ей. Никогда. Она меня не любила.

– Она никого не любит, кроме себя.

– Возможно. Но это не значит, что она плохой человек. Просто такая. И еще это не значит, что в мире не найдется человека, с которым она бы стала совсем другой. Просто она не любила по-настоящему. И это тоже, Даша, своего рода несчастье. Такой вид ущербности. За целую жизнь не узнать, что такое – любить. Я бы с ней местами поменяться не согласился.

От разговора прибалдела. Так и сидела с телефоном в руках, не в силах сдвинуться с места. Отец ошаршил. Это надо было переварить.

Переваривала весь день. Безуспешно. Но всё же реакция последовала. Вечером снова накрыла истерика.

Почему я такая гадкая и отвратительная? Почему больная, никому не нужная? Откуда во мне столько злобы, ненависти и яда?

Что со мной не так
кроме всего того,

что со мной
уже и так
не так?

Роман Сергеевич где-то в Москве. С кем-то. Наверное, с женщиной. Прекрасной. Здоровой. Сексуальной. Он в такое время один быть просто не может.

И снова сорвалась в пучину. И в день матери в сердце был один лишь Роман...

6. Шестое января. День покаяния. Шестой день без Романа

Утром, как только встала, первым делом выпила таблетку. Умылась, поела. Села напротив окна. Долго смотрела на небо. Размышляла. Решилась.

Позвонила Ларисе. Попросила номер телефона. Набрала. Гудки.

– Алё!

– Здравствуйте, Евгения Анатольевна!

Пауза.

– Дашка, это ты?

– Лучше Даша. А то могу случайно трубку брякнуть. Не люблю, как это звучит. Грубо.

– Извини. Я очень рада, что ты позвонила.

– Я ненадолго. Хочу вам сообщить, что папа звонил и передал, что вы заходили.

– Ты придёшь?

– Нет, я не приду.

Молчание.

– Ты меня никогда не простишь?

– Мы вчера с папой поговорили... И, немного обдумав сказанное им, я решила, что мне вас, собственно, не за что прощать.

Молчание.

– Я была ребенком. Просто оказалась между вами. Он стал мне отцом. Вы мне матерью не стали, но вы ведь не виноваты в том, что вам другая жизнь была нужна.

– Я тебя всегда очень любила, Дашка. Ой, извини. Даша. Привыкла тебя так называть. Всегда всем рассказываю, какая у меня дочь получилась! Загляденье! Ты не права. Я виновата. Очень. Но у меня есть малюсенькое оправдание. Мне было всего девятнадцать, когда ты появилась на свет. Но малюсенькое, конечно. Ты прости меня за всё, Дашка. Знай только, я очень рада, что ты из Франции вернулась. Сейчас надо быть в родной стране. Она в нас нуждается.

Сбросила. Разрыдалась. Через десять минут перезвонила.

– Да, моя хорошая!

– Простите, что-то со связью было. В общем... Я хотела сказать, что не злюсь на вас. Но на Рождество не приду.

– Дашунь, спасибо, что перезвонила. Если захочешь когда-нибудь забежать ко мне, ты только позвони, ладно? Ларку позовем, посидим втроем. Чтобы тебе не так неловко было. За свою непутёвую мать. Но я хочу, чтобы ты знала: от одной мысли, что ты здесь, рядом, мне уже хорошо. А пригласила потому, что давно ждала, когда ты домой вернешься. Вот в первый же год и пригласила. Всегда хотела сделать это на Рождество. Большой праздник. Христианский. Надеюсь

на то, что так и Бог поможет, чтобы ты меня простила.

Опять слезы накатывают, чтобы им пусто...

– Я простила. Но прийти не смогу. Не обижайтесь.

– Понимаю. Может, когда-нибудь...

– Может. Но не обещаю.

– Спасибо, Дашунь. Это уже обещание. Знаю, что ты словами никогда не бросаешься. В Игоря пошла, слава богу.

Молчание.

– А вот внешне в меня. И это тоже – слава богу! Красавица ты у меня. Моя гордость.

Молчание.

– И спасибо тебе, что позвонила. С наступающим тебя Рождеством Христовым!

– И вас, Евгения Анатольевна.

– Пусть тебя Бог хранит.

И она расплакалась. Но тут же отключилась. Тогда расплакалась я.

7. Шестое-седьмое января. Ночь полнолуния

Рождество наступило в ночь с пятницы на субботу. Разговор с матерью терзал весь день. Сон не шел. В небо поднялась огромная прекрасная луна. Она манила к себе, и кое-кто отозвался на это магнитное свечение.

Взяла подушку, плед, улеглась на своем широченном подоконнике, о котором так мечтала всю жизнь. Сбылась мечта. Одна из мечт. Легла, укрылась, и стала мечтать другую.

Луна стояла в зените. Было начало третьего ночи. Вспомнилось детство: как папа разбудил ночью, чтобы показать оранжево-золотистую луну, встающую на небосклон. Огромную, или это просто девочка была маленькой. Но на всю жизнь запомнила. Хоть тогда еще и не знала, насколько значительным станет тот день. Знакомство с ней. Точнее, с ним.

Он был как полная луна: светил ярко, притягивал взгляд и пробирал почище солнца, но в отличии от последнего не согревал. Он – призрак ночи, и прикоснуться к нему можно только после заката. А кто из нормальных живых существ живет ночью? Только вурдалаки, летучие мыши и прочая нечисть. Ах, да, еще ночные охотники.

Я же в основном жила днем. Моя ночь в СевМорНефти закончилась.

И мы с ним больше никогда не встретимся.

8. Седьмое января. День Рождества. Седьмой день без Романа. Второй день покаяния

На холодильнике лежала свечка. Папа передал. Сказал, тетя Саша, соседка, из церкви принесла. Она ему постоянно что-то носила. Зажгла. Перекрестилась. Помолилась, как могла.

Господи, Вседержитель, прости рабу твою Дарью за грехи ее. Грешна она. Главный грех – гордыня. От него всё растёт. Самомнение, на себе заикленность, излишняя уверенность в собственной правоте. Повсеместная. Ежечасная. Это константа. Вот даже сейчас, молюсь, а где-то там в глубине точит уверенность. Что я – хорошая, что всё это не заслужила. Что мне бы жить долго и счастливо, ведь кому же, если не мне. Даже, когда раздавлена, всё равно уверенность прёт. Прости рабу твою. За грех гордыни. Одним себя утешаю. Тем, что всё о себе понимаю. И хотя бы место в душе нахожу для покаяния.

Прости за другой грех. Прелюбодеяния. Прости, что и, познав за него кару, тогда, еще в юности, так ничего в себе и не изменила. Второй раз разрушилась, врезавшись на всей скорости в тот же самый утес. Прости, Господи, что такая

непутевая. Как мне мать вчера сказала? Непутевая она. И я тоже. Ведь ее же всё-таки дочь! Так в кого же мне быть?

Опять слёзы. Нет, уже без истерик. Просто слезы. И голос дрожащий. Как мне всё пережить? Да просто! Просто жить. Как тогда. И всё будет, как папа сказал. Самый мудрый человек на свете. Перемелется – мука будет. Но процесс всё же мучительный. Пока я в мельнице. С Рождеством Христовым, Даша! Надо папу поздравить.

Позвонила. Поздравила. Сказала, что на неделе заеду, если в новую командировку не отправят. В общем, почву подготовила. Пока непонятно что делать. С Подколзиным после кладбища даже случайно встречаться нельзя. Он теперь точно церемониться не станет. А мне только ещё одного греха на душу не хватало. Не убий...

9. Восьмое января. Эра нуля

Странные они всё же ребята, эти французы... В первый раз позвонили с предложением о работе в субботу, тридцать первого декабря. Причем во второй половине дня. Когда все нормальные люди уже точно по самые гланды в празднике. Откуда им было знать, что девушка из резюме ненормальная? Такой информации оттуда не вытекало.

А второй раз они выбрали воскресенье. Прямо канун рабочей недели. Чтобы человек точно ничего не успел осознать, как, впрочем, и подготовиться. Ведь я в абсолютно разобранном состоянии.

Тем не менее согласилась. Естественно.

Договорились на утро. Приеду в офис, там всё обсудим. Теперь надо было браться за себя. Кто бы подумал, что вот так, во второй половине воскресного дня, новая жизнь всё же дотянется до моего темечка? А я ведь только недавно встала. Первую ночь проспала четырнадцать часов! Организм, видно, совсем измучился.

Что ж. Это судьба. Еще один период закончился. Хотя, понятие «еще» тут не вполне применимо. Прежняя жизнь закончилась. Когда-то казалось, что так было со спортом, но всё познается в сравнении. Сейчас я знаю точно, что прощание с батутом было всего лишь частью жизни Дарьи Черновой. Перемололось в муку, и по той муке Даша пошла даль-

ше, покорять города и дальние Дали Сальвадора. Но сейчас, с уходом от Романа, в жизни окончен не только любовный роман. Вообще всё кончено. Роман жизни дописан. Этот том отправляется на полку. А дальше? Что там останется написать? Повесть? Пьесу? Или вообще эссе? Это как Бог распорядится. Но еще одного романа мне уже больше не явить миру. Это было произведение всей жизни. Как «Фауст» у Гёте. Такой герой снисходит лишь однажды. И мой слепой умирающий доктор дошел до своей финальной черты.

Мефистофель проиграл. Эта душа ему не досталась.

Фауст проиграл. Разрушив всё, до чего дотрагивался, смысла он всё же не познал. Смысл не может быть заключен в разрушении. Даже если намерения были благие. Какая разница, ведь главное – финал.

Маргарита проиграла. Эти двое ее доконали. Даже ангел, управляемый демоном, не приносит добра. А доктор ангелом не был.

Кто я, Дарья Чернова? Его Маргарита? Доктора Чернышева со всеми его демонами? Нет. Я осталась жива. По крайней мере, физически. Во всяком случае, пока.

Может – я сама доктор Фауст? А он – демон, который не преуспел? Возможно. Такая версия, прямо как на кальке нарисованная, ложится на сюжет. Он остался ни с чем, а я – ослепшая и умирающая, нифига никакого смысла не познала. Даже если Господь Бог сжалится надо мной, и когда-ни-

будь приберёт к своим рукам, а демону так ничего и не отколется, мне, уставшему философу-искателю, от этого точно легче уже не станет.

А если я в этой истории вообще Мефистофель? Свой собственный демон? Демон гордыни, демон прелюбодеяния. Такая мысль как-то раньше не приходила в голову. Простите меня, Роман Сергеевич, простите за всю боль, что вам причинила. И пусть вас утешает одно: мне больнее. А вам, может, это даже пойдет на пользу. Вдруг что-то осознаете? И жизнь изменится к лучшему. У вас она вся впереди. Страшно подумать, сколько романов еще напишет этот Роман. Ведь имя ему – Луна. Бесконечность, заключенная в холодном свечении.

Дошла до ванной. Помыться всё же придётся. Завтра новая жизнь начинается. Жизнь без Романа Чернышева.

Аминь?

Нет, скорее набат.

10. Девятое января, понедельник. Первый день новой жизни

Офис был где-то в старых переулках. Хорошо, что буду работать из дома. Вечно тут не припаркуешься, а если и найдешь место, так стоять будет баснословно. Да, Дашенька, дожила ты до того состояния, в котором обычно пребывает большинство людей: когда надо считать каждую копейку, чтобы дотянуть до следующей зарплаты. И она тебя не порадует, милая! Таких сумм ты даже в институте в руках не держала! Это у обычных студентов там была одна стипендия, а ты-то еще с первого курса на временных проектах неплохо подзарабатывала. Даже к отцу почти не обращалась. Ну ничего, человек ко всему привыкает. Кому сейчас легко? Народ вон, вообще пачками гибнет. Кто на фронте, кто, спиваясь от безработицы. Трудно остаться человеком, когда еще вчера считал себя Богом, а уже сегодня пришло осознание, что ты никто. Но тебе такое озарение не грозит. Это пройденный этап. Ты этот овраг перемахнула еще в детстве.

Всё полегче. Пережить Романа Чернышева и так непросто, а уж если в комбинации с падением с неба, так вообще организм бы не выдержал. Господи, Даша, ну ты же слово себе дала о нем не думать! Нет больше места в твоей жизни для этого человека, понимаешь? Нет! Значит, и имя его да-

же всеу вспоминать нельзя. Баста! Ра́мез. Точнее Раймс.

Встреча прошла предсказуемо. Объяснила, что работать буду только дистанционно. Чтó, не видно, как я до сих пор пандемии бою́сь? Дыхнёт кто-нибудь лишний раз, так сразу в обморок падаю! Я уж не говорю, кашлянёт. Тогда вообще сердце разорваться может. Ах, да, забыла, оно уже разорвано Романом. Ну тогда этó, как его, кровоизлияние в мóзг. Он же у меня пока еще работает... Хоть и, как выясняется, фрагментарно...

Заказ приняла, документы подписала, отправилась восво-яси. По дороге заехала в магазин, продуктов накупила на неделю вперед. Буду продолжать искать работу. Нормальную. А это пока так, чисто чтобы поесть на что было. Даже на завершение ремонта отложить вряд ли что удастся.

Вроде немного полегчало. Закрыла.

Села обратно за работу. Нет, стоп. Таблетка. Выпила.

Опять села. В голове пусто. Нерабочее настроение. Господи, как же хочется секса! Может, мне к нему поехать? Вечером. На Фрунзенскую. Меня же охранники не повяжут? В лицо видели, узнают.

Даша, ну почему ты такая дура? Ну кто тебя такую уродил? Ах, да... Знамо кто... Тогда понятно.

Опять накатило. Слезы, чтобы им пусто... Ну сколько можно создавать влагу? Может, к гидроэлектростанции подключиться? Всё одно, хоть польза будет! Лишняя копейка сейчас не повредит.

12. Одиннадцатое января, среда. Третий день новой жизни

Да уж... Если и живая работа будет у меня теперь выглядеть так, то... Возможно, лучше всё же броситься со скалы... Ничего. Человек ко всему привыкает. Я – человек. Наверное.

Значит, должна привыкнуть.

Так-то, Дарья Черно́ва, теперь твой потоло́к – это коучинговые тексты для кормящих матерей на тему поднятия самооценки в период постродовой депрессии... И у них ведь еще депрессии... Я вот родить никогда не смогу, непонятно когда сгину от непонятой болезни, но, вероятно, не так уж и долго мне осталось, да, вдобавок, только что ушла от любви целой своей никому не нужной жизни. Причем собственными ногами ушла! И ничего! Так, вырыдала Ниагару, но, вроде, отхо́жу потихоньку. А у них депрессии... Воистину, чудны дела твои, Господи! Нет, я, правда, хочу стать добрее, но как отключить сарказм? Может, у тебя, Вседержитель, найдется пару идей персонально для меня?

Еле просидела тренинг. Привлекали всего несколько раз, при живом общении француза-ведунá с русскими слезу́ньями. Смотрелось забавно. Пару раз чуть не рассмеялась. Нет, на мне точно какое-то проклятье! Я ведь неплохо отношусь

к людям, а здесь, на родной земле, так мне вообще дышится легко и приятно! Но иногда всё происходящее вокруг кажется настолько за гранью, что в это просто не верится. Точно, проблема во мне. Всегда была, и всегда будет.

Домой добралась после обеда. Под впечатлением. Перед глазами так и стояло круглое лицо ведуна, вещающего с диким акцентом на весь зал:

– Ви – подарррок натуррры! (видимо, имелась в виду природа) Ви – Прррекрррасни! Ви любите себя! Ви нада любить себя! А вам должны любить пррросто за то, что ви так прррекрррасни!

Так, блин и вспомнилась реклама: «Ведь вы этого достойны!». Насколько же всё это в духе французов...

Это всегда так раздражало своей фальшивостью, что даже когда-то написала частушку на эту тему:

Нам шепчут со всех экранов:

«Любите своих тараканов!

Как нравится – так и живите,

И делайте всё, что хотите.»

Люблю я новейший образ,

Всей дури людской прообраз:

Пусть даже вы и отстойны –

«Ведь вы этого достойны!»

(прим.: стихотворная серия Анны Кимовой «Частушки из Москвы-психушки», выпуск #1)

Интересно, если на тренинге вместо его дебильных речей прочли бы вот эту частушку, много бы французы со слезуний денег срубили?

Вдохнула. Вспомнилось СевМоре. Да, всё познается в сравнении.

Роман. Роман.

Роман. Роман. Роман. Роман.

Роман. Роман. Роман. Роман.

Невозможно. Без него никак. Быть с ним нельзя. Невозможно.

Я должна это побороть.

13. Двенадцатое января, четверг. Четвертый день, но новой ли жизни?

Едва продрала глаза, как снова началось. Роман, Роман, Роман, Роман.

Глаза – синие. Губы слегка приоткрыты. И зубы видно. Белые. Заполярные.

Волосы – мягкие. Наверное, шампунь специальный. Брови – широкие, черные, лоснящиеся.

Нос – с легкой горбинкой. Почти ее и не видно. Тонкий нос, древнеславянский. Как в иллюстрациях к «Слову о полку Игореве».

Весь образ – былинный, или из старой русской иконописи. Откуда такой лик? Будто из глубины веков.

Даша, работа! Сегодня тоже! Ты должна работать! Иди и переводи!

А, может, съездить в СевМоре? Интересно, если заявиться туда, Роман, он... удивится? Обрадуется? Хоть вид подаст, что заметил приход своего бывшего секретаря? В конце концов, он ведь так зарплату и не выплатил! Имею полное право приехать за деньгами.

Даша! Ты – идиотка! Дура набитая! Прекрати о нем мечтать!

ОН НИКОГДА НЕ БУДЕТ ТВОИМ!

И снова слезы... Это, блин, никогда не кончится...

Всё, пошла заниматься работой. В конце концов, слезы не сильная помеха. Надо только проверить, может, противо-слёзные дворники изобрели? Куплю тогда, на бровях установлю. С автоматической регулировкой скорости. Исходя из степени интенсивности влаговыдачи. И будет совсем красота. Останется только таблетки не пропускать. Но для этого умные люди уже придумали будильник.

А еще надо не забыть на следующей неделе записаться на обследование.

14. Тринадцатое января, пятница. Пятый день нифига не новой жизни

Нет, эти тексты просто невыносимы...

А я-то еще думала, что севморовские снобы – это самый страшный пласт человеческой культуры... Как же я заблуждалась! Да, их, конечно, заносит, но там хоть имеют место мозги. У всех. По крайней мере, идиотов там нет. Но здесь... Даже непонятно, на какой контингент рассчитан этот шлак?

Нет, я долго этого не выдержу...

Как так вышло, что с самой юности меня забросило в такой сегмент человеческой жизнедеятельности, где всей моей личностной картотеке было настолько комфортно? Каждая карточка – на своем месте. Да, конечно, тоже не всё без задоринки, и не всегда без сучка, идеала на свете вообще не существует, но все основные формуляры были на месте. Образованность. Культура. Вкус. А что здесь, в этой конторе, являющейся апофеозом современности? Сплошная пошлость. Сама форма мышления – пошлая. Поэтому и всё содержание оставляет желать лучшего.

Нет, я даже месяца не протяну...

А телефон снова молчит. Ни одного нового предложения о работе. Может, действительно, сменить сферу? Пойти...

Куда? Продавцом? Колени не позволяют. Кассиршей? Гордость. Водителем троллейбуса? Господи, что же мне делать?

Устроиться в музей? Знаний не хватает. Не могу я работать, если чувствую, что недостаточно профессиональна. Учителем или репетитором? Нет, с детьми не смогу. Сразу как возьму, да и выложу нагора, что думаю об их интеллектуальных способностях. Оставлю травму на всю жизнь. Води потом ребенка по психиатрам. Для работы с детьми мне не хватает милосердия. Взрослых натаскивать? Так им еще обиднее будет слышать правду! Там уж и психиатр не поможет. Получается, что я ни на что не годна?

Выходит так. Моё единственное предназначение – быть подстилкой Романа Чернышева.

Сегодня пятница. Конец рабочей недели. Коньячный вечер, несовместимый с одиночеством. Он точно не останется один. Может, поехать и проверить?

Даша, Даша... Ты неисправима... Когда же ты, наконец, осознаешь, что всё кончено?! Ну, пожалуйста, девочка, ну перестань себя мучить! Пойми: он не для тебя. Нельзя тебе. Надо справиться. Да, пусть это будет трудно. Возможно, самое трудное, что было в твоей жизни, но есть такое слово: «надо». Тебе ли не знать об этом?

Поэтому ты сейчас просто пойдешь и займешься работой. Ты сумеешь. Иначе нельзя. А потом, завтра, психанешь и

бросишь всё это. Но это будет завтра. А сегодня нельзя. Ты же обещала сдать материалы до конца недели. Значит, должна сдержать обещание. Потому что всегда держишь своё слово.

И о Романе Сергеевиче забудешь. Возможно, после того, как перестанешь дышать. Пусть так, но обещание надо держать. Особенно, данное себе.

15. Четырнадцатое января, суббота. Шестой день без Романа. Стоп! Четырнадцатый!

В половине четвертого всё же одно обещание сдержала. Отправила тексты. Буду ли брать новые? Не уверена. Не хочу об этом сейчас. Подумаю потом.

А о чём буду думать сейчас? Или о ком?

Глупые два вопроса...

О своём главном обещании. Невыполнимом. Или пока, или вообще. Это станет ясно только со временем. Надо быть честной с собой: пока удастся крайне плохо.

О Романа. Как и всё последнее время.

Сколько можно обманывать себя? Вести какие-то системы летоисчислений. То от Рождества Христова, то от царя Гороха. Всё это лишь попытки самовнушения. Сегодня – четырнадцатое января две тысячи двадцать третьего года. Четырнадцатый день без Романа Сергеевича Чернышева.

Очень хочется поехать к нему. Хотя его, наверное, нет дома.

Очень хочется быть как все. Хотя бы раз в жизни.

Очень хочется поверить в мечту, при полном понимании того, что это невозможно.

А еще очень хочется просто быть счастливой.

И здоровой.
И надеяться.

Но надежд нет. Вытравлены. Гном тусуется где-то рядом всё это время. Незримо. Как в фильме:

«А в армии я за то, что меня жена с тётшей хотели в сумасшедший дом отдать. За убеждение. Видишь суслика?

– Нет.

– И я не вижу. А он есть.»

Снова полдня пролежала на диване. Как в начале года. Потом долго сидела на подоконнике. Луны не было видно из-за облаков. Пасмурно. Высшие силы не дали мне поглядеть на него даже так. На заполярье, взошедшее на московский ночной небосклон, затянутый мглой, родом из моей души.

16. Пятнадцатое января, воскресенье. Пятнадцатый день без Романа

Продрала глаза. Тишина. Сколько времени? Опять час дня. Да что же это за новый стиль жизни? Нет, надо устраиваться на нормальную работу. Вот такая самозанятая ботва точно не для меня. Совсем от рук отобыюсь.

Ничего не хочется.

Сколько я не мылась? Гадкая. Уже, наверное, воняю. Пижама небось обезумела от счастья терпеть меня в себе. Пойти, что ли, душ принять для приличия?

Обойдутся. Не для кого стараться. Женщины обычно говорят: «мы всё в первую очередь делаем для себя!».

Ага! Щас! Как же, для себя они всё это делают! Пусть эту лапшу на уши мужикам развешивают. Возможно, кто-то из тех это еще потребляет.

Всё, что делают женщины – одежда, косметика, причёски, маникюр-педикюр-эпиляция, всё это они делают только для мужчин! Ну, пожалуй, эпиляция под вопросом. Это действительно делает жизнь комфортней. А вот всё остальное – точно только для мужчин. И когда нет настроения и никакой мотивации, женщина просто берёт и перестаёт это делать. Зачем мне мыться? Чтобы не вонять? А кто почувствует?

Я сама? Ничего, потерплю. Гадкая тварь, обжимающаяся по клубным туалетам с незнакомыми мужиками, и должна пахнуть именно так. Так что всё закономерно.

Лучше еще немного посплю. Только зубы почищу. А то во рту – кошки испражнились.

Всё же помылась. Противно было так вонять. И пижаму в мусорное белье скинула. Надену вторую. А эту потом как-нибудь постираю. В следующей жизни.

Не заснула. После фена совсем сон прошёл. Надо пойти что-нибудь приготовить, а то еда совсем закончилась. И таблетку выпить.

Звонок в дверь переполошил. Только не это... Андрея моя психика сейчас точно не выдержит...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. А ГДЕ ОН, КОНЕЦ?

*Что же ты, подруга, делаешь со мной,
Что я на досуге стал любить вдруг боль,
Что зудит вся кожа, только ты уйдешь...*

*Смятый фотолист сохранил твой взгляд.
Я был эгоист – а теперь фанат.
В этом ты, похоже, виновата всё ж.*

А. Кимова

Отрывок из стихотворения «Фанат», впервые опубликованного в дебютном романе «Зяблик»

0. Откат к точке схождения

– Даша, объясни, почему ты ушла?

Молчание. Думает, моя девочка, брови наморщила. Ангельское выражение, если бы точно не знал, какой дьяволёнок за ним прячется... Любовь моя нереальная. Так бы и поцеловал прямо туда, промеж двух черных мыслительных радуг. Но не хочу мешать. Сосредоточенность нарушать.

Улыбнулся. Не смог сдержаться. Заметила. Сильнее нахмурилась. Теперь совсем на ребёнка стала похожа. Восемнадцатилетнего. Сексапильного. Только для того и предназначенного. Ад... Когда же я привыкну и перестану хотеть ее просто всегда???

– Ну что опять улыбаешься?

– Не могу не улыбаться. Так соскучился... Прости, еще не посмотрелся. Но вопрос был серьезный.

Продолжаю улыбаться. Просто чувствую, как весь фасад зубной фермы проветривается. Она со мной. Обожаю ее. Как не улыбаться?

– Да иди ты...

Всё же не удержался. Прижался губами к межбровью.

– Даш, так здорово слышать от тебя «ты»! Расцеловать тебя хочется. Еще раз. Даша... Хочу тебя постоянно.

Полез под пижаму. Руку отбросила. Хмурится. Не могу, сейчас от счастья умру... Рассмеялся.

– Всё, всё!

Руки убрал, перед собой выставил. Типа серьезный. Как тут побудешь серьезным? Невозможно! Когда всего изнутри аж распирает...

– Ответь, пожалуйста. Только не хмурься так больше. Сексуальная делаешься, не смогу сдержаться. А мне твой ответ позарез нужен. Он мне всё время покоя не давал.

Молчит. Проверяет, насколько во мне запала серьезности хватит.

– Ты ведь не хотела уходить. Но я видел, что всё время сомнения грызли. Почему?

Молчит. С мыслями собирается. Видно, много их, и сложные они. Слова подбирает. Волнуется. Надо помочь.

– Дашенька, я знаю, что всё неправильно тебе говорил. Не понимал даже, насколько это не так звучало. Потом, когда ты ушла, и я вспоминать начал, как тебе в своих чувствах признавался, то ужаснулся.

Глаза подняла. Смотрит. Внимает. Сумасшедшие глаза! Сумасшедшее счастье! Но улыбаться нельзя. Подумает, что опять несерьезен. Держись, Ромка. Позже наулыбаешься.

– Мне-то казалось, что ты не можешь не понимать. Я же тебе каждый раз в любви признавался. Просто таким образом. Что не могу без тебя, что хочу, что ни с кем так не было. Ну очевидно же, ведь так? А потом припомнил всё сказанное, и понял, почему ты так реагировала. Девочкам ведь одно только слово нужно. Откуда им знать, что «так у меня

ни с кем не было» – это и есть то самое слово. А еще: «ты – нереальная». Или: «что ты со мной сделала?» И: «хочу тебя постоянно». И: «ты с первого дня для меня не как все». Это ведь всё было о любви, Даша. У нас она, наверное, так устроена. Неотделима от секса.

Смотрит. Молчит. Переваривает. Надо еще немного помочь. Без ответа на главный вопрос мне, блин, просто не жить. У меня, конечно, есть одна версия. Но надо проверить.

– Так что почему ты сомневалась – мне ясно. Не верила мне. Я и сам долго не верил. До конца осознал, что на самом деле ты для меня значишь, только через неделю после того, как ты ушла. Но я уверен, что ты не поэтому решила уйти. Да, возможно, сомнения тоже сыграли роль, но главной причиной ведь было что-то другое? Расскажешь?

– А ты еще не понял?

– Возможно, понял. Но свериться хочу.

Головой качает.

– Я и сейчас уверена, что не понимаешь.

Молчание. Серьезная. Опять это вселенское в глазах. Даже сердце на секунду задрезжалось.

– Я больна, Рома. И сильно.

Заморгал. И она что, из-за этого всё время сбегала???

– Знаю. И что?

– Нет, не знаешь.

Вздыхнула.

– Непонятно, сколько мне отведено. Нет, не в плане жиз-

ни как таковой. Просто... я не знаю, как долго смогу быть полноценной. Что-то разрушает меня изнутри. Со временем я могу просто стать...

Отвернулась, сглотнула. Взял за подбородок. Снова в глаза посмотрела. Слезы блеснули, но назад запихала. Воительница...

– Обременительной. Мне кажется, что ты до конца не осознаешь, что это значит.

Взял обеими руками за лицо.

– Даша, не думаю, что это вообще кто-нибудь может осознать до конца. Согласись, что пока человек не столкнется с таким лично, он своей реакции знать не может.

– Согласна.

– Хорошо. Теперь давай размышлять дальше. Пойдем в кухню? Я чаю хочу.

Взял за руку, потянул за собой. Привел, усадил за стол, щелкнул кнопку чайника. Пока пакетики по чашкам рассовывал, с мыслями собирался. У меня будет только одна попытка. Минное поле. Или пройду, или подорвусь. Надо пройти. Однажды уже подорвался, чуть не сдох тогда. Повторения и врагу не пожелаю. Налил кипятка, пакетики повозюкал, в ведро выбросил. Сам думать продолжаю. Вроде примерную схему набросал.

Поставил чашки на стол, сел, отпил из своей. Посмотрел своей Даше в глаза. Долго. В них выражение тревоги. Бойтся услышать, что сказать собираюсь. Дурочка.

– Вот представь ситуацию: живёт человек. Не тужит. Всё у него в основном ништяк. А что где чуть до кайфа не дотягивает, так он не парится. Жизнь – малина. И тут он идет в лес. Ягоды собирать. Подходит, значит, к своему малиннику, а там пусто. Ни единой ягодки. Он не понимает, что происходит. В его истории такого еще никогда не было. Правдоподобно описываю?

Кивнула. Слушает. Пока не уловила, к чему это я. Хорошо.

– Идет, значит, к лесной ведунье. Разобраться хочет, что к чему. А та ему говорит: ягоды твои забрал Змей Горыныч. На пару с Кощеем Бессмертным. И бабка там еще затесалась. Ягой кличут. В общем, вся шайка-лейка в полном составе. Это тебе для внушительности литературного сюжета.

Не улыбается. Значит, дело совсем серьезное. Надо стараться с юмором не переборщить...

– Так вот... Чтобы жизнь опять разукрасить малиной, ему, доброму молодцу, предлагается пойти повоевать с этими отморозками. Однако... Есть одна проблема. Небольшая. Но всё же. Описываемый герой ни хрена не добрый молодец. Скорее наоборот, злая скотина. А, если до конца разобраться, так он вообще вонючая мразь. Просто малину очень любит. Но воевать за нее не согласен. Хоть и не имеет пяти гражданств, да и даже двух, и валить от мобилизации не собирается. Просто знает, что его всё равно не загребут. Слишком дорого его шкура ценится в данной конкретной сказке.

Так вот о малине. Герой ведушке в глаза смотрит и смеется. Типа, бабуся, ты что, слабоумная? Ничего полегче придумать не могла? Например, дать взятку одному из тех троих, кто у них там поавторитетнее... Или с автором фольклора договориться, чтобы он как-нибудь сказку переписал. Ну или на худой конец с издателем. С этими – всегда проще. Чтобы просто внесли коррективы перед публикацией. Здесь же главное – цена вопроса. Народ ведь у нас лопоухий, всё равно всё схавает. Да вот только одна беда. И на этого козла нашлась своя управа: ведуша ему досталась непримиримая. Нет, говорит! Ты – зажавшееся чмо, видно, малины-то переёл, раз она тебе так в голову ударила, что ты подзабыл: в русском фольклоре к таким без поблажек. Иди воюй или забудь про малину.

Понемногу стала улыбаться. Хорошо. Струну нашел. Осталось нащупать тональность.

– И чму ничего другого не остается, кроме как или сидеть голодным, или перекрашиваться в доброго молодца. Понимаешь, какие расклады? Даже для сказки несколько бескомпромиссно. А теперь попробуй перенеси в реальную жизнь. Закачаешься. Пошли дальше. И вот, значит, это чмо собирается в путь-дорогу. За своей любимой малиной. Которая раньше ему за дарма доставалась. Шла довеском к контракту. Месячному, с новым секретарем. А теперь вот так обернулось. Дорога, значит, длинная, тернистая. Ведь без колючек, как ты понимаешь, конечный результат не будет иметь

достаточной ценности для того, чтобы эту тупую сказку стали читать. А не будут читать, значит, не будет и продаж. Поэтому, без меча-кладенца, чудо-коня и прочих спецсредств никак обойтись не получится. А уж такая ерунда, как иголка в утке, которая в зайце, который в ларце и на самой вершине дуба – вообще не в счет. Там таких движух по три на каждом перекрёстке. И знаешь, что самое смешное? Пока наш зажавшийся герой воюет со всеми своими тараканами, он реально потихоньку перекрашивается. Видимо, всё же фольклор не с неба берется. Вряд ли в жизни все эти Иваны-царевичи с самого начала были такими сказочно отважными. Просто отчего-то пришлось пойти. У каждого, наверное, была своя причина. А там жизнь заставила подтянуться до уровня. Ведь, когда начинаешь воевать, то очень быстро вытягиваешься. Бытие определяет сознание.

Отхлебнул из чашки. Глаз не отрываю, слежу за реакцией. Пока мой чертёнок не понимает, к чему это я. Хорошо. Чем дольше продержу ее на острие своей сказки, тем лучше. Сказочник, блин, тоже нашёлся. Гипнотизёр...

– И в чём мораль, ты спросишь? А в том, что, когда приходит понимание того, что каким бы ты ни был чмом, без своей малины тебе всё равно не прожить, так что придётся повоевать – твой прежний мир разом обрушивается. И ты находишь себя, стоящим на его обломках, но тебе ни одной минуты не жалко, что это произошло. Наоборот, ты даже рад. Потому что понял, какой лажей всё это было. Тогда

к малине уже совсем другое отношение. Не как к чему-то само собой разумеющемуся, а как к подарку судьбы, которого завтра вдруг опять может не стать. А ты к такому развитию событий уже становишься не готов. Начинаешь кусты удобрять, чтобы исправно плодоносили. Садовников нанимаешь, чтобы вовремя подрезали. Опрыскиваешь, чтобы не дай бог вредители не завелись. И вот как по закону подлости, они, Дашенька, обязательно заводятся. Потому что пока тебе этот куст безразличен, он визуально совершенно здоров. Но стоит внимательно приглядеться, и обязательно выяснится, что что-то с ним не так. Не бывает без неприятностей, жизнь такая. И обычно чем ценнее куст, выше сорт, и ярче вкус ягод, тем серьезнее проблемы. А в данной конкретной сказке оказалось, что ягоды вообще бесценны. Они – молодильные. Съел пару штук – пять лет скинул. Сразу бодр, счастлив и жить хочется. Прикинь, сколько в такой сорт вкладывать надо, чтобы его какая-нибудь мошка не погрызла? Просто авторы из народа в своих сказках об этом не распространяются, страниц не хватит. Но думаю, что и в случае с их молодильными яблоками садовникам редко когда удавалось нормально поспать по ночам. А теперь о финале истории. Если ты думаешь, что я настолько недалновиден, что не смог разглядеть перспектив твоей болезни, то ты меня плохо знаешь.

Замолчал. Дал время на обдумывание. И тогда закончил мысль:

– Не могу тебе ничего обещать. Возможно, если твоя бо-

лезнь зайдет далеко, я к тебе охладею и брошу. С такими ситуациями мне сталкиваться не приходилось. Никто из близких так не болел. Но столь ценных ягод у меня тоже никогда не было. Тем не менее мне трудно что-то тебе гарантировать. Могу тебе точно сказать только одно: сейчас мне кажется, что если с тобой что-то случится, то я немного расстроюсь. Поэтому я намерен сделать всё, что в моих силах, чтобы ничего не случилось. Сама понимаешь, исключительно из эгоизма. Не люблю расстраиваться.

Опять слеза потекла... Моя девочка... Подошел. Обнял.

– Даша... Я без тебя не смогу. Точнее... Смогу, наверное, человек со временем обо всём забывает, приспособливается жить так. Но я не хочу. Ты мне очень нужна. Больная, бесплодная и, что там у тебя еще, что ты в себе держись, боясь, что это что-то изменит в моей голове. Не изменит. А если и так, то только усугубит. Мне так плохо, когда я думаю, что тебе сейчас больно из-за меня. Я бы всю твою боль забрал себе, если бы смог.

Мы молчали. А потом она прошептала:

– Я боюсь...

– Знаю, моя девочка. Давай бояться вместе. Так – менее страшно.

– Ром... Ты ведь... Ну зачем тебе это? Любую выберешь, она за тобой на край света пойдет. И детей нарожает.

– Уже выбрал. Тебя.

– Ты же потом сожалеть будешь, что на такое подписался.

Если сценарий окажется не самым благоприятным. Это же боль, нервы, переживания. Постоянный напряг. Ну ладно, я. Это мое тело, к тому же я уже привыкла. Но даже мне иногда кажется, что я не справлюсь. А тебе-то это зачем? Тем более, сам говоришь, человек обо всём забывает. Просто надо немного перетерпеть.

Отстранился. Ушам не верю. То, что она сказала, прозвучало каким-то диким кошунством. В глаза смотрю. Между радужками перебегаю. А ведь она серьезно! Нет, это не кокетство, Даша не пытается со мной заигрывать, чтобы почву прощупать. Она реально мне это предлагает!

– Даша, вот скажи мне... Что с тобой не так?

Обалдела немного. Непонимание мелькнуло. Не знает, чего дальше ждать. Нет, всё же сумасшедшая у меня женщина... Смотрит, будто ожидая, что я ее сейчас за дверь выдворю и там навсегда оставлю. Всё же соответствующих таблеток пропить надо. Хотя бы коротким курсом. Для порядка.

– У тебя слабоумие? Вроде месяц работы с тобой говорит об обратном... Тогда, может, раздвоение личности? А? Ты между ними, как с канала на канал, что ли, переключаешься? Так ты мне сразу сообщи, сколько их у тебя. Чтобы я прикинул, к чему мне вообще готовиться.

Глазами хлопает. Рот раскрыла. Блин, опять начинается. Даже в такие моменты ее хочу. Вдруг прозвучал ее голос:

– Вообще-то да.

– В смысле?

– Фильм «ДМБ» смотрел?

Теперь я пару раз хлопнул. С ней, блин, точно не соскучишься...

– Да... а что?

– Сцену про суслика помнишь?

– Только её все и помнят. А...

– Вот у меня тоже самое. Только вместо суслика – гном.

Теперь моргнул раз пять. А, может, и больше. Времени считать не было. Просто стоял и фигел понемногу.

– Не понял?!?! ...

Вздохнула. Будто слабоумный здесь я. Непонятливый тоже нашелся. Простые вещи, а надо объяснять.

– Внутри меня живет существо. Ну, это абстрактно, конечно. Но можно сказать, что в определенном смысле это похоже на раздвоение личности. Я его себе представляю в виде гадкого маленького гнома. Как двёрги в немецких Эддах. Он постоянно пытается убить во мне надежду. С самого детства, когда я его в себе впервые сформулировала. Но надежда всё равно пока живет.

Это нереальная женщина... Нет, просто невозможная... Она и об «Эддах» знает! И это в двадцать пять лет!

Минуточку...

Вашу мать...

Я же профукал ее день рождения!!!! Первого января!!!
Моей девочке двадцать шесть!

– Дашка! Поехали тебе подарок покупать?

Опять брови съехались. Не поняла. Держись Ромка... Хотя... Зачем?

Поцеловал. Да, Дашенька, всё, как я умею. Хватит разговоры разговаривать. Пора гнома выселять. За сто первый километр.

1. Сценарий номер один. Пессимистический

Это случилось ночью. В день полнолуния. Наверное, всё же в этом явлении есть что-то мистическое. Не зря любовь всей моей жизни сравнивала меня с полной луной. И она выбрала именно этот день для своего ухода. Зарубку в календаре оставила. Пожизненную. И в моем сердце. Которое теперь больше никогда не будет биться о жизни. Оно набат будет стучать. До конца моих дней на этой поганой земле.

Я вышел на балкон. Здесь мы любили стоять с ней в обнимку. Одну руку я клал ей на шею, тонкую словно дальняя дорога моей жизни, если взглянуть на нее из космоса. Оттуда ведь постоянно кто-то смотрит на нас? И смеется. Таки-ми мы ему кажемся... Недалекими... Со своими планами на будущее, пустыми надеждами и невыполненными обещаниями.

Я ведь обещал ей, что всё будет хорошо!

Я и себя убедил в этом... Дурак... Как же больно!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Жизнь теплилась в ней еще десять лет, если вести отсчёт от той точки, в которой сошлись две наши жизни, сплетаясь в одну судьбу. Стремительные десять лет, будто я их и не прожил вовсе, настолько быстро они пролетели. Кто-то скажет

– счастливцев! Всевышний дал тебе десять лет невозможного счастья, а тебе и этого мало? Будет прав. Но мне всё равно. Радость прожитых вместе дней не способна компенсировать боль утраты. Лучше бы я и не знал вообще, что так бывает. Сравнить было бы не с чем.

Даша всегда говорила, что мы, люди, в массе своей очень наивны в осознании себя и своего места на брэнной земле. Она считала, что за одно только это над всеми нами и висит вечная кара Божия. Мы не можем уразуметь главного: жизнь – фатум, а люди – песчинки на рабочем столе бытия. Не более и не менее. А мы всё продолжаем жить иллюзиями. Причем у каждого они свои, но всё же суть не меняется. Это лишь заблуждения. Одни стремятся в космос, познать другие вселенные. Другие воюют друг с другом, ведя одну нескончаемую войну, истребляя себе подобных. Третьи строят планы на то, как провести отпуск с любовниками, пока мужа-жены в отъезде. А потом вдруг раз! И нет любовника. И отпуска нет. Или мужа. Что еще хуже. Ведь отпуск спонсировал как раз тот самый самоуверенный роконосец. И не только отпуск, к слову, будет сказано. Поэтому при последнем раскладе любовников тоже резко сдувает со стола бытия. Как и хлеб насущный.

Дашенька всегда это понимала. Люди – вечные искатели истины, в своей массе не в состоянии ее постичь. А она проста как песня: живи и радуйся каждому дню, который тебе отведен, тогда будет тебе и космос, и твоя персональная вой-

на, и отпуск с любимым. Всё, что захочешь. Только выбирай.

Ее не стало под Рождество две тысячи тридцать третьего года. Любовь всей моей жизни умерла, не дожив всего часа до благословенного праздника. Причину никто определить не смог. Просто перестала дышать. Моя девочка... Я-то знаю в чём дело. Она устала от боли. Не смогла больше заставлять себя продолжать эту борьбу.

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица

Несется вскачь!

Кажется, это Блок о битве с Мамаем писал, что же, у Дашеньки было своё Куликово поле. Длинною в жизнь... Она любила это стихотворение. Говорила, что оно про нее. Не смогла победить в себе татарского ига. И оно забрало к себе любовь всей моей жизни.

Слаб человек, когда стоит перед лицом судьбы-злодейки. Ничего не может противопоставить. Потому что ему нечего предложить соизмеримого. Чем ее заинтересовать? Как подкупить или хотя бы умаслить? Да что там, как хотя бы пощады вымолить? Никак. Всё в ее руках. Мы – лишь сторонние наблюдатели за своими собственными жизнями.

Мы так и не смогли найти причину болезни Дашеньки. Моя девочка просто продолжала разрушаться. Дважды в год мы клали ее в стационар на физиопроцедуры. Это сильно помогало откатить боль, загнать ее под половик, как Даша любила выражаться. Но процесс был неумолим. Она терпела. И почти никогда не жаловалась. Но иногда в глазах по-

являлось то самое, невыносимая вселенская грусть, от которой мне хотелось, разбежавшись, прыгнуть со скалы. Но я тоже терпел и виду не подавал. Ей и без меня хватало нервов. Лучше было лишний раз состроить непонятливого. И я каждый раз разбегался... мысленно. А ей лишь улыбался и целовал.

Иногда она всё же не сдерживалась и вдруг, ни с того ни с сего начинала реветь. Резко, порывисто, разразившейся бурей. Это так боль выходила, когда ее скапливалось слишком много. Потом Даша успокаивалась. Также резко. Я снова обнимал. И целовал. А потом, когда боль отступала, делал ее своей. Снова и снова. Я ведь так и не перестал ее хотеть. Как можно было, когда каждый день не покидала мысль о том, что когда-нибудь во вполне обозримом будущем это может кончиться? И я брал всё что мог, пока у нас было время. И отдавал. Всего себя. Боже Всевышний, какое это было счастье!

Иногда она тихо плакала. Я слышал. А порой даже чувствовал, как это хрупкое тело, сравнимое разве что с ломким весенним льдом, тело, которое я удерживал в своих руках, начинало тихо содрогаться. И мне хотелось завывать. Но я делал вид, что сплю и не слышу. А утром принимался отважно сражаться со злобным гномом, в выселении которого мне так до конца и не удалось преуспеть. Едва у меня что-то начинало получаться, болезнь снова давала о себе знать. И это мерзкое существо возвращалось на свое законное место:

В последний раз я так орал тогда, в Варзуге, в поле.

– Да-а-а-а-аш-а-а-а-а! Да-а-ше-е-ньк-а-а-а-а!

Я проснулся. Резко. Весь холодным потом покрыт. Быстро перевернулся на другой бок. Спит, зазноба. Жизнь моя целая, в одеяло укутанная. Вся жизнь, заключенная в маленькой хрупкой оболочке. Как смерть Кашея, иголка в яйце. Только еще более ломкая. И я – такой-растакой, ее даже не обнимаю! Совсем сдурел, братишка? А ну-ка, давай, иди потрудишься! Отрабатывай свое счастье, пока беды не накликать.

– Дашенька!

Тихо прозвучало, мягко. Чтобы не разбудить. Но держать в себе не могу. Надо выговориться.

– Девочка моя ненаглядная! Как же я люблю тебя! Ты себе не представляешь...

Поцеловал, к виску прижался. Моё любимое место. После шеи. И груди, и сосков. И пупка, и пальчиков. Всю ее люблю. Не разобрать даже, где любимое место.

Не проснулась. А у меня опять друг напрягся. Ничего. До утра потерпит. Нет ничего более святого, чем сон зазнобы. Он – это ее здоровье. А ее здоровье – это для меня целая жизнь.

2. Сценарий номер два. Оптимистический

Это произошло днем. Солнце стояло в зените. Было ясно, тепло и зелено, ничто не предвещало беды. Раздался крик. Я напряглась всем телом. Сережа? Или Игорь? Нет, всё же Серёжа. Побежала. Не помня себя от беспокойства.

Да, не послышалось. Сережа лежал на земле, придавленный лошадьё. С этой точки не было видно, насколько всё серьезно.

– Что придавило? Только ногу?

– Да, мама, но не переживай, я в порядке. Помоги Мамаю встать. Он себе что-то повредил. И это же надо было, за два дня до чемпионата!

– А как нога?

– Пока не понял. Но не думаю, что что-то серьезное. Мамаю, похоже, больше досталось.

Со стороны уже бежал тренер.

– А ты-то как услышала? Ты же далеко была?

– Ох, Серый, ты меня когда-нибудь всё же доведешь до инфаркта... Не успели тебе левую ногу залатать, как ты за правую взялся... А Игорь где?

– Ускакал, лохматый! Переиграл меня. Я ему проспорил.

– Как же вы достали со своими спорами! Уж лучше бы

на девушек спорили, как все нормальные мужики в вашем возрасте. А вы всё – на собственные головы.

– Нет, маман, на девушек спорят только свиньи.

– Знаю. Но я бы сейчас, пожалуй, не отказалась от сына-свиньи. Зато с головой на положенном месте.

– Врёте, маман, не предпочли бы. Лукавите-с.

– Ох, и обалдуй ты, Серый, волчара недобитый. Весь в отца.

Вечером вместе ужинали. Рома вернулся из командировки. Двое обалдуев больше веселились, чем ели. Хотя веселиться было нечему. Мамай действительно получил травму, не очень серьезную, но всё же Сережа этот старт пропускал. Ох, и легкомысленный же у меня первенец! Весь в Евгению так ее Анатольевну! Надо было Женей называть, но кто же знал... Одно точно: по описаниям Ромы его отца – этот субъект на того похож не был. А вот Игорь был просто вылитый мой папа. Хоть здесь угадали. И как такое возможно, что два однояйцевых детеныша, вылезших из меня с разницей всего в полчаса, так сильно друг от друга отличались? Пробирочные, наверное, поэтому. Других объяснений я не нахожу.

А на счастливого отца посмотрите! Даже не пожурил для порядка! Хотя, справедливости ради, журить их было не за что. Обычная тренировка. В спорте всегда что-нибудь случается. Тем более госпожа Чернова им это постоянно долдонит. Практически рта не закрывая! Приучила к мысли, что

они никогда ни в чем не виноваты. Просто овечки! Только шкура волчья всё равно из всех щелей вылезает. Особенно у Сережи. Всё же на его фасад это имя хорошо натянулось. На деда, может, он и не очень похож, зато вылитый Серый. Волчара наглomorдая. Клевый, зараза.

– Теперь вся надежда на Тохтамыша. Не подведи, Игорь.

И всё-таки, судя по этой реплике, Рома волнуется. Зря, что ли, столько вкладывал в заводчицкую ферму? Два этих жеребца – тоже двойняшки. Первой руки. Чемпионами им, конечно, не быть, но всё же за подиум могут попробовать зацепиться.

– Не подведу, не беспокойся. Достало вечно быть вторым. Серый усмехнулся.

– Смотри не надорвись!

– Ты ешь давай, лузер. Тебе только есть в жизни теперь и осталось.

Нет, всё же здоровая конкуренция – это здóрово. Классные у нас с Ромой лбы выросли. Если что – порвут друг за друга. Потому что любят. И с детства знают, что нет ничего дороже семьи. Моя орда! Хан Роман и два его сына. Моих сына. До сих пор не верится! Им уже по двадцать пять! Почти столько же, сколько было мне самой, когда я их родила. Мы же с Ромой с первой попытки экстракорпорального оплодотворения вот этих лоботрясов на свет воспроизвели. И теперь у меня трое мужчин. Три белых коня. Святая тро-

ица. Как в юности. Моя всё же это цифра. Сакральная, данная свыше. Спасибо Всевышнему, что отпустил. Не отдал на растерзание Мефистофелю. Болезнь после родов отступила. Почти не беспокоит теперь.

Наверное, надежда побеждает всё. Только надо верить по-настоящему. И бороться:

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

Моя орда. Мамай и Тохтамыш. Возможно, кто-нибудь их них всё же станет чемпионом. А если нет, не беда. Мы всё равно семья чемпионов: отец – генеральный директор, мать – победила смерть, а двое сыновей – родились, хотя и не должны были родиться ни при каких раскладах. И все мы любим друг друга. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь итогом жизни господина Чернышева станет такая вот картина? Мой любимый такого точно не предполагал. Странная вещь, фатум. Судьба не всегда бывает злодейкой.

3. Сценарий номер три. Промежуточный. От лица автора

В моем любимом фильме по роману Джейн Остин «Гордость и предубеждение», мини-сериале производства тогда еще сносной конторы под названием Би-би-си, ведь в те времена они не перекрашивали главных персонажей классических романов в негров, педофилов и представителей сексуальных меньшинств, финальная сцена – эталон счастливой развязки художественного произведения. Две только что обвенчавшиеся молодые пары выезжают из церкви в свадебных каретах, и главные герои, любовно заглядывающие друг другу в глаза – целуются. Занавес!

А я вот думаю... И всё? Это ли конец? И где он вообще, конец истории?

Надо поразмышлять. Итак...

Он – явно не подарок. Характер у товарища тот еще, хоть он там что-то и осознал. Она, скажем прямо, – тоже не идеал своего времени. Жесткая, непримиримая, прямолинейная до такой степени, что ни в чём себе не отказывает. А нравы современников за пояс не заткнуть. Тогда так принято не было. Да, в общем-то, это и сейчас не очень принято. Сегодняшний мужчина тоже не отказался бы, если бы его пронесло мимо такого экземпляра прекрасного пола. Сговорчивые

– они всегда предпочтительнее. Просто не всегда пронесит. А там уж ничего не поделаешь...

Так вот эти двое начинают совместную жизнь. Она – со всем набором своих родственников, которые после благословенной даты венчания никуда не делись, он – со своим багажом. И что ждёт молодых в ближайшем будущем?

Попробуем представить.

Не столь удачливые сестры в полном составе плавно переезжают со всем своим скарбом в поместье мистера растак-его Дарси. Плюс внушительным довеском – мать. Да, возможно, не на пожизненной основе, но их там – три плюс одна, так что расписание гостевых визитов можно составить таким образом, чтобы гостить можно было, не пересекаясь, двадцать четыре на триста шестьдесят пять. Сначала у одной из удачливых сестер, а потом и у другой. И если недалекий мистер Бингли, возможно, даже не заметит этих «гостевых визитов», хотя и в его случае там собственные сестры осата-неют, так что и этому облаку в штанах может достаться, то в случае с мистером растак-его Дарси сомневаться не приходится: он в восторге не будет точно. И то, что казалось ему всеобъемлющим счастьем на первых порах, постепенно может перестать доставлять радость. Ведь человек, как известно, ко всему привыкает. Он уже получил свою ненаглядную Лиззи, да, пусть это казалось невыполнимой задачей, недостижимой мечтой, но когда-то тогда, в недалеком прошлом, сейчас же тот период превратился в историю. Каждый новый

день совместной жизни притупляет чувство желания, осознания бесконечной ценности и ощущения непостижимого счастья. Они вместе. А, значит, так и должно было быть. И все ее качества, которые муж так ценил в начале, постепенно переходят в разряд повседневности. А вот раздражение, которое он испытывает от ее родственников – это совсем другое. К такому не привыкают. Так что наш прекрасный герой вполне может начать охладевать. Не потому, что он козел, или недостаточно ценит свою Лиззи. А просто потому, что так устроена жизнь. Он ведь в этом не виноват?

Но у нас на рабочем столе бытия есть еще и его родственники, которые от Дарси отказались. А еще – общество, которое его поведение осудило. Он пошел на неравный брак, а это преступление против человечества, ведь нельзя покушаться на многовековые английские моральные устои. Сейчас нельзя, с их насаждением нам всех возможных непопулярных от ювенальной юстиции до закрепления педофилии на законодательном уровне как нормального явления, и тогда было нельзя. Они просто – главные на этой планете. ГлавнЮкИ, как однажды их назвал ушедший из жизни юморист-философ Михаил Задорнов. Все должны подчиняться их воле просто по умолчанию. И чужие, и в особенности свои. Такие расклады тоже не облегчат молодым их совместной жизни.

Теперь Лиззи. Достаточно вспомнить только одну сцену: как она пережила разговор с леди Кэтрин. Ее колотило. По-

тому что девушка уродилась не английского толка. Не зря это произведение так любимо в России, оно близко нашему чувственному менталитету. У девчонки тахикардия зашкаливала, небось несколько ночей потом на таблетках сидела, чтобы хоть как-то уснуть. А нервы – это разрушение организма, от них мы потом болеем. И что? Кто-то наивно полагает, что тот разговор с тёткой Дарси был в ее жизни единственной неприятной стычкой с представителями света? Вряд ли. Скорее, он лишь предвещал новый сезон дискуссионного клуба, где главной темой была неосмотрительная связь достойного представителя общества с искательницей легких денег. Конечно же недостойной. Ведь в ее внутренностях там никто копать не собирался. Происхождения Лиззи было достаточно для того, чтобы поставить на ней пожизненное клеймо.

Ну и как наши молодые будут жить? Счастливы? Возможно. Да, бывают пары, которым удается наплевать на все условности и просто жить своим закрытым мирком. Но на этих двоих я бы не поставила. Дарси слишком похож на типичного представителя английского света, но даже его я не сделала бы слабым звеном в этой паре. Он – влюбился, и вполне мог остаться верным этой любви. А вот Лиззи... С ее склонностью к размышлениям, самокопанием и излишней эмоциональностью, не принятой в том мире, куда она попала... Нет, она, наверное, стала бы страдать. Каждый день. Наблюдая за тем, во что превратилась жизнь ее любимого

из-за того, что он остановил свой выбор на ней. Но это лишь частное мнение вашего покорного слуги, не претендующего на то, что оно – истина в последней инстанции.

В те времена разводов не было, так что существовало два варианта развития событий: ранняя смерть одного из супругов, освобождающая второго от брачных уз, что уже само по себе не больно оптимистично, или долгая совместная жизнь. Более вероятно, что они продолжали жить вместе. Другой вопрос, была ли эта жизнь счастливой, или она постепенно начала тяготить их обоих. Я для себя ответа на этот вопрос так и не нашла. По крайней мере, из того, как мисс Остин прописала нам данных героев, однозначного вывода у меня не вытекало. Так что финальная сцена в карете лично для меня не является развязкой данной истории. Мне думается, что конец там не столь очевидный.

Например, он мог быть таким:

После семи лет брака муж и жена стали отдаляться друг от друга. Появились дети, которых они очень любили, но всё же большую часть времени с ними проводила она. Он же предпочитал уединение в собственном кабинете, где имел возможность отдохнуть от постоянного гвалта: невыносимого коктейля из голосов троих детей, трех сестер, гувернанток и возлюбленной матери своей возлюбленной. В свет он почти не выходил. Жене было не до того, она постоянно рожала, да их и не принимали. С родственниками он отношения прервал. Оставался лишь Бингли, но и с тем они виделись

редко, ведь семейство Дарси жило в Пемберли, а Бингли в основном обитал в Лондоне.

Как итог: одиночество для мужа и вечный долг перед своей семьей для жены, от которого она бы предпочла отказаться. Так – эти двое жили вместе, но при этом непостижимо порознь. Родства душ так и не произошло.

Или вот еще один сценарий:

Дарси, ставший отцом, настолько размяк, что превратился в образчик человеколюбия. Теперь он души не чаял в своих теще, тесте, как там называют сестер жены – не знаю и не хочу знать, так что пусть остаются сестрами жены. И в своих детях тоже. Всех обожал. А однажды поехал к тётке мириться и с той. Она сильно сопротивлялась, но Дарси был настойчив: он привязал родственницу к стулу и насильно увез ее в Пемберли, где сделал частью их ежедневных семейных собраний. Та однажды умерла от разрыва сердца. Так она понесла наказание за свою гордыню. Правда, оно настигло ее в очень уже преклонных летах, но лучше поздно, чем никогда. Тогда на замену жестокосердной тётке, Дарси привёз ее дочь. К тому моменту девушка со слабым здоровьем всё же умереть не успела. Себе на беду. Так она и стала частью их большой и дружной семьи.

Лиззи, нарожавшая десятерых, располнела, смягчилась и сделалась добрее своей ангельской старшей сестры Джейн. В общем, семейство Дарси переплюнуло даже блаженных Бингли. Они купили одно поместье на два клана, и стали

жить большой недалекой семьей.

Занавес!

Даже если кто-то из читателей заподозрит меня в излишнем скептицизме, надеюсь, после прочтения обеих версий развития выбранного мною классического сюжета, никто не поспорит с тем, что второй вариант выглядит абсолютно неправдоподобным. Хотя в жизни возможно всё. Но даже самые яростные оптимисты согласятся, что на его фоне мой первый вариант, не совсем радужный, смотрится достаточно правдоподобно.

А теперь к истории Романа и Дарьи, не вполне выдуманной и даже частично имеющей место быть. И к промежуточному варианту развития событий, который может сочетать в себе любой набор оттенков из первых двух сценариев. Жизнь – не беговая дорожка. Никто из нас не пробегает свою дистанцию по строго обозначенным правилам. Иногда она – это спринт, иногда – марафон. Бег с препятствиями, эстафета, и всё в рамках одного и того же забега. Соревнования с самим собой.

Даша – больна. Или не очень. Она бесплодна. Или неокончательно. Любит Романа. Или ненавидит его окружение. Может с этим жить. Или точно нет.

Роман – влюбился. Или это не навсегда. Они поженятся. Или разведутся. Будут жить дружно. Или однажды убьют друг друга. Останутся счастливы. Или охладеют.

Исход всегда зависит от двоих: любовь – это игра, но только обоюдная. Финальный счет этого поединка определяется только тем, как играла каждая из сторон. И, конечно же, никто не отменял третьего игрока, того, кто и дергает всех нас за ниточки. Фатум. Помните об этом, влюблённые! Всё только в ваших руках! Хотите быть счастливыми – будьте. И цените каждый день жизни, который вам отведен. Если это закончится, то, возможно, никогда уже более не повторится. Ведь жизнь – не книга. Ее нельзя переписать как вздумается. И фатум тоже никто никогда не отменит. Его не переиграть. Так что не надо с ним заигрывать.

4. Предполагаемая концовка

Роман взял отгул. Просто поставил перед фактом. На встречу в Курбева полетел Летучий и один из их ведущих переводчиков. С Викторией он контракта не продлил, оставил Катю. Последняя оказалась вполне сносным секретарем. А хождения в кабинет, что же, такова, видно, была его планка. Нет, он всё же уговорит зазнобу вернуться! А Катю отдаст Летучему. У того как раз увольняется помощник. Но сейчас было не до таких мелочей, как дележка ассистентов.

Роман хотел прилететь еще в начале июня, но, как всегда, закрутился. Дашенька ругалась. Сильно. И достучалась. Он пообещал, что еще немного раскидает дела, и они тут же полетят. Но, как назло, случилась авария на одном из объектов. Роман тогда десять суток даже не ночевал дома. Он уже и не помнил, когда в последний раз улетал на объект так надолго. Зазнобу не взял. Нечего ей было там делать. Тем более она должна была начать проходить интенсивный курс физиотерапии, так что в этом смысле всё удачно совпало. Роман звонил каждый день. С утра, потом днем, потом вечером. И перед сном, если только не валился с ног от усталости – тогда просто отправлял голосовое. Ужасно скучал, думал не выдержит. Это было впервые, когда он уехал от Даши так надолго, если не считать их двухнедельного новогоднего расставания.

И вот, стоило ему вернуться, как эта неожиданная новость: дядя Петя совсем плох. Роман взял билет в один день, и они с Дашей полетели.

В Варзугу прибыли двадцать первого июня. Это был самый длинный световой день года в северном полушарии. День летнего дарьестояния. Его солнце светило над Варзугой так ярко, что Роману слепило глаза, но внутри всё же что-то поднывало. Он боялся, что не успеет показать это солнце Петру Прокофьевичу. Он должен был успеть.

Едва подъехав к дому дяди Пети, оба поняли, что опоздали. Возле входа было много людей. Пришли почтить память. Новость быстро разлетелась. Хранитель Варзуги умер три часа назад. Кто же теперь будет служить этому месту, его родине?

Вошли в дом. Тут же столкнулись с детьми дяди Пети и тети Вени. Сын и дочь тоже приехали. Они – успели, а он – нет. Поздоровались, обнялись. Молча. Женщина плакала, а сын держался, но тоже был бледен и хмур. Когда уходят такие люди, никому не важно, что они долго пожили. Всё равно недостаточно. Им бы жить двести лет, тогда, возможно, они успели бы воплотить в жизнь хотя бы половину задуманного. Это служители. Им и срок должен быть отведен совсем другой.

Роман почувствовал, как в горле снова заломило. Ком. Как тогда, в январе. Как же так? Он опоздал...

Возле кровати сидела Венера Мефодьевна. Точнее ее

тень. Подошел, сел на корточки.

– Тетя Веня... Я не успел...

Обнял. Старушка, будто за несколько часов прибавившая десяток лет, машинально обняла его в ответ. Похлопала по спине.

– Годы! Они берут своё. И моего Петеньку вот забрали. А меня оставили.

Тихо заплакала.

До следующего дня Венера Мефодьевна не дожила. Умерла ночью. Остановилось сердце.

Стариков хоронили вместе. На том самом кладбище, где лежали все их варзужские предки. Там, где покоилась и мать Романа. А отец вот в Мурманске. Нет, этих двоих разлучать было никак нельзя. Они прошли всю жизнь рука об руку и, как в сказаниях, жили долго, счастливо и умерли в один день. Роману как-то странно, но вдруг полегчало. Он подумал, что для его любимых стариков это был величайший дар свыше. Печально было бы видеть их порознь. Теперь же всё сложилось самым естественным образом. Его стало понемногу отпускать.

Даша плакала. Она никогда не видела этих людей, но плакала. Так искренне, что Роман тоже заплакал. Подошел, обнял зазнобу и прошептал туда, где висок сливается с ухом:

– Я так люблю тебя... Выходи за меня!

Она обняла и крепко прижалась. Ничего не ответила. Это

и был ответ.

Так они и стояли возле могил хранителей Варзуги, обнявшись и плача. А им в макушки светило его солнце. Самый длинный день две тысячи двадцать третьего прошел. Теперь год пойдет на убыль. Но впереди долгая жизнь. И в ней дни будут лишь прибавляться. И свет. Только надо стать его хранителем. И Роман станет. Точнее, он уже хранитель.

На поминках все спрашивали об одном: как же теперь Варзуга будет без этих стариков? Ответил сын:

– Я с семьей перееду. Мы уже решили. Буду дело отца продолжать. Игумен, можете?

Митрофан кивнул.

– Это – дело. Родители бы оценили.

Позже мы пришли в новый храм. Он еще не открылся, но постепенно шла подготовка. Зазноба стояла с открытым ртом. Не знала, на чём взгляд остановить, так и крутилась вокруг своей оси. Потом запрокинула голову, завела скрещенные ладони за шею и положила ее на эту импровизированную площадку.

– И всё это их работа?

– Ну, не всё, конечно. Но многое они с Митрофаном сами построили, это правда. Над храмом трудились областные реставраторы, художники. Но Петр Прокофьевич был одним из вдохновителей.

– Знаешь, Рома...

Подошла, за воротник рубашки взяла. Вниз смотрит. Красивая, что сдохнуть можно! От счастья.

– Ты не переживай так. Мы успели. Я его лицо на всю жизнь в памяти запечатлела. А какой он был человек представляю так явственно, будто всю жизнь с ним в соседних домах прожили. Даже голос его слышу. Сейчас вот в голове раздаётся. Уверена, что он так и звучал при его жизни. Иначе просто и быть не может.

Подняла взгляд. Роман снова забегал между радужками. Как поверить в то, что он ее нашел? Или она его? Но факт: они вместе. Это не могло быть случайностью! В сердце созрела уверенность, что всё непременно будет хорошо. Иначе просто и быть не может.

Даша закончила свою мысль:

– Так что он смотрит на меня. Сейчас. Прямо оттуда, из глубины этих куполов. И разговаривает со мной. Ты успел.

Вернувшись в Москву, Даша устроилась в Росприроднадзор. Люди Романа в Администрации договорились. Лучший переговорщик, какого он только встречал, согласился взять на себя главную миссию его собственной жизни: начать восстановление тысячелетней экосистемы реки Варзуги, вернуть ракушку-жемчужницу и колонию сёмги в родные пенаты. Что же делать, если так вышло, что именно этой женщине суждено было стать пророком-спасителем его грешной ду-

ши? Два лица в одном. Теперь всю жизнь будет за него отдуваться. Не всё же одному Петру Прокофьевичу с семейством трудиться? От Чернышевых тоже нашелся желающий.

Роман и Дарья поженились почти сразу. Тихо. На бракосочетании со стороны невесты были только ее родители и Лена, а со стороны жениха – Летучий и... бывшая жена Романа и его дочь. Вот такая странная вышла свадьба. Как прощёное воскресенье. Церемония примирения всех и вся. После оглашения пожизненного приговора Софья подошла первой. Она сказала:

– Что же... Как ни странно, но я рада знакомству... Интересно было близко посмотреть на женщину, преуспевшую в изгнании дьявола. Очень приятно, Софья Белова...

Зазноба улыбнулась.

– Дарья Чернышева. В девичестве Чернова.

– Ах, да... Теперь ясно.

Даша улыбнулась сильнее:

– Помните, как Воланд сказал Маргарите: «Каждое ведомство должно заниматься своими делами».

Софья посмотрела на Романа:

– Откуда ты только таких секретарш достаешь? Образованных.

Они улыбнулись друг другу, и Софья его обняла.

Чуть позже они обвенчались. Девятнадцатого сентября, в

воскресенье, в церковный день памяти святых князей Петра и Февронии, установленный священным Синодом. Церемония прошла в Никольском храме, недавно открывшем свои двери для прихожан. Венчал Митрофан. А позже, за праздничным столом, собралось всё потомство Петра Прокофьевича и Венеры Мефодьевны в полном составе: сын с женой и двумя детьми и дочь с мужем и маленьким сыном. Вспомнилось это:

– Люди придут, дети, пусть знают, как жили их предки. А для меня жизнь продолжается в новом поколении.

Выпили за души предков. Пусть земля будет им пухом. А Роман и Дарья Чернышевы останутся на посту. И постараются быть достойными тех корней, из которых они произросли.

КОНЕЦ КНИГИ

Шестнадцатое февраля две тысячи двадцать третьего года